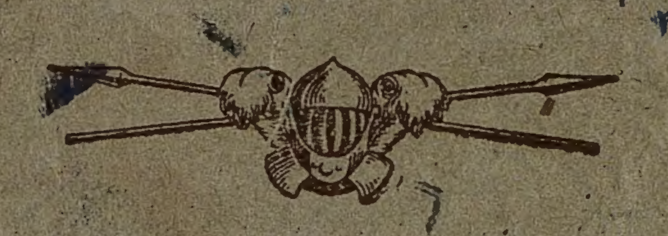
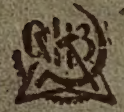
…ВСКИЙ и О. В. ТРАХТЕНБЕРГ

ИСТОРИЯ

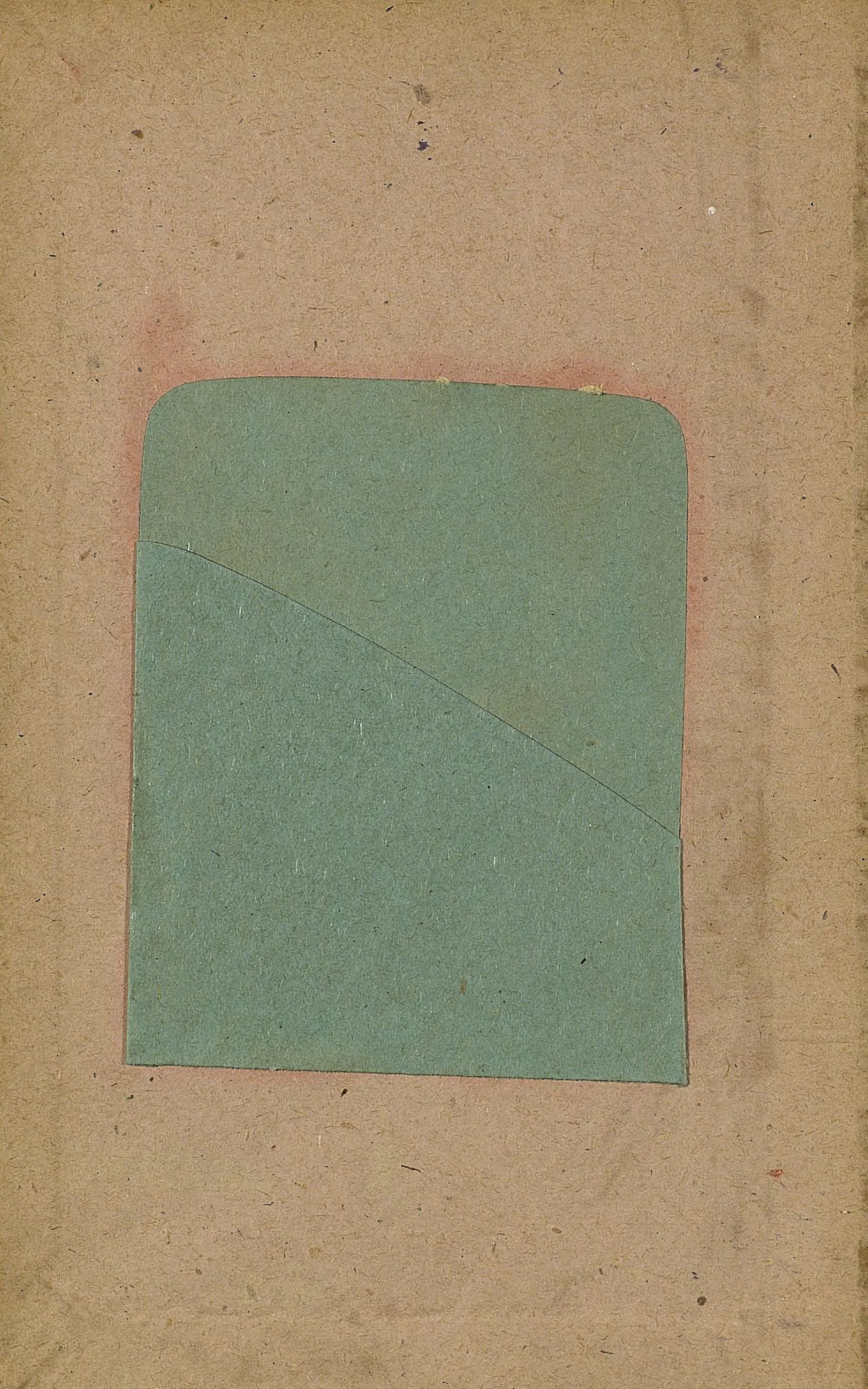
ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

УЧЕБНИК ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ





ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА




107



А. И. ГУКОВСКИЙ и О. В. ТРАХТЕНБЕРГ

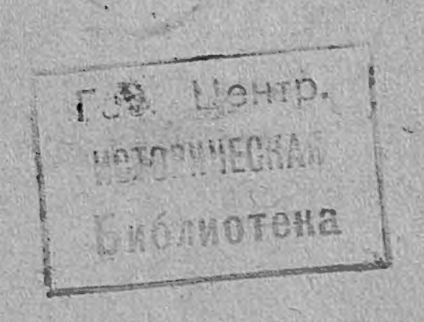
ИСТОРИЯ

ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

УЧЕБНИК
ДЛЯ 6-го и 7-го КЛАССОВ
СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Издание второе

ДОПУЩЕН НАРКОМПРОСОМ РСФСР

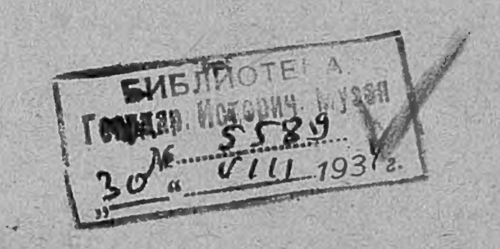




ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1934

В составлении этого учебника, кроме А. И. Гуковского и О. В. Трахтенберга, принимал участие В. Н. Бернадский, которым написаны главы по русской истории.





Отв. редакторы *В. И. Лебедев* и *И. М. Розенталь.*
Технический редактор *М. П. Ткачуков.*

Сдано в набор 13/IV 1934 г. Подписано к печати 7/VI 1934 г.
Формат бумаги 62×94 1/16. Тираж 350 000 экз. (201—350 т.).
Издат. листов 16. Авт. листов 19,26. Бум. л. 8. (104 000 печ. зн. в 1 бум. л.).

У-22. Учпедгиз № 5802. Ленгорлит № 14950.
Заказ № 1804.

Бумага Окуловской фабрики.

2-я типография „Печатный двор“ треста „Полиграфкнига“. Ленинград. Гатчинская, 26.

ГЛАВА I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ.

§ 1. Разложение рабовладельческого строя Римской империи.

В первые века нашего летосчисления весь юг и почти вся центральная часть Западной Европы, все северное побережье Африки, Сирия, Малая Азия, Закавказье, Месопотамия входили в состав Римской империи. Ее границы раскинулись от западного побережья Британских островов до Персидского залива и от Гибралтара до Днестра.

Каково же было состояние этого огромного рабовладельческого государства?

Оно переживало жесточайший кризис.

Начиная с III в., повсюду чувствуется хозяйственный упадок, особенно заметный в западных частях Римской империи. Слабеют экономические связи между различными частями империи. Затихает движение грузов по многочисленным римским дорогам. Резко сокращаются торговые обороты. Расстраивается и сокращается денежное обращение. Городская жизнь замирает. Население городов уменьшается, многие жители уходят в деревню, города приходят в запустение. Повсеместно замечается упадок римской торговли. В Галлии, на севере Африки, в Греции, в Македонии, в Малой Азии римские купцы, когда-то монополисты, играют теперь все меньшую и меньшую роль.

Столица империи — Рим — постепенно перестает играть роль огромного административного центра, откуда шло управление всей империей. Население Рима сокращается в несколько раз. Падает и его культурное значение.

Рим начинает заметно беднеть. Правящие классы не хотят, однако, отказаться от пышной жизни, и богатства, накопленные вековыми грабежами, растрачиваются теперь и идут в уплату за предметы роскоши, приобретаемые обычно на восточных рынках. Средние же слои населения идут по пути обнищания. Кризис дает о себе знать во всех отраслях общественной жизни. Везде чувствуется упадок. «Всеобщее обеднение, ухудшение путей сообщения, упадок ремесла, искусства, уменьшение населения, упадок городов, возвращение земледелия на низшую ступень — вот конечный результат римского мирового господства».

В таких выражениях Энгельс рисует картину упадка Римской империи. Этот упадок ускоряется постоянными восстаниями рабов. Восстания рабов были революциями, которые разрушали рабовладельческое общество и расчищали дорогу новому общественному строю.

«Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплоатации трудящихся. Но вместо рабовладельцев она поставила крепостников и крепостническую форму эксплоатации трудящихся. Одни эксплоататоры сменились другими эксплоататорами. При рабстве «закон» разрешал рабовладельцам убивать рабов. При крепостных порядках «закон» разрешал крепостникам «только продавать крепостных» [1].

Колонат. С особенной силой кризис рабовладельческого строя был заметен в сельском хозяйстве. Общий хозяйственный упадок, расстройство торговли и обезлюдение городов делают затруднительной продажу сельскохозяйственных продуктов. Огромные латифундии, основанные на рабском труде, перестают приносить доход. Теперь может себя окупить только мелкое хозяйство. Поэтому имение за имением разбиваются на мелкие участки, так называемые «парцеллы». Эти участки сдаются наследственным свободным арендаторам, или издольщикам, которые уплачивали ежегодно определенную долю урожая землевладельцу. Но чаще всего парцеллы передаются колонам. Колоны были прикреплены к земле, и их можно было продавать вместе с парцеллой. Но колоны вели свое хозяйство и этим отличались от рабов.

По словам Энгельса, «античное рабство пережило себя». Рабский труд утрачивает своё былое значение. Его в значительной степени заменяет колонат.

Колонат поглощал не только бывших рабов. Он распространялся все шире и шире и охватывал мелких, еще недавно свободных крестьян. За невзнос арендной платы или за неуплату долгов крестьяне попадают в зависимое положение от крупных землевладельцев, постепенно теряют свободу и становятся колонами.

Патронат. Сказанное до сих пор относится, в первую очередь, к центральным частям Римской империи, к пределам современной Италии. Но колонат распространялся и во многих провинциях, в частности в Галлии, относительно которой у нас сохранилось больше всего сведений. Наряду с колонами здесь существовали, правда, уже очень малочисленные, свободные мелкие крестьяне. Их положение было очень тяжелым. «Чтобы обеспечить себя, — читаем мы у Энгельса, — от насилий чиновников, судей и ростовщиков, они часто прибегали к защите (или, как говорили в то время, к патронату) кого-либо из сильных мира сего. Так поступали не только отдельные крестьяне, но и целые общины... Но находили ли защиту искавшие ее? Патрон ставил крестьянам условия, чтобы они переводили на него право собственности на свои участки земли, взамен чего патрон обеспечивал им пожизненное пользование этими участками».

Патронат давал земельным магнатам и наиболее важным чиновникам огромную силу. Патроны вооружают своих клиентов (так называли тех, кто отдавался под власть патрона) и, опираясь на них, всячески притесняют окрестных жителей.

Древние авторы из рядов мелких и средних землевладельцев не жалеют красок, описывая самоуправство патронов. «Патроны, — читаем мы у писателя Либания, — причиняют соседям ущерб и хлопоты,

---

[1] Из речи т. Сталина на I съезде колхозников-ударников 22 февраля 1933 г.

отнимая землю, срубая деревья, похищая скот, принося его в жертву, разрубая на части и съедая. Владельцы, при виде всего этого, плачут, а те, угощаясь, смеются и настолько далеки от опасения, что кто-либо об этом узнает, что грозят не пощадить и остального».

Патрон становится полновластным государем над зависимыми от него людьми. Он заводит у себя не только вооруженные отряды, но и учреждает свой суд, строит свою тюрьму, — словом, превращает свое имение как бы в маленькое самостоятельное государство. Императорским чиновникам не приступиться к сильному патрону. Он прогоняет сборщиков податей и все, что можно содрать с населения, берет в свою пользу.

Императоры в большинстве случаев противились распространению таких порядков. Они издают специальные указы, в которых строжайше запрещают патронат и грозят виновным высокими штрафами и другими наказаниями. Таких указов издавалось очень много. Но это только доказывает, что патронат распространялся очень широко и что указы, видимо, не достигали цели, иначе бы их незачем было столь часто повторять.

Крестьянские восстания. Ухудшение положения крестьян и превращение их в крепостных приводило к восстаниям. Они вспыхивали в разных районах империи: в самой Италии, в Африке, в Галлии.

В Галлии восставших крестьян называли в те времена багаудами (или богадами). О том, что толкало крестьян в ряды багаудов, хорошо рассказывает древний писатель Сальвиан:

«Теперь я буду говорить о багаудах, которые ограблены, поражены, уничтожены дурными и жестокими правителями.

Что другое создало багаудов, кроме нашей несправедливости и бесчестности правителей, их хищений и грабежей? Они взимание податей обратили к выгоде своего корыстолюбия и налоговые поступления сделали своей добычей. Не довольствуясь, подобно разбойникам, только награбленным имуществом людей, они, так сказать, пожирали их и насыщались их кровью. И вот, так случилось, что удушенные и замученные грабежами правителей, они стали варварами, так как им не позволяли быть тем, чем они были раньше; и они принуждены были защищать, по крайней мере, свою жизнь, после того как увидели, что уже совершенно утратили свободу... Для них враги более снисходительны, чем сборщики налогов, и действительность доказывает это: они бегут к неприятелю, чтобы избегнуть тяжести взимания налогов. Притом взимание налогов — хотя и тяжело и жестоко — было бы, однако, менее стеснительным и прискорбным, если бы все несли его на одинаковых основаниях. Но крайне возмутительно и преступно то, что общее бремя несут не все; наоборот, налоги богатых гнетут бедняков, и более слабые несут груз более сильных. И единственная причина, по которой они не могут выдержать, это та, что бремя бедных больше, чем их имущество.

Если посмотреть, что они платят, то подумаешь, что у них избытки; а если посмотреть, что они имеют, то увидишь, что они нуждаются. Можно ли найти меру такой несправедливости? Им приходится выносить платежи богачей и бедность нищих. Это гораздо сильнее того, что я могу выразить словами...»

Началось движение багаудов с отдельных разрозненных вспышек. Крестьяне нападали на большие имения, громили их, убивали помещиков или их приказчиков. К восставшим крестьянам присоединялись рабы. Постепенно движение ширилось и принимало более организованный характер. Из среды восставших выделились талантливые вожди—Аманд и Гелиан. Восставшие уже не ограничивались грабежами и разрушениями. Они захватывали города и старались укрепить свою власть. В 283—285 гг. нашей эры движение багаудов

достигло высшей своей точки. В руках восставших было много городов Центральной Галлии, и местные воинские гарнизоны совершенно не в силах были справиться с движением. Тогда для подавления восстания в Галлию была отправлена сильная армия регулярных войск во главе с императором Максимианом. В большом сражении главные силы восставших были разбиты, и лишь небольшая группа повстанцев во главе с Амандом и Гелианом укрылась в укрепленном лагере. Но ей не удалось спастись. После упорной борьбы они все до одного были перебиты.

Военный разгром движения багаудов не означал полной его ликвидации. На протяжении долгих лет багауды снова и снова восставали, иногда с большим успехом. Сохранилось свидетельство, что еще в V в. движение багаудов вновь приняло очень широкие размеры.

Восстания багаудов — это наиболее крупные движения разорившихся крестьян последних веков существования Римской империи. И Галлия была далеко не единственным очагом восстаний. Они вспыхивали во многих других провинциях.

Политический распад Римской империи. Глубокий экономический кризис римского рабовладельческого общества приводил к политическому распаду. Мы уже видели, как благодаря патронату слабела центральная государственная власть. Единство грандиозной Римской империи начало расшатываться. На севере от Рима отходят его обширные провинции, которые завоевываются племенами германцев, нахлынувших огромными массами на римскую территорию, на востоке растет движение за отделение от Рима всех его малоазиатских и смежных с ними провинций.

Заметное ослабление экономических связей между западными и восточными частями Римской империи подготовляет почву к политическому разделу. Уже в III в. восточные провинции живут вполне самостоятельной политической жизнью, почти независимой от Рима. Появляются фактически даже два императора. Император Диоклетиан в конце III в. устраивает свою резиденцию (местопребывание) в одной из восточных провинций — в малоазиатском городе Никомидии, а в Риме в это время остается его соправитель Максимиан, причем оба они называются «августами».

Но этим раздробление Римской империи не ограничивается. И у Диоклетиана и у Максимиана появляются зависимые от них правители с титулом «цезарей». К каждому из этих цезарей отходит значительная часть территории. Под непосредственной властью Диоклетиана остаются восточные провинции. Его цезарь получает Иллирию и Грецию. Август Максимиан господствует над Италией и Африкой, а его цезарь — над Галлией, Испанией и Британией. Проходит еще некоторое время, и в конце IV в. Римская империя распадается на два самостоятельных государства: Западную и Восточную империи. Столицей первой остается Рим, столицей второй становится Константинополь (древняя Византия) — один из богатейших городов, стоящий на пересечении многих торговых путей.

Восточная (или Византийская) империя еще несколько столетий сохраняла и даже увеличивала свое политическое и экономическое значение. Что же касается Западной Римской империи, то после раздела ее упадок пошел еще быстрее.

§ 2. Разложение родового строя и возникновение феодализма у германцев.

Разложение рабовладельческого строя Западной Римской империи ускорялось благодаря вторжению в пределы римской территории племен древних германцев. Первые наши более или менее достоверные сведения о германцах относятся к тому времени, когда основная масса их обитала на берегах Немецкого и Балтийского морей, в пределах современной Северогерманской низменности, у Дуная и Карпат. Постепенно они расселялись на запад и на юг и вступали в соприкосновение с северными римскими провинциями. Уже в последние века старой эры германцы начали проникать на территории, входившие в состав Римского государства. Германцы не только приносили с собою новые общественные порядки, но отчасти и сами усваивали те отношения, которые существовали среди коренного населения.

Каковы же были условия жизни древних германцев?

Наши сведения о древних германцах.

Мы имеем немного сведений о древних германских племенах. Их дают нам археологические раскопки, лингвистика (наука о языке), а также литературные источники. Это, прежде всего, описание жизни германцев, оставленное нам Гаем Юлием Цезарем, знаменитым полководцем, сделавшимся впоследствии правителем Римского государства. Цезарь писал о германцах в средине первого века до начала нашего летосчисления. Спустя полтораста лет подробное описание жизни германцев было сделано римским историком Тацитом. Наконец, о германцах более поздней эпохи мы узнаем из сборников судебных обычаев, из так называемых «варварских правд». Эти сборники стали появляться в писанном виде, начиная с V в., но в них речь идет об обычаях, установившихся в более древние времена. Поэтому мы можем частично пользоваться этими документами для характеристики быта германцев предыдущих двух-трех столетий.

Что же говорят о германцах перечисленные нами источники?

Общественная жизнь германцев в эпоху Цезаря.

«Немного они питаются хлебом, — пишет в своих «Записках о галльской войне» Юлий Цезарь, — но по большей части молоком и скотом. Много времени проводят также в охоте». Очевидно, земледелие при Цезаре не играло еще главной роли в хозяйстве германцев. Они в это время занимались главным образом скотоводством и еще не вели вполне оседлого образа жизни.

По словам Цезаря, «никто из них не имеет определенного участка поля или собственных границ. Но начальники их и старейшины, отводя родам и союзам совместно живущих родственников столько поля, сколько и где им угодно, через год заставляют переходить на другое место». Очевидно, в это время у германцев еще не было частной собственности на землю. Общественные отношения германцев находились при Цезаре в стадии родового строя. У них еще существовала не только общинная собственность на землю, но и совместная обработка земли.

По словам Энгельса, «во времена Цезаря, во всяком случае, значительная часть германцев, — именно племя свевов, еще не осевшее прочно, — обрабатывала землю сообща. Происходило это, судя по аналогии с другими народами, следующим образом: отдельные роды,

включившие в себя несколько родственных семей[1], обрабатывали сообща предоставленную им землю, которая из года в год переделялась, продукты же распределялись между семьями».

В дальнейшем совместная обработка земли отдельными родами уступила место совместной обработке земли «большими семьями». Число членов «большой семьи» достигало нескольких десятков человек, и все, входившие в состав «большой семьи», совместно обрабатывали свой участок земли. Эти участки выделялись им путем переделов земли. Таким образом, еще в начале I в. нашей эры германцы жили в условиях семейной общины. Кроме того несколько соседних «больших семей» совместно пользовались неподеленной землей: общими выгонами для скота и лесными угодьями. Эти общие угодья назывались «маркой».

Германцы в эпоху Тацита.

В конце I в. нашей эры, во времена Тацита, хозяйство и общественные отношения германцев сильно изменились. Большие успехи сделало, прежде всего, земледелие. Однако скотоводство и в эту эпоху остается очень важной отраслью хозяйства германцев. Тацит по этому поводу пишет: «Скот у них в изобилии, хотя большей частью малорослый, при этом даже быки лишены рогов — своей чести и славы. Германцы радуются многочисленности своего скота: в этом единственный и самый приятный для них вид богатства». Быками германцы пользовались не только как скотоводы, но и как земледельцы. Кроме сохи они употребляли уже и плуг и в плуг впрягали быков. Они возделывали хлебные злаки: рожь, овес, ячмень, полбу, просо; они были знакомы и с различными огородными культурами. Впоследствии, уже после Тацита, германцы заимствовали у римлян и садоводство. Таким образом, оседлое земледелие, соединенное со скотоводством, — вот основа хозяйства древних германцев эпохи Тацита.

Германцы были знакомы с некоторыми ремеслами и с добывающей промышленностью. Серебро и медь они добывали во многих местах. Вероятно, умели добывать и золото, промывая речной песок на Рейне. Они умели плавить чугун и выпаривать соль. Из ремесл им была знакома работа по металлу, керамика, ткачество, резьба по дереву.

Таково было несложное хозяйство древних германцев.

Так же несложен был их домашний быт.

Домашний быт древних германцев.

Представим себе деревню одного из древних германских племен. На поляне вблизи леса разбросано несколько изб. Подойдем поближе к одному из этих жилищ. Четырехугольная изба окружена двором, обнесенным деревянной изгородью. К избе примыкают кое-какие хозяйственные постройки: хлев, амбар, кладовая. Внутри избы обычно имеются прихожая и два-три отделения. В избе простая мебель: стол, несколько стульев, часто с откидными сиденьями. Мебель сделана из дерева. Работа грубая, но прочная. Некоторые вещи украшены резьбой. Домашняя утварь состоит главным образом из различных глиняных сосудов. Особые сосуды употребляются и в качестве светильников, но чаще жилища освещаются сосновой лучиной. Свою одежду германцы шили главным образом из грубошерстных тканей, выделанных из овечьей шерсти, оленьих и бычьих волос. Реже употреблялись полотняные ткани. В большом ходу были меха. Германцы носили широкие шаровары, чулки и короткую шерстяную или льняную рубаху без рукавов,

---

[1] Здесь речь идет о так называемых «больших семьях», в которых совместно жили несколько поколений: братья, их сыновья и дочери со своими детьми, а также дети этих последних.

на которую надевалась еще верхняя одежда. Обувь напоминала лапти. Одежда, особенно женская, раскрашивалась и украшалась всевозможными пряжками и застежками, сделанными из бронзы или серебра. Носили также и стеклянные ожерелья с серебряными и золотыми украшениями.

Пищу германцев составляло молоко, мясо, хлеб, дикие плоды, различные овощи (чечевица, горох, бобы, лук, чеснок, морковь, репа).

Наиболее распространенным оружием германцев было метательное копье с железным наконечником и деревянный четырехугольный щит, иногда обтянутый кожей. Мечи, панцыри и шлемы у них встречались редко.

Народное собрание и военные вожди.

При Таците каждый родовой союз жил более или менее самостоятельной жизнью. Высшая власть в нем формально принадлежала н а р о д н о м у с о б р а н и ю.

Но в действительности жрецы, родовые старшины, военачальники имели решающее влияние на ход народного собрания и всегда могли добиться выгодного для себя решения. На сходку собирались все члены общины, способные носить оружие. Правильного голосования не производили. Собрание выражало свою волю ропотом недовольства или криками одобрения и бряцанием оружия. Народное собрание решало все важнейшие вопросы жизни общины. Оно служило вместе с тем и судом. Сюда приносили всевозможные жалобы, здесь же они и разбирались.

Большую роль в жизни древних германцев играли военные вожди. Предводитель войска назывался г е р ц о г о м. Первоначально герцогов выбирали для каждого военного похода и только на время военных действий. Герцоги постепенно становятся самыми влиятельными людьми среди германцев. Вокруг них группировалась дружина, которая всегда готова была поддержать своего военного вождя. Это еще больше увеличивало влияние герцога. Власть герцогов не прекращается уже и в промежутках между военными походами. Постепенно герцоги становятся постоянными, а потом наследственными племенными вождями и все больше и больше оттесняют на задний план старую родовую аристократию.

Когда мелкие германские племена соединялись в более крупные и в целые союзы племен, у них появлялись и вожди этих племенных союзов — так называемые к о н у н г и (короли или князья).

Экономическое неравенство.

Уже во времена Цезаря в среду германцев начинает проникать экономическое неравенство. Одной «большой семье» удавалось захватить более плодородный участок земли, другая имела большее количество рабочих рук или лучший инвентарь, иные имели больше скота. Наконец, у некоторых были рабы. Однако рабов у германцев было немного, и положение их мало отличалось от положения класса полусвободных (л и т о в). И те и другие получали земельный надел, за который платили натуральный оброк.

С течением времени экономическое неравенство увеличивается. Во II—III вв. более зажиточные семьи, владевшие лучшей землей, бо́льшим количеством рабов, скота и инвентаря, начинают подчинять своему влиянию соседние маломощные хозяйства. Этому способствуют неурожай, падеж скота и другие хозяйственные неудачи. Бедные берут ссуды у богатых. За взятый скот или зерно приходится расплачиваться высокими процентами: частью урожая или приплодом скота.

Сплошь да рядом за взятую ссуду приходилось работать на кредитора — у него в поле при посеве, на уборке, или выполнять какие-нибудь другие хозяйственные повинности.

Наряду с превращением свободного крестьянского населения в зависимое меняла свой характер и свободная сельская община. Очень часто происходила так называемая коммендация сельских общин, которые отдавали себя под защиту сильного соседнего землевладельца и попадали при этом в полную от него зависимость.

Наибольший удар свободной сельской общине наносился открытым захватом общинных земель. Такие захваты широко практиковались крупными землевладельцами.

Крупное значение для углубления экономического неравенства в среде германцев имело то обстоятельство, что германские племена совершали большие переселения и, двигаясь с севера на юг, оседали на территориях Римской империи. Обычно германцы отнимали у коренного населения до двух третей земли и делили эту землю между собой. По словам Энгельса, «раздел произошел согласно порядкам родового строя; при сравнительно небольшой численности завоевателей значительные пространства остались неразделенными во владении частью целого народа, частью отдельных племен и родов. В пределах каждого рода пахотная земля и луга были по жребию поделены равными частями между отдельными хозяйствами... Лес и выгоны оставались неразделенными, в общем пользовании».

С течением времени германцы окончательно оседали на занятых местах. Это сплачивало односельчан, и связи соседские оттесняли на задний план связи родовые.

Всё это приводило к распаду старых родовых общинных отношений древних германцев. Примерно к V в. германская семейно-родовая община превратилась в соседскую общину. Это значит, что община объединяла теперь людей уже не по признаку родства, а по общности территории. «Родовой союз превратился, таким образом, в областной», «род исчезал в марке» (Энгельс).

В период образования соседской общины число членов отдельных «больших семей» так возросло, что ведение ими общего хозяйства при тогдашних условиях производства становилось невозможным. Поэтому поля и луга подвергаются разделу «между образовавшимися теперь отдельными домохозяйствами, сначала на время, позднее — раз навсегда, тогда как леса, выгоны и воды оставались общими» (Энгельс).

Развитие частной собственности на землю.

Так у германцев появилась частная собственность на землю. Об ее широком распространении вполне определенно говорят сборники обычаев VI и VII вв. «Если кто купит у другого поместье, виноградник или другую какую землицу, то пусть придет со свидетелями к месту передачи и в присутствии их пусть уплатит цену и примет владение». Так говорит «Рипуарская правда» VII в. В этом сборнике, как и в других «варварских правдах», нашли свое отражение более древние обычаи. Поэтому приходится считать, что уже в VI в., а может быть и в V в., продажа и покупка земли, а значит, и частная собственность на землю, имели широкое распространение.

В «варварских правдах» есть очень много указаний на глубокое экономическое расслоение германской деревни. Из этих «правд» мы

узнаем о богачах, владеющих большими участками земли и рабами, а также и о бедняках, которые «не имеют чем жить и чем платить выкупы и судебные штрафы и бродят по лесам».

Особенно большое значение для углубления экономического неравенства имела война. Для германских племен, с их частыми переселениями, война была обычным явлением.

Во время войны короли и герцоги захватывали львиную долю добычи. Из награбленного они забирали себе лучший скот, породистых лошадей, дорогое оружие. Но главное обогащение заключалось в земле. Вся земля побежденных объявлялась собственностью короля. Часть захваченной земли оставалась в непосредственном владении королей, и некоторые из них имели много десятков и даже сотни крупных поместий. Но бо́льшую часть земель короли передавали военной знати, дружинным вождям.

Общественные классы.

Таким образом, разложению общинных порядков германцев способствовало их расселение на территории Западной Римской империи, где уже давно господствовала частная собственность на землю, где резко было обозначено классовое расслоение. Все это ускоряло процесс образования общественных классов у германцев. В VII—VIII вв. у них вполне уже сложились два противоположных класса: крупных землевладельцев, во главе с королями и герцогами, и эксплоатируемых ими крестьян, которые сидели на землях помещиков и выполняли целый ряд повинностей. Это были основные классы тогдашнего западноевропейского общества. Наряду с ними существовали еще и рабы («сервы»), которые постепенно переходили на положение зависимых крестьян. Наконец, сохранились и свободные мелкие землевладельцы. Но их количество все время уменьшалось. Они разорялись, закабалялись и тоже попадали в зависимое положение. О положении крестьян одного из германских племен (франков) мы читаем у Энгельса:

«Свободные франкские крестьяне очутились в том же положении, что и их предшественники, римские колоны. Разоренные войнами и грабежами, они должны были прибегать к покровительству знати или церкви, так как королевская власть была слишком слаба, чтобы охранять их; но это покровительство им приходилось покупать за дорогую цену. Как прежде галльские крестьяне, они должны были передавать покровителю право собственности на свой земельный участок, получая последний от него обратно в аренду на различных и меняющихся условиях, но всегда лишь при условии несения определенных повинностей и уплаты оброков; попав раз в такого рода зависимость, они мало-помалу теряли и свою личную свободу; через несколько поколений они уже в большинстве своем превратились в крепостных» (Энгельс).

Образование германских государств.

Распадение общества на классы привело к возникновению государства.

Государство существует не извечно. Его не было в доклассовом обществе. Пока не существовало классов, пока не было классовой борьбы, люди не знали государства: в нем не было нужды. Но вот зарождается класс эксплоататоров. Он всеми способами стремится сохранить и закрепить вновь создающиеся

порядки. Старинные формы общинного самоуправления его уже не удовлетворяют. Эксплоататорам необходимо захватить в свои руки как можно больше власти. С этой целью они и создают специальный аппарат власти — государство.

Государство — это, прежде всего, вооруженная сила; это чиновники, сборщики налогов, судьи. Государство возникает вместе с образованием общественных классов. «Из организации племен для заведывания своими собственными делами старинное родовое устройство превращается в организацию для грабежа и угнетения» (Энгельс).

У германских племен в период образования общественных классов и возникновения государства происходили грандиозные военные походы. В них принимали участие целые племена и союзы племен, которые в поисках более удобных земель совершали переходы в сотни и тысячи километров и оседали, в конце концов, на новых местах [1], в пределах Римской империи. Пришельцы сливались с коренным населением мирным путем или покоряли его силою оружия.

Варварские королевства.

В период переселений германских племен возникали обширные, так называемые «варварские королевства».

Первым сложилось Тулузское королевство вестготов. В начале V в. его границы распространялись на Аквитанию (юго-западная часть Галлии между Пиренеями, Севеннами, рекой Луарой и Атлантическим океаном), но вскоре оно захватило и часть Пиренейского полуострова. В VI в. вестготы были вытеснены из Аквитании франками — другим племенем германцев, и их королевство после этого ограничивалось пределами одного Пиренейского полуострова. В V в. возникло большинство других варварских королевств: Бургундское — в бассейне реки Роны, в Юго-восточной Галлии; Франкское, сделавшееся вскоре могущественнейшим германским королевством, в Северной Галлии; несколько королевств англо-саксов в Британии; Вандальское королевство — в Северной Африке, и, наконец, Остготское королевство — в Италии. Позже других, в VI в., возникло Лонгобардское королевство в Северной и Средней Италии, где оно включило в свой состав часть королевства остготов, разрушенного до этого Византийской империей.

Судьба этих королевств была неодинаковой. Большинство из них существовало недолго. Вандальское, Бургундское и Остготское очень скоро были поглощены своими более сильными соседями; Лонгобардское и Вестготское продержались в продолжение двух-трех столетий, и только королевство англо-саксов и Франкское королевство оказались более долговечными.

Мелкие государства англов и саксов в VI столетии слились в три более крупные: Нортумбрия — на севере, Мерсия — в центре и Уессекс — на юге. Впоследствии (в IX в.) эти три королевства слились в одно Английское королевство.

Что же касается королевства франков, то оно разрослось на некоторое время особенно сильно. Во главе его стояли короли из династии Меровингов (до половины VIII в.), а вслед за ними Каролингов. В конце VIII в. королевство франков охватило своими владениями почти всю Западную Европу, как бы восстанавливая пределы Римской империи. Тогда же (800 г.) франкский король Карл Великий принял титул императора. Это был момент наибольшего расцвета Франкского государства.

Границы империи простирались от Атлантического океана до реки Эльбы; на юге они тянулись по берегу Средиземного моря, а на Пиренейском полуострове — до реки Эбро.

---

[1] Переселения германских племен, о которых здесь идет речь, называют «Великим переселением народов».

Но в каролингской империи не могло быть полного и прочного государственного единства. Власть короля лишь до известной степени простиралась на все территории. На местах фактическими властителями были графы и маркграфы (маркграфами назывались правители пограничных областей). Вскоре, в половине IX в., империя распалась на несколько самостоятельных государств: Германию, Италию, Лотарингию (или Бургундию) и Францию. А затем пошло и дальнейшее раздробление каролингской империи. В границах этой империи и за ее пределами на всем протяжении Западной Европы создавалось множество мелких государств. Они попадали в зависимость друг от друга, постоянно меняли свои границы, временами разрастались до крупных размеров и потом снова разделялись на мелкие части.

На протяжении V—VIII вв. в странах Западной Европы складывался новый общественный строй — феодализм. Он вырос, с одной стороны, на почве распада рабовладельческого строя Римской империи, а с другой стороны, на почве роста экономического неравенства и классового расслоения древних германцев.

ГЛАВА II.

ФЕОДАЛЬНЫЙ СТРОЙ в ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ (IX—XI вв.).

§ 3. Феодальное хозяйство и положение крестьян.

Положение крестьян.

В предыдущей главе мы уже проследили, как в странах Западной Европы образовались основные классы феодального общества: крепостные крестьяне и феодалы (помещики).

Чем характеризуется экономическое и правовое положение крепостного крестьянина?

Ответить на этот вопрос будет легче всего, если мы посмотрим, в чем заключается различие между крепостным крестьянином и рабом, и если мы для ясности сравним того и другого с современным капиталистическим рабочим.

И раба, и крепостного, и капиталистического рабочего роднит одно общее свойство: они эксплоатируются другими людьми — рабовладельцем, помещиком, предпринимателем. Но есть между ними и огромное различие.

Современный рабочий капиталистического общества лично свободен. Но он «освобожден» в то же время и от всех орудий и средств производства. Все, что есть у капиталистического рабочего, — это его рабочая сила, которую он, несмотря на то что свободен, вынужден продавать владельцу средств производства, капиталисту, так как иначе он не будет иметь средств к существованию, и ему будет грозить голодная смерть. При этом ему далеко не всегда удается продать свою рабочую силу. Безработица, особенно беспощадная во время кризисов, то и дело лишает его и этой возможности.

Таким образом, капиталистический рабочий эксплоатируется в силу экономического принуждения. Этого нельзя сказать ни о рабе, ни о крепостном человеке. И тот и другой подвергались не только экономическому, но и внеэкономическому принуждению. Это значит, что они лично не были свободны, что рабовладелец или помещик-крепостник заставляли их работать. Раб считался как бы вещью своего хозяина, который волен был им располагать, как ему вздумается.

Обычно законы почти не охраняли раба, и хозяин мог наказывать его, продавать и даже убивать. При этом раб не ведет своего хозяйства и не имеет никакой собственности. В ином положении находится крепостной: он «наделен» земельным участком, владеет орудиями производства и ведет свое собственное хозяйство. Лишь часть своего времени или часть произведенных его трудом продуктов он вынужден отдавать помещику.

Барщина и оброки. Иными словами, феодальные крестьяне везде несли барщину на помещика и платили ему оброк. Барщина выражалась, прежде всего, в полевых работах: пахоте, посеве, уборке урожая, молотьбе и т. д. Затем крестьяне должны были в порядке барщины прокладывать и починять дороги, очищать господские пруды, пасти господский скот, охранять помещичьи замки и т. д.

Но все же в IX—XI вв. барщина обычно не была еще очень тяжелой, так как помещик в то время не вел большого собственного хозяйства. Зато всевозможные налоги и оброки были многочисленны и крайне тягостны.

Вот, например, перечень налогов, лежавших на французских крестьянах в XI в. Их можно сгруппировать в четыре основные категории: 1) налоги, взимавшиеся с лиц, подушные налоги; 2) налоги с имущества; 3) косвенные налоги, или пошлины, и 4) монополии, или баналитеты. К числу подушных налогов принадлежали: а) «шеваж» — небольшой сбор, служивший для помещика не столько доходной статьей, сколько признаком личной зависимости крестьянина, и б) «талия» — основной подушный налог; размеры налога колебались, но он являлся источником громадных доходов для помещика. К налогам на имущество относились: а) «ценз», т. е. арендная плата, сначала натуральная, потом денежная; б) «шампар», т. е. часть урожая, и в) разные налоги с жилища, со скота, домашней птицы и т. д. Пошлины состояли из сборов за провоз грузов по дорогам и рекам, за торговлю на базарах и т. д. Что же касается монополий, или баналитетов, они выражались в праве помещика требовать от крестьян, чтобы последние сдавали зерно на его мельницу (конечно за плату), виноград — в его давильню, муку — в барскую пекарню. Сюда же относится и очень тягостное для крестьян исключительное право помещика торговать солью. Наконец, и право суда над крестьянами, связанное со взиманием разнообразных пошлин и штрафов, ложилось тяжелым бременем на крестьян. Таковы были «законные» поборы помещиков. Но феодалы имели достаточно силы, чтобы обирать крестьян и сверх этих «законных» норм.

Мы еще не упоминали об обязанности крестьян предоставлять помещику «кров и прокормление», т. е. кормить помещика во время его поездок. Это было очень тяжелое бремя, так как помещик обычно разъезжал с толпою слуг, с домочадцами, с гостями. Кормить, таким образом, приходилось целую ораву да еще и подавать надо было все самое лучшее, что только можно было найти в деревне.

А как разорительно для крестьян было право помещика охотиться на их полях! Вблизи возделанных полей помещик устраивал для своего удовольствия садки, где содержались олени, кабаны, зайцы, птицы. Дичь выходила или вылетала оттуда и уничтожала крестьянские посевы, крестьянам же под страхом виселицы запрещалось дотрагиваться

до дичи господина. За расхищениями, производимыми животными, следовали расхищения охотников: они наезжали целой оравой и своими лошадьми и сворами собак вытаптывали посевы.

Ко всему сказанному надо добавить, что крестьяне в большинстве случаев были лично несвободны, не имели права свободно переходить



Кухня феодала.

от одного помещика к другому, и что права их на землю тоже были зачастую ограничены: в силу так называемого права «мертвой руки» они могли передавать свои участки по наследству только с согласия помещика. Наследник же уплачивал «выкуп» (обыкновенно лучшую голову скота).

Таково было положение не только французского крестьянства, но и вообще крестьян феодальной эпохи. Если в других странах повинности

крестьян или «права» феодалов назывались по-иному, то существо дела от этого мало менялось.

На крестьянина феодалы смотрели как на своего рода вьючное животное, беззащитное и бесправное. Этот взгляд лучше всего можно выразить словами немецкой феодальной пословицы: «Крестьянин тот же бык, разница лишь в том, что он безрогий».

Условия жизни феодальных крестьян.

Бытовые условия жизни крестьянина приближали его существование к полуживотному уровню. Достаточно представить себе жилища крестьян, ютившихся в маленьких избах, сделанных обычно из глины, с крышей из соломы или камыша. Очаг помещался в избе, и дым от него выходил через неприкрытую дверь или через отверстие, сделанное в крыше. Окон совсем не было, или они представляли собой отверстия без стекол, затыкаемые в холодную пору тряпьем. В таких жилищах, тесных, грязных и закопченных, особенно легко распространялись всякие болезни.

Чтобы представить себе полностью положение крестьян, нам необходимо учесть, что техника сельского хозяйства в те времена была очень низкой. Земля обрабатывалась первобытными способами и быстро истощалась. В самую горячую страдную пору крестьянин нередко вынужден был итти на барщину. Несвоевременный посев, поздняя уборка уменьшали и без того скудные урожаи. То немногое, что удавалось собрать с земли, сейчас же расходовалось в значительной своей доле на уплату налогов и старых долгов. Остающегося хлеба даже в урожайные годы еле хватало до нового урожая, о запасах же не могло быть и речи.

Поэтому малейший неурожай вырастал в грозное бедствие — голод. Во Франции, например, в XI в. около 70 лет были голодными. Летописи тех времен сохранили потрясающие описания голодных лет. Люди питались травой, древесной корой, падалью, человечиной. Пытались есть глину. Сплошь да рядом разрывали могилы и поедали трупы. Убивали детей или друг друга и ели убитых. Случалось, что человеческое мясо выносилось на продажу... В одной летописи говорилось: «Такой был голод (860 г.), что один человек убивал другого и по-звериному рвал его зубами».

Другой летописец пишет (1005 г.):

«В это время случился очень сильный голод, продолжавшийся пять лет. Не было области, где не чувствовался бы недостаток в хлебе. Множество людей, истощенных отсутствием пищи, погибло. Тогда во многих местах земли ужасный голод принуждал употреблять в пищу не только мясо нечистых животных и пресмыкающихся, но также и мясо мужчин, женщин и детей; забыты были и родственные чувства под влиянием нужды. Ибо до того доходили муки голода, что взрослый сын поедал мать, а мать, поправ материнскую любовь, убивала младенца».

Бедствия голода сопровождались широким распространением заразных болезней. От чумы, например (ее называли «черной смертью»), вымирали целые деревни, опустошались огромные области.

Кроме голода и болезней был еще один бич — это бесконечные войны между феодалами. Во время таких войн феодал требовал лишних поставок хлеба и других продуктов, а набеги феодалов другого лагеря все уничтожали на своем пути.

Техника сельского хозяйства. Познакомимся теперь несколько подробнее с техникой сельского хозяйства Западной Европы IX—XI вв. Даже в сравнительно крупных поместьях сельскохозяйственный инвентарь был весьма скуден. Мало было плугов, борон и серпов. В документах того времени упоминается, что в целом поместье было всего каких-нибудь один или два плуга. Очевидно, наравне с плужной сохранилась еще и ручная (мотыжная) обработка земли: пользовались не только плугами, но и лопатами, мотыгами, кирками.

В IX—X вв. в Западной Европе сохранялся еще кое-где п е р е л о г. Перелог — это такая система обработки земли, когда один и тот же участок пахали и засевали несколько лет подряд (3—4 года, иногда 5 лет), до тех пор, пока участок давал более или менее достаточный урожай. Когда этот участок истощался, ему давали «отдохнуть» и брались за новый, потом за следующий и т. д. Проходило лет 20—25. За это время первый участок успевал «отдохнуть», был готов к новому посеву, и к нему возвращались вновь. Таким образом, при перелоге всегда «гуляло» очень много земли — $^3/_4$ или даже $^4/_5$.

В IX в. перелог в значительной степени был вытеснен двухпольем и трехпольем, которое в XI в. получило уже широкое распространение. При трехполье пашню делили на три клина: на одном сеяли озимое, на другом — яровое, а третий оставляли «под паром». При этом «гуляла» уже только $^1/_3$ земли. Это было большим шагом вперед по сравнению с перелогом и двухпольем.

Такова была техника феодального сельского хозяйства.

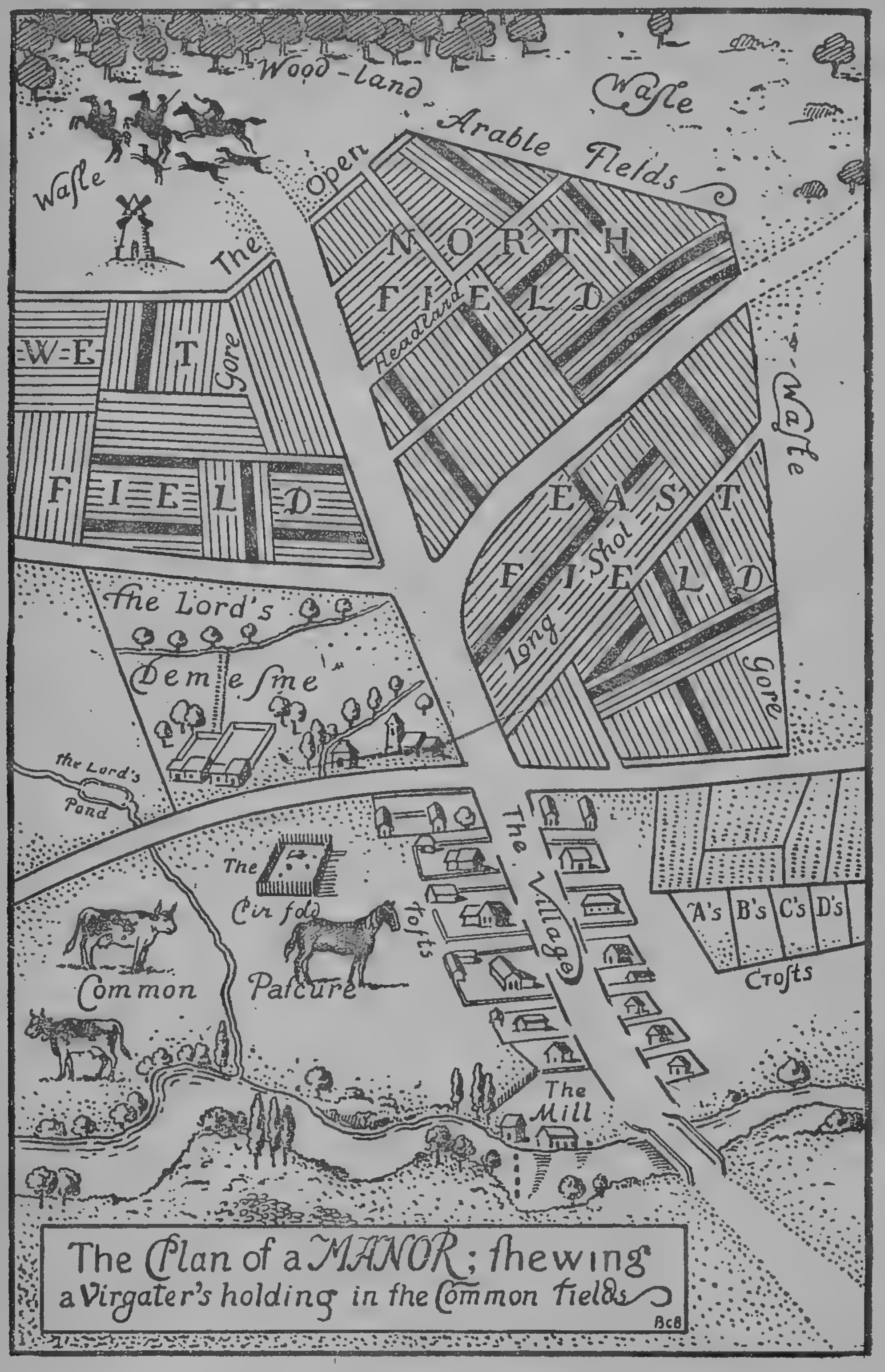
Феодальное поместье. Познакомимся теперь с внутренним устройством старинного феодального поместья.

Вот перед нами старинный план английского феодального поместья [1]. В центре поместья расположен господский дом. Здесь живет сам феодал или его управляющий. Вокруг дома фруктовый сад, цветники, парк, огороды. Вблизи, у дороги, более мелкие строения. Это — жилище челяди и всевозможные хозяйственные постройки: конюшни, скотный двор, риги, амбары, птичники, кузница и другие ремесленные мастерские. Перед фасадом господского дома устроен пруд. К югу от усадьбы — крестьянская деревня. Ее домишки раскинулись по обеим сторонам дороги. К западу от деревни — общинный выгон для скота. Он тянется от дороги до самой реки. Здесь на плане мы видим изображение коров и лошади. Вблизи, на реке, у моста — водяная мельница. Ветрянка же стоит вдалеке, на другом конце плана, за пашнями, в открытом поле. К востоку от деревни — крестьянские огороды, разделенные на плане на участки: A, B, C, D. К северу идут пахотные земли, а еще дальше, на запад и на север, тянутся пустоши, и, наконец, у самого края плана виднеется начало леса. По дороге к лесу скачет небольшая группа охотников с собаками.

Приглядимся теперь к пахотным полям. На плане хорошо видна характерная для феодальной деревни чересполосица. Вся пахотная земля разбита на три больших поля. Они названы «западным», «северным» и «восточным». Одно поле засеяно пшеницей или рожью, другое —

[1] Здесь (стр. 18) приводится точный снимок с этого плана с сохранением английских объяснительных надписей.

овсом или ячменем, третье поле — под паром. Каждое поле, в свою очередь, делится на коны, а коны — на полосы в 1—1½ акра[1] каждая.



План английского поместья (мэнора).

Полосы отделены друг от друга межами, т. е. полосками нераспаханной земли. Межи занимали не меньше 5—6% всей площади пашни. Но главное зло заключалось не в этом, а в том, что на меже рос бурьян и

[1] Акр — около ⅖ *га*.

засорял соседние поля. Полосы были различного качества и для сохранения равенства делились между крестьянами так, чтобы участок каждого состоял из нескольких отдельных полос в каждом из трех полей. Все крестьяне должны были обрабатывать свои полосы, сообразуясь с севооборотом своих соседей.

Натуральное хозяйство.

На нашем плане поместья барская запашка феодала сравнительно невелика. И это было обычным явлением. Феодал в Западной Европе IX—XI вв. редко запахивал больше четверти своих земель. Все остальные земли находились в пользовании крестьян. Собственного крупного хозяйства помещик не вел, потому что хлеб некуда было продавать, так как подавляющее большинство населения занималось земледелием и не нуждалось в покупном хлебе и других продуктах.

Хозяйство носило натуральный характер. Это значит, что главная масса сельскохозяйственных продуктов, производившихся в поместье, не продавалась, а потреблялась здесь же в поместье — феодалом, его семьей, многолюдной дворней, гостями.

Но поместье было не только натуральным, но и замкнутым. Промышленные изделия также выделывались в значительной части внутри поместья доморощенными ремесленниками.

Вот, например, что говорится в одной сохранившейся от IX в. инструкции об управлении королевскими поместьями:

«Пусть всякий управитель в хозяйстве имеет добрых ремесленников, т. е. кузнецов, знающих также золотое и серебряное дело, шорников, резчиков, плотников, бочаров, рыболовов, птицеловов и птичников, мыловаров, квасоваров, пекарей, чтобы печь белый хлеб для нашего стола; людей, хорошо плетущих сети для охоты, рыбной ловли и ловли птиц, — равно и прочих мастеров, перечислять которых было бы долго».

Итак, феодал стремился иметь в своем поместье всех необходимых ремесленников и лишь в крайнем случае прибегал к услугам бродячих свободных ремесленников, которые переходили из поместья в поместье. Покупать приходилось только некоторые предметы ремесленного производства, изготовление которых не удавалось наладить у себя дома. Покупали, например, оружие, также соль и кое-какие другие продукты.

Наконец, феодалы побогаче покупали предметы роскоши, привезенные из далеких восточных стран. Кое-что покупалось у странствующих купцов, кое-что на редких рынках, в зарождавшихся городах.

Таким образом, феодальное хозяйство Западной Европы IX—XI вв. характеризуется поместным строем, при котором крупное помещичье землевладение сочетается с мелким крестьянским хозяйством. Феодал— собственник земли — присваивал прибавочный продукт, произведенный в крестьянском хозяйстве, пользуясь, в первую очередь, внеэкономическим принуждением. Ремесло еще не отделено от сельского хозяйства. Все феодальное хозяйство носило замкнутый натуральный характер, обмен был очень незначителен.

§ 4. Феодальное государство.

Крестьянские восстания.

Феодалы жили в укрепленных замках. Стены замка защищали его владельца от нападения других феодалов. В то же время феодал защищал себя от восстаний крестьян. Доведенные до отчаяния своим безвыходным положением, крестьяне восставали очень часто. Но как неравны были силы!

С неорганизованной, почти безоружной толпой крестьян в несколько сот человек нетрудно было справиться маленькому отряду в 20—30 конных воинов, с острым оружием, искусных в военном деле.

И все же, несмотря на почти полную безнадежность, стихийные восстания крестьян против феодалов были обычным явлением в феодальную эпоху. Иногда крестьянские восстания охватывали целые районы.

Особенно значительным было восстание нормандских крестьян, начавшееся в 1100 г. Об этом восстании говорится, между прочим,



Рыцарский замок.

в одной народной поэме XII в., широко в те времена распространенной во многих странах Западной Европы. В этой поэме передается песня, которую пели восставшие крестьяне.

Мы люди, как они,
Такие же у нас члены, как у них,
И той же тело наше величины,
И, как они, страдать мы можем.
Нам нужно только мужество.
Объединимся клятвою и будем
Защищать себя и свое добро,
И станем держаться вместе.
Если они хотят итти на нас,
То против каждого рыцаря
Нас тридцать или сорок крестьян,
Сильных и готовых к бою.

Жестокая расправа была обычным уделом восставших. Французский летописец рассказывает, как нормандским крестьянам, восставшим в начале XI в., феодалы отсекали ноги и руки в назидание односельчанам восставших, «чтобы они отклонили своих единомышленников от их затей и сделались более благоразумными, под страхом испытать еще более тяжелое наказание». О другом восстании говорится: «Взбунтовавшиеся крестьяне восстали против своих господ, но дворяне, соединившись с графом Аленом, овладели крестьянскими полями, перебили, разогнали и преследовали восставших, так как они вступили в бой без вождей и без оружия».

Феодальное государство. Для того чтобы заставить крестьян работать на себя, чтобы подавлять малейшую попытку протеста, чтобы держать массы в постоянном слепом повиновении, феодалам нужна была большая сила. В распоряжении феодалов были не только укрепленные замки и вооруженная дружина. Они полностью держали в своих руках и все тогдашнее государство



Рыцарский поединок.

При феодальном строе связь господствующего класса феодалов с государством была очень наглядной. У кого была земля, у того была и власть. Сам феодал был, прежде всего, воином, прекрасно вооруженным, всегда готовым пустить в ход свою силу. Он был кроме того и судьей, он же был и тюремщиком, сажая «нарушителей порядка» в башни и потайные подвалы своего замка. Он был фактическим государем в пределах своих обширных владений. Крестьяне должны были подчиняться его суду и расправе, даже если они не были его рабами или крепостными.



Рыцарь XII в.

В зависимости от размеров земельных владений феодалы делились на несколько разрядов. Они как бы по лестнице располагались друг над другом, а их взаимная зависимость называлась феодальной иерархией. Выше всех стоял феодальный король. Ниже его — герцоги, князья, графы. Еще ниже — виконты, бароны. Низшую ступень составляли рыцари[1] Феодалы низших ступеней зависели от феодалов более высокого ранга

---

[1] Слово «рыцарь» употреблено здесь в первоначальном смысле и означает мелкого феодала, несшего военную службу на коне.

Эта зависимость была связана с раздачей земель в условное владение.

Условное землевладение. В ту эпоху, при господстве замкнутого натурального хозяйства, ведение крупного хозяйства было невозможно. Кроме того королям да князьям, этим самым крупным землевладельцам, необходимо было расплачиваться со своими многочисленными военными помощниками. При том значении, которое в ту пору стала иметь земля, при ничтожном количестве находившихся в обращении денег естественно было раздавать земли в виде платы за военную службу. В таких случаях земли раздавались, «жаловались», при условии несения дальнейшей военной службы.

Так развивалось условное землевладение, являвшееся одной из характерных черт установившегося общественного строя. Этот строй свое название — феодализм — получил от слова «феод», что означало участок земли, полученный в условное владение за службу.

Земля, полученная в условное владение, сначала называлась «бенефицием». Лицо, получившее бенефиций, не становилось полным собственником земли и не могло передать ее по наследству. Но уже в IX в. бенефиции становятся наследственными феодами, и отобрание их оказывается почти невозможным, хотя попрежнему на владельце феода лежит обязанность военной службы.

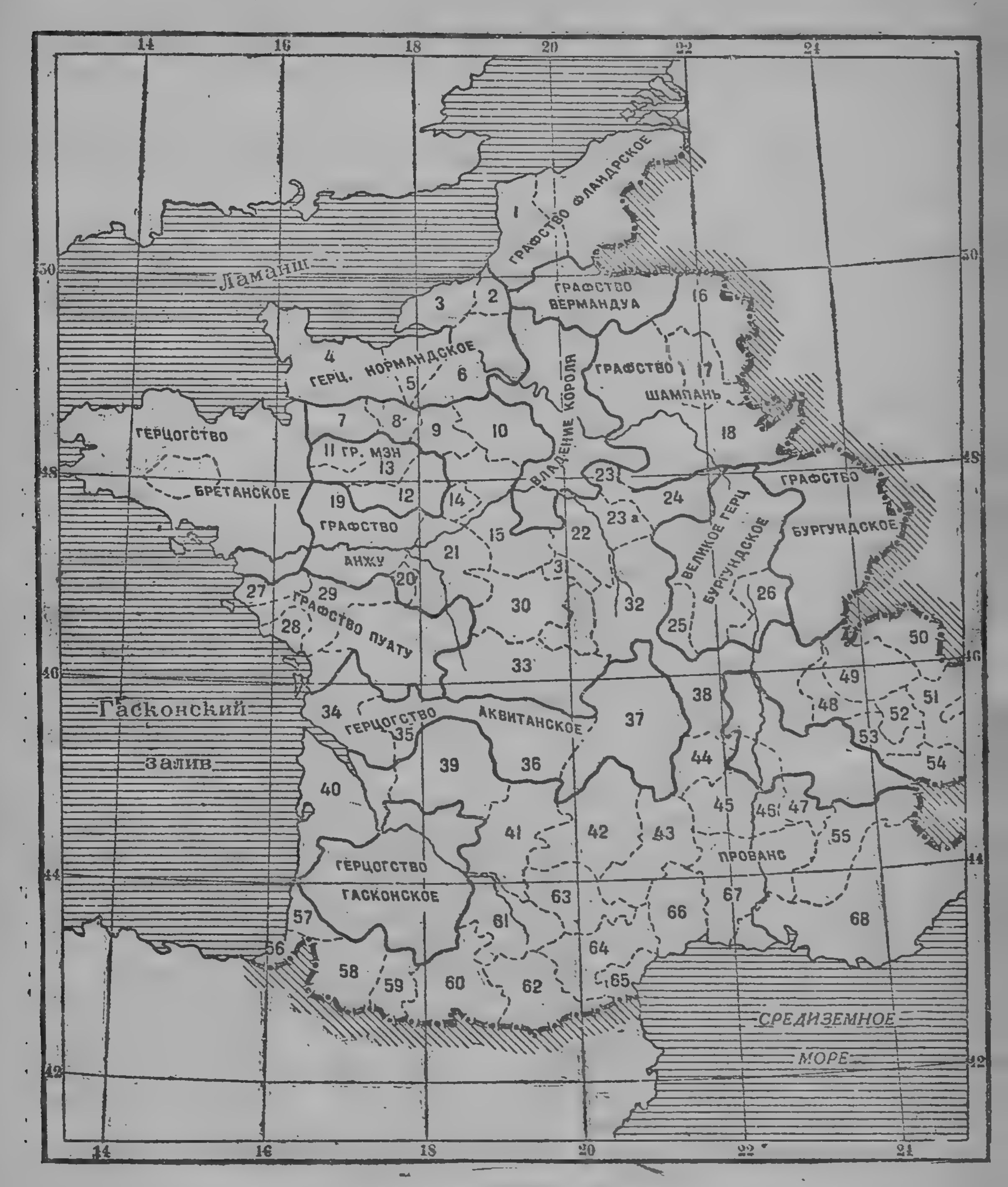
Феодалы получали земли в условное владение не только непосредственно от короля. Сильный и богатый феодал, державший землю от короля, жаловал часть своего феода менее сильным и богатым за их службу. Случалось и так, что феодалы второго ранга выделяли часть своей земли еще более мелким феодалам. Так, в конечном счете, складывалась уже знакомая нам феодальная лестница, на ступенях которой располагались феодалы разного калибра, разного могущества.

Член каждой из этих ступеней по отношению к члену высшей ступени, от которого получал землю и находился в зависимости, являлся «вассалом»; высший феодал по отношению к зависимым от него низшим феодалам назывался «сеньором». Таким образом, каждый феодал мог быть в одно и то же время и вассалом, и сеньором.

Чем больше у феодала было зависимых от него крестьян и чем обширнее были его земельные владения, тем сильнее была его политическая власть и тем легче было ему занять независимое положение по отношению к королю. Эта независимость зачастую оформлялась в виде особого договора — «иммунитета», в котором король отказывался от посылки во владения феодалов своих уполномоченных для сбора налогов и для судебной расправы или предоставлял феодалу другие политические льготы и права. Особо крупные феодалы добивались от королей полного иммунитета и превращались, таким образом, в совершенно самостоятельных государей (чеканили свою монету, заключали договора с другими государствами и т. д.). Они сохраняли за собой по отношению к королю только обязанность военной службы.

Однако и эта военная служба далеко не всегда выполнялась. Крупного феодала, не желавшего почему-либо оказать королю военную помощь, было очень трудно к этому принудить. Он был для этого слишком силен.

Бывало и так, что короли совершенно сходили со сцены, и государство раздроблялось на ряд вполне самостоятельных мелких феодальных владений.



Карта феодальной Франции (XII в.).
(Номерами обозначены второстепенные феодальные владения.)

Феодальные владения во Франции.

Степень раздробленности феодального государства легко можно представить, взглянув на феодальную политическую карту. Разделенная на множество мелких клеточек, она напоминает лоскутное одеяло. В этом отношении очень характерна карта Франции XII столетия. На ней обозначено несколько десятков феодальных владений, и при этом

только самых крупных. Что же касается мелких, более или менее самостоятельных владений, то число их достигало, по крайней мере, ста пятидесяти.

Из крупнейших феодальных владений Франции того времени отметим герцогство Нормандское, графства Вермандуа и Шампань на севере страны. Между ними находились владения французского короля (домены): так называемое герцогство Французское — Иль де-Франс. К северо-западу было расположено герцогство Бретанское. Дальше на юг шли герцогства Аквитанское и Гасконское. На востоке крупнейшим владением было герцогство Бургундское.

Все эти герцогства и графства в очень слабой степени были подчинены королю Франции. Во владениях своих сеньоров французские короли долгое время имели право собирать налоги или назначать своих судей только с согласия сеньора, и лишь в своих собственных доменах французские короли были полновластными государями.

Феодальная Англия. Более централизованным было английское королевство. Уже знакомые нам три королевства — Нортумбрия, Мерсия и Уессекс — борются за преобладание, причем успех выпал на долю Уессекса, самого развитого в экономическом отношении королевства. В начале IX в. короли уессекские подчинили себе почти всю страну.

Легкости политического объединения Англии способствовали и географические условия страны. Небольшая территория (в Англию того времени не входили Шотландия, Ирландия и Уэлльс), равная приблизительно трети Франции, отсутствие внутри страны резких природных преград, наличие многочисленных рек, моря с извилистой береговой линией и старинные сухопутные дороги, наконец, географическое распределение земледелия и скотоводства между юго-восточными и северо-западными областями — все это способствовало как внутреннему обмену, так и политическому объединению.

Это объединение облегчалось еще и тем, что с конца IX в. страна стала подвергаться завоевательным набегам датчан. Английские короли получили в связи с этими набегами могучее оружие для усиления своей власти. Они ввели сбор со всех феодалов так называемых «датских денег», которые взимались сначала для того, чтобы оборониться или откупиться от датчан, а потом и для всяких иных чрезвычайных расходов. В XI в. (1066 г.) Англия была завоевана переселившимися в северную Францию норманнами[1], военным вождем которых был герцог Вильгельм, получивший прозвище Завоевателя.

Вильгельм сделался королем Англии и роздал бо́льшую часть английских земель безземельным феодалам, пришедшим с ним из Франции. Владения феодалов были разбиты на мелкие поместья, расположенные в различных районах. Это ослабляло силу феодалов, которые все без исключения были обязаны непосредственной присягой самому королю в отличие от других феодальных государств, где мелкие

---

[1] Норманны — скандинавы, жители земель, входящих в настоящее время в состав Швеции, Норвегии и Дании. Норманны были типичными купцами-разбойниками, совершавшими опустошительные набеги на прибрежные местности Европы и достигавшими на своих легких судах самых отдаленных стран. Так, имеются сведения, что уже в конце X в. (т. е. задолго до Колумба) норманны побывали в Америке. В X в. норманны захватили северо-западную часть Франции.

феодалы были зависимы не от короля, а от своих ближайших сеньоров. Находясь при этом как бы на военном положении в завоеванной стране, норманнские феодалы оказались в действительной зависимости от короля. Вследствие этих причин в Англии, в противоположность тому, что было в остальной Европе, уже в то время образовалась сравнительно сильная королевская власть.

Феодальные владения в Германии и «Священная римская империя германской нации».

Если в Англии IX—XI вв., в отличие от Франции, власть отдельных феодалов была сравнительно слабой, то в Германии их сила была особенно велика. Крупнейшими владениями в составе феодальной Германии были Саксония, Тюрингия, Франкония, Швабия и Бавария. В течение X—XI столетий короли Германии ведут борьбу с остатками родо-племенного строя в лице племенных герцогов. Короли стараются расчленить герцогства на более мелкие части. Таким путем они стремятся устранить племенных герцогов. Последние действительно сходят со сцены, и это на время увеличивает значение германских королей. Однако с развитием феодальных отношений значение крупных феодалов возрастает, и в XI—XII столетиях, когда полностью сложился феодальный строй, в Германии можно было насчитать несколько сотен отдельных феодальных владений.

Особенно много было владений церковных феодалов. Архиепископы, епископы, аббаты (настоятели монастырей) получают от германских королей широкий иммунитет и, со своей стороны, энергично поддерживают германских королей в их борьбе с племенными герцогами. Высшие и наиболее доходные государственные должности передаются чиновникам в рясах. Короли раздают церкви все новые и новые льготы, но в то же время стремятся все больше подчинить себе церковь. Чтобы закрепить за собой господство над церковью, один из германских королей — Оттон I — предпринимает поход на Рим. Здесь в 962 г. Оттон принимает титул императора. Новое государство получило название «Священной римской империи германской нации». В состав этой империи вошли, кроме германских земель, вся северная и средняя Италия, а несколько позже (в середине XI в.) и Бургундия. Но создание империи отнюдь не устранило распыленности феодального государства.

Так во всех странах Западной Европы установление феодальных отношений в той или иной степени приводило к раздроблению государственной власти. Собственность на землю связывалась с политической властью. Крупные феодалы превращались в самостоятельных государей.

Государственное управление, законодательство и суд.

Государственный аппарат крупных феодальных княжеств почти целиком совпадал с личным хозяйством феодального князя. Его приближенные, ведавшие различными отраслями государственного управления, были, в первую очередь, личными слугами феодала. Они прежде всего заведывали спальней, гардеробом, столом, винами, конюшней феодала, а затем уже, сохраняя эти первоначальные свои обязанности, они начинают управлять финансами, судом, войском. Этими тремя отраслями и исчерпывались все стороны государственного феодального управления. Таким образом различные государственные ведомства развивались из дворцовых служб. Государственный аппарат неразрывно был связан с двором.

Из отдельных отраслей феодального государственного управления особо отметим законодательство и суд. Мы знаем, что уже в эпоху родового строя появились записи обычаев. Записанные обычаи собирались в сборники, по которым общинные суды производили суд и расправу. К числу таких сборников обычного права надо отнести уже знакомые нам «варварские правды» германских племен.

С укреплением феодального строя, наряду с такими сборниками, феодальные короли стали практиковать издание особых указов. Такие указы издавались в тех случаях, когда старые обычаи противоречили интересам феодалов. Обыкновенно эти указы издавались не единолично государем, а съездом вассалов. Съезды собирались не регулярно, а по мере надобности. В большинстве случаев на них съезжались только главные вассалы и лишь в редких случаях — более широкие круги вассалов.

Характерна организация феодального суда. Суд был прежде всего доходной статьей для феодала. Не говоря уже о судебных пошлинах за решение дела, феодалы чрезвычайно широко практиковали конфискации имущества и штрафы. Сборники феодальных законов сохранили нам многочисленные перечисления различного вида штрафов. Во многих случаях штрафы платились на основе круговой поруки поголовно всей общиной, хотя правонарушение было совершено только одним членом. Короли издавали законы, дающие право судье взыскивать штраф почти во всех случаях, когда дело разбиралось в суде. Это открывало широкие возможности для феодалов, и они так изощрялись в своем судейском рвении, что нередко судебные доходы оказывались для них наиболее значительными из числа всех других. Поэтому право суда жаловалось как особая милость, в виде бенефиция, и передавалось по наследству.

Феодальный судья прибегал к своеобразным способам установления виновности подсудимого и для разрешения спора тяжущихся. Истина на суде устанавливалась чаще всего путем гадания. Гадали разными способами. Очень распространен был судебный обычай искать правого при помощи «поля», т. е. поединком. Правым оказывался тот, кто побеждал. Он выигрывал дело, а побежденный, кроме проигрыша дела, платил еще и штраф.

Приведем в качестве иллюстрации постановления относительно судебного поединка, сохранившиеся в одном из сборников немецкого феодального законодательства:

«Каждый может отказаться биться с тем, кто ниже его по рождению... Судья должен дать двух свидетелей-пособников каждому из тех, кто будет биться, а они смотрят, чтобы бойцы снарядились по праву и обычаю. Кожи и холста могут они надеть на себя сколько захотят. Голова и ноги у них должны быть спереди не прикрыты, а на руках — ничего, кроме нетолстых перчаток. В руках — обнаженный меч; кроме того они могут опоясаться одним или двумя мечами — это предоставляется их желанию. В другой руке — круглый щит, из дерева только да кожи, а в середке, конечно, может быть выпуклая бляха из железа. Поверх доспеха — камзол без рукавов. Каждому судья дает по человеку, который держал бы жезл [1]; человек этот не должен мешать им ни в чем, разве что кто-нибудь из них упадет, тогда он должен оградить его жезлом, или если кто будет ранен, или сам попросит охраны жезла, но вмешиваться в бой он не должен без разрешения судьи.

Перед боем стороны должны выступить перед судьей в полном доспехе и поклясться: один, что обвинение, с которым он выступил против другого,— правда, и да поможет ему бог, другой, что он не виновен, и да поможет ему бог. К солнцу надо ставить их в одинако-

[1] Символ защиты, служивший для того, чтобы разнять бойцов.

вом положении, когда они сходятся в первый раз; если побежден будет тот, кого обвиняли, — его подвергают наказанию; если же он одолеет, он освобожден от пени и кары».

Кроме поединка на суде прибегали еще к одному виду судебного гадания, к так называемым «ордалиям». В этом случае обвиняемый должен был опустить руку в кипящую воду или взять ею раскаленное железо. Затем руку на некоторое время перевязывали. Если после снятия повязки на руке не оказывалось явных следов ожога, обвиняемый считался правым.

§ 5. Феодальная церковь и ее идеология.

Экономическая роль церкви.

В феодальную эпоху огромную роль и в хозяйственной, и в политической, и в умственной жизни общества играла церковь. Церковь была крупнейшим феодалом, богатейшим землевладельцем. Богатства церкви слагались из разных источников. Короли, а за ними и другие крупные феодалы широко практиковали дарения земель в пользу церкви, причем раз приобретенные владения прочно задерживались в руках церкви, потому что церковные земли, как правило, были неотчуждаемы: их нельзя было ни дарить, ни продавать.



Взимание десятины.

Вот образчик королевского дарения в пользу церкви, относящийся к XI в.

«Да будет известно всем верным христу и нам, ныне живущим и будущим, как я, божьей милостью римский император Конрад, вместе с супругой нашей императрицей Гизелой, для спасения души нашей передаем в собственность храму сему, нами во славу и хвалу божию сооруженному, из вотчин наших 8 деревень в Нижнем Пфальце близ Вормса со всеми статьями, как-то: рабами, усадебными местами, строениями, землями, возделанными и невозделанными, пашнями, лугами, выгонами, водами, реками, мельницами, рыбными ловлями, полями, лесами, охотами, границами и межами, дорогами и тропами, с тем, что есть и впредь найдется, со всеми пользами, какие только записать или назвать можно, — с тем, чтобы аббат этого места с этой же властью и пользой, как и мы, впредь этим свободно владел и все, что оттуда получит, обращал бы на потребу церкви и братии. И, чтобы дар наш оставался в постоянной и нерушимой силе, мы приказали составить эту хартию, собственноручно подтвердив ее приложением нашей печати».

Подобные дарения были чрезвычайно распространенным явлением. Они много способствовали обогащению церкви. Богатства церкви складывались и другими путями. Во время бесконечных феодальных войн сложился обычай сдавать в церковь на хранение различные ценности. Многие жертвовали церкви большие суммы «на помин души» и по всяким другим поводам.

Церковь эксплоатировала в своих владениях крестьян и выколачивала из них налоги более умело и настойчиво, чем светские феодалы. У церкви было много еще «особых» доходов. В первую очередь это была так называемая «десятина». Крестьяне должны были отдавать церкви одну десятую своих доходов. Затем приходилось платить за совершение всевозможных церковиых треб: женится ли крестьянин, родится ли у него младенец, умрет ли кто в его семье, — без попа не обойтись. Законы и обычаи требовали совершения церковного обряда во всех этих случаях. Но и на этом не кончались доходы попов. Они получали еще за «молебны для дарования урожая» или «исцеления от болезни» и так далее без конца.

Ведя свое хозяйство более умело, чем светские феодалы, и выколачивая из крестьян больше продуктов, церковь раньше других феодалов начала продавать продукты своего хозяйства. Наиболее старинные феодальные рынки были организованы у монастырских стен. Эти рынки происходили в дни церковных праздников, и недаром немецкое слово die Messe означает одновременно и ярмарку, и обедню. Неудивительно поэтому, что церковь выступает в те времена в качестве защитника торговли и интересов купечества. В эпоху особенно многочисленных феодальных войн, грабежей и пиратских нападений католическая церковь пытается ввести обычай «божьего мира», который брал под особую охрану церковное имущество и странствующих купцов, а также запрещал в интересах торговли какие бы то ни было военные действия в определенные дни: с вечера субботы до утра понедельника, в дни главных праздников или больших постов.

Политическая роль церкви и папства.

Вместе с материальным богатством возрастало и политическое значение церкви.

Церковные поместья первые стали получать от королей иммунитеты и добились податной, административной и судебной независимости.

Судебная независимость церкви сыграла выдающуюся роль в росте церковного авторитета. При общем упадке центральной государственной власти и пестроте судебных порядков, практиковавшихся на землях светских феодалов, церковь вырабатывала единое церковное («каноническое») право, которое своей стройной системой много способствовало укреплению церковной организации. Каноническое право постепенно стало действующим и за пределами церкви. Все преступления против церкви, а также некоторые гражданские и уголовные дела разбирались по этому праву. Вместе с тем, церковь добилась того, что все преступления, совершенные клириками (служителями церкви), подлежали только церковному суду.

Церковные феодалы стояли на самых верхах феодальной лестницы. Особенно выдвигается один из католических епископов — епископ Рима (с IV в. он называется папой). Авторитет папы постепенно растет. Складывается убеждение, что папа римский — наместник главного «святого», Петра, который будто бы основал римскую церковь. Это поверие усиленно поддерживалось, так как оно чрезвычайно повышало авторитет папы и помогало сплотить всю католическую церковь в единую централизованную организацию. Видную роль сыграли папы во время завоевания германцами римской территории (в V—VI вв.). То ведя войны, то действуя дипломатическим путем, посылая миссионеров

для обращения германцев в христианство, папы добились совершенно исключительного положения. Католицизм охватил все страны Западной Европы, а римский папа стал главой всей западной церкви.

Первоначально феодальные короли поддерживали папство и способствовали его возвышению. В VIII в. франкский король Пипин Короткий передает папе в непосредственное управление значительную часть завоеванной франками Средней Италии — так называемую Папскую область. Это было наградой папству за услуги, которые оно оказало франкскому королю Пипину Короткому, захватившему власть путем ряда убийств и других преступлений (представитель папы совершил над Пипином обряд «священного» коронования). В 800 г. сын Пипина Короткого — Карл Великий — с огромной пышностью был коронован в Риме и провозглашен императором.

Борьба светской и духовной власти.

Так установился союз между церковью и государством в лице каролингской империи. Но в дальнейшем между папами и отдельными феодальными монархами начинается острая борьба за политическое преобладание. Когда после смерти Карла Великого власть франкских королей начала заметно падать, папы поспешили этим воспользоваться для того, чтобы закрепить свое преобладание. В ход была пущена целая серия подложных документов (подложность их была доказана только в XV в.). В фальшивках говорилось, что папа — глава всего мира, что власть над Римом и всем Западом передана папам еще в IV в. императором Константином, что сам папа не ответственен ни перед каким судом, что епископы подлежат только его суду, но никак не светскому, что церковь совершенно независима от государства, а государство должно заботиться, чтобы его законы не противоречили законам церковным, что имущество церкви неприкосновенно, и т. д.

Опираясь на эти подложные документы, папы римские все больше стремятся усилить свою власть и стараются сделать католических королей своими вассалами. И чем больше с развитием феодальных отношений падала власть феодальных королей, тем успешнее добивались папы своего главенства над светской властью. Но слабые места были и у церкви. Епископы как истые феодалы не желали полностью подчиняться папам. Поэтому в борьбе королевской власти с папами епископы нередко поддерживали королей, за что получали от последних новые льготы и привилегии.

Могущественную поддержку папству оказывали католические организации — монастыри и их объединения, которые назывались «конгрегациями», или «орденами». Среди этих «орденов» особенной известностью пользовались бенедиктинцы, позже (с XIII в.) доминиканцы и францисканцы.

Монастыри обладали колоссальными земельными угодьями, вели передовое, хорошо поставленное хозяйство, бойко торговали всевозможными товарами: солью, хлебом, вином, рыбой, ремесленными изделиями. В крупных, хорошо поставленных монастырских хозяйствах всегда имелись ремесленники различных специальностей. О размерах монастырского ремесленного производства можно судить по Сен-Галленскому монастырю, где в начале IX в., как гласит одна из записей

того времени, проектировалась постройка обширного помещения для золотых дел мастеров, кузнецов, ткачей, седельников, токарей, ткачей, пекарей и пивоваров. Немудрено, что монастыри представляли лакомый кусок, на который с жадностью смотрели и епископы и королевская власть. И те и другие стремились к подчинению себе монастырей. Последние же предпочитали подчиняться непосредственно римскому папе.

Крупной победы в борьбе со светской и духовной властью папство добивается во второй половине XI в. В это время император Генрих IV, после долгой, упорной борьбы с папой Григорием VII Гильдебрандом, вынужден был пойти на величайшее унижение перед папством. Предание передает, что в покаянных одеждах, босой, вымаливал он прощение у папы, отправившись в январскую стужу в замок Каноссу, на севере Италии (отсюда выражение «итти в Каноссу», т. е. смириться, итти на унижение). В это время влияние папства было исключительно велико. Католическая церковь господствовала над умами всего феодального мира.

Феодальная идеология.

Под полной опекой церкви находились широкие массы населения. Религия, как опиум, дурманила сознание общества. Корни господства религиозной идеологии лежали в экономических условиях жизни феодального крестьянства, составлявшего огромное большинство населения. Бесконечные поборы и притеснения феодалов, постоянные неурожаи и голодовки, частые эпидемии — все это давало пищу мечтам о другом, лучшем, более справедливом и счастливом мире.

И вот, католическая церковь ловко пользуется народной мечтой о лучшей жизни. Она стремится отвлечь народные массы от борьбы за улучшение своего положения. Чтобы легче держать массы в слепом повиновении, церковь направляла все помыслы человека в область загробной жизни, подальше от «мирской суеты». Забитому, несчастному крестьянину постоянно внушалась мысль, что он должен страдать «на этом свете», так как это лучший способ заслужить спасение «на том свете». Крестьянина приучали к смирению, повиновению и терпению. Его учили, что он должен поститься, отказывать себе в необходимом ради спасения своей души. Иными словами, церковь усиленно проповедывала идеи аскетизма.

И в то же время сами попы и монахи вели праздный, развратный образ жизни пьяниц и обжор.

Католицизм — феодальная религия.

С превращением католической церкви в крупнейшего феодала христианская религия становилась типичной феодальной религией. Мир богов и святых строился по образу и подобию земного феодального мира. Наверху небесного царства стоит «троица» — бог-отец, бог-сын, бог-дух святой. Несколько ниже — мать бога-сына. Она «заступница угнетенных», «просительница» перед своим сыном. Святые уподобляются феодальным вассалам. Они располагаются по иерархической лестнице — апостолы, великомученики, наконец, просто мученики. В строгой системе выстроены всевозможные разряды ангелов. Раздробленность феодального общества также сказалась на христианском учении. Каждый круг людей, каждая профессия имела особых святых-покровителей, которые выступали в качестве ходатаев перед

высшим божеством. Праздники этих местных святых чтились особенно высоко.

Католицизм делает все возможное, чтобы усилить свое влияние. На психику темных масс действуют пышностью церковного «богослужения». Строятся церкви, которые всячески украшаются. Церковная «служба» обставляется с величайшей торжественностью: церковь освещается множеством горящих свечей, попы облачаются в пышные одежды, «служба» сопровождается музыкой и пением. Молящиеся в этой обстановке невольно ослепляются величием всего, что их окружает.

Начиная, примерно, с XI в., в церковное богослужéние вводятся драматические инсценировки, так называемые мистерии, которые совершаются сначала внутри самой церкви, затем выносятся на паперть и еще позже — на городскую площадь. Эти инсценировки с летающими ангелами, с изображением «рая» и «ада» и различных «чудес» должны были еще больше увеличивать религиозное настроение зрителей.

Своим авторитетом церковь пользовалась, конечно, с большой для себя выгодой. Развивалось учение, что в дарениях в пользу церкви выражается любовь к богу, что сама возможность совершать такие дарения — результат особой милости божества, так как при помощи дарения человек может искупить все свои грехи и легче всего достигнуть вечного блаженства в загробной жизни. На этой почве появилась даже продажа так называемых «индульгенций», т. е. отпущений грехов. За деньги католическая церковь «отпускала» какие угодно грехи и наживала на этом огромные средства (продажа индульгенций широко практиковалась в Западной Европе, начиная с XI в.). Распространялась и другая теория, по которой все земли созданы богом и ему поэтому и принадлежат; в силу этого дарение земли в пользу церкви — не больше, чем возвращение имущества настоящему владельцу.

Феодальная наука и школа.

Замкнутое натуральное хозяйство феодализма удовлетворялось ограниченным кругом практических навыков и почти не нуждалось в теоретических знаниях. Неподвижность и застойность техники не могли создать почвы для развития науки, стремящейся в познанию и к овладению природой. Считалось, что богом в «священном писании» и в «творениях святых отцов» изложена совокупность всех доступных человеку познаний. Круг научной мысли почти замыкался изучением священных книг. Главнейшей наукой сделалось богословие. «Светскую» же науку (она тогда называлась «философией») объявили «служанкой богословия». Все это привело к упадку тех знаний, которые народы Западной Европы получили от древнего Рима и Греции. В феодальную эпоху всякое знание приобретает божественный характер, облекается в таинственные формы. Даже арифметика превращается в изучение таинственных свойств чисел.

Школа в те времена всецело находилась в руках попов, и они учили детей чтению «священных» книг и пению псалмов, но и таких школ было очень мало. Поэтому даже среди феодалов редко можно было найти грамотного; что же касается крестьян, то для них грамота была совершенно недоступна. Даже чтение «священных»

книг и то попам и феодалам казалось «опасной» затеей; оно все же приучало к чтению и, значит, к некоторому размышлению, а этого-то как раз больше всего боялись эксплоататоры-феодалы. Если уже читать в церкви книги, то на латинском языке, которого находящиеся в церкви не понимали. Поэтому слушание превращалось в механическое, бессмысленное, а значит, и безопасное занятие.

Церковь издавала специальные указы, где говорилось:

«Запрещаем мирянам иметь у себя книги ветхого и нового завета... сии книги запрещаем иметь и в переводе на народный язык». А папа Иннокентий III в послании «Ко всем верным во христе» пишет: «Тайные, ведь, глубины веры нельзя всюду и всем излагать, ибо не всем они понятны... и посему было сказано в божественном закопе, что если и зверь прикоснется к горе, он будет побит камнями. Так и простой человек, да не посмеет касаться высот священного писания».

Так церковь пускала в ход всю свою огромную силу для того, чтобы помочь феодалам как можно больше эксплоатировать крестьян, для того чтобы держать их в постоянном повиновении.

ГЛАВА III.

ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД.

§ 6. Развитие городской жизни.

Выделение ремесла из сельского хозяйства.

В предыдущей главе мы выяснили, что в IX—XI вв. в Западной Европе городов было очень мало и их роль в хозяйстве была невелика. Мало было развито в это время и ремесленное производство. Отдельные виды специалистов, занимавшихся только ремеслом, появились, правда, еще в дофеодальные времена, — например кузнецы или гончары, — но все же, примерно до XI в., ремесло очень слабо было выделено из сельского хозяйства.

В дальнейшем картина начинает меняться. Усовершенствование орудий труда и способов обработки сырых материалов приводит к выделению новых ремесленных специальностей. То, что раньше выделывалось в каждом крестьянском или помещичьем хозяйстве наряду с разными сельскохозяйственными продуктами, становится отраслью специального производства.

Многое здесь зависело от распространения металлов. Медь, бронза и особенно железо становятся основными материалами для выработки орудий труда, оружия и разнообразной утвари. А обработка металла требует значительной сноровки и многих специальных знаний («секреты производства»). Это и приводит к увеличению роли ремесленников. Но в руках специалистов-ремесленников сосредоточивается не только выделка металлических изделий. Мукомольное дело, обработка кожи, прядение, ткачество, работа по дереву, пошивка обуви и одежды, ювелирное дело и множество других видов промышленного производства постепенно выделяются в специальные отрасли ремесла.

В ы д е л е н и е р е м е с л е н н о г о п р о и з в о д с т в а и з с е л ь с к о г о х о з я й с т в а о з н а ч а л о р а з в и т и е о б щ е с т в е н н о г о р а з д е л е н и я т р у д а.

Этим ростом общественного разделения труда следует объяснить появление в XI, и особенно, в XII и XIII вв. в странах Западной

Европы большого количества новых городов. Так шло развитие городской жизни. Но мы еще ничего не сказали о том, как возникли города. Для ответа на этот вопрос нам придется вернуться несколько назад.

Возникновение городов.

Как показывает само слово, город был прежде всего укрепленным местом. Городить — значит обносить стеной, огораживать; отсюда — город, что прежде всего означает ограду около жилья, укрепленное стенами место. Встарь говорили: «срубить город», т. е. построить город, обнеся его срубленными бревенчатыми стенами. Немецкое «Burg» имеет то же значение, что и русское «город».



Цеховые ремесленники.

Прежде всего укреплялись военные стоянки, расположенные главным образом на границах территории, занятой осевшими племенами. Затем, защищаясь от набегов, огораживал свою усадьбу феодал; то же старались делать отдельные селения.

Любопытный случай возникновения города описан в одном старинном документе. Здесь речь идет о фландрском городе Брюгге.

«...После этого для нужд и потребностей обитателей замка начали стекаться к воротам его моста торговцы или продавцы более ценных вещей, затем лавочники. Затем содержатели постоялых дворов для прокормления и приюта тех, кто вел торговые дела, стали строить дома и устраивать гостиницы, где помещались те, кто не мог обитать внутри замка. И вошло у них в обычай говорить: «Идем к мосту». Здесь поселение настолько разрослось, что вскоре образовался большой город, который по сию пору в просторечьи носит имя моста, — ведь на их наречии «брюгге» — значит «мост».

Огороженное, защищенное место было лишь зародышем, из которого впоследствии стал развиваться город. Ход этого развития всецело зависел от того, какое именно место укреплялось. Если это было место, расположенное вдали от торговых путей, город

в настоящем смысле этого слова, как центр торговли и промышленного производства, не создавался. Если же укрепленные пункты возникали на удобных путях сообщения или особенно на пересечении таких путей, то в них быстро начинала развиваться торговля. Она производилась, в первую очередь, на периодических ярмарках. Из года в год приезжали на ярмарку купцы, устраивали здесь склады товаров и нередко избирали данный пункт местом постоянного жительства. Тут же селились и ремесленники разных специальностей, так как сбыт их изделий был обеспечен здесь лучше, чем где бы то ни было. Небольшой укрепленный пункт постепенно разрастался в настоящий город. Прибывающее сюда население селилось уже за стенами первоначального основного укрепления, и нередко бывало, что вокруг разросшегося города строилось новое кольцо стен.



Замок Лош с разросшимся вокруг него поселением.

Многие города Западной Европы возникли еще во времена Римской империи как торговые пункты и как военные укрепления. Свое военное значение город не терял и в феодальную эпоху. Об этом говорят сохранившиеся во многих местах до наших дней остатки городских сооружений: каменные стены, рвы, дозорные башни, крепкие, тяжелые ворота. Изображения таких городов мы находим кроме того на многих старинных рисунках.

Но такие крепкие и сложные городские сооружения устраивались лишь в больших и богатых городах. Города поменьше в лучшем случае имели ров и идущий за ним вал из земли. Такие города мало чем по внешности отличались от деревни. Те же неказистые домишки, сады и огороды вокруг них. Сейчас же за чертою города — луга для выгона скота горожан. Здесь же была и пашня.

Ремесло. Большую роль в жизни феодального города, как уже сказано, играет ремесло.

Ремесленник, за редкими исключениями, работает вручную (отсюда слово «ремесло», или, как говорили в былые времена, «рукомесло»). Техника ремесла застойна. Из поколения в поколение, десятки

и сотни лет ремесленники пользуются одними и теми же, обычно очень несложными, инструментами; не изменяются и приемы работы. Зато увеличивается и достигает совершенства ловкость и искусность отдельных мастеров. Еще будучи учеником и подмастерьем, мастер в совершенстве изучает какую-нибудь отрасль производства. В конце концов, он часто становится артистом своего дела. Вместе с тем растет и количество ремесленных специальностей. Между отдельными смежными отраслями ремесла устанавливается разделение труда; например, обувь выделывается кожемятниками, которые «мнут» кожу и приготовляют «сыромять», дубильщиками, заготовщиками, башмачниками. Зато в н у т р и отдельной мастерской разделение труда почти не применяется. Таковы технические условия ремесла.

Посмотрим теперь, каковы были экономические условия городского ремесла. Ремесленник — собственник орудий производства. Иногда ему принадлежат и сырые материлы, хотя сплошь да рядом эти материалы предоставляются заказчиком. Ремесленник самостоятельно, без всяких посредников, сбывает свои изделия потребителям. Он работает на заказ или сам продает эти изделия — иногда из своей мастерской, иногда на базаре.

Городское ремесло было т о в а р н ы м п р о и з в о д с т в о м. В этом отношении между феодальным крестьянином и городским ремесленником — существенное отличие. В феодальную пору крестьянин производит хлеб для выполнения повинностей феодалу и для личного потребления. За редкими исключениями продукты его труда не обмениваются на другие продукты, а прямо идут в потребление — его личное или феодала. При этом феодал, получая от крестьянина в виде оброка продукты, ничего взамен не давал, почему между крестьянином и феодалом не было и обмена.

Совсем иначе обстоит дело с производством городских ремесленников. Их изделия меньше всего идут на удовлетворение потребностей их личных или их семьи (отсюда поговорка: «Сапожник без сапог»). Часть изделий городских ремесленников, подобно крестьянским продуктам, предназначается иногда в виде оброка духовному или светскому феодалу, правящему городом, но главную массу своих изделий ремесленник производит как т о в а р ы. Таким образом, городской ремесленник был м е л к и м с а м о с т о я т е л ь н ы м т о в а р о п р о и з в о д и т е л е м. В то же время г о р о д с к о е р е м е с л о о с н о в ы в а л о с ь н а ф е о д а л ь н о м с п о с о б е п р о и з в о д с т в а. Ремесленник-собственник небольшой мастерской эксплоатирует своих подмастерьев и учеников, причем он в значительной степени пользуется внеэкономическим принуждением.

Свобода учеников и подмастерьев была во многом ограничена. Они обычно не имели права покидать своих хозяев до установленного срока, они полностью зависели от мастера и должны были решительно во всем его слушаться, даже в повседневной личной жизни.

Районные рынки.

Хотя многие из горожан не совсем порывали с сельским хозяйством, но важнейшим занятием горожан все же было не сельское хозяйство, а ремесло. Оно-то и в ы д е л я л о г о р о д и з д е р е в н и.

Между городом и окрестными деревнями устанавливался постоянный обмен. На городских рынках продавались изделия ремесленников:

оружие, платье, шапки, сукна, обувь, хомуты, телеги, горшки, гробы. Здесь же можно было купить продукты, привозимые из ближайших поместий как феодалами, так и самими крестьянами: домашний скот, дичь, рыбу, хлеб, сено, дрова, овощи, ягоды, грибы; в городе же торговали вином и солью. Так складывался небольшой **районный рынок**.

Район, захваченный подобным обменом, обычно бывал очень невелик. Почти во всей Германии крестьянин даже из отдаленных селений мог в один день добраться до городского рынка и к вечеру вернуться домой.

В Англии XIII в. города находились друг от друга в среднем на расстоянии около 10 *км*.

Население феодальных городов.

Размеры города были в большинстве случаев невелики. В городах насчитывалось всего по нескольку сот жителей. Город с населением в 2—3 тыс. человек считался уже большим, и лишь единичные города Западной Европы, вроде Лондона или Парижа, насчитывали по два-три десятка тысяч жителей.

Малочисленности населения городов соответствовал их очень медленный рост, несмотря на то, что в города стекались окрестные сельские жители, так как жизнь в городе была свободнее и обеспеченнее. Смертность в городах значительно превышала рождаемость. Объясняется это очень скверными санитарными условиями городов. Нечистоты выбрасывались из домов в реку или прямо на улицу. Грязь поэтому была невообразимая. Антисанитарное состояние городов способствовало распространению частых и опустошительных эпидемий. Иногда в течение нескольких летних месяцев умирала десятая и даже четвертая часть городского населения. Это происходило даже в годы, когда не было эпидемии. При больших же эпидемиях вымирали чуть не целые города.

Эпидемии, частые войны, неумелые врачи и членовредительские наказания порождали огромное количество неизлечимо больных и калек. Почти в каждом, даже небольшом, городе имелись специальные заведения для прокаженных (лепрозории).

Во Франции XIII в. насчитывалось около 2 тыс. лепрозориев. Затем много было слепых, безруких, безногих.

Чрезвычайно велико было количество психически больных. Все это было нетрудоспособное население. Можно приблизительно предположить, что, в среднем, на каждые 10 человек 1 жил подаянием.

Внешность городов была очень непривлекательной: множество пустырей и разрушенных домов, редкие постройки, отсутствие мостовых. Убогие строения, по преимуществу деревянные, крытые чаще всего соломой. Только многочисленные сады и лужайки несколько скрашивали общую картину.

§ 7. Организация городского населения.

Купеческие гильдии.

Большую роль в жизни феодального города играют организации купцов и ремесленников.

Раньше всего организуется купечество. В Западной Европе первые **гильдии** (так назывались купеческие организации) возникли в Англии (в X в.). Затем они появились в Норвегии, Италии, Франции и других странах, позже в Германии. К XIV в. они были уже повсеместно.

Первоначальной почвой для создания гильдии были совместные торговые поездки купцов. Купцы отправлялись на ярмарку целыми караванами, а в морские путешествия не отдельными кораблями, а флотилиями, так как путешествия были сопряжены с постоянным

риском нападения и ограбления. На дорогах грабили и многочисленные разбойничьи шайки, и отдельные феодалы, и их дружинники. На морях хозяйничали пираты. Сначала купцы соединялись специально для каждого путешествия, но постепенно возникали и постоянные союзы. Итальянские купцы учредили обширную корпорацию (товарищество) под названием «Союз итальянских купцов, посещающих ярмарки Шампани и Франции». Подобные компании нанимали вооруженную стражу для сопровождения каравана. Они договаривались с феодалами, через земли которых предстояло проезжать каравану, о размерах пошлины, добивались обещания, что тюки купцов не будут вскрыты, и т. д.

Первое время гильдии объединяли торговцев, которые вели международную оптовую торговлю. Доступ в них в это время был свободен. Всякий мог присоединиться к группе купцов, отправлявшихся в ту или иную страну. Чем караван был многолюднее, чем больше кораблей отправлялось в путь, — тем безопаснее было предприятие. Но те же купцы, вернувшись обратно, продавали свои товары не только оптом другим торговцам, но и в розницу, непосредственно потребителям. Для этой розничной торговли не требовалось ни риска, ни большого капитала, и поэтому здесь раньше всего появилась конкуренция.

Организации торговцев начинают теперь преследовать совершенно новые задачи — борьбу с конкуренцией. Доступ в гильдии делается крайне затруднительным. В них принимают лиц лишь господствующей в данной стране национальности, обладающих известным имуществом. Создаются и другие ограничения. Но гильдии борются не только с конкуренцией купцов, не входящих в организации. Они ведут борьбу против конкуренции между своими членами. Для этого устанавливаются твердые продажные и покупные цены, определенные дни и часы торговли и т. д. Вместе с тем гильдии берут на себя дело взаимопомощи. Если купца постигло какое-нибудь несчастье (ограбление, пожар, болезнь и т. д.), организация приходила ему на помощь. Немалую роль играли гильдии и в политической жизни. Они руководили борьбой городов с феодалами. Купечество стремилось ограничить размеры налогов в пользу феодалов и, во всяком случае, установить для них твердые размеры. Для этого гильдии берут на себя прежде всего сбор всех налогов в пользу феодала со своих членов и отвечают перед феодалом за своевременность поступления платежей. Это было выгодно обеим сторонам, и феодал охотно поддерживал влияние гильдейских организаций. В то же время это сильно сплачивало членов гильдии, несущей круговую поруку. Гильдии начинают теперь интересоваться и личной жизнью своих членов, требуя от них «приличного» образа жизни. В то же время они играют роль своеобразных клубов, в которых организуются регулярные пирушки и попойки. Наконец, надо отметить, что гильдии принимали самое деятельное участие в организации городского самоуправления, когда города в той или иной степени добивались независимости от феодалов.

Во главе гильдии стоял совет, избиравшийся на общих собраниях членов гильдии. Кроме того каждая гильдия имела еще несколько выборных должностных лиц: старшину, казначея и др.

Ремесленные цехи.

Организации ремесленников (они обыкновенно называются **ц е х а м и**) появились несколько позже, чем купеческие гильдии. В Италии цехи стали возникать в X—XI вв., во Франции в XI—XII вв., в Англии в XII—XIII вв., в Германии в XIII столетии. В Западной Европе организации ремесленников повсеместно были и многочисленными, и очень влиятельными. Чем больше специализировалось ремесло, расчленяясь на множество мелких самостоятельных профессий, тем многочисленнее были цехи. О распространенности цеховой формы организации можно судить по тому, что в особые цехи объединялись даже такие специальности, которые никак не могут быть названы ремесленными в обычном смысле этого слова. Зачастую можно было встретиться с цехами нищих, менял, нотариусов, врачей и т. д.



В мастерской оружейника.

Главной задачей цехов было устранение конкуренции между отдельными ремесленниками и установление исключительного господства данного цеха на рынке. Для этого они вырабатывали многочисленные правила, обыкновенно записанные в особые сборники — в «цеховые уставы». Цехи стремились поставить всех мастеров в одинаковые условия и строго регулировали все мелочи производства, начиная от закупки сырья и кончая сбытом готовых изделий. Сырье можно было покупать только на рынке, но отнюдь не по дороге к рынку. Каждый мастер должен был лично покупать необходимые ему продукты и только для себя, но никак не для перепродажи. Продажа товаров должна была производиться в определенные часы и дни в мастерской или только на рынке. Мастер не имел права расхваливать свой товар и зазывать к себе покупателя. Запрещалось также переманивать покупателя из лавки другого мастера. Особое внимание обращалось на самый процесс производства. Ремесленник мог содержать только одну мастерскую. Ограничено было число инструментов в одной мастерской. При найме учеников и подмастерьев мастера опять-таки были поставлены в одинаковые условия. Они не

имели права повышать установленную цехами заработную плату и таким образом переманивать к себе более искусных подмастерьев. Количество учеников и подмастерьев было строго ограничено. Техника производства была точно определена. Товары предписывалось выделывать только из установленного материала, определенным способом и одинакового размера.

Нарушение всех этих постановлений почти всегда влекло за собой конфискацию изделия и денежный штраф. У парижских ткачей, например, было правило, что «ни один ткач, какое бы сукно он ни ткал, не должен оставлять по обеим сторонам основы более 20 пустых зубьев. Если же он оставит более 20 пустых зубьев, то за каждый зуб платит штраф».

В качестве иллюстрации вмешательства цехов в организацию производства и сбыта ремесленных изделий приводим выдержки из правил производства сукон, изданных в г. Шалоне в 1244 г.:

«Соглашением граждан-суконщиков в Шалоне записано, сделано, постановлено и указано следующее:

Нельзя делать сукна зеленого, коричневого, синего и красного; в шерсти этих цветов не полагается.

Нельзя вырабатывать никакого сукна вне своего дома.

Никто не может и не должен продавать местную шерсть за шерсть английскую...

Нельзя держать работника или работницу, которые на службе у другого. Нельзя продавать никакого сукна по окончании ярмарки. Нельзя ни продавать сукно, ни выставлять его на показ иначе, как внутри рыночного здания. Отнюдь нельзя приносить огонь в амбар ночью, когда ярмарка, разве это сделает сам хозяин, и нельзя закрывать ставни никому, кроме самих хозяев. Нельзя везти на ярмарку никаких сукон, если они не упакованы по установленной форме. Нельзя продавать никакого деревенского сукна под именем шалонского. Сукна, которые мы продаем в Шалоне, мы никуда не вывозим на ярмарки...»

Если так много внимания уделялось борьбе с конкуренцией между членами цеха, то еще больше цеховые организации заботились о прекращении конкуренции извне. Пользуясь поддержкой феодалов и городских самоуправлений, цехи запрещали всем, кто не входил в их состав, заниматься ремесленными промыслами. Позже цехи начали ограничивать количество членов каждого цеха и ставить ряд преград для занятия освобождающихся вакансий мастеров.

Существенной задачей в жизни цехов была взаимопомощь, а также урегулирование взаимоотношений с феодалами. Цехи осуществляли эту последнюю задачу так же, как и купеческие гильдии, иногда путем открытой борьбы, иногда при помощи откупа. Цехи брали на себя уплату налогов в пользу феодалов. Подобно гильдиям, они ручались за своевременную уплату этих налогов и, благодаря этому, получали известную поддержку со стороны феодалов. Пока шла борьба, цехи охотно увеличивали свою численность. Но когда положение их упрочилось, многолюдность цеха становилась невыгодной, так как вызывала конкуренцию. Тогда цехи начинают принимать меры против конкуренции.

Нам остается сказать еще об одной стороне деятельности цехов. Подобно гильдиям, цехи являлись для своих членов своего рода клубами. Церковь и трактир служили местами, вокруг которых группировалась жизнь цехов. Устройство богослужений, крестных ходов, религиозных празднеств, а также организация в трактирах регулярных пирушек и попоек — и для цехов, так же как и для гильдий, были далеко не последним занятием.

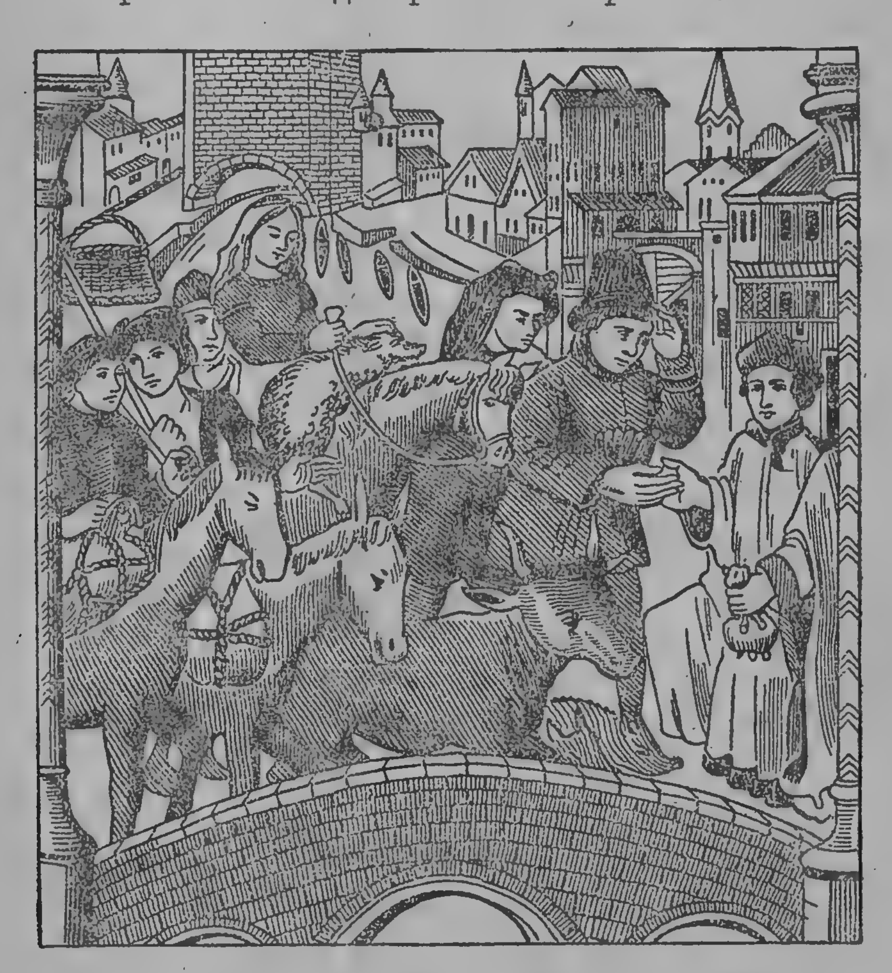
Надо заметить, что цехи защищали интересы только самостоятельных ремесленников. Подмастерья же и ученики занимали в цеховом строе подчиненное положение. Положение их было, правда, лучше, чем капиталистических рабочих, но и они подвергались эксплоатации со стороны собственников ремесленных мастерских. А это приводило к противоречию интересов тех и других, давало пищу зарождавшейся классовой борьбе.

§ 8. Борьба городов с феодалами.

Помехи торговле.

Города находились во владении светских или духовных феодалов, которым было очень выгодно иметь под своей властью богатые города, так как налоговые сборы с городской торговли давали феодалу немалые доходы.

Но феодалы сами подрубали сук, на котором сидели. Они стремились извлечь из торговли как можно больше выгоды и поэтому облагали торговцев огромным количеством торговых сборов. Это было сильнейшим препятствием для развития торговли.



Взимание мостовой пошлины при въезде в город.

Каждый шаг купца, связанный с торговлей, облагался какимлибо особым сбором. Изобретательность феодалов в этом отношении была поистине изумительной. Купцам приходилось уплачивать пошлину при переезде каждой границы, за провоз товаров по рекам,

по мостам и дорогам, за право производить торговлю, за остановки в пути и т. д. и т. д.

В некоторых местностях Западной Европы феодалы взимали иногда особые налоги за поднимаемую на дороге пыль, за колеса повозки или за ее дышло, за помятую траву и т. д.

Но не только пошлины и налоги тормозили торговлю. В каждом из карликовых феодальных государств были свои судебные порядки, нередко и своя монетная система, свои единицы различных мер. Кроме того распыленная феодальная власть ни в какой мере не обеспечивала безопасности торговли. Дороги кишели разбойниками, и сами феодалы зачастую не брезговали грабежом проезжего купца.

Немудрено, что города при таких условиях старались уйти из-под власти феодалов. Они встречали поддержку со стороны королевской власти, так как короли стремились увеличить свою власть за счет могущественных феодалов — опасных соперников королей.

Вот любопытное свидетельство о том, что короли и города друг друга взаимно поддерживали в борьбе с феодалами. Французский король Людовик IX (по прозвищу «святой»)[1] оставил своему сыну завещание, в котором говорилось:

«Моему любезному первородному сыну Филиппу привет и отцовская любовь.

... Прилежно охраняй в своей земле людей всякого рода... Смотри, чтобы все подданные твои охранялись, пользуясь правосудием и спокойствием... Сохраняй добрые города твоего королевства в том состоянии и с теми льготами, как передали их твои предшественники, и если что-либо нужно улучшить, улучшай и исправляй и содержи их в милости и любви. Ибо сила и богатство твоих добрых городов воспрепятствуют чужеземцам и частным лицам, особенно крупным вассалам и баронам, ставить тебя в неприятное положение. Я с удовольствием вспоминаю о Париже и о добрых городах моего королевства, которые помогли мне против баронов, когда я только что был коронован».

Короли давали городам всевозможные льготы. Так, например, часто объявлялось, что проживание в городе в продолжение определенного промежутка времени влечет за собою освобождение от крепостного состояния и делает человека свободным. Сложилась даже поговорка: «Воздух города делает человека свободным».

Подобные льготы были результатом не только добровольного «пожалования», но и стремления горожан добиться наибольшей независимости. Между феодалами и горожанами на этой почве сплошь да рядом возникала борьба, в итоге которой богатые крупные города добивались в отдельных случаях независимости, превращаясь в самоуправляющиеся коммуны.

История Ланской коммуны.

Остановимся вкратце на истории Ланской коммуны. Город Лан, расположенный на севере Франции, в конце XI в. принадлежал к числу наиболее значительных городов Французского королевства. В нем было сильно развито ремесленное производство, и велась крупная по тем временам торговля. Власть над Ланом принадлежала епископу, который извлекал из города очень большие доходы. С городского населения по всякому поводу взимались высокие налоги. То и дело горожан таскали в суд и налагали на них всяческие штрафы.

Добытые таким образом деньги делились между сановниками церкви и дворянами. Но дело не ограничивалось одними налогами

---

[1] Умер в 1270 г.

и штрафами. Вооруженные дворяне нападали на горожан, грабили их или насильно уводили в свои замки и требовали за освобождение выкуп.

Горожане решили откупиться от произвола епископа и близких к нему феодалов в рясах и без ряс. Они предложили крупную сумму денег за право организовать городскую коммуну. Эта сумма соблазнила феодалов, и они согласились на организацию коммуны. В торжественной обстановке, в церкви, духовенство, дворяне и горожане условились, что в городе будет введена коммуна. Судебная и полицейская власть вверялась выбранному мэру и 12 присяжным. Они получили право созывать жителей ударами в колокол для устройства общей сходки — веча — или для защиты от нападения. Выборные из среды горожан должны были разбирать все дела по преступлениям, совершенным горожанами в черте города или в его предместьях. Они должны были сами приводить в исполнение вынесенные приговоры. Коммуне, наконец, разрешалось завести городское знамя как символ права на самоуправление и особую печать для скрепления всех приговоров и других принятых коммуной решений. Одновременно было оговорено, какие именно налоги горожане впредь должны платить своему сеньору.

Все эти решения были приняты, когда ланский епископ отсутствовал из города и за него выступали его приближенные, которые получили с горожан предусмотренные соглашением деньги. Когда все было оформлено, вернулся епископ и не пожелал утвердить решения. Пришлось заплатить ему новую сумму денег, только после чего он подписал приговор об учреждении коммуны. Теперь оставалось получить утверждение короля. За приличную сумму денег удалось добиться и этого. Коммуна была организована и утверждена.

Прошло несколько лет. Епископы, попы и дворяне растратили деньги, полученные с горожан. Тогда епископ и дворяне решили нарушить договор. Для этого обратились к королю и его советникам. И вот начался торг. Мэр, узнав о переговорах с королем, поспешил пустить в ход самый верный аргумент. Он пообещал королю 400 ливров серебром (это была огромная сумма), если права коммуны не будут уничтожены. Однако распаленный жаждой наживы, в надежде вернуть себе утраченные доходы от поборов с горожан, епископ предложил королю еще бо́льшую сумму — 700 ливров серебром. Этих денег у него не было, правда, но он надеялся их выжать из горожан, когда коммуна будет уничтожена. Король и его приближенные колебались недолго. 700 ливров показались очень заманчивыми, и король «освободил» самого себя и епископа от клятвы, данной горожанам. Затем от имени короля и епископа был издан приказ мэру и присяжным возвратить печать и городское знамя. Этот приказ запрещал также и созыв веча. Коммуна была упразднена.

Но горожане не подчинились. Они решили отстаивать коммуну силой оружия. Началось восстание. Вооруженные дубинами, топорами, луками и копьями горожане напали на епископский замок, овладели церковью, убили епископа, наиболее ненавистных попов и дворян. На некоторое время враг был сломлен. Но горожанам не удалось удержать коммунальное самоуправление. Вскоре из всей округи собрались в большом количестве хорошо вооруженные дворяне, разграбили город и перебили вожаков восстания.

После этого королевский суд оформил уничтожение коммуны. В приговоре суда говорилось: «Мы объявляем вышеупомянутых граждан, мэра, присяжных, эшевенов[1] и все другие городские власти Лана виновными в перечисленных деяниях и лишаем их настоящим постановлением нашим всех прав на коммуну и на общее собрание под каким бы то ни было именем, отнимаем у них совсем и навсегда их колокол, печать, общественную кассу, хартии, привилегии, все уставы судебные, судопроизводство, суд, институт эшевенов, присяжных и все другие коммунальные права».

История Ланской коммуны позволяет судить о тех льготах, которыми пользовались города-коммуны. Она кроме того показывает, что наличие льгот не всегда гарантировало горожан от посягательств церкви и феодалов.

ГЛАВА IV.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ.

§ 9. Византия и арабы.

Рост Византийского государства.

После разделения Римской империи на Западную и Восточную Константинополь — столица Восточной римской имерии — выдвигается как центр крупнейшего государства. Первоначально в состав Византийской (Восточно-римской) империи входили: Греция, Македония, Фракия, Дакия, Малая Азия, Сирия, Палестина, Северная Месопотамия, Северо-западная Аравия и Египет.

Впоследствии границы этого государства еще больше раздвинулись в западном направлении. Максимального расширения своих владений Византия достигла в VI столетии. В эту эпоху Византия временно подчинила себе Италию, восточную часть Северной Африки, острова Средиземного моря и Юго-восточную Испанию.

Это огромное государство также имело феодальное устройство. Однако вследствие значительного развития товарно-денежных отношений центральная государственная власть в Византии была сильнее, чем в феодальной Западной Европе.

Константинополь — столица Византийской империи — занимал исключительно выгодное географическое положение для развития торговли. Через него проходил один из наиболее удобных путей с Запада на Восток — в страны Леванта[2]. Константинополь, расположенный на берегу Босфора, держал в своих руках ключи от входа из Средиземного моря в Черное море. Это давало Константинополю возможность господствовать и над Средиземным и над Черным морями. В Константинополь съезжались купцы и с севера и с юга, с запада и с востока: болгары, русские, армяне, арабы, итальянцы. Европейских купцов не пропускали через пределы Византийского государства в восточные страны и все восточные товары заставляли покупать в Константинополе, что ставило его в весьма выгодное монопольное положение. Не удивительно, что Константинополь превратился

---

[1] Эшевен — член городского совета, выполнявший роль судьи.

[2] Левант — древнее географическое название стран Юго-западной Азии, расположенных у Средиземного моря.

в важнейший торговый центр, к которому после упадка Рима перешло первенство в средиземноморской торговле. Но Константинополь был не только торговым, но и крупнейшим культурным центром. Он как бы унаследовал древнюю культуру восточных народов и культуру эллинистических стран. С тех пор как в Византию была перенесена столица Римской империи, в нее стали свозиться лучшие памятники античного искусства. Константинополь богател и блистал роскошью своих церквей и дворцов, делался центром науки и просвещения. Как в культурный центр, туда съезжались ученые разных специальностей: астрономы, географы, математики, врачи и т. д. В библиотеках Константинополя собирались обширные коллекции старинных редчайших рукописей.

Огромные богатства, которые в продолжение многих веков стекались в Константинополь, и исключительное торговое значение города делали его лакомой приманкой для соседей. Отсюда — частые набеги на Константинополь. Но Византийское государство не только оборонялось от набегов соседей, но и само на них нападало, стремясь расширить свои границы и захватить новые торговые пути.

Для этого была создана большая сильная армия, которая в подавляющей части состояла из наемников. В их числе находились и славяне, особенно хорошо вооруженные. Они были в тяжелых железных шлемах и кольчугах и имели широкий меч, длинное копье, кривой топор и огромный удлиненный щит. В кавалерии византийской армии были венгры, печенеги, хозары.

Особенной мощью отличался византийский военный флот. Он состоял, примерно, из трех тысяч судов разного рода. Основу его составляли х е л а д и и. Это были большие суда с двумя ярусами весел. Количество гребцов колебалось, в зависимости от размеров судна, от 100 до 250. На палубе хеладии возвышалась деревянная башня, откуда солдаты из особых машин осыпали противника стрелами и дротиками. Но хеладия имела еще более мощное оружие — так называемый «греческий, или жидкий, огонь». На носу корабля было устроено отверстие в виде открытой позолоченной пасти льва или другого животного. Из отверстия высовывали длинные гибкие трубки, вроде наших пожарных рукавов, из которых во время боя, когда суда подходили близко или даже вплотную друг к другу, противника поливали горящей жидкостью (состав этой жидкости держался в большом секрете).

На противников это оружие Византии наводило неописуемый ужас.

Войны Византии.

Свои огромные военные силы Византия держала в постоянном напряжении. Она вела непрекращающуюся борьбу со своими северными и восточными соседями. На севере это были племена славян, аваров, болгар; на востоке — персы, арабы, турки.

Войны с Персией уже в VI в. проходили неудачно, и Византия вынуждена была взять на себя обязательство в течение 50 лет уплачивать Персии большую денежную дань. Еще печальнее дело обстояло на севере. Здесь из-за Дуная на Византийскую империю наседали славяне, которые делали опустошительные набеги и проникали далеко в глубь страны.

Однако нападения славянских племен и неудачные войны долго не могли сломить могущества Византийской империи. В продолжение нескольких столетий она остается сильнейшей мировой державой и не выпускает из своих рук левантийской торговли, т. е. торговли между народами Юго-западной Европы и странами Востока. Но у нее появляются опасные конкуренты в этой торговле: на Востоке — арабы, на Западе — североитальянские торговые города, в первую

очередь Венеция и Генуя, которые с возрастающим успехом пытаются завязать непосредственные торговые связи с Левантом.

Арабы. Родиной арабов является Аравия; арабские племена известны истории с глубокой древности, в течение нескольких тысячелетий; но до VII столетия их значение не выходило за пределы Аравийского полуострова.

Примерно в VI столетии их историческая роль начинает увеличиваться. Обусловливалось это в значительной степени тем, что торговля Европы с восточными странами во многом зависела от караванных путей, проходивших через Аравию.

В VII в. родо-племенной уклад арабов разлагается, растет экономическое неравенство, начинают складываться классовые феодальные отношения. Торговля играла во всех этих процессах огромную роль. Она особенно усиливала экономическое расслоение. Она требовала политической организации более мощной, чем племенная.

Разрозненные племена арабов начинают объединяться вокруг Мекки — главного торгового центра Аравии. Вслед за тем арабы начинают вести борьбу за полное подчинение себе всех караванных путей, идущих через Аравию. Открывается целая серия войн, которые, прежде всего, приводят к утверждению господства арабов в пределах Аравийского полуострова.

Ислам. Изменившиеся условия жизни налагают печать на мировоззрение арабов. Их уже не удовлетворяют старые религиозные верования, соответствовавшие родовому укладу жизни. Вырабатывается новая религия — и с л а м, или м а г о м е т а н с т в о (точнее — м о х а м м е д а н с т в о).

Ислам явился могучим оружием в руках арабского купечества и феодалов. Возбуждая среди мусульман[1] фанатизм, он толкал их на военные походы «во славу аллаха», для победы над «неверными». Призывы к «священной войне» против «неверных» — важнейший мотив новой религии. В остальном она мало отличается от иудейства и христианства и заимствует у них главные догматы (пункты учения). В коране (так называется «священная книга» ислама) мусульманину предписывается верить, что нет бога, кроме аллаха, и что Магомет — пророк его, пять раз в день молиться и поститься в течение целого месяца (рамазана)[2]. Особенно рекомендуется совершать путешествия (паломничества) к «священным местам» — в Мекку, т. е., другими словами, — в центр караванной торговли.

В коране подробно описывается «рай», уготованный «праведникам», особенно павшим в бою за ислам. Это — роскошный сад, где мусульманина ждет вино, запрещенное в земной жизни, и другие земные радости. «Неверным» же, не признавшим учение Мохаммеда, грозит «ад» с вечными муками.

Завоевания арабов. Под знаменем ислама, в погоне за добычей и за овладение торговыми путями арабы начинают целый ряд завоевательных войн. Утвердив полностью свое господство в Аравии, они на протяжении VII в. подчинили себе Персию,

[1] М у с у л ь м а н а м и называют последователей ислама, установление которого приписывается «пророку» Магомету (или Мохаммеду).

[2] В течение месяца рамазана (или рамадана) от восхода до заката солнца воспрещается есть, пить и курить.

Армению, Сирию с Палестиной, Египет и все Африканское побережье до Гибралтара. Это огромное государство называлось **халифатом** (от слова халиф —наместник Магомета).

Центром халифата в это время становится старинный торговый город Дамаск. Арабский халифат продолжает расширяться. В начале следующего века он был в расцвете своего могущества. В число его владений на востоке вошла северо-западная часть Индии, а на западе—Пиренейский полуостров.

Халифат. Халифы — военачальники и правители арабов, — завоевывая громадные территории, раздавали земли своим ближайшим военным помощникам и родовой знати покоренных восточных народов, признавших ислам. Управление отдельными частями халифата передавалось ставленникам халифа — так называемым **эмирам** или **визирям**[1]. Крестьянское население облагалось платежами и налогами, теряло личную свободу и превращалось в крепостных.

Подчинив себе весь Средиземноморский бассейн, арабы свое экономическое влияние распространяли далеко за пределами халифата. Их торговые пути избороздили весь Старый свет от Тихого океана до Атлантического. Арабские купцы проникали в отдаленнейшие области, туда, куда не удавалось раньше проникнуть купцам Рима. Однако существование единого арабского халифата продолжалось недолго. Отсутствие прочной экономической связи между частями халифата, национально-религиозные и династические раздоры — все это постепенно приводит к расчленению халифата. В средине VIII в. он делится на Восточный халифат, с главным городом Багдадом (на р. Тигре), и Западный, с главным городом Кордовой (на Пиренейском полуострове). Затем добивается независимости и превращается в самостоятельное государство Египетский халифат. После добилась самостоятельности и значительная часть Персии. В X в. арабы еще дальше идут по пути политического упадка. Они терпят многочисленные поражения в борьбе с Византией, которая была их главным соперником, а потом от турок-сельджуков. Постепенно они лишаются почти всех прибрежных областей в восточной части Средиземного моря, а в конце XV в. испанцы вытесняют их из Пиренейского полуострова.

Арабская культура. Несколько столетий арабского могущества в прибрежных средиземноморских странах оставили после себя глубокий след. Арабы достигли очень высокой степени развития культуры.

Подчинив себе обширные области, в которых оставались многочисленные следы греческой и римской культуры, арабы многое унаследовали от своих предшественников, многое создали сами и находились в те времена на более высокой ступени культурного развития, чем кто-либо из их соседей. Их наука (математика, медицина, астрономия, естествознание, география) находилась на невиданной еще высоте. Пышно расцвело у них искусство, особенно архитектура и литература. Опираясь главным образом на искусство персов, они

---

[1] Визири чаще управляли не отдельными территориями, а ведали какими-либо отраслями государственного управления.

создали особый, так называемый мавританский стиль в архитектуре и живописи: вычурный, с чрезвычайно сложным орнаментом.

Литература арабов, в особенности поэзия, по количеству памятников является одной из самых богатых в мире.

Крушение политического могущества арабов не положило конца их экономическому значению, в особенности в западной части Средиземноморья. Не означало оно также прекращения культурного влияния арабов. Их наука, искусство, литература оказали сильное влияние на многие европейские страны, в особенности на Испанию и Южную Италию.

§ 10. Средиземноморская торговля и крестовые походы.

Крестовые походы.

Удары, полученные арабами от турок, очень болезненно отразились и на Византии и на итальянских городах, т. е. на всех тех, кто участвовал в восточной торговле, ибо турки захватили в свои руки восточное побережье Средиземного моря, в том числе и Палестину — этот ключ от ворот, ведущих в Индию.

Борьба за господство в левантийской торговле сделалась теперь особенно напряженной. Она нашла выход в целой серии грабительских войн, которые известны в истории под именем «крестовых походов». Толчком к организации походов явилась просьба о помощи против турок, с которой Византия обратилась к Западу.

Главными застрельщиками крестовых походов были богатые купцы североитальянских городов: Венеции, Генуи, Пизы. Они какою угодно ценою хотели очистить для своих торговых кораблей путь на Восток, а заодно нажиться на грабеже в покоренных землях. О военных грабежах мечтала и феодальная знать. Наконец, очень большая роль в крестовых походах выпала на долю католического духовенства. Римская церковь стремилась как к земельным приобретениям, так и к распространению власти папства и на восточный христианский мир.

Папство взяло на себя роль организатора походов. Во «имя бога» католические попы призывают итти в поход на «неверных» (мусульман-турок), которые захватили в свои руки Иерусалим вместе с его христианской «святыней» — «гробом господним». Папа разъезжал по городам, устраивал «поместные соборы» и звал народ «взять крест» (участники походов пришивали себе на плечо изображение креста, отсюда и название «крестоносцы») и итти в поход. Папа сулил «отпущение грехов» и «вечное блаженство в загробном мире» тем, кто соглашался итти в крестовый поход, и расточал проклятия отказавшимся следовать его призывам. Религиозно-церковный характер тогдашней идеологии приводил к тому, что эта поповская агитация имела успех, и рядовые участники походов, особенно первых, были проникнуты религиозным настроением. Однако призывы к защите «поруганной веры» и к освобождению «гроба господня» нужны были, чтобы прикрыть истинные цели походов — грабеж и уничтожение торговых конкурентов.

Так был заключен прочный союз меча, креста и кошелька. Но в крестовые походы были вовлечены и другие

общественные классы. Главную массу крестоносцев составляли не купцы, не попы и не феодальная знать. Гонимые жаждой наживы и религиозным фанатизмом, в отряды крестоносцев вступали в огромном количестве мелкие и мельчайшие феодалы. Эти рыцари на конях, в кольчугах и с копьями составляли основу «крестоносного войска». Часть из них шла в пешем строю, хотя в большинстве своем пехотинцы были крестьяне и горожане, которых гнала в поход нужда, угрозы феодалов и тот же религиозный фанатизм.

Первый крестовый поход. Крестовые походы продолжались около двух столетий. Первый крестовый поход был начат в 1095 г. и закончился в 1099 г. Легенды передают, что в нем участвовало 100 тыс. вооруженных всадников (рыцарей) и 600 тыс. пехотинцев. Цифры эти сильно преувеличены, но, несомненно, армия крестоносцев была огромна. Она, как лавина, двигалась на Восток тремя большими потоками: провансальцы и итальянцы шли через Италию, Далмацию и Эпирские горы; немцы и французы из северных графств спустились вниз по течению Дуная; наконец, третий поток крестоносцев отправился из Южной Италии и Сицилии, на кораблях переехал через Адриатическое море и дальше двигался через Эпир и Фракию. Все отряды крестоносцев соединились в Константинополе и отсюда уже отправились дальше на Восток. Они переправились через Босфор, прошли через Малую Азию и после длительной осады взяли хорошо укрепленную Антиохию. Богатый город был разграблен, множество местных жителей перебито. О зверствах, которые здесь чинились, рассказывают сами крестоносцы. Один участник похода говорит в своем повествовании: «Что же касается женщин, оказавшихся в лагере, то крестоносцы не причинили им никакого другого вреда, кроме того, что пронзили их животы мечами».

Вслед за Антиохией был завоеван и Иерусалим. Здесь повторились те же зверства. Крестоносцы перерезали все мусульманское население: по преданию было убито свыше 70 тыс. человек.

Завоевания крестоносцев. Завоевания крестоносцев во время первого похода охватили часть Малой Азии, Палестину и некоторые смежные области.

В завоеванных землях было организовано несколько государств по образцу западноевропейских феодальных королевств. Главными были: королевство Иерусалимское, княжество Антиохийское и графство Триполи. Многие рыцари остались на новых местах, построили для себя прочные замки, обложили налогами и оброками местное крестьянское население и занимались грабежами торговых караванов. Другие возвращались в Европу, нагруженные награбленной во время походов добычей.

Наибольшую выгоду уже из первого похода извлекло итальянское купечество. Купцы Венеции, Генуи, Пизы и некоторых других городов предоставляли крестоносцам свои корабли и за это добились больших торговых и политических преимуществ. В завоеванных восточных городах итальянские купцы получали в полное распоряжение важнейшую часть города, где помещался главный рынок, бани, церковь, пекарни, магазины и т. д. Они выговаривали себе кроме того право беспошлинно выгружать товары и вести торговлю.

Управление этими кварталами было передано в руки итальянских губернаторов, специально присылавшихся из метрополии.

Завоевания крестоносцев на Востоке оказались непрочными. Их постепенно вытесняли турки, и они утрачивали одну захваченную область за другой. Но вслед за первым походом поднимались новые волны движения крестоносцев. Обычно принято считать, что всего было организовано восемь крестовых походов. Это не совсем точно, так как в промежутке между большими походами происходило почти непрерывное движение на Восток.

Как уже указывалось, крестоносцы шли не только в Палестину, но и в другие страны Ближнего Востока. Сирия, Малая Азия, Египет служили ареной феодальных завоеваний, грабежей и торговых операций крестоносцев. Кроме этих мусульманских стран крестоносцы не брезговали грабежом и христианских стран. Особенно лакомой добычей для них было Византийское государство. Расположенное на главном пути крестоносцев, оно на протяжении всех походов много терпело от проходивших вооруженных полчищ. Но один поход был предпринят специально против Византии.

В организации этого похода (четвертого) принимала особенно большое участие Венеция, купечество которой давно мечтало об уничтожении своего главного конкурента в восточной торговле. Во время этого похода Константинополь после длительной осады был взят штурмом и подвергся неслыханному опустошению (1204 г.), которое закончилось колоссальным пожаром, уничтожившим много памятников искусства. «Спасители гроба господня» дочиста ограбили богатый город со всеми его многочисленными церквами. Они, в частности, ограбили и подожгли главную церковь Византии — построенный в VI в. знаменитый своей архитектурой Софийский собор.

Кроме самого Константинополя крестоносцы завоевали и значительную часть Византийского государства. Ими было основано несколько феодальных княжеств, объединенных в так называемую Латинскую империю.

Спустя некоторое время (во второй половине XIII столетия) Византия была восстановлена. Но она уже утратила свое былое значение и не могла его вернуть до конца своего существования: захвата города и страны турками в половине XV в. (Константинополь был взят турками в 1453 г.). Крестовые походы кончились во второй половине XIII в. вытеснением европейцев из всех левантийских стран.

Результаты крестовых походов.

Больше всех выиграли в итоге крестовых походов североитальянские города.

Заправилы походов — богатые купцы, крупные феодалы и папы — собирали во время походов богатую добычу. Они привозили с собой на родину целые корабли, груженные ценными восточными товарами: всевозможными пряностями (мускат, шафран, перец, имбирь), драгоценными камнями, золотом, серебром, шелковыми тканями, коврами, изделиями из слоновой кости и другими предметами роскоши. В эпоху крестовых походов торговля итальянских городов с Востоком сильно разрослась, так как итальянское купечество устранило своих конкурентов.

Влияние крестовых походов не ограничивалось развитием торговли итальянских городов. Оживление торговли и промышленности

наблюдалось во всей Западной Европе. Огромный наплыв в Европу восточных товаров, в том числе и сырья, вызвал к жизни производства, совершенно новые для Европы: обработку шелка, выделку бархатных тканей, парчи и ковров, производство тонких сортов стекла (хрусталь) и т. д. Одновременно значительно расширились исконные европейские производства (например производство сукна), которые были обеспечены теперь рынком сбыта на Востоке. Это оживление торговли и промышленности замечалось, кроме Италии в Испании, во Франции, в Германии, в Англии, в меньшей степени в скандинавских странах, отчасти на Руси.

Далее, крестовые походы сыграли большую роль в области расширения денежного обращения. В Европе появился огромный спрос на золото и серебро. Денежное обращение в городах стало гораздо оживленнее. Мало того, деньги начали просачиваться в самые глухие углы деревни, способствуя росту товарно-денежного хозяйства.

Феодалы, побывав в богатых восточных странах, вкусив всю прелесть восточной роскоши, приобрели новые потребности, которые уже невозможно было удовлетворить в пределах несложного поместного хозяйства. Феодалам нужны были теперь различные пряности, тонкие ткани, драгоценные камни и другие предметы роскоши.

Меняется весь быт феодалов. Они обзаводятся лучшим и более разнообразным оружием, носят дорогие одежды, сооружают большие, богато убранные замки. Вот, например, феодальный замок, каких много начали строить в Западной Европе после окончания крестовых походов:

Замок построен на возвышенности; он окружен глубоким рвом, наполненным водою. За рвом идут высокие зубчатые каменные стены, наверху которых, между зубцами, располагаются во время осады защитники замка. Отсюда на нападающих льют горячую смолу, бросают камни из специальных камнеметательных орудий, пускают стрелы и железные дротики. По углам стен возвышаются круглые башни с узкими отверстиями — бойницами. Такие же башни с обоих боков массивных деревянных ворот, окованных железом. Через ров перекинут висячий мост, который в минуту опасности может быть поднят цепями вверх и втянут через ворота внутрь, за кольцо стен. За стенами двор, на котором расположены хозяйственные постройки. В глубине этого большого двора, на возвышенности, еще одно кольцо стен, а во внутреннем дворе устроены амбары с запасами продовольствия, помещения, где живет феодал, кухня, церковь, конюшня. Наконец, здесь же высокая башня с очень толстыми, прочными стенами — последнее убежище, куда может скрыться феодал со своей семьей и дружиной, если враг прорвется через оба кольца стен. Из замка нередко шел подземный ход, длиной в километр и более. Подземные ходы устраивались для того, чтобы можно было в случае надобности доставить осажденному замку помощь людьми или продовольствием.

Различные предметы роскоши, которые вошли в обиход феодала, можно было приобретать за деньги в больших городах. Отсюда — стремление помещика перевести свои доходы в денежную форму. Его уже не удовлетворяют натуральные поставки крестьян, и он начинает заменять их денежными оброками. А это, в свою очередь, заставляет крестьянина доставать деньги для уплаты налогов и оброков, и он, что может, везет продавать на городской рынок.

§ 11. Торговля в Северо-западной Европе.

В эпоху крестовых походов и в следующие столетия росла торговля и в северо-западных странах Европы.

В крупных городах, расположенных на удобных путях сообщения, по течению судоходных рек устраивались большие я р м а р к и.

Сюда свозились товары не только из ближайшего района, но и из отдаленных стран.

Ярмарки. Многие европейские ярмарки в те времена вели столь широкую торговлю, что приобрели мировую известность. Первое место среди европейских ярмарок принадлежало знаменитым Шампанским ярмаркам. Шампань на севере Франции занимала очень благоприятное географическое положение для развития ярмарочного торга. Здесь скрещивались торговые пути из Англии в Италию и из Фландрии [1] в Германию. Системой судоходных рек Шампань была связана со Средиземным морем, с Ламаншем и с Северным, или Немецким, морем.

Много крупных ярмарок было кроме того в Германии и Англии.

Вот картина ярмарочного торга на крупнейшей английской ярмарке в Уинчестере (XII в.):

«Ярмарка продолжалась 16 дней: с 31 августа по 15 сентября. Утром 31 августа «судьи епископского павильона» с вершины холма объявляли ярмарку открытой, затем проезжали верхом по городу, у ворот принимали ключи от города, брали в свое заведывание весы на городском рынке и затем в сопровождении мэра [2] возвращались назад, к большой палатке или в павильон на холме. Здесь они от имени епископа назначали особого мэра для управления городом на время ярмарки. Вершина холма сплошь покрывалась рядами деревянных лавок. В одних торговали фландрские купцы, в других — нормандские, в третьих — бристольские. Здесь в один ряд поместились золотых дел мастера, там — торговцы сукнами. Вся ярмарка была обнесена деревянным палисадом; у выходов из него стояли сторожа, чтобы никто не ускользнул от уплаты пошлин. В Уинчестере на семь миль в окружности в дни ярмарки заставляли местных жителей прекращать всякую торговлю, и на границах этой территории у мостов и других проходов расставляли стражу смотреть за тем, чтобы торговая монополия епископа не нарушалась. Вне отведенной для торга площади во время ярмарки нельзя было ничего продать, кроме жизненных припасов, и даже уинчестерские ремесленники должны были на время ярмарки переселяться на холм и здесь работать.

Пошлины и другие платежи, взимавшиеся во время ярмарки, представляли собой целую систему: все лондонские и уинчестерские купцы, приехавшие в течение первой недели, освобождались от въездных пошлин; после этого срока все вновь приезжающие платили пошлины, кроме членов уинчестерской гильдии».

Немецкие торговые города. Особенно большое значение в европейской торговле в XIII—XIV вв. приобретает торговля на берегах Немецкого и Балтийского морей. Этой торговле способствовали густая сеть рек и направление их течения. Вся Северогерманская низменность изрезана многочисленными реками. Их устья, словно в узле, сходятся у берегов Балтийского и Немецкого морей, а в своих верховьях эти реки веером раскинулись по всей Центральной, Западной, а отчасти и Восточной Европе. Вот названия этих рек: Маас, Рейн с Мозелем и Майном, Везер, Эльба, Одер и др. Главная из них — Рейн — служила связующей артерией между торговыми районами севера и юга Западной Европы. Во всем этом районе выросло много крупных, богатых торговых городов: Брюгге, Антверпен, Кельн, Нюренберг, Бремен, Гамбург, Любек, Данциг и др.

Уже в XII в. в этих краях происходила оживленная торговля. С востока сюда шли меха, кожа, шкуры, воск, мед, соль, лес, смола, лен, конопля, хмель, рожь; с севера (с Скандинавского полуострова) вывозились сельди и треска, а с запада Европы через

---

[1] Фландрия занимала части нынешних Бельгии, Голландии и Франции.
[2] Мэр — глава городского самоуправления.

северогерманские города и непосредственно из этих городов вывозились прекрасные сукна (сначала фландрские и западногерманские, позже английские), вестфальские полотна, французские вина.

Ганза. Торговля северогерманских городов достигает особенного расцвета в конце XIII и начале XIV вв. Они господствуют и в Северном и в Балтийском морях, добиваются торговых привилегий и во Франции, и в Англии, и в Новгороде. Однако с середины XIV в. положение немецких городов начинает ухудшаться, так как у них появляются серьезные конкуренты в лице голландских и английских купцов. Опасность извне заставляет немецкие города объединяться, и в результате создается несколько союзов городов (их называли «г а н з а м и»), которые вскоре сливаются в один могущественнейший и богатейший союз, известный под именем «Великой немецкой Ганзы».

Оформление этого союза относят к 1356 г., когда был созван съезд немецких городов для того, чтобы позаботиться о восстановлении нарушенных Фландрией привилегий немецкого купечества.

С этого времени съезды городов собираются довольно часто и играют роль руководящего органа Ганзы. Съезды издавали законы о порядке торговли, о складском деле, о мореплавании; они устанавливали денежные единицы и систему мер и весов; они вели переговоры и заключали договоры с государствами; они объявляли войны и заключали мирные соглашения; они, наконец, разрешали споры между городами.

Однако съезд городов не имел никакого аппарата, чтобы самостоятельно проводить в жизнь принятые решения. Осуществление этих решений передавалось городским советам; у съезда же не было ни своего флота, ни своего войска, ни постоянных собственных доходов. Военные силы Ганзы состояли из войск и флота отдельных городов.

Поэтому, хотя решения, принятые большинством участвовавших в съезде городов, и считались обязательными для всех городов, нежелающих трудно было заставить подчиниться.

В период наивысшего расцвета Ганзы в ее состав входило около 90 городов. Богатства, стекавшиеся в эти города, постепенно изменяли и их внешний облик и уклад жизни. Города не только увеличиваются в размерах, но и преобразуются внешне. Богатое купечество возводит крепкие, обширные здания, совершенно не похожие на убогие дома-лачуги городов прошлого времени. Отдельные купеческие особняки — это настоящие дворцы, ничуть не уступающие по роскоши и богатству отделки дворцам знатных феодалов.

Еще роскошнее общественные здания города. Соборы и ратуши [1], воздвигаемые купечеством, отличаются невиданной грандиозностью и величием. Города приобретают гораздо более привлекательный вид. Устраиваются обширные площади, на них сооружаются общественные колодцы с различными архитектурными украшениями. Улицы кое-где покрываются каменными мостовыми. Городские крепостные сооружения перестраиваются заново: стены и башни возводятся выше и прочнее, отделка их становится лучше.

---

[1] Р а т у ш а — здание, где помещается городское самоуправление.

Но в благоустройстве города оставалось много и от старого. Водопровод встречался в очень редких домах, канализация была совсем неизвестна. Отбросы выбрасывались из окон прямо на улицу. Здесь же бродили свиньи, гуси, утки... Только центральные части города содержались в большей чистоте и лучше освещались по вечерам, а чуть в сторону от центра, — уличного освещения уже не бывало вовсе.

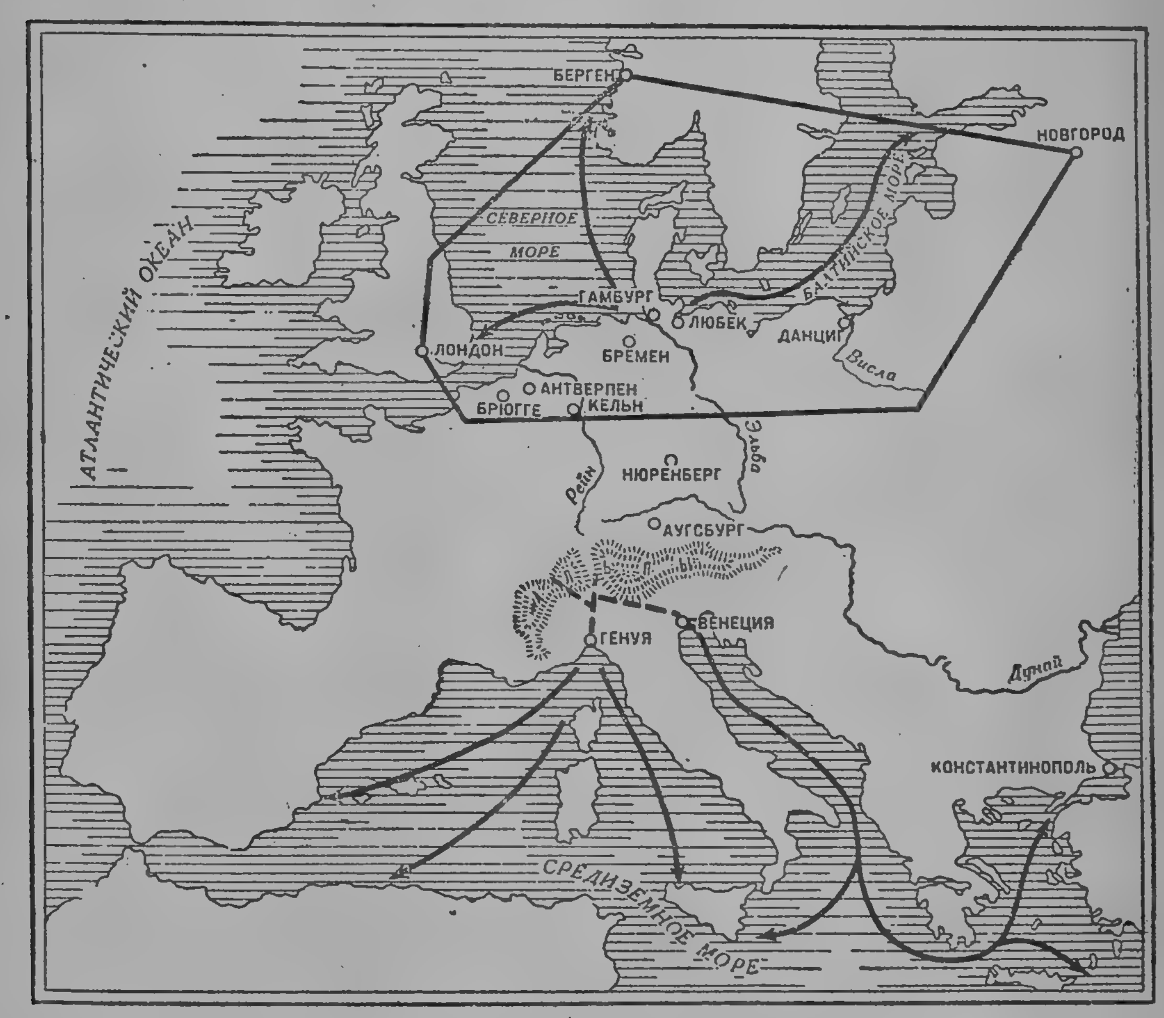
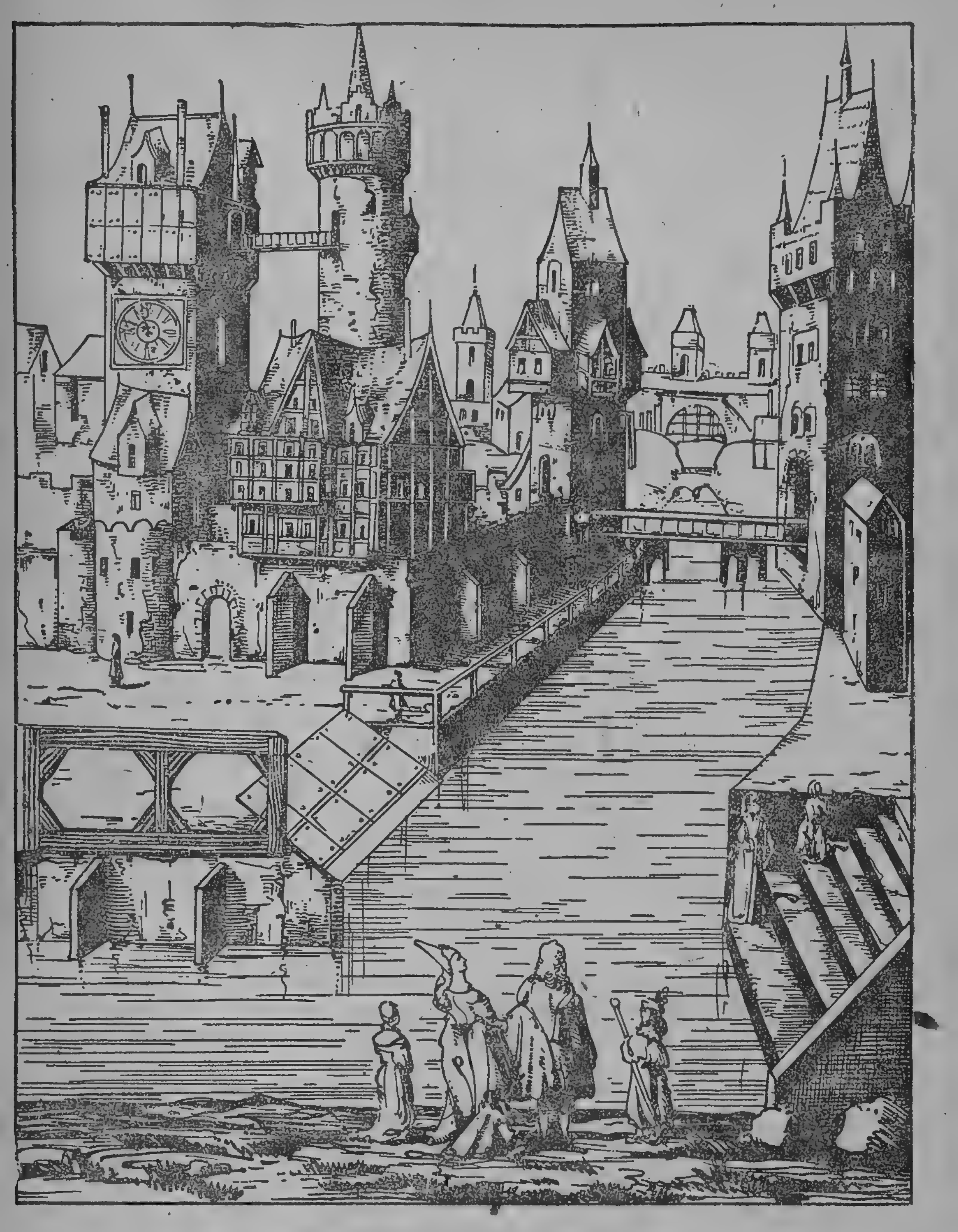


Схема торговых связей Ганзейского союза.

Меняется и домашний уклад жизни горожан. В былые времена все основное городское население, состоявшее из купцов и ремесленников, существовало приблизительно в одинаковых условиях обеспеченной, но не роскошной жизни. В городах, правда, встречалось много нищих, которые влачили жалкое, голодное существование, но, с другой стороны, находились отдельные дома, куда роскошь рано проложила себе дорогу; но эти исключения не нарушали общего однообразия городского быта.

С течением времени уклад городской жизни становится гораздо более пестрым. Жизнь большинства ремесленников, их подмастерьев и учеников, мелких торговцев и мещан делается все более трудной. Зато богатое купечество всем своим домашним бытом все больше отдаляется от широких масс горожан и приближается к укладу жизни аристократических феодальных семейств. В купеческих особняках-

дворцах появляются тонкая резная мебель, дорогие ковры, различные украшения, многочисленные ювелирные изделия из драгоценных

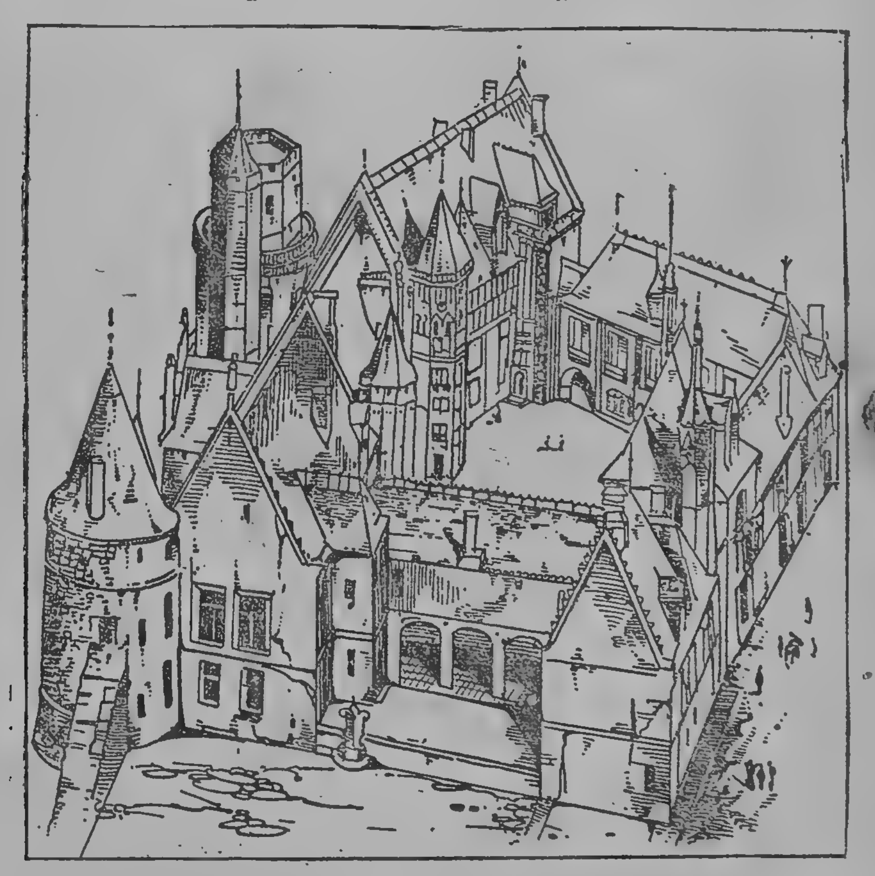


Часть большого германского города.

металлов и камней, тонкая и разнообразная посуда. Заметно изменяются и костюмы именитого купечества. Они выделываются из тончайших сукон или ценных сортов бархата и шелка. Особенной

роскошью отличались костюмы именитых горожан во время всяких торжеств, карнавалов, религиозных церемоний и общественных празднеств.

В XIV—XV вв. Ганза была могущественной не только экономически. Она представляла внушительную силу и в политическом отношении. В момент своего возникновения Ганза под угрозой строгой блокады заставила Фландрию подтвердить торговые привилегии немецкого купечества. Вскоре на этой же почве возник острый конфликт с Данией и скандинавскими странами. На этот раз дело дошло до настоящей войны, причем ганзейский флот одержал решительную



Дом богатого купца.

победу над противником, и Ганза не только добилась полного признания всех привилегий ганзейского купечества, но получила даже несколько крепостей на юге Скандинавии. Были у Ганзы и другие военные и дипломатические победы.

Значение ее все возрастало, но противоречия между отдельными городами подготовляли почву к упадку могущественного купеческого союза. Наиболее резкие противоречия обнаружились между восточными (прусскими) и западными (вендскими) городами на почве отношений к Англии, которая стремилась расширить сбыт своих сукон непосредственно в прусские города, откуда она привозила сырье. Это было выгодно для прусских городов, но вызвало энергичные протесты остальных членов Ганзы. Прочность Ганзы слабела.

Большой удар ганзейской торговле нанесло завоевание Новгорода Московским государством. Окончательно же торговое значение Ганзы было подорвано перемещением важнейших водных путей из северных европейских морей в Атлантический океан.



Дом германской Ганзы в Антверпене.

ГЛАВА V.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ в XIV в.

§ 12. Крестьянство и разложение натурального хозяйства в XIII—XIV вв.

Торговля продуктами сельского хозяйства.

С развитием промышленности и торговли к концу XIII в. в наиболее развитых странах Западной Европы (Италия, Франция, Англия и др.) усиливается спрос городов на продукты сельского хозяйства. Горожане нуждались в хлебе и других продуктах питания, ремесленные же промыслы — в техническом сырье. На городском рынке началась оживленная торговля сельскохозяйственными продуктами. Продавцами были как помещики, так, нередко, и крестьяне. Однако значительная часть денег, полученных крестьянами, недолго задерживалась в их карманах, быстро переходя к помещикам. Феодалы, подгоняемые стремлением к наживе, все более втягиваются в торговлю.

Увеличение нажима на крестьян.

Вещи, сделанные городскими ремесленниками, были во много раз лучше, чем грубые изделия крестьян. А заморские товары? А шелка, бархат, роскошное оружие, духи, пряности, вина? Все это феодал мог купить, но для всего этого нужны были деньги. Откуда же их достать? Проще всего — у подневольных крестьян.

И вот, помещик начинает увеличивать оброки, продавать крестьянскую пшеницу или лен на городском рынке, забирая деньги



Крестьянский труд.

себе. Оброк самым беспощадным образом «выколачивается» из крестьянского хозяйства. Крестьянин сам голодал, но поставлял все больше и больше хлеба и сырья на барский двор.

В дальнейшем помещик начал переводить оброк прямо на деньги: крестьяне вместо доставки продуктов платили ему соответственную

сумму. Чтобы собрать деньги, крестьяне выносили на рынок продукты своего хозяйства.

Пословица говорит: «Аппетит приходит во время еды». Чем больше получал помещик, тем больше ему надо было денег. Однако крестьянское хозяйство было очень маломощно, в частности бедно орудиями и рабочим скотом. Как ни нажимай на такое хозяйство, много от него все равно не получишь. Ввиду этого для помещика оказывался иногда выгодным и другой способ: усилить барщину и при помощи подневольного труда обрабатывать свою расширенную запашку. Расширял же свои владения помещик путем захвата крестьянских общинных земель.

По поводу усиления барщины один представитель крестьянских интересов говорит: «Кто дал помещикам такую власть, что мы, бедняки, должны проводить на барщине все хорошие дни и можем работать у себя на поле только в дождь, обливаясь кровавым потом? Нас постоянно заставляют косить луга помещиков, возделывать их пашни, сеять, выдергивать, чистить, мять, мыть, трепать, чесать и прясть лен, лущить горох, собирать морковь и спаржу. Проклятье их позорной власти и разбойничьим правам!»

Начало «раскрепощения». По мере развития товарно-денежных отношений для феодала оказывалось нередко выгодным освобождение крестьян от личной крепостной зависимости. Значительная часть таких «освобожденных», не имея достаточных средств для самостоятельного ведения хозяйства, принуждена была наниматься за нищенскую плату на работу в поместье феодала. «Освободившуюся» же крестьянскую землю (брошенную разорившимися хозяевами) помещик забирал себе. Эту землю он или отдавал в аренду разбогатевшим на торговле крестьянам или обрабатывал при помощи наемных рабочих.

В результате, к началу XIV в. в некоторых экономически наиболее развитых европейских странах (Италия, Англия, Франция и др.) начинается постепенное освобождение крестьян от личной крепостной зависимости.

Техника сельского хозяйства. Чтобы увеличить свои доходы, помещики пытались кое-где улучшить земледельческую технику. Однако подобные попытки много не могли дать при том общественном строе, который тогда существовал.

До XIV в. в Западной Европе пахали очень тяжелым и неповоротливым колесным плугом, запрягаемым чаще всего быками. Начиная с XIV в., вместо быков или волов в плуг стали впрягать пару или две пары лошадей. В связи с этим несколько усовершенствовался и самый плуг: он стал более легким и подвижным.

Это был шаг вперед. Однако наряду с плугом еще в XIV—XV столетиях в Европе мы встречаемся и с ручной мотыжной обработкой земли.

Мы знаем, например, что во Франции в то время плуг считался необходимым лишь для распашки поля в 20 *га*. Но этого размера наделы отдельных крестьян обычно не достигали. Иногда, впрочем, плуг приобретался крестьянами сообща, составляя общинное имущество. Местности с ручной обработкой земли называли «раем для лошадей и адом для людей».

В то время господствовало трехпольное хозяйство, которое велось хищнически: из года в год возделывались одни и те же истощавшие землю злаки; кормовых трав и т. п. не сеяли. Посев производился слишком поздно, травы выпалывались небрежно, паровое поле утаптывалось скотом. На полях жгли траву, листья и торф для удобрения; навоза же плохо питавшиеся коровы давали очень мало. Для коров нехватало пастбищ, корма доставало лишь настолько, чтобы не дать им умереть с голода. В течение зимы коровы нередко настолько теряли силы, что к весне они не в состоянии были подняться с места; их приходилось привязывать за хвост и тащить на пастбище.

Много вредили, как мы уже знаем, и религиозные предрассудки. Вместо принятия действительных мер борьбы крестьяне заклинаниями «боролись» с вредными насекомыми, «отлучали от церкви» животных, портивших овощи, расходуя на это ежегодно определенную сумму, «за здравие» же полезных земледельцу животных они служили «молебны».

Быт среднего крестьянина в XIII—XIV вв.

Жизнь крестьянина шла в эту эпоху, примерно, так же, как и в предыдущие столетия. Крестьянская изба продолжала строиться из дерева или глины, которые надо было добывать с разрешения феодала. Такие избы, куда ветер проникал со всех сторон, сравнивали с птичьими гнездами. Постройка была очень непрочная. Считалось, что изба достаточно крепка, «если три человека тремя заступами не в состоянии были ее сорвать». Избы нередко перевозили с места на место и даже, при надобности, увозили в город. Изба освещалась лучиной или огнем, разводимым посредине помещения на голой земле, заменявшей пол. В этом единственном помещении проводила всю жизнь семья вместе со скотом и домашней птицей.

Белья не было и в помине. Ночная рубашка вошла в обиход только в XIV столетии и составляла в то время редкость, доступную только богатым людям. Питались крестьяне ячменной или ржаной похлебкой и хлебом. Но и этого нередко нехватало, и голодовки попрежнему были частым явлением.

Конечно, не все крестьяне так жили. Развитие торговли и «раскрепощение» способствовали начавшемуся расслоению крестьян на бедняков и середняков, с одной стороны, и на богатеев (кулаков) — с другой. Эти последние, эксплоатируя труд батраков и бедняцкого крестьянства, вели оживленную торговлю и при помощи купцов опутывали своих сельчан ростовщической сетью. Они же часто выступали в качестве перепродавцов. Однако богатеев в то время было еще немного. Главная масса жила той жизнью, с которой мы только что познакомились. Но ясно, что интересы всех этих слоев крестьянства были уже неодинаковы, что и выявлялось в классовой борьбе того времени.

§ 13. Крестьянское восстание во Франции.

«Освобождение» крепостных во Франции.

Во Франции «раскрепощение» происходило по особым «отпускным грамотам», которые выдавались помещиком крестьянам за высокую плату. Этот выкуп нередко был не под силу крепостным, и они от него отказывались. Тогда их силой принуждали к платежам. В этом ярко сказывался истинный смысл «освобождения» крепостных: феодалу нужно было любой ценой выжать деньги из крестьянского хозяйства.

Крестьянин, откупаясь, становился лично свободным, но обычно собственником той земли, на которой он работал, он все же не являлся. Земля продолжала считаться собственностью феодала или короля, лишь переданной на известных условиях в пользование поселянину.

Какие же это были условия? Прежде всего различные и весьма тяжелые денежные платежи и налоги и затем некоторые другие повинности в пользу помещика. Крестьяне в большинстве мест выкупали за особую

плату и так называемые «дурные обычаи», носившие унизительный характер. По некоторым из таких обычаев крепостные обязаны были ловить блох в господских постелях, пугать лягушек в барских прудах (чтобы они своим кваканьем не мешали спать) и т. д.

Сохраняются и даже расширяются различные поборы, по рукам и по ногам связывающие поселянина. Хочет крестьянин продать свое зерно, — он наталкивается на агентов помещика, взимающих с него ярмарочные и рыночные пошлины; переправляется он через реку, — с него берут дорожный сбор; необходимо ему размолоть зерно, — он обязан везти его на господскую мельницу; он нередко не имеет права даже испечь хлеб в собственной печи. Все эти повинности, выкупы и денежные платежи ложились непосильно тяжелым бременем на маломощное крестьянское хозяйство. Жадность же помещика к деньгам, при развитии товарного хозяйства, все более росла. «Освобождение» дорого обошлось трудовому крестьянству.

Недостаток рабочих рук и попытка нового закрепощения.

В середине XIV в. жизнь крестьянина еще ухудшилась по сравнению с описанной выше. Опять надвинулась крепостная неволя, в связи с развитием торговли еще более тяжелая.

Помещик снова повернул на путь закрепощения, который он только что оставил как менее для него выгодный. Основной причиной этого поворота была нехватка рабочих рук для помещичьих имений.

Мы уже знаем, что в то время быстро росли города и развивались городские промыслы. И вот, разорявшиеся крестьяне массами уходили в города, бросая постылую деревенскую жизнь, спасаясь от поборов феодалов. В городах они пристраивались к ремеслу или торговле. Богатые же крестьяне не только не шли к помещику, но и конкурировали с ним, сами нанимая батраков.

«Черная смерть».

Положение еще более осложнилось, когда по Европе прокатилась «черная смерть». Это была тяжелейшая форма азиатской чумы, от которой люди умирали в один-два дня, а их тело покрывалось черными пятнами.

Страшная зараза была занесена с Востока в 1347 г. в итальянские портовые города вместе с роскошными тканями и коврами. Она быстро начала распространяться по Европе, переходя из Италии во Францию, оттуда — в Германию и Англию, затем еще дальше к северу. Целые селения и города вымирали, поля превращались в пустоши, уцелевшие жители в ужасе разбегались, дальше и дальше разнося заразу.

Считают, что черная смерть обошлась Европе в 25 млн. человеческих жизней. В некоторых странах вымерло до половины всего населения. Как всегда, богатые гораздо меньше пострадали от эпидемии, чем бедняки.

Столетняя война и разорение крестьян во Франции.

Крестьянское хозяйство, и без того расстроенное, было еще более обескровлено массовой гибелью работников. В довершение бедствий Франция уже с 1339 г. находилась в войне с Англией. Это была так называемая «столетняя» война, длившаяся до второй половины XV в. Основной причиной войны была борьба за богатую Фландрию с ее развитой суконной промышленностью. Поводом же к ней послужили притязания английских королей на французский престол.

Вначале англичане имели большой успех и захватили значительную часть Франции. Подвижная английская пехота, состоявшая из арбалетчиков[1] и копейщиков, оказывалась сильнее неповоротливой рыцарской кавалерии. В одной из битв с англичанами (при Пуатье) французский король и многие знатные рыцари были взяты в плен, и для их выкупа были значительно повышены налоги и другие поборы, что больше всего отразилось на крестьянах, а отчасти на горожанах.

В результате чумы, войны, непосильных налогов, грабежей и притеснений феодалов целые области обезлюдели, поросли мелким лесом, кустарниками и бурьяном, и там, где недавно были многолюдные поселения, сплошь и рядом бродили одни только дикие звери. «Англичане посеяли во Франции лес», — как говорили тогда. «Виноградники, — писал один современник, — не возделывались; быки и овцы не ходили по пастбищам; дома повсюду носили следы всепожирающего пламени или представляли груды печальных, еще дымящихся развалин. Глаз не услаждался, как прежде, видом зеленых лугов и желтеющих нив, но наталкивался всюду на тернии и сорные травы. Колокола лишь били тревогу, подавая при приближении неприятеля крестьянам сигнал к бегству».

В таких-то условиях помещики, нуждаясь в рабочих руках, стали вновь вводить крепостные порядки. В погоне же за деньгами они отнимали у крестьян последние жалкие остатки их имущества. «Самая отчаянная нищета, — писал тот же современник, — царила повсюду, особенно между крестьянами, ибо сеньоры переполняли их страдания, отнимая у них и имущество и их бедную жизнь. Хотя количество оставшегося скота, крупного и мелкого, было ничтожно, сеньоры все же требовали огромных платежей за каждую голову».

Жакерия. И вот, в области Бовези, неподалеку от Парижа, в мае 1358 г. вспыхнуло крестьянское восстание, которое захватило вскоре бо́льшую часть Северной Франции. Число восставших, к которым присоединялись жившие в деревнях мелкие ремесленники и торговцы, быстро достигло ста тысяч человек. Это стихийное, без определенного плана и организации восстание получило название «жакерии» от презрительного прозвища крестьян: «Жак (Яков) простак». Вот как один современник, представитель дворянских интересов и ярый враг крестьян, описывает начало восстания:

«Некие люди из деревень собрались без вождя в Бовези и не было их вначале более 100 человек. Они говорили, что дворянство королевства Франции — рыцари и оруженосцы — опозорили и предали королевство и что было бы великим благом их всех уничтожить. Потом собрались и пошли в беспорядке, не имея никакого оружия, кроме палок с железными наконечниками и ножей, прежде всего к дому одного ближайшего рыцаря. Они разгромили и предали пламени дом, а рыцаря, его жену и детей убили. Затем подошли к другому крепкому замку и разгромили его. Они сожгли и начисто разгромили в области Бовези более 60 добрых домов и крепких замков».

В ходе восстания в качестве руководителя главных сил крестьян выделился Гильом Каль, о котором современник отзывается как о «человеке, видавшем виды и хорошем говоруне, статного телосложения и красивого лицом», «видавшем войну».

Для подавления крестьянского восстания французские и английские феодалы на время позабыли свою вражду и соединенными силами

[1] Арбалет (самострел) — усовершенствованный лук, прикрепленный к особому ложу, наподобие ружейного.

обрушились на общего классового врага. Хорошо организованные и вооруженные рыцари в несколько недель справились с необученными и плохо снаряженными толпами крестьян. Гильома Каля, много сделавшего для организации крестьян, под предлогом переговоров о перемирии рыцари заманили в свой лагерь. Там они жестоко с ним расправились. Сначала его, как крестьянского «короля», «короновали», положив на голову раскаленный железный обруч, а затем казнили.



Нападение «жаков» на феодальный замок.

«Жаки» были раздавлены, и их восстание потоплено в море крови. «И стали избивать их (крестьян), — пишет один современник, дворянин, по поводу битвы у города Мо, — и в одиночку и целыми массами и истреблять, как овец. И гнали их всех в полном смятении и расстройстве из города и истребляли их до тех пор, пока сами рыцари совсем не выбились из сил, и массами сбрасывали их в реку Марну. Словом, перебили их в этот день более 7 тыс. Когда же дворяне возвратились, они пустили в усмиренный город огонь и сожгли его дотла со всей городской чернью, которую они могли там застигнуть».

Восстание горожан.

Восстание крестьян совпало с возмущением парижских горожан, выступивших против феодалов под предводительством своего купеческого старшины Этьена Марселя.

Купцы и другие богатые горожане были недовольны своим бесправием, насилиями феодалов и всеобщим разорением, вызванным

войной и кризисом. У ремесленников же и, в особенности, у городской бедноты поводов для недовольства было, конечно, еще больше, и так как положение их было особенно тяжелым.

Короля, который был в то время в плену у англичан, заменял его наследник — дофин. Парижские купцы и ремесленники во главе с Марселем потребовали от дофина установления регулярного созыва особого представительства (Генеральных штатов), в котором решающее слово принадлежало бы г о р о ж а н а м. Это постоянное собрание должно было решать важнейшие вопросы политики и устанавливать налоги. Дофин вначале согласился на требования парижан, но затем взял назад все свои уступки. Тогда Марсель, вооружив ремесленников и мелких торговцев, ворвался с ними во дворец и перебил многих дворян, приближенных дофина.

После того как дофин бежал из Парижа, Марсель стал искать союза с восставшими «жаками». Серьезных результатов, однако, эти попытки не дали, несмотря на то, что «жаки» оказали большую помощь горожанам, разрушив несколько укреплений, мешавших подвозу продовольствия в Париж.

В конце концов, и крестьяне и горожане были разбиты порознь. Марсель погиб, ничего не добившись.

Это объяснялось прежде всего тем, что богатые горожане, напуганные широким движением трудящихся, изменнически перешли на сторону феодалов. Это предательство крупных купцов и ростовщиков окончательно решило судьбу обоих восстаний. Несмотря на неудачу восстания и ухудшение положения крестьян после жакерии, попытка нового закрепощения оказалась недолговечной. В конце того же XIV в. возобновился процесс постепенного освобождения крестьян от личной крепостной зависимости.

§ 14. Крестьянское восстание в Англии.

Разложение натурального хозяйства в английском поместье.

Через двадцать с небольшим лет после жакерии сильнейшее крестьянское восстание разразилось в Англии. Чтобы понять его причины, посмотрим прежде всего, как отразилось разложение натурального хозяйства на судьбе английского мэнора (имения), принадлежавшего помещику-лорду.

Хозяйственные отношения такого мэнора, при развитии торговли, уже не отвечали новым п р е д п р и н и м а т е л ь с к и м интересам лорда. И вот он начинает требовать платежей деньгами взамен всяческих приношений натурою и работ, на которые нанимает вольных рабочих из среды малоземельных и безземельных крестьян. Труд таких рабочих более производителен и не стеснен укоренившимися обычаями. Ту землю, которую лорд не хотел обрабатывать при помощи наемных рабочих, он обычно отдавал за деньги в аренду.

Само собой разумеется, что заработную плату рабочим лорд назначал самую низкую, а аренду требовал, наоборот, самую высокую. Нуждаясь же в земле, лорд приступил к прямому ограблению мелких земледельцев.

Лорд стремится, прежде всего, целиком выделить свое хозяйство из общинного, а затем захватить в свое полное и нераздельное владение и общинные угодья. Этот захват сопровождается обведением изгородью или канавой открытых раньше общинных полей и получает поэтому название «огораживания».

Примеру лорда начинают следовать и более богатые крестьяне. В XIV в. процесс «огораживания» только начинался.

Причины восстания. Однако в развитии своего предпринимательского хозяйства английский лорд натолкнулся — еще в большей степени, чем французский сеньор — на ряд затруднений. Развитие торговли, а также промыслов, притягивающих к себе рабочие руки крестьян, шло в Англии более интенсивно, чем во Франции, кроме того, после чумы, как писал один современник, «все сделалось в два раза дороже: и орудия, и припасы, и товары, и рабочие, и земледельцы. Исключение составляют только земельные участки и жилища, которых оказывается слишком много». Хлебные цены росли, помещики захватили много брошенной крестьянами земли, — тут бы только расширять производство и наживать чужими руками богатство, но нехватало рабочих. Рабочие руки сильно вздорожали.

Пытаясь бороться с этим недостатком рабочих рук и повышением заработной платы, помещики добились издания особого «устава о рабочих» (1349 г.), устанавливавшего заработную плату, не свыше бывшей до «черной смерти», и предоставлявшего лордам право насильно брать на сельские работы бедняков, не имевших земли и не занятых в каком-нибудь производстве. Многие же лорды принуждали к прежнему подневольному труду своих бывших крепостных.

Одновременно война с Францией вызывала усиление податного обложения. Был введен новый поголовный налог, собиравшийся со страшной жестокостью. Это послужило последним толчком к грозному восстанию, разразившемуся в 1381 г.

«Народ сей, — писал один современник-дворянин, — начал подыматься и восставать, ибо, по его словам, его держали в слишком тяжелом рабстве; в начале же мира никаких крепостных не было; крестьяне — люди, подобные своим господам, а с ними обращаются, как со скотом; этого они дольше переносить не хотят и не могут, а хотят быть заодно; если же будут пахать или совершать другие работы на сеньора, то желают за это получать плату».

Чего же требовали крестьяне? Более зажиточные и середняцкие слои крестьян требовали отмены крепостной зависимости, уничтожения барщины, отмены «устава о рабочих» и перевода всех повинностей на деньги с установлением предельной высоты денежных платежей. Богатеи прибавляли требование свободы торговли. Для беднядких же групп основным был вопрос о земле: они настаивали на возврате захваченных помещиками земель и на отобрании и разделе церковных поместий.

Лолларды. В подготовке и развертывании английского восстания значительную роль играла секта лоллардов. Лолларды были особенно сильны в Норфольке — центре английской шерстяной промышленности. Они выражали недовольство городских подмастерьев и чернорабочих существующим строем, и

их речи были направлены против частной собственности как основы общественного неравенства.

Агитация этих бродячих проповедников имела большой успех и среди бедняцкого крестьянства и батраков. Особенный успех имел вопрос, который задавали лоллардские агитаторы: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был дворянином?»

Разъясняя этот лозунг, вот что говорил один из главарей лоллардов, Джон Болл:

«Добрые люди, дела в Англии не могут итти хорошо до тех пор, пока имущество не сделается общим, и не будет ни крестьян ни благородных, и пока все мы не сравняемся. Мы все происходим от одних и тех же родителей — от Адама и Евы. Почему те, которых мы зовем сеньорами, являются больше господами, чем мы? За какую это заслугу? Почему они держат нас в рабстве? Почему они говорят, что они больше нас господа, и чем они могут доказать это? Разве тем, что они заставляют нас работать и добывать то, что они растрачивают. Они одеты в бархат и шелк, подбитый горностаем и белкой, а мы носим простое сукно. У них — вино, пряности и хороший хлеб, а у нас — рожь, обсевки, мякина, и пьем мы воду. Им — досуг, им — красивые замки, а нам — тягота и труд, дождь и ветер в чистом поле; и вот, от нас и наших трудов пошло им такое положение».

Восстание Уота Тайлера.

Восстание началось в 1381 г. одновременно в ряде местностей юго-восточной Англии: Кенте, Норфольке и др. Во главе наиболее грозного кентского восстания встал рабочий-кровельщик, Уот Тайлер, человек опытный в военном деле. Десятки тысяч крестьян, вооружившись чем попало, направились к Лондону, по дороге громя имения феодалов, сжигая феодальные архивы и освобождая заключенных из тюрем.

Во многих местах движение было поддержано городской беднотой и подмастерьями, которые, «отрубив голову мастерам, присоединялись к восстанию».

В начале июня, по словам одной современной хроники, «пришли общины Кента на Блэкгиз («Темный луг»), в трех милях от Лондона, в числе 50 тыс. и развернули двое знамен св. Георгия[1] и 40 небольших флагов. И общины Эссекса подошли с другой стороны воды в числе 60 тыс., чтобы помочь им и получить ответ от короля (на требования восставших). Не дождавшись ответа, повстанцы при помощи городской бедноты Лондона ворвались в столицу, сжигая дворцы крупнейших феодалов и богачей и убивая наиболее ненавистных угнетателей. Король заперся в лондонской крепости Тоуэре, но вскоре бежал оттуда, после чего крепость была взята восставшими.

Перепуганный король вступил в переговоры с крестьянами и торжественно согласился на все их требования. Он немедленно приказал писцам изготовить необходимые документы, подтверждавшие его обещания. Но когда бóльшая часть восставших (эссекцев, представлявших более зажиточное крестьянство), поверив этим обещаниям, разошлась по домам, король со своими приближенными предательски умертвил Уота Тайлера и истребил значительное число крестьян, «окруженных, как овцы в загоне». Затем феодалами и

---

[1] Знамена с королевским гербом. Характерно для веры крестьян в то, что король поможет им, как только узнает о крестьянских бедствиях.

богачами было собрано большое войско, вскоре покончившее с восстанием и начавшее беспощадную расправу.

Король обещал прощение сложившим оружие. Как же он выполнил это свое обещание? На это отвечает рассказ одного современника: «И вот, по королевскому повелению был послан судья для следствия над восставшими и для наказания их. Разъезжая повсюду, он никому не давал пощады и произвел великое кровопролитие. Ибо над всеми, кто был обвинен, справедливо ли или из неприязни, он немедленно произносил смертный приговор. Одних он приказывал обезглавить, других просто вешать, иных велел волочить через весь город, затем обезглавить, четвертовать и вешать в четырех концах города, у иных же приказывал выпускать внутренности и сжигать их на глазах у них, пока они еще были живы».

Однако восстание, хотя и неудачное, показало, что крестьяне могут выступать как большая сила. Несмотря на его подавление, крепостные отношения в Англии все же быстро были ликвидированы. В XV в. в Англии личная крепостная зависимость встречается уже очень редко.

Причины поражения крестьян.

Чем объясняется разгром крестьянских восстаний? — Крестьяне самими условиями своей жизни и труда не были приучены к дружной, совместной борьбе и к инициативе.

Крестьяне привыкли работать порознь, каждый на своем участке земли; при продаже продуктов на рынке они выступали конкурентами друг другу. Жизнь в глухой деревне, однообразие труда и крепостной гнет тормозили их культурное развитие и самостоятельность.

Крестьянские массы не имели общей, сколько-нибудь налаженной организации. Их войско распадалось на ряд отдельных, вооруженных чем попало и необученных отрядов, действовавших обычно порознь, каждый на свой риск и страх. Нередко отдельные отряды, доверчиво поддаваясь лживым обещаниям феодалов, бросали остальное войско и расходились по домам. Крестьяне держались за свои местные интересы, за нужды своего села, своего округа, учитывать же интересы общеклассовые они обычно не умели. Большое значение имело при этом различие интересов разных слоев крестьянства. Крестьянам не под силу оказалось сражаться с хорошо вооруженными войсками рыцарей, для которых война была привычным занятием и которые отлично понимали, чем грозила эксплоататорскому строю победа восставших.

Для самих же крестьян окончательные цели и общие пути восстания не были достаточно отчетливы.

Дело пошло бы совершенно иначе, если бы во главе крестьян, ведя их за собою, встал *рабочий класс*. Но он сам еще не сложился к тому времени. Поддержка же крестьян со стороны городской бедноты не была достаточно активной. Городская знать, боясь успехов восставших эксплоатируемых масс, искала союза с феодалами.

Несмотря на свою неудачу, крестьянские восстания имели большое революционное значение. Эти движения расшатывали основы феодально-крепостнического строя, способствуя его разложению.

ГЛАВА VI.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГОРОДАХ.

§ 15. Итальянские городские республики.

Рост промышленного производства.

Развитие европейской торговли в эпоху крестовых походов и Великой немецкой Ганзы (см. гл. IV) было возможно лишь на основе соответствующего роста и развития промышленности. Ведь торговля только перемещает из одних рук в другие уже созданные ценности — товары. Создавались же эти товары благодаря тому, что наблюдался общий рост производства, значительно увеличилось число людей, для которых участие в промышленности было основным занятием. В городах все более развивались ремесла; усиливались разделение труда между городом и деревней и специализация ремесленников. Даже в деревне все чаще встречалась работа ремесленников (кузнецов, плотников и др.) на заказ.

В дальнейшем (XIV—XV вв.) усиливалась специализация ремесла по разным районам и странам. Например, Верхняя Фландрия славилась выделкой тонких сукон, нижнегерманские города — выделкой полотна, Северная Италия — шелка, Милан — дорогого оружия и т. д. В городе Брюгге (Фландрия) 68% всех жителей в XIV в. были связаны с производством сукна.

За ростом промышленности шло усиление торговли, в свою очередь влиявшей на дальнейшее развитие промышленности.

В наиболее развитых экономически странах, и в Италии в первую очередь, этот рост вел к разложению старых и появлению новых форм производства.

Развитие североитальянских городов.

В результате крестовых походов и расширения торговых оборотов больше всех выиграли североитальянские города, в особенности Венеция и Генуя. Быстрый рост их богатств шел в основном за счет посреднической торговли и ограбления колониальных владений. Сравнительно меньшее значение имело развитие в этих городах собственного производства.

Венеция уже в XIII в. славится шелковым и стекольным делом. В этих производствах, завезенных с Востока, «царица Адриатики» долгое время не знала себе конкурентов. Секреты этих производств охранялись от возможных соперников самым тщательным образом. В одном из постановлений мы читаем: «Если какой-нибудь рабочий или мастер перенесет свое искусство из Венеции в другое место к ущербу республики, ему будет послан приказ вернуться. Если он не повинуется, будут заключены в тюрьму лица, наиболее ему близкие, чтобы этим принудить его к повиновению. Если он будет упорствовать в желании остаться на чужбине, за ним вслед будет отправлен агент, которому будет поручено убить его». То и дело, сообщают современники, в разных городах Италии и Германии находили убитыми венецианских рабочих.

Но, повторяем, все же основная сила Венеции, а тем более Генуи, была в торговле. Иначе обстояло дело в ряде других североитальянских городов, оттесненных от морской торговли и сосредоточивших

свои усилия на производстве необходимых для торговли товаров. Здесь особенно выделяется Флоренция.

Суконная промышленность во Флоренции.

Флоренция уже с конца XII в. становится крупным центром шерстяной промышленности и славится производством сукна. К XIV в. в суконном деле во Флоренции было занято до 30 тыс. человек.

Производство сукна было рассчитано на широкий рынок. Производство шло не на непосредственного потребителя, как это было обычно в промышленности феодального города, а предназначалось для вывоза крупными партиями в другие города Италии и даже в Германию и на Восток. Могла ли справиться с производством такого характера обычная ремесленно-цеховая его организация, рассчитанная на мелкое производство для узкого местного рынка? Очевидно, нет. Во Флоренции раньше, чем где-либо, возникают новые формы промышленности.

Посмотрим, как было организовано там к XIV в. суконное производство. Во главе всего дела стояли два богатейших «цеха» — «Лана» [1] и «Калимала» (по имени флорентийской улицы). Хотя эти объединения и назывались «цехами», но на самом деле они состояли не из ремесленников, а из торговцев и предпринимателей.

Калимала занималась скупкой дешевых и грубых сукон и перерабатывала их затем в подчиненных ей ремесленных мастерских в тонкие и дорогие сорта, которые сбывались за границу.

Лана фабриковала сукно с начала до конца. Но и там ремесленники работали на предпринимателя, снабжавшего их сырьем и принимавшего от них готовое сукно. В начале XIV в. в одном «цехе» Лана было около 300 суконодельческих мастерских.

Пряжа производилась большей частью женщинами окрестных деревень, которым агенты скупщиков раздавали для этого шерсть. Любопытно, что попам было поручено в своих проповедях уговаривать прядильщиц «честно исполнять данную им работу», а в случае недобросовестности «отлучать» виновных от церкви. Так церковь и здесь, по мере сил, помогала эксплоатации трудящихся.

Дальнейшая работа была в руках двух ремесленных цехов: ткачей и красильщиков. И тем и другим было запрещено самостоятельно торговать своими изделиями, что ставило их в прямое подчинение Лане и Калимале, диктовавшим и цены и количество продукции.

В особенности были стеснены ткачи, большинство станков которых принадлежало суконщикам-скупщикам или было заложено у них. В любой момент суконщик мог лишить ремесленника его основного орудия производства.

Усиление эксплоатации подмастерьев.

В свою очередь, ремесленные мастера старались переложить главные тяготы на своих подмастерьев и учеников. Подмастерьям все более и более затруднялся переход к самостоятельному положению мастера.

Большинство подмастерьев всю свою жизнь оставалось рабочими у мастера. Заработная плата устанавливалась исключительно по постановлению цеховых мастеров и постепенно понижалась. При этом

---

[1] По-русски — шерсть, цех шерстяников.

цех устанавливал предел платы, выше которого никакой мастер не смел платить своему подмастерью. Продолжительность труда устанавливалась обычно «от зари до зари», и работа длилась 14—16 часов в сутки. Одновременно ухудшалось и питание подмастерьев и вообще все условия их жизни. Попытки подмастерьев организовать сопротивление такой эксплоатации подавлялись самым жестоким образом.

Наемные рабочие и городская беднота.

Если туго приходилось подмастерьям, то еще хуже было положение тех бедняков, которые жили черной, большей частью поденной работой. Таких рабочих, «неуверенных утром, найдут ли они днем какой-либо заработок», в XIV в. было уже немало в промышленных городах, в частности во Флоренции.

Надо сказать, что все подсобные операции в суконной промышленности: чесанье, мытье шерсти и пр., обслуживались не самими ремесленниками, а особыми рабочими, набиравшимися из среды городской бедноты. Эти наемные рабочие были совершенно бесправны и стояли вне какой бы то ни было цеховой организации. Чесальщик шерсти мог отказаться от работы, лишь предупредив хозяина за четыре месяца. Хозяин же мог прогнать рабочего, когда захочет. Безработица была постоянным явлением среди этой наиболее эксплоатируемой части трудящихся города. Ниже их стояли одни лишь нищие и калеки.

По мере роста богатства эксплоататоров росла нищета в широких массах городского населения. Беспрерывно увеличивалось число нищих, живущих подаянием, а также число физически неспособных к труду. Это были больные и калеки, увечные, слепые, безумные и, особенно, прокаженные.

В XIV в. из 90-тысячного населения Флоренции около 20 тыс. были нищими или стояли на грани нищеты.

Ростовщичество.

Могут задать вопрос: откуда появились во Флоренции такие богатства, при помощи которых небольшая организация держала в своих руках почти всю промышленность? Эти богатства были нажиты, в первую очередь, на торговле деньгами, т. е. на ростовщическом и банкирском деле. Флоренция являлась «гнездом» ростовщиков и банкиров, снабжавших за огромные проценты деньгами не только ряд итальянских городов, но и отдаленные государства. Конечно, торговля деньгами развивалась в XIII — XIV вв. не только во Флоренции, но и во многих других торговых городах, в особенности Северной Италии. Флоренция была лишь одним из крупнейших центров ростовщичества. Почему развивалось это последнее?

При ломке натурального хозяйства острую нужду в деньгах почувствовали и помещики, и крестьяне, и ремесленники. Все эти группы населения принуждены были пойти «за помощью» к ростовщику. Ссужать деньги «в рост», под «божеские» проценты (50 — 60% не были исключением), становилось в XIII и XIV вв. все более выгодным занятием. Им преимущественно занимались купцы-итальянцы, накопившие уже на международной торговле значительные суммы.

Особо в качестве ростовщиков надо отметить церковные организации — монастыри, духовно-рыцарские ордена и т. п. Уже в XII в. крупнейшими ростовщиками были рыцари-монахи ордена

храмовников[1]. Это «богоугодное дело» приносило «святым отцам», в частности самому папе, весьма крупные доходы.

Банкиры и банки. Дальнейшее развитие товарно-денежного хозяйства привело к росту кредитного дела и появлению наряду с ростовщиками и их конторами банкиров и банков. Единообразных и достаточно устойчивых денежных систем в то время не было. Нужно было быть специалистом, чтобы не сбиться в счете и не запутаться, имея в руках десятки монет различного вида, выбитых в различных местностях и нередко испорченных, т. е. с искусственно уменьшенным весом или с пониженным содержанием драгоценных металлов.

Эти обстоятельства приводили к процветанию менял, превратившихся вскоре в первых банкиров (от расчетного стола — по-итальянски banco, — у которого заканчивались сделки).

Кроме обмена денег банкиры занимались переводом денежных сумм и выдавали для этого векселя, по которым обязывались уплатить внесенную им сумму в другом городе: это было особенно важно при дорожных опасностях того времени. Менялам-банкирам, как «людям надежным», нередко вверялись на хранение свободные денежные суммы, которые они и стали пускать в оборот, пользуясь ими для выдачи ссуд торговцам и зажиточным ремесленникам. Занимались банкирские дома и помощью (за особое вознаграждение) торговцам и промышленникам в их взаимных расчетах.

Большинство банкирских контор принадлежало отдельным частным лицам. Общественных банков было в ту эпоху очень мало. Старейшими из них были венецианский и генуэзский банки. Этот последний послужил образцом для подобных учреждений в других городах.

Во Флоренции процветали крупнейшие частные банкирские дома. Насколько велики были их обороты, покажет такой пример: В 1329 г. король английский занял у банкиров Барди и Перуцци 1 855 000 золотых флоринов (1 флорин, переводя на теперешнюю покупательную силу, можно приравнять приблизительно к 30 руб. золотом). Заметим, что Англия, объявив «государственное банкротство», не отдала этих денег, чем разорила итальянских банкиров и их вкладчиков. Позднее как крупная международная сила выступает знаменитая фамилия «мировых банкиров», флорентийцев Медичи, имевших до полутора десятка заграничных отделений. Если личное состояние Перуцци в XIV столетии можно оценить примерно в $1^1/_2$ млн. руб. золотом, то Медичи в XV в. владели уже 15 миллионами. Медичи вели денежные дела римского папы.

Господство городской аристократии. Нетрудно определить после сказанного, в чьих руках была сосредоточена власть в таких городах, как Флоренция.

В XIV в. там господствовала «знать», состоявшая из банкиров, хозяев шерстоткацких и шелкоткацких мастерских и богатых

---

[1] Храмовники (тамплиеры) — организация монахов-воинов, возникшая на Востоке во время крестовых походов. Большие средства, накопленные путем захвата земель, торговли и грабежа еще на Востоке, позволили храмовникам развернуть в Европе широкую ростовщическую деятельность. Орден тамплиеров был уничтожен в начале XIV в. по обвинению в ереси. Большинство его земельных и других богатств досталось французскому королю Филиппу IV.

торговцев. Все они были объединены в семь так называемых «старших» цехов, которые принимали решающее участие в управлении городом.

Огромная же масса самостоятельных ремесленников, принадлежавших к 14 «младшим» цехам, не говоря уже о подмастерьях и городской бедноте, была фактически отстранена от власти.

Опираясь на эту власть, богачи все туже затягивали на шее трудящихся горожан петлю эксплоатации.

Со своей стороны, эти последние в целом ряде восстаний пытались сбросить с себя тяжелое ярмо.

Неудача этих попыток вела к дальнейшему усилению власти городской аристократии (знати).

Во Флоренции обострившаяся классовая борьба поставила перед аристократией вопрос о необходимости еще большего упрочения государственной власти и сосредоточения ее в одних руках. Одновременно рост богатства и влияния семьи банкиров Медичи предрешал вопрос об этих «руках». Обладая огромными денежными средствами, Медичи медленно, но верно шли к единоличной власти.

До XV в. во Флоренции была р е с п у б л и к а. Всем заправляла кучка богачей, которые и выбирали из своей среды на определенный срок высших должностных лиц.

Такой республиканский строй существовал в большинстве других независимых городов и областей Северной Италии в эту эпоху [1].

К средине же XV в. К о з и м о М е д и ч и, а за ним его внук Л о р е н ц о, прозванный за окружавшую его пышность В е л и к о л е п н ы м, прибирают к своим рукам всю власть во Флоренции, превращаясь в «некоронованных королей» этого богатейшего промышленного города. Медичи не уничтожали формально прежних республиканских должностей, но, замещая их исключительно своими ставленниками и беспощадно устраняя всех своих врагов, оказались полновластными хозяевами государства. Подкуп, тайные убийства, отравления — таков был их путь к власти.

Но, вместе с тем, Лоренцо Медичи считал, что «лучший способ тратить деньги» — это не скупиться на подачки в пользу бедноты. Всяческие «пожертвования» и пышные «народные» празднества не без успеха обманывали малосознательные в то время трудовые массы. В начале XVI в. Медичи принимают герцогский титул.

В торговой Венеции, где не было непосредственной опасности хотя бы и зачаточного рабочего движения, сохранилось республиканское устройство. Вся власть в венецианской торговой республике находилась в руках «Большого совета», состоявшего из представителей немногих богатейших фамилий. Этот совет избирал высшее должностное лицо — дожа, а также «Совет десяти». В руках этого последнего сосредоточивались, между прочим, весь сыск и расправа со всеми, подозревавшимися в замыслах против господства богачей.

---

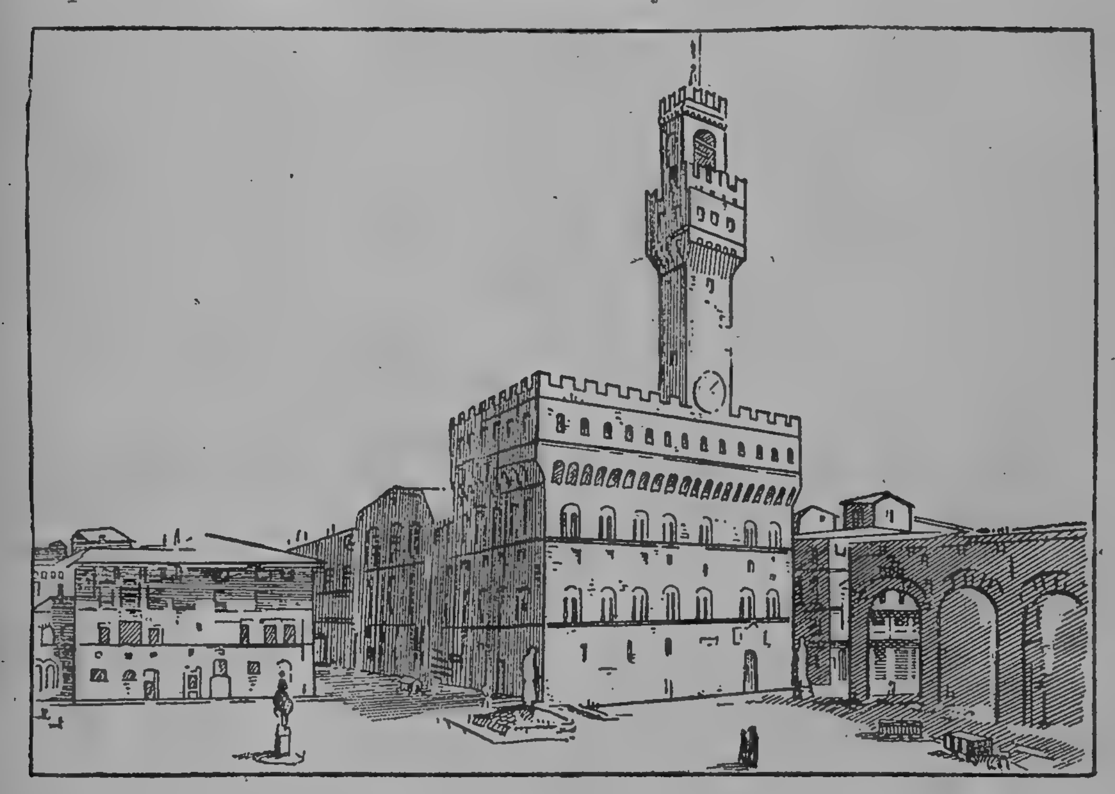
[1] Италия распадалась в то время на множество отдельных самостоятельных государств. В XV в. среди них выделилось пять наиболее сильных: Венеция, Флоренция, Рим, Милан и Неаполь.

§ 16. Городские восстания.

Как в Италии, так и в ряде других наиболее развитых стран власть в городах [1], по большей части, была захвачена г о р о д с к о й а р и с т о к р а т и е й. В случае опасности, угрожавшей этой кучке эксплоататоров, ей на помощь нередко приходили и феодалы. Перед лицом восстания трудовых масс буржуазия и феодалы забывали свою обычную вражду. А такие восстания случались нередко. Одно из наиболее ранних и, вместе с тем, грозных произошло в знакомой уже нам Флоренции. Застрельщиками и основной силой этого восстания были наемные рабочие.

Восстание «чомпи» во Флоренции.

Во Флоренции власть принадлежала богачам — «жирному народу», по тогдашнему выражению. Весь же «тощий народ» и, прежде всего, р а б о ч и е, не входившие в цехи, представлял собой совершенно бесправную и всячески теснимую массу.



Здание сеньории во Флоренции.

Воспользовавшись раздорами среди «старших» и «младших» цехов, «тощий народ» поднял в 1378 г. открытое восстание против городских заправил и богачей. Первыми поднялись рабочие-суконщики. При звуках набата рабочие, развернув знамя с изображением «ангела-истребителя», с оружием в руках и с криками: «Огня и крови» высыпали на улицу. «Чомпи» (оборванцы), которых выступило до 20 тыс., разбивали и сжигали дома наиболее ненавистных богачей (воздерживаясь при этом от грабежей и хищений), громили тюрьмы и монастыри и, наконец, во главе со своим предводителем, простым чесаль-

[1] В то время как в Северной Италии крупные города были вполне самостоятельными государствами, в других странах города обычно такого положения не занимали.

щиком шерсти Микеле Ландо, завладели зданием сеньории («Совета господ», т. е. высшего городского управления).

Наемные войска оказывали слабое сопротивление. Ремесленные, «младшие» цехи, боясь рабочих и подмастерьев, принуждены были выступить заодно с рабочими. Сеньория согласилась на все требования восставших, в том числе на изменение системы управления, на учреждение трех «меньших» цехов для рабочих, на отмену кровавых телесных наказаний, на замену многочисленных тяжелых налогов одним — подоходным и на отсрочку платежей ростовщикам. Микеле Ландо был назначен на важнейшую городскую должность (гонфалоньера — знаменосца республики), а в состав новой сеньории вошли по равному числу представители от старших, младших и меньших цехов. Так образовалось, просуществовавшее сорок дней, правительство, в котором рабочие (меньшие цехи) и мелкая буржуазия (мастера-ремесленники младших цехов) имели большинство.

Эта власть оказалась непрочной. Старшие цехи, не возобновляя работы, прекратившейся во время восстания, искусственно поддерживали безработицу. Часть квалифицированных рабочих, перетянув на свою сторону Микеле Ландо, передалась буржуазии. «Чомпи» (большею частью неквалифицированные рабочие) были разгромлены в уличном бою, после чего началась расправа. Рабочие кварталы были почти разрушены победителями. Беглецов преследовали по всем улицам города и беспощадно избивали. Вожаки «чомпи» были схвачены и казнены, а более тысячи чесальщиков шерсти навсегда изгнаны из Флоренции. Цех «чомпи» был уничтожен, зато два других «меньших» цеха были повышены в «чине»; их уравняли в правах с младшими цехами.

Власть временно оказалась в руках мелкой буржуазии. Однако ее двойственная политика, старавшаяся угождать богачам, но не раздражать при этом и квалифицированных рабочих, помогла окрепнуть старшим цехам. «Жирный народ», собравшись с силами, разгромил ремесленников и рабочих. Были восстановлены прежние порядки полного господства городской знати.

Дело «чомпи» погибло потому, что в условиях ремесленного производства рабочие были еще слишком слабы для самостоятельного движения и прочной победы. Рабочих того времени, связанных с цеховыми порядками и предрассудками, нельзя отождествлять с позднейшим пролетариатом. Много повредила восстанию «чомпи» предательски-соглашательская политика младших цехов (мелкой буржуазии).

Ремесленные восстания. Восстание во Флоренции было в основном движением рабочих, занятых в ремесленном производстве. Но в ту же эпоху — где раньше, где позже — происходил ряд восстаний, главной силой которых были не рабочие, а сами цеховые ремесленники. Чем же объясняются эти попытки, особенно частые во Фландрии и в Германии XIV — XV вв.?

Городское управление и там было захвачено так называемыми патрицианскими родами, к которым относились богачи, крупные купцы-оптовики, скупщики и ростовщики. Главные городские должности, которые когда-то были выборными, переходили теперь (XIV — XV вв.) как бы по наследству в пределах одних и тех же богатейших и

знатнейших семей. Мелкие розничные торговцы и цеховые ремесленники были лишены власти в городском управлении, которое пользовалось своей силой исключительно в интересах богатых купцов и ростовщиков.

«Мозолистые руки» и «синие ногти» (от работы над шерстью) считались «низким сословием», «необузданным и упрямым», «презренным, ибо оно добывает себе пропитание, открыто занимаясь рукомесленничеством» (выражение одного германского летописца XIV в.). Ремесленники, не оставаясь в долгу, называли купцов-богачей, избегавших физического труда, «бездельниками и лодырями».

Во Фландрии почти все XIV столетие было наполнено борьбой «мозолистых рук» с «бездельниками». При этом патрициев поддерживали французские короли, желавшие через них утвердить свое влияние в богатой области.

В 1302 г. у города Куртрэ ремесленники и рабочие разгромили французскую армию, перебив такое множество знатных феодалов, что с поля битвы, как рассказывают, было собрано до 4 тыс. золотых шпор, которые носили рыцари. После этой победы ремесленники-ткачи ряда фландрских городов захватили власть в свои руки. Однако власть эта не была прочной. Быстро сказались противоречия среди самих ремесленников.

Воюя с патрициями (и феодалами), цеховые ремесленники опирались на подмастерьев и на чернорабочих. Но затихавшая на время совместной борьбы вражда между мастерами и «подручными» после победы первых снова возобновилась. Мало того, цех ткачей желал использовать власть исключительно в своих интересах, всячески тесня другие цехи (особенно валяльщиков, красильщиков и др.), не говоря уже о деревенских ремесленниках. В результате, после целого ряда столкновений и переворотов, к концу XIV в. патриции во Фландрии снова пришли к власти, деля ее, однако, в некоторых городах с представителями наиболее влиятельных ремесленных цехов.

С таким же, например, результатом закончилась и борьба в большинстве германских городов, происходившая во второй половине XIV и в первой половине XV столетия.

Особенно ожесточенной была борьба в городах Ганзейского союза (Бремене, Любеке, Брауншвейге и многих других). Здесь обычно побеждали патриции, на помощь которым приходили другие города союза, совместными силами подавлявшие «бунтовщиков». За подавлением «мятежа» следовала расправа.

Вот один пример подобной расправы:

В прирейнском германском городе Кельне в 1370 г. цеху ткачей удалось свергнуть власть купцов, но не надолго. Те при помощи феодалов победили «бунтовщиков» и расправились с ними самым беспощадным образом. «Ткачи, — пишет современник, — обратились в кротов и залегли под землю (в подвалы и пр.). Но где только удавалось найти или схватить ткачей, их убивали тут же на улице. Не щадили никого: ни старого, ни малого. Все, кто мог бежать, бежали. Гнали жен и детей ткачей из города вон, и городская дума взяла себе их наследство, дома и дворы и все их состояние».

В некоторых же городах Германии, где было особенно развито ремесленное производство, ремесленники на время добивались победы, однако и там ремесленников-мастеров ослабляла все возраставшая рознь их с подмастерьями и учениками.

Борьба подмастерьев с мастерами.

Мы уже знаем, как ухудшилось положение подмастерьев в быстро развивавшихся промышленных городах Италии. По мере хозяйственного роста то же самое случилось и в ряде других стран: в одних (Фландрия) — раньше, в других (Англия) — позже.

Для отпора мастерам и для взаимной помощи подмастерья образовывали особые объединения — б р а т с т в а. В этих же целях они прибегали к стачкам и к бойкоту мастеров, заносили их в «черный список» и объявляли «под запрещением». К такому мастеру не нанимался ни один подмастерье. На стачки жалуются уже английские мастера XIV в.

«Под прикрытием лицемерного благочестия,—пишет современник,— подмастерья составляют союзы и заговоры с целью чрезмерно поднять плату и действительно успевают в этом. Каждый раз, когда возникают разногласия между мастером и подмастерьем, соединяются все подмастерья ремесла, и по взаимному уговору они решают, чтоб каждый отказался работать на своего мастера, пока первый мастер и его подмастерье не придут к соглашению».

Мастера при помощи городских властей решительно боролись против союзов подмастерьев. Особыми постановлениями (в Германии в XV в.) запрещалось «подмастерьям впредь соединяться, заключать товарищества», «удерживать других подмастерьев от службы у мастеров, устраивать всякого рода стачки» и «опозоривать» мастера. Никто из подмастерьев не должен был «ходить в городе ночью, тайными путями, а также собираться в трактирах или садах». Подмастерья «не должны носить при себе ножей, разве когда они находятся в пути». За нарушение таких постановлений полагалось изгнание из города, тюрьма, а иногда даже отрезание ушей.

§ 17. Зарождение буржуазной культуры в Италии.

Мы уже знаем, что в XIV—XV вв. буржуазия в городах Италии добивается господства. Ее классовая борьба с феодалами выражается, между прочим, в форме борьбы за новую буржуазную культуру, против старой — феодально-поповской.

Начатки буржуазного мировоззрения.

Могло ли старое феодально-церковное миропонимание удовлетворить горожанина — торговца и ремесленника? Конечно, нет! Не небесная жизнь, а земной мир, земные расчеты всецело занимают буржуа: на земле слишком много дела! Не о посте и лишениях, а об удобствах жизни, о роскоши и пирушках мечтает богатый горожанин. Его уже не проведешь баснями о жизни «в постах и молитвах» «святых отцов» — монахов, любивших величать себя «непогребенными мертвецами». Плут-монах и распутный священник делаются любимыми темами рассказов городской литературы.

Одновременно буржуа издевается и над тунеядцем-рыцарем, единственное дело которого — это охотиться и рыскать по большим дорогам, затевая ссоры с соседями и грабя купцов. В знаменитом городском романе того времени о «хитрой лисе» рыцарь изображается глупым и злым волком, бессмысленно истребляющим домашний скот, но в конце концов побеждаемым хитрой, продувной лисой.

Натуральное хозяйство разлагается, меняется и весь тот строй жизни, который еще недавно казался «вечным и неизменным». Вместе с тем уже не знатность и древность рода феодала, а богатство, вес золотого мешка начинают играть все бóльшую и бóльшую роль. Горожанин, особенно купец, странствующий из города в город, из страны в страну, уже много видел, уже привык полагаться в своих, нередко рискованных, предприятиях на самого себя, на свою собственную сообразительность, а не на авторитет «писания» и богословов.

Все это приучает купца и богатого ремесленника выдвигать на первый план себя, свою личность, свою энергию и стремиться к самостоятельности, к тому, чтобы никто не вмешивался в его коммерческие дела и расчеты.

Чем помогут купцу или ремесленнику «отцы церкви» со всеми их «душеспасительными» поучениями? Для него гораздо важнее иметь сведения по географии, по астрономии, помогающие ему ориентироваться в пути и точно определять время; по математике и физике, без которых не рассчитаешь никакой сложной постройки и не соорудишь никакого механического приспособления; по медицине, лечащей его в этой земной жизни, которую он очень ценил.

Раньше в церковных школах могли по нескольку дней спорить на тему: «Есть ли у крота глаза или нет?» — спорить, подкрепляя свои соображения выдержками из «священного писания», но считая излишним поймать крота и посмотреть, как в действительности обстоит дело. Сейчас взоры людей обращаются вместо бесплодных отвлеченных разговоров на действительное, опытное изучение окружающего мира.

Буржуа начинает ценить образование. Открываются новые школы, в которые, конечно, допускались лишь дети богатых горожан, а отнюдь не подмастерьев или рабочих.

Буржуа привлекает к себе на службу образованных людей, воспитанных на произведениях античной древнеримской и древнегреческой культуры. Таких людей называли гуманистами [1].

«Возрождение» в Италии.

Начинается изучение памятников греко-римской культуры. Оно и понятно: рабовладельческий мир времен расцвета, со своей развитой торговлей и денежными оборотами, имел сходные черты с городским строем описываемой эпохи. Это «сходное» и используется буржуазией в качестве орудия классовой борьбы с феодализмом в области культуры.

В Италии больше чем где-либо было остатков античного мира и воспоминаний о нем. И вот, итальянская буржуазия широко использовала эти памятники для построения своей культуры. Раньше всего эта культура зарождается и развивается в быстро богатеющих городах Северной Италии.

Городские властители — этим особенно отличались Медичи — окружают себя поэтами, философами, художниками, учеными и музыкантами, не щадят денег на показную роскошь. Рост производства создает непосредственную экономическую базу для пышного расцвета искусств и наук.

---

[1] От латинского слова humanus — человеческий, в противоположность церковному, уводящему людей от чисто человеческих интересов в область «небесной», «загробной» жизни.

Литература и искусство. В XIV в. в североитальянских городах выделяется ряд крупных писателей, отражавших в своих произведениях зарождение нового буржуазного мировоззрения. Таков поэт Петрарка (Флоренция), неутомимо собиравший и изучавший древние рукописи и прославлявший в своих произведениях новый взгляд на мир; таков остроумный, веселый рассказчик Боккаччо (Флоренция) и др. В своем сборнике повестей «Декамерон» Боккаччо едко высмеивает духовенство и феодалов, «отречение от мира» и церковную нетерпимость. Вместе с тем он прославляет пытливый разум, стремления к удовольствиям и кипучую энергию горожанина.

Ряд писателей в Риме и Генуе, Милане и Венеции последовал за этими великими флорентийцами.

Еще пышнее расцветали архитектура и изобразительные искусства (живопись и скульптура). Роскошные дворцы строились для богачей талантливейшими архитекторами. Замечательные живописцы расписывают и украшают великолепными картинами стены дворцов и церквей. На городских площадях сооружаются памятники городским властителям и кондотьерам — предводителям наемных солдат.



Памятник кондотьеру. (Статуя Верроккио.)

Надо подчеркнуть, что в предшествующую эпоху живописцы и скульпторы мало заботились о действительном воспроизведении жизни и природы. Люди и окружающая их природа изображались далекими от действительности. Это было связано с религиозным мировоззрением, проповедывавшим пренебрежение к «греховной» земной жизни. В эпоху же Возрождения живая телесная действительность со всеми ее радостями завоевывает искусство. Для художника этой эпохи изучение человека и природы является необходимой основой искусства. Развивающаяся наука приходит на помощь живописи и скульптуре: художник изучает строение человеческого тела, математика обосновывает учение о перспективе. Накопление естественнонаучных знаний помогает правильному изображению природы.

Мы не будем перечислять всех великих итальянских художников того времени (XV—XVI вв.), отражавших в своих произведениях развитие нового мировоззрения. Назовем лишь одного из них — Леонардо да-Винчи (1452—1519 гг.).

Это был гениальный живописец и кроме того музыкант, архитектор и поэт. Мало этого, Леонардо был гениальным математиком и физиком, предугадавшим ряд научных открытий, сделанных только в XIX в. Он был также анатомом, изучившим тело человека, он призывал во всем «учиться у природы», вместо того чтобы заниматься бесплодными спорами по вопросам религиозно-церковного характера.

Целый ряд выдающихся технических изобретений был сделан тем же гениальным Леонардо. Достаточно назвать изобретение им прялки. Веретено здесь уже не держат в руке, а оно прикреплено к станку и приводится в движение приводом от колеса, вращаемого правой рукой, в то время как левая тянет нитку. В бумагах Леонардо остались чертежи, из которых видно, что он разрабатывал план постройки летательного аппарата. Старая феодальная культура не могла выдвинуть такой необычайной, всесторонней личности.

Энгельс писал об эпохе Возрождения: «Это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености...» Леонардо да-Винчи был не только великим художником, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важнейшими открытиями самые разнообразные отрасли физики.



Леонардо да-Винчи.

Политические теории. В ту же эпоху итальянские политические мыслители начинают обосновывать мысль о государственной власти буржуазии.

Флорентиец Макиавелли (1469—1527 гг.) требует полного разрушения феодальных порядков и утверждает, что богатые граждане (буржуазия), — вот, кто должен управлять государством. Для того же чтобы построить такое буржуазное государство, Макиавелли рекомендует не брезгать никакими средствами.

Вот что пишет Макиавелли в своей книге «О государе»:

«Государь действует грубой силой, подобно зверям; он должен соединять в себе качества льва и лисицы. Обладая только качествами льва, он не будет уметь остерегаться и избегать западни, которую ему ставят. Будучи же только лисицей, он не будет уметь защищаться против врагов... Предусмотрительный государь не должен исполнять своих обещаний и обязательств, если такое исполнение будет для него вредно... Государи должны обладать великим искусством лицемерия и лжи».

ГЛАВА VII.

ОБРАЗОВАНИЕ СОСЛОВНЫХ МОНАРХИЙ.

§ 18. Классы западноевропейского общества в XIII—XIV вв. и усиление королевской власти.

В XIII—XIV вв. в Западной Европе, как вы уже знаете, развивалось производство, и на этой основе расширялась торговля, росли города и разлагалось старое натуральное хозяйство. Тем самым менялись классовые отношения общества, и усиливалась классовая борьба.

Феодалы и крестьяне. Ломка натурального хозяйства и развитие товарно-денежного по-разному отразились на разных группах феодалов. Часть, в особенности крупных феодалов, благодаря своему богатству, опираясь на огромное число зависимых

людей, могла еще долгое время продолжать хозяйничать «по-старому». Тем более, что крупному помещику при обширности его владений было крайне затруднительно лично руководить хозяйством (да он и не привык к этому) и переделывать его на новый лад, что требовало большой ловкости и уменья.

Такой феодал продолжает держаться за свою политическую независимость, основой которой являлась относительная независимость его поместья от рыночных связей и отношений с другими хозяйствами.

В ином положении оказались те, обычно более мелкие землевладельцы, которым изменение хозяйственных отношений грозило разорением. Чтобы избежать разорения, чтобы получить все те выгоды, которые давало им развитие торговли, они со всей энергией принялись за приспособление своего хозяйства к новым условиям жизни. Их поместья все более и более втягиваются в торговлю сельскохозяйственными продуктами. Те же мелкие феодалы, которым это не удавалось, постепенно разорялись и нередко добывали средства к существованию разбоем или службой в наемных войсках.

В то же время крестьяне в значительной своей части освобождаются от личной крепостной зависимости, но в связи с ростом товарно-денежного хозяйства подвергаются еще более усиленной эксплоатации. Одновременно начинается расслоение крестьянства на более и менее зажиточные слои (см. гл. V).

Городские классы.

В эту эпоху начинают выдвигаться и новые общественные группы. Это, во-первых, купцы и ростовщики, приобретающие все большее и большее значение, по мере того как растут торговля и денежные обороты. Не говоря уже о крестьянах и ремесленниках, даже многие феодалы чувствуют на себе тяжелую руку купеческого и ростовщического капитала. Купцы и ростовщики делаются заправилами городского управления.

Это, во-вторых, ремесленники, в свою очередь распадающиеся на мастеров и подмастерьев. Подмастерья же постепенно приближаются по своему положению к наемным рабочим.

Эти последние, зачатки позднейшего пролетариата, хотя и не имеют еще в то время крупного значения, но дают уже о себе знать рядом выступлений и восстаний. Иначе говоря, мы замечаем выдвижение и одновременно расслоение новых *городских* классов.

Все эти классовые сдвиги повлекли за собой перемены в строе феодального государства.

Стремление к усилению государственной власти.

Государственная власть принадлежала раньше безраздельно крупным феодалам. Каждый богатый и знатный помещик был полный владыка, «царь и бог» в своих владениях. Поэтому центральная власть королей была очень слаба и ограничена вольностями других феодалов. Серьезной общественной опоры у нее не было. С развитием товарного хозяйства в XIII—XV вв. дело меняется.

Вы уже знаете, что в эту эпоху в огромной степени усилилась и усложнилась *классовая борьба*. Эксплоатируемые массы все чаще и чаще подымались с оружием в руках против феодалов

Достаточно напомнить грозную жакерию во Франции и широкое движение в Англии, руководимое Уотом Тайлером. Разгоралась классовая борьба и в городах.

Усиление и укрепление центральной власти по этой причине было совершенно необходимо для правящих классов. В борьбе за эксплоататорский строй, забывая свою вражду, объединились все грабители трудовых масс. Только бы отстоять этот строй, а уже поделить награбленное будет легче! Так рассуждало большинство феодалов, купцы и ростовщики, способствуя укреплению государственной власти.

Но кроме того у всех тех общественных групп, которые были заинтересованы в развитии торговли и промыслов, были и свои особые причины стремиться к образованию централизованного государства.

Помехи торговле и промыслам.

При господстве независимых феодалов торговля была крайне стеснена многочисленными поборами, которые взимал с торговцев каждый крупный помещик в своих владениях, грабежами на дорогах, бесправием купцов и ремесленников, отсутствием удобных путей сообщения и беспрерывными войнами феодалов друг с другом, превращавшими страну в «осиное гнездо».

О дорогах в то время почти никто не заботился, и их просто протаптывали телеги и всадники. Часто товары приходилось перевозить на вьючных лошадях, да и то с опасностью утонуть (в буквальном смысле слова) в дорожной грязи. Феодалы не только не поддерживали дорог, но нередко нарочно портили их, потому что существовало правило: «Что с воза упало, то пропало», т. е. шло в пользу владельца земли, по которой проезжали. Товар отбирался феодалом также в случае поломки телеги, «если только она своей осью коснется земли». Правда, иногда феодалы строили даже мосты... на сухом месте, но только для того, чтобы обирать купцов помостовой платой.

Страдала торговля и от отсутствия определенной и твердой денежной системы. Многие феодалы чеканили свою монету. В Германии в XIV в. насчитывалось до 600 монетных дворов. Монета чаще всего выпускалась мелкая, так что иногда купцам приходилось снаряжать целые караваны лошадей, нагруженных денежными мешками.

Феодалы постоянно «портили» монету, т. е. срезали с нее кусочки золота или серебра или переплавляли ее, примешивая значительное количество меди. Такую обесцененную монету они заставляли принимать как полноценную.

Все эти помехи товарообороту в сильнейшей степени мешали и развитию промышленности, продукция которой была рассчитана на широкий рынок.

Интересы промышленности и торговли требовали создания крупных государств с единой крепкой центральной властью. Такая власть должна была ограничить вольности отдельных феодалов, охранять безопасность торговли и производства, организовать суд и полицию, заботиться о благоустройстве путей сообщения и упростить денежную систему.

К этому времени узкий городской рынок становился слишком тесным. Торговля захватывала целые страны, выходила за пределы Европы.

Понятно, что при таком расширении торговых связей торговец стремился к расширению владений того государства, в котором он мог торговать как в «своем», под охраной «своей» государственной власти и получая от нее всевозможные привилегии (особые права).

Новая форма феодального государства.

Как мы уже упоминали, из числа менее крупных феодалов многие приспособлялись к новым условиям хозяйствования и втягивались в торговлю; по этой причине они-то и оказывались заинтересованными в укреплении и расширении единой государственной власти. По другим

причинам в ее усилении были заинтересованы и те мелкие феодалы, которые терпели от новых экономических порядков и нередко разорялись. Они с завистью смотрели на владения крупных независимых феодалов и жаждали помощи от короля.

Короли на деньги богатых горожан организовывали войско, главную силу которого составляла пехота, снабженная только что входившим тогда в употребление огнестрельным оружием. Королевские войска, побеждая тяжелую и неповоротливую рыцарскую кавалерию независимых феодалов, отбирали их владения, которые король жаловал за службу покорным ему феодалам.

Усилившаяся королевская власть выражала интересы среднего и мелкопоместного дворянства, союзником которого являлись в это время богатые горожане — купцы и ростовщики. Лишь в немногих местах, как например в ряде итальянских городских республик, богачи-горожане смогли организовать свою собственную государственную власть. В большинстве же стран они не были еще достаточно сильны для этого и до поры до времени довольствовались теми выгодами, которые им доставляла новая централизованная форма феодального государства.

Эта более централизованная власть феодалов стала в ту эпоху необходима эксплоататорам как в связи с развитием товарности хозяйства, так и — в особенности — для подавления усилившегося сопротивления эксплоатируемых масс деревни и города.

§ 19. Сословная монархия в Англии.

«Великая хартия вольностей».

Развитие централизованного государства, о котором мы только что говорили, в разных странах имело свои особенности.

Мы знаем, что в феодальной Англии уже в XII в. государственная власть не была так раздроблена, как во Франции или Германии, и что даже крупные английские феодалы находились в большей или меньшей зависимости от короля. Феодалы, поддерживая в Англии развитие королевской власти как орудие своих интересов, вместе с тем стремились ограничить эту власть, положить предел ее вымогательствам. В конце XII и начале XIII вв. английские короли, ведя войны с Францией, слишком часто требовали от своих вассалов несения военной службы, слишком много вымогали денег у городов.

При короле Иоанне Безземельном, растерявшем в неудачных войнах с французами почти все свои владения на материке Европы (в Северо-западной Франции), феодальные бароны подняли восстание. На их сторону встало и большинство английского духовенства. Восставшие объявили себя «войском бога и святой церкви». Их поддержали богатые города. Когда столица королевства Лондон открыл им свои ворота, король, теснимый восставшими, был вынужден в 1215 г. подписать «Великую хартию вольностей».

Эта хартия ограничивала власть короля советом феодалов. Король не мог без согласия этого совета устанавливать налоги и не имел права по своему произволу лишать свободы своих подданных (кроме, разумеется, зависимых крестьян). Горожане добились того, что были

подтверждены «все старинные вольности» Лондона и других городов, была обещана купцам полная свобода передвижения и было запрещено королевским чиновникам чинить насилия над торговцами. В случае нарушения королем этих обязательств «хартия» предусматривала право феодальных баронов «совместно с общиной всей земли принуждать и теснить (короля) всеми способами, какими только могут, т. е. путем захвата замков, земель, владений и всеми другими способами, какими могут, пока не будет исправлено (нарушение) согласно их решению».

Это значит, что невыполнение договора влекло за собой вооруженное воздействие на короля.

Но все же ни Иоанн, ни его сын Генрих III фактически не соблюдали своих обязательств. Генрих семь раз торжественно клялся не нарушать «хартии» и семь раз нарушал эти обещания. Феодалы снова поднялись и добились установления особых съездов «королевских вассалов», ограничивающих власть короля. Эти съезды, превратившиеся в дальнейшем в постоянное учреждение, получили название парламента.

Сословное представительство в Англии.

В первом же «Великом парламенте» 1265 г. рядом со знатнейшими светскими и духовными феодалами заседали мелкопоместные рыцари и представители горожан. Таким образом, классовые сдвиги, о которых мы уже знаем, со всей силой сказались на составе парламента, являвшегося представительством сословий королевства. Общество той эпохи, как в Англии, так и в других странах Западной Европы, стало подразделяться на несколько обособленных групп — сословий.

В основе сословных различий лежали различия классовые. Каждое сословие обладало своими, закрепленными законом и обычаем, особыми правами, преимуществами и обязанностями, имело нередко особую организацию. Высшим сословием, имевшим очень мало обязанностей, но очень много преимуществ (привилегий), было дворянство, т. е. крупные и мелкие феодалы. Привилегированное положение занимало также духовенство. С ростом торговли и производства образовалось городское сословие, состоявшее из более богатых горожан. Нередко купцы и ремесленники составляли отдельные сословия. По своим правам городские сословия, даже «именитое» купечество, стояли значительно ниже дворянства и духовенства. Крестьянство же в целом и городская беднота представляли собой бесправную и угнетенную массу.

К началу XIV в. английский парламент вполне сорганизовался как сословное представительство. Графства (области) и города посылают в него своих представителей. Крупные светские и церковные феодалы заседали по именным приглашениям, рыцари графств и горожане — по избранию. Уже в XIV в. первая группа образовала отдельную палату — верхнюю, или палату лордов; вторая группа (мелкие феодалы и горожане)—нижнюю, или палату общин. Часть членов верхней палаты вскоре добилась права передавать свое звание по наследству.

Значение парламента.

Сословное представительство ограничивало власть короля. Но вместе с тем парламент оказывался мощным орудием обуздания феодальной вольницы, средством дальнейшего укрепления и объединения государства. Еще важнее для правящих классов было упрочение государственного

«порядка», т. е. создание надежной узды для подавления движений эксплоатируемых и бесправных масс.

Так из прежних советов и съездов крупных феодалов образовался парламент, постепенно превращавшийся в оплот централизованного дворянского государства, отвечавшего интересам развивавшегося товарного хозяйства.

§ 20. Образование сословной монархии во Франции.

Раздробленность Франции. Экономическая раздробленность Франции, при которой разные области имели неодинаковые хозяйственные интересы, долгое время препятствовала — в противоположность тому, что было в Англии — централизации государства.

В XI—XII вв. Франции как единого государственного целого еще не существовало. На территории Франции было разбросано множество фактически независимых феодальных владений, подчиненных герцогам, графам или князьям церкви (архиепископам, епископам, аббатам). Все эти властители распоряжались своими владениями, как помещик своим имением. Делили их между своими сыновьями, давали в приданое за дочерьми, нередко продавали или выменивали.

Политическая карта Франции постоянно менялась. Были во Франции и короли, принадлежавшие к фамилии Капетингов. Не будучи крупными феодалами, Капетинги до конца XII в. никакой действительной властью над всей страной не пользовались. Многие герцоги и графы были значительно сильнее их.

Однако охарактеризованные выше причины приводили к централизации французского государства. Это выражалось, прежде всего, в усилении королевской власти, отражавшей интересы большинства феодалов и их союзников — городских богачей.

Борьба королей с независимыми феодалами. Мало-помалу, действуя то хитростью, то силой, французские короли настолько укрепили свое положение, что в начале XIII столетия король Филипп II Август уже энергично приступил к «собиранию» земли, т. е. к «округлению» королевских владений за счет земель других независимых феодалов. Ловкий и жестокий, по словам современников, «как хищная птица», Филипп в короткий срок присоединил к своим землям ряд больших и богатых областей Франции.

Крупнейшим приобретением Филиппа была северо-западная область — Нормандия, которую он отвоевал у английского короля Иоанна Безземельного. Решительная битва при Бувине была выиграна Филиппом при помощи ополчения горожан и наемных войск, нанятых на средства купцов и ростовщиков.

Покровительствуя торговле и промышленности и оберегая их от иностранной конкуренции, Филипп привлекал на свою сторону богатых горожан, но при случае он не стеснялся грабить ростовщиков, которых он называл «губкой», которую опускают в воду, чтобы выжать потом. Усиленно занимался он и порчей монеты.

При одном из его преемников (Людовике IX) богатые феодалы-бароны, пользуясь малолетством короля, объединились и заявили: «Король мал, будемте же сами господами». Бароны попытались захватить короля силою, чтобы от его имени распоряжаться всей властью, но королевской семье удалось пробраться в Монлери, местечко под Парижем, куда и прибыло для борьбы с баронами ополчение горожан и дворян. Так при помощи буржуазии и мелких помещиков спасся Людовик IX, впоследствии сильно укрепивший королевскую власть.

Генеральные штаты во Франции.

Французские короли и раньше (до XIV в.) созывали время от времени светских и духовных феодалов для обсуждения различных вопросов управления. Теперь же они чаще стали прибегать к таким съездам, на которых большинство составляли средние и мелкие землевладельцы. Мало того, короли начали привлекать на эти съезды и горожан.

В 1302 г. король Филипп IV Красивый обратился к своим вассалам с приглашением «на совещание о некоторых вещах, чрезвычайно важных для всех и для каждого». Этот съезд положил начало французским Генеральным штатам [1], часто собиравшимся с тех пор до середины XV в., после чего их значение начинает падать.

Генеральные штаты состояли из собраний трех сословий — дворянства, духовенства и горожан. Каждое из этих собраний (палат) отдельно обсуждало и голосовало вопросы. Каждая палата имела один голос, так сказать, мнение своего сословия в целом. Поскольку интересы дворянства и духовенства совпадали почти всегда, третье сословие обычно оставалось в меньшинстве.

Чем же занимались Генеральные штаты? Вот несколько примеров из времен царствования того же Филиппа Красивого. На первом же собрании штаты потребовали освобождения от поборов, шедших в пользу римского папы, и обратились к королю с просьбой: «Не подчиняться никакой власти, кроме божьей» и смело порвать с Римом. Это с большой охотой было выполнено королем, одержавшим в борьбе с папством полную победу. На папский престол был посажен французский епископ, поселившийся вместо Рима на юге Франции, в Авиньоне.

На другом собрании Генеральные штаты потребовали захвата богатой промышленной Фландрии. На этом особенно настаивала буржуазия, объявившая, что «для борьбы с фламандцами горожане готовы помогать королю по мере сил: пойдут туда, куда он их поведет, и возьмут на себя все расходы». Конечно, последнее было для короля очень важно. Главным же образом штаты собирались для того, чтобы разрешить королю взимание новых налогов.

Опираясь на сословное представительство, короли Франции постепенно подавляли сопротивление отдельных крупных феодалов, сколачивали дворянское «национальное» государство, расширяли товарный рынок и укрепляли центральную власть, беспощадно подавлявшую восстания крестьянства и городской бедноты.

---

[1] Слово штат значит сословие, генеральный — общий. Генеральные штаты — общий съезд сословий.

ГЛАВА VIII.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ФЕОДАЛЬНОГО СТРОЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.

§ 21. Распад патриархально-родового строя у восточных славян и финнов.

Финские и славянские племена.

Основным населением Восточной Европы были финны и славяне. Финны занимали в IX в. гораздо более значительную область, чем сейчас. Об этом убедительно свидетельствуют многие названия рек, озер, селений (так, финского происхождения названия Ока, Москва).

К юго-западу от финнов лежали земли, занятые славянскими племенами. Это был народ, резко отличавшийся от финнов по языку.

Земли восточных славян были расположены главным образом по Днепру и его притокам. Отсюда шло дальнейшее расселение славян на север и восток, к Ильменю и Волхову, к верховьям Волги и Оки.

Образ жизни восточных славян.

Об образе жизни восточных славян и финнов мы знаем по археологическим раскопкам могильников (погребений) и городищ (древних селений). Много ценного материала содержат также предания, сохранившиеся у древнейших славянских историков (летописцев) и рассказы иностранцев (греков и арабов), бывавших в славянской и финской землях. Вот как описывает жизнь славян один арабский писатель X в.:

«Страна славян — страна ровная и лесистая; в лесах они и живут. Они не имеют ни виноградников, ни возделанных пашен. Из дерева выделывают они род кувшинов, в которых находятся у них ульи для пчел и сберегается пчелиный мед. Они пасут свиней наподобие овец. Более всего сеют они просо [1]. Рабочего скота у них мало. Холод в их стране бывает до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывает деревянную остроконечную крышу, и на крышу накладывает землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв немного дров и камней, зажигают огонь и раскаляют камни на огне докрасна» [2].

Земледелие у славян и финнов.

Рассказ арабского писателя в основном подтверждается показаниями и других источников. Основным занятием восточных славян в IX—X вв. было земледелие. Оно, главным образом, обеспечивало славян пищей. Недаром славяне называли хлеб «житом» («жито» — то, чем живут). Развито было земледелие и у большинства финских племен. В мерянских [3] могильниках VIII—IX вв. уже встречаются серпы и сошники.

Древнейшее славянское земледелие было ручным. Землю обрабатывали виловатым суком («сохой»). Разводили всего больше просо, самый неприхотливый из хлебных злаков. Пашни были незначительны. Для посевов использовали поляны в лесу. Это раннее земледелие, как и в других странах, было, вероятно, делом женским. К IX в. на смену женскому земледелию уже пришло мужское. В лесной полосе у славян и у финнов сложилась «подсечная» система, очень широко

---

[1] У славян существовало подсечное земледелие.
[2] Арабский писатель смешал жилище славян с баней.
[3] Меря — финское племя.

распространившаяся по Восточной Европе и удержавшаяся в отдельных местах до XX в.

При подсечном земледелии самой трудной и сложной работой является вырубка леса для пашни.

Работу эту проделывают обычно весною. Выбирают место, где мало крупных деревьев. Мелкие деревья и кустарник вырубают под корень «топорами древорубными». Большие деревья «подсочивают», т. е. сдирают со ствола кору. Поваленный лес лежит на подсеке целый год. Через год, выбрав ясный солнечный день с небольшим ровным ветром, выжигают подсохший лес. Сожжение подсеки — работа нелегкая. В безветренный день огонь часто тухнет. При сильном ветре подсека горит очень неровно, да и лесной пожар может начаться. Поэтому как на рубку, так и на сжигание выходят всей семьей.

Выжженный участок обрабатывали мотыгами. «По сукам» сеяли хлеб. Бороновали его суковатой елью. Работа шла попрежнему вручную.

Первые 3—4 года земля, удобренная лесным перегноем и золой, давала хорошие урожаи. Затем урожай резко падал. Истощенную пашню забрасывали на много лет, а вместо нее «подсекали» лес для новой.

В то время как в лесной полосе утвердилось подсечное земледелие, в степи и в лесостепи от ручного мотыжного земледелия начали переходить к пахоте при помощи вола или лошади простейшим плугом («ралом»). Плужное земледелие у славян было, конечно, работой мужской. Рабочий скот, которого у славян было мало, доставали у южных степняков.

Таким образом, к IX в. и славяне и финны были преимущественно земледельческими народами.

Другие занятия славян и финнов.

Наряду с земледелием большое значение для жизни славянских и финских племен имели звероловство и бортничество (лесное пчеловодство). Охота была существенным занятием даже для полян, живших в среднем Приднепровье. По преданиям, записанным древним летописцем, около Киева был большой лес, в котором ловили зверей. Еще большее значение имела охота в северных частях страны, где местами она была основным занятием населения. Меха и продукты пчеловодства (мед и воск) стали в X в. важнейшими предметами вывоза из Восточной Европы.

Родовые коммуны.

Ни у славян, ни у финнов к IX в. мы не находим еще выделившихся классов. В древнейшие времена финны и славяне жили родовыми коммунами.

Летописец в XI в. писал о древних славянах, что они раньше «жили каждый родом своим и на своих местах». Родичи сообща владели землей, сообща охотились на крупного зверя, сообща выжигали лес под пашню, сообща боролись против врагов. Род защищал своих членов. Человек «без роду, без племени» был беззащитным: «Убить его во пса место» (т. е. его можно убить, как собаку).

Постепенно в связи с ростом значения земледелия из рода начали выделяться «дворы». Двор состоял из «большой семьи».

Такие «большие» патриархальные семьи сохранялись долгое время в отсталых районах Восточной Европы. Так, у удмуртов еще в начале XIX в. встречались «большие семьи» по 40 и более человек, у мордвы еще недавно были «семьи» в 50 — 60 человек. Члены «большой семьи» вели общее хозяйство и жили в общем дворе. Особенно крепко держались «большие семьи» там, где сохранялось подсечное земледелие. Подсечное земледелие было не под силу малой семье, в которой было 2—3 взрослых работника.

Такого же рода «большие семьи» существовали у древних славян и у финнов. Их называли на севере «печище», на юге «дворище». Во главе каждого «дворища» стоял старейшина.

Племенные объединения.

«Большие семьи» (а ранее роды) объединялись в племена. Племена представляли непрочные союзы родов, владеющих общей территорией. Племена управлялись сходками родовых старшин («вечами»). У многих племен к IX в. наметились племенные центры, куда собирались для первобытного обмена. Сюда же сходились на общие племенные празднества, для «игрищ», по словам летописца.

Племена являлись вместе с тем и военными союзами родов. Для руководства военными предприятиями старшины избирали военачальника, называвшегося князем (у летописца сохранились даже имена некоторых племенных князей, например Мал, князь древлянский), о котором упоминается в IX в.

В целях защиты от нападений племенные центры — «города» начали укреплять земляным валом и деревянным тыном. Таким образом они становились не только местами для «гостьбы» (обмена) и праздничных сборищ, но и военными центрами. Такие центры возникали на местах, удобных для сношения и для защиты от врагов, чаще всего на высоком берегу какой-либо реки.

Разложение патриархально-родового строя.

С развитием хозяйства у славян и у финнов патриархально-родовой строй, так же как у других народов, начал разлагаться. Особенно большое влияние на общественные отношения оказал переход к плужному земледелию и распашке земли при помощи рабочего скота, отчего возросла производительность труда. Теперь становилась ненужной коллективная работа «большими семьями» в поле. Поэтому, особенно в южной, лесостепной полосе, большие «дворища» распадались на мелкие дворы.

Каждый мелкий двор имел уже определенный участок пахотной и усадебной земли, на котором велось хозяйство своими силами. На место общей земельной собственности и совместной обработки земли установилась частная собственность на землю и обработка ее в одиночку. В общем пользовании оставались только неподеленные земли — выгоны, покосы, леса, сохранившиеся в ведении общины.

Распадение «большой семьи» на дворы, появление частной собственности на землю и средства труда неизбежно должны были привести у славян и у финнов к возникновению неравенства и зарождению классов (так же, как это было и у других народов). Часть дворов богатела, заводила больше скота, захватывала больше земли. Мелкие дворы попадали в зависимость от богатых, становились их неоплатными должниками.

Выделявшаяся племенная верхушка пыталась увеличить свое богатство путем разбойничьих набегов на соседние общины. Захваченных пленников превращали в рабов и угоняли скот, который был в то время главным богатством. От набегов особенно выросли богатство и власть племенных князей и их дружинников. Племенные князья и старшины, принадлежавшие к самым богатым родам, начали выделяться в особый класс, превращаясь из выборных руководителей племени в эксплоататоров, сосредоточивших в своих руках богатство и власть.

Так начинало складываться классовое общество.

Болгары, хозары и варяги. Разложение доклассового общества у восточных славян и финнов еще более ускорялось под влиянием сношений с соседями.

В землю восточных славян и финнов проникали и вооруженные отряды купцов из далеких стран. До IX в. среди них первое место занимали арабы. О сношениях с арабами свидетельствуют и большие клады арабских монет, часто находимые в Восточной Европе, и рассказы арабских купцов. По Каспийскому морю и реке Волге арабские купцы добирались иногда до области болгар (народ, живший по Нижней Каме и создавший в IX в. значительное государство). Столицей камских болгар был город Булгар, расположенный недалеко от устья Камы, ставший крупным торговым центром.

Сюда в большом количестве приезжали восточные купцы (найденные подле развалин Булгара надгробные плиты приводят ряд имен погребенных под ними купцов с Кавказа, из Персии и Средней Азии). Сюда же по Каме и Волге и их притокам свозились товары из финских и славянских земель. Арабская торговля имела особенное значение для финских народов Поволожья и Прикамья, но в нее были втянуты и славяне.

Один из арабских путешественников так описывает свою встречу с купцами из славянской земли на реке Итиль (Волге):

«Я видел руссов, когда они пришли со своими товарищами и расположились по реке Итиль (Волга). Каждый из них имеет при себе неразлучно меч, нож и секиру. Во время прибытия их судов к якорному месту каждый из них выходит, имея в собой хлеб, мясо, молоко, лук и горячий напиток, подходит к высокому поставленному столбу, имеющему лицо, похожее на человеческое, а кругом его малые изображения. Он же подходит к большому изображению, простирается перед ним и говорит: «О, господин, я пришел издалека, со мной девушек столько и столько-то голов, соболей столько и столько-то шкур», — пока не упомянет всего, что он привез с собой. Затем он говорит: «Этот подарок принес я тебе. Желаю, чтобы ты мне доставил купца с динарами и диргемами [1], который купил бы у меня все, что я желаю».

В развитии торговли славян с Востоком большое значение имело также возникновение на юге хозарского царства. Вышедший из Азии народ — хозары — создал в VII—VIII вв. по нижнему течению Волги и Дона большое государство. Хозары закрывали долгое время дорогу в южные степи другим азиатским кочевникам. Хозары вели оживленную торговлю с арабами и греками. Они сумели одно время подчинить себе часть славянских племен. По рассказу летописца: «Хозары брали дань с полян, северян и вятичей по белке с дыма».

Другой дорогой, которая приобрела в X в. большое значение, был «великий водный путь» из Балтийского в Черное море. По нему пробирались на ладьях в богатую Византию отряды северных купцов и грабителей («варягов», [2] как их называли славяне).

По словам летописца варяги подчинили часть северных славянских и финских племен. «Брали дань варяги, пришедшие из Заморья, с чуди, славян (ильменских), мери, веси и кривичей».

Пробирались варяжские князья и на Волгу. Вероятно, варягами были те руссы, которые, по рассказу арабского путешественника, продавали арабам рабов и меха.

[1] Монеты.
[2] Или норманны, как их называли в Западной Европе.

Возникновение русского государства.

Таким образом, в IX и начале X в. в Восточной Европе мы уже находим несколько значительных междуплеменных объединенных государств. Болгарские князья, возглавляемые ханами, подчинили себе население Среднего Поволжья и Камский край и заставили покоренных платить дань мехами, кожами и лошадьми. Южные степные области вошли в состав большого хозарского царства.

Северные славянские и финские племена были покорены новгородскими (вероятно, варяжскими) князьями. В междуречье Волги и Оки выдвинулись княжества Ростовское и Муромское. Наконец, в Приднепровье князья племени полян завладели землями древлян и северян.

В средине X в. восточные славянские земли были насильственно объединены в большое государство от Новгорода до Киева. Центром нового «русского» государства стал Киев. (Название «русское» ученые объясняют различно. Одни считают русь — северным варяжским племенем; другие—названием разноплеменных военных отрядов; третьи признают происхождение слова «русь» с юга России.)

Первым достоверно известным князем русским был И г о р ь (С т а р ы й). О нем мы знаем не только по поздним сохранившимся легендам, но и по уцелевшим документам. О более ранних киевских князьях (например об О л е г е) мы знаем только по многочисленным легендам.

Позднее, лет через двести, когда появилась в России письменность, были записаны сказания о возникновении русского государства. В них рассказывалось, будто русское государство возникло путем добровольного призвания варягов. До появления князей у славян, по рассказу летописи, были постоянные смуты. «Восстал род на род, были между ними усобицы. И тогда сказали себе они сами: «Поищем себе князя, который владел бы нами и судил по праву». И пошли за море к варяжскому племени руси. И сказали руси чудь, славяне (ильменские), кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Пойдите княжить и владеть нами». Первым князем, по рассказу летописи, был Р ю р и к, княживший в Новгороде, после него — Олег, военачальник его сына Игоря, подчинивший Киев и создавший Киевское государство.

Ученые доказали, что этот рассказ летописца является поздней легендой, созданной для восхваления князей, чтобы показать необходимость княжеской власти, якобы поддерживающей порядок в стране.

§ 22. Киевское государство.

Крупное землевладение в XI—XII вв.

Выделившаяся в результате разложения рода общественная верхушка завладела большими участками земли. Уже в XI и особенно в XII в. мы имеем неоднократные упоминания о княжеских и «боярских» селах. (Боярами [1], большими людьми, стали называть крупных землевладельцев.) Князья и бояре, кроме земель, владели большими стадами коней и другого скота. У одного из князей XII в. в одном из его сел было «кобыл стадных 3 тыс., а коней — 1 тыс.». В княжеских погребах и амбарах хранилось много разных запасов: хлеба, меда, вина, золота и серебра.

Рядом с сельской общиной появился, таким образом, крупный земельный собственник.

---

[1] Слово б о я р и н, или б о л я р и н, происходит, вероятно, от слова «больший». В современном языке оно сохранилось в слове «барин».

Рабский и полусвободный труд в деревне.

Хозяйство во многих княжеских и боярских селах велось рабским трудом. Так, у одного из князей на его путивльском дворе было 700 рабов—холопов. Работой многочисленной челяди руководили старшие рабы — тиуны (приказчики), конюшие, ключники. Но главное значение имел труд не рабов, а крестьянства.

Основная масса сельского населения, ранее свободные мелкие земледельцы, постепенно попадала в зависимость от бояр и князей. «Смерды», как обычно называли главную массу сельского населения, не были рабами. Они вели свое хозяйство, имели свой скот и свою пашню. Но они уже стали экономически угнетенной и приниженной в правах группой населения.

Одна из статей «Русской правды» [1] гласила: «Если смерд умрет без детей, то имущество идет князю». Ограничено было наследование имущества смерда и его дочерьми. Есть упоминание и о том, что смердам приходилось работать на княжеской барщине.

Часто смерд вынужден был обращаться за ссудой к богатому хозяину. За данного ему вола, коня или плуг и борону он должен был обрабатывать землю у боярина. Такие «закупы» были уже почти что холопами. По «Русской правде» господин имел право «за дело» бить закупа. Если закуп пытался бежать от господина, он становился полным холопом (рабом). На суде закуп мог выступить свидетелем только в том случае, если не было свидетелей из свободных.

Следовательно, уже во времена «Русской правды» в России возникает крупное землевладение, и масса сельского населения попадает путем насилия в очень сильную зависимость от землевладельца. Таким образом, в Восточной Европе начинает складываться феодальный порядок.

Крестьяне боролись против устанавливавшейся феодальной эксплоатации. Известно крупное движение крестьян в XI в. на Верхней Волге и Шексне (1071 г.).

Разбойничья торговля в X—XI вв. с Византией

Бояре и князья обогащались не только путем эксплоатации подвластного населения. Большое значение, особенно в X—XI вв., имела разбойничья торговля. Правда, торговля с Востоком по Волге почти что прекратилась, так как волжский путь был прерван кочевниками (особенно кочевой ордой печенегов, разрушивших хозарское царство). Зато тем большее значение приобрел «путь из варяг в греки». Основные военные предприятия ранних киевских князей и были связаны с византийской торговлей. На Византию русские князья много раз делали набеги. В случае удачи русские дружины возвращались с богатой добычей. Но Византия X—XI вв. была настолько сильна, что набеги не всегда кончались удачно. Чтобы получить византийские товары, до которых были падки князья и бояре (дорогие ткани, золото, вино), приходилось переходить от набегов к мирной торговле с греками.

Один из византийских императоров оставил подробное описание торговли русских с греками. Весной ладьи (однодревки) русских купцов из разных городов (из Новгорода, Смоленска, Любича, Чернигова, Вышгорода) собираются к Киеву. В июне большим караваном они

[1] «Русская правда» — сборник законов киевских князей XI и XII вв.

двигаются вниз по Днепру. Через пороги суда и товары перетаскивают по суше, частью волоком, частью на плечах. Дальше едут вниз по реке и вдоль берега Черного моря, то на веслах, то на парусах. Во время пути приходилось быть наготове против нападения кочевников, подстерегавших у днепровских порогов русские караваны и преследовавших их почти до Дуная.

Пройдя этот «мучительный, опасный, труднопроходимый и тяжелый путь», русские купцы добирались до Византии.

Условия торговли с Византией были определены торговыми договорами. Князья принимали самое деятельное участие в этой торговле. В Царьграде (Константинополь) был большой спрос на продукты русского звероловства и пчеловодства. Князья собирали в виде дани с подвластных им народов меха, мед и воск.

О том, как обирали киевские князья своих подданных, можно судить по летописному рассказу о гибели князя Игоря. Покорив древлян, князь Игорь обложил их данью «по черной кунице с дыма» (с хозяйства). Сначала древляне покорно платили ее. Но Игорь, получив с них дань, пришел за ней и второй раз. Древляне напали на его дружину, избили ее, а самого Игоря убили: нагнув верхушки двух деревьев, привязали к ним Игоря, а затем отпустили деревья, которые и разорвали князя.

Однако важнейшее значение в торговле имели не эти товары (меха, воск, мед), а челядь (рабы). Царьград был крупнейшим рынком невольников. Там сбывали свой живой товар русские князья. Непрерывные войны, которые вели русские князья с славянскими, финскими и тюркскими народами, главной задачей ставили добычу этого товара. Это была охота за рабами. После удачного похода князь возвращался с большим «полоном» (пленниками).

Первые русские князья были, таким образом, не только землевладельцами, но и рабовладельцами и работорговцами.

Развитие рабовладения не изменяло феодальных основ раннего русского общества. Раб был предметом внешней торговли. Производство в самой России строилось, в основном, не на рабском труде. Работорговля обогащала разбойничью верхушку общества, разоряла массы населения, но к возникновению рабовладельческого общества не привела.

Классовая борьба в русских городах.

Развитие разбойничьей торговли вызвало в X—XI вв. значительный рост городов. Некоторые из них, особенно Киев, достигли крупных размеров. Население городов резко распалось на классы. Работорговцы образовали верхушку городского общества. Князь защищал интересы этой верхушки. «Русская правда» охраняла особенно высокими наказаниями жизнь и имущество рабовладельцев. За убийство рабовладельца был назначен штраф, в 16 раз больший, чем за лишение жизни простого крестьянина.

Городская беднота попадала в зависимость от богачей. В русских городах XI—XIII вв. собралось уже довольно большое население: ремесленники, мелкие торговцы, чернорабочие. Часто они оказывались должниками богачей. Те давали деньги в рост под высокие проценты и закабаляли таким образом бедноту. Страдало городское население и от княжеских поборов. Князья взяли в свои руки торговлю солью и продавали ее по высокой цене.

Недовольство низов прорывалось в больших народных возмущениях. Первое из них (в 1068 г.) вызвано было военными неудачами киевского князя (Изяслава) в борьбе с кочевниками (половцами). Недовольные князем киевляне собрали на торговой площади вече и порешили на нем вести войну с половцами. Когда князь отказался выдать им оружие, киевляне бросились разбивать княжью тюрьму. Напуганный князь бежал. Через год Изяслав с войсками польского князя вернулся на свой престол и жестоко отомстил участникам восстания.

Через 40 лет с лишком (в 1113 г.) поднялось новое большое восстание в Киеве. Киевская беднота разгромила дома ростовщиков и княжьих слуг. Успокоить киевлян удалось только уступками. Новый князь (Владимир Мономах) издал постановление об уменьшении процентов по займам и облегчении положения должников (законы эти были включены в «Русскую правду»).

Византийское влияние.

В городах Киевщины сложилась довольно высокая культура. Военная добыча и торговля обогащали верхний слой общества. О богатстве «славного стольного Киева», о пирах князей (особенно Владимира «Красное



Киевские монеты.

солнышко»), о щедрых подарках его «дружинушке хороброй» много сохранилось воспоминаний в народных песнях («былинах» [1]).

Древнейшая из сохранившихся русских рукописей XI в.

В жизни князей и бояр чувствовались влияния других народов. Особенно сильно было влияние Византии. Для пышных княжеских одежд употреблялись византийские ткани. Византийские каменщики научили строить каменные здания (в Киеве сохранились до сих пор остатки древних каменных зданий XI—XII вв.). Византийские живописцы покрывали стены этих зданий фресками и украшали мозаикой. По византийским образцам стали приготовлять золотые и серебряные серьги, диадемы и другие украшения, часто с эмалью, жемчугом и разными драгоценными камнями.

По греческим образцам стали чеканить русские монеты [2]. Из Византии же в Русь проникли и зачатки письменности и знаний.

[1] Былины эти складывались бродячими певцами, странствовавшими по княжеским дворам. В своих песнях составители былин воспевали подвиги разных богатырей.

[2] Раньше роль денег играл скот. С развитием торговли мехами место скота заняли меха («куны», т. е. меха куниц, были основной единицей). Позднее начали пользоваться слитками серебра определенного веса (гривна кун).

Христианская церковь на Руси. От Византии князья и бояре переняли и новую религию (христианскую). Старая родовая религия славян состояла в вере в многочисленных духов, от которых зависит благополучие человека. По мере того как земледелие сделалось главным занятием славян, особенным почитанием стали пользоваться божества, от которых будто бы зависел урожай (солнце — Даждьбог, ветер — Стрибог и др.). Весь годовой круг славянских празднеств был связан с земледельческими занятиями: с посевами, с уборкой с зимним поворотом солнца (коляда), с первыми признаками наступающей весны («проводы зимы» — масленица).

Эта земледельческая религия родового общества скоро стала далекой для выделившегося класса эксплоататоров. Одно время у дружины особым почитанием пользовался бог Перун (бог молнии), который приобрел значение бога-воителя. В связи с развитием византийской торговли среди господствующего класса начало распространяться и христианство. Уже в средине X в. в Киеве имелась церковь.

Византия всячески способствовала распространению христианства на Руси. Таким образом византийские государи рассчитывали подчинить своему влиянию опасных соседей. А для русских князей принятие христианства было дальнейшим шагом по пути сближения с Византией. Византийская церковь, являвшаяся опорой престола византийского императора, должна была, по мысли князей, освятить их власть и поднять ее на особую высоту в глазах их подданных.

В конце X в. киевский князь (В л а д и м и р) вместе с дружиной принял христианство. Затем приступили к крещению и народных масс. Все население Киева — «богат ли, убог, или нищ, или работник» — по приказу князя согнали к Днепру и окрестили разом. Так же просто «обращали в христианство» и в других городах и селах. Там, где введение христианства наталкивалось на сопротивление народных масс, прибегали к вооруженному насилию. Рядом с греческим священником с крестом шел отряд дружинников. Про крещение новгородцев рассказывали, что «П у т я т а крестил Новгород мечом, а Д о б р ы н я[1] огнем».

Народные массы долгое время оказывали сопротивление боярской религии. В Новгороде в 1071 г. после крещения появился «волхв», с успехом выступавший против христианского епископа. Вставший на защиту церкви князь собрал на площади новгородцев и предложил тем, кто остается верен христианству, стать возле епископа. И тогда, по рассказу летописца, «князь и дружина его подошла и стала возле епископа, а люди все пошли за волхвом, и был великий мятеж».

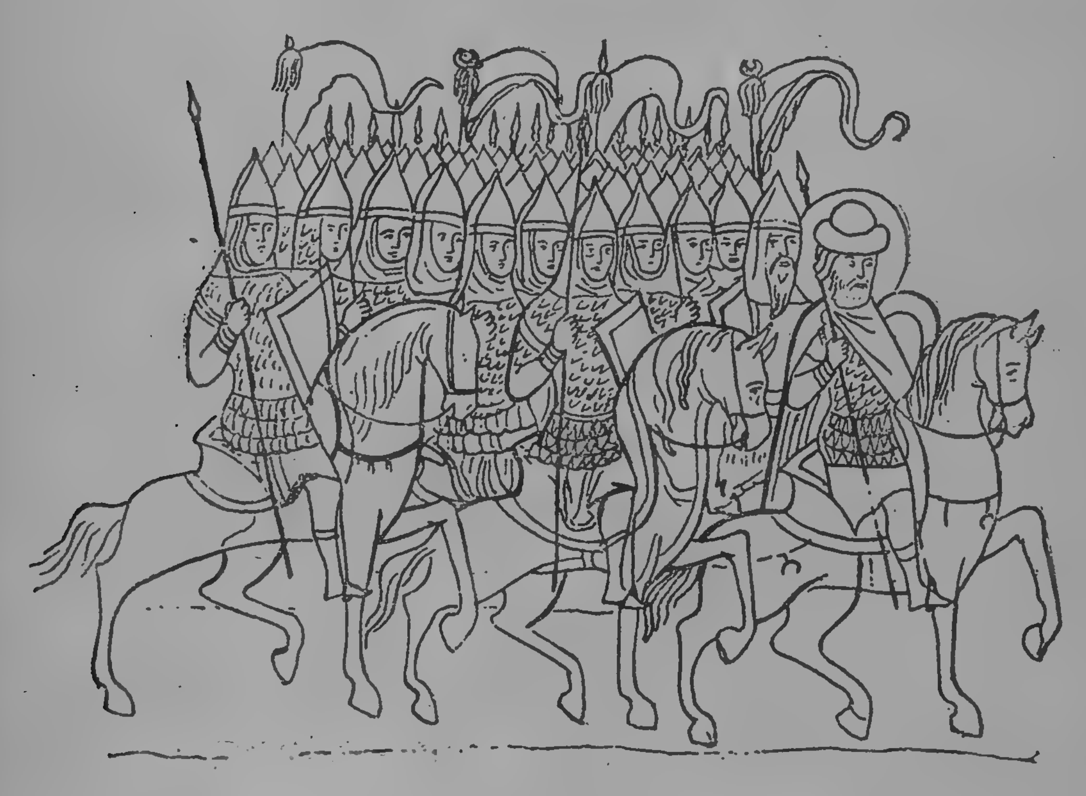
Если в городе низшие классы выступали против христианской церкви, то и в деревнях нередки бывали движения против новых угнетателей. «Был мятеж, побили епископов и попов, и бояр своих», записывает летописец, признавая, таким образом, что для масс трудящихся епископ и боярин были общим врагом.

Насильственно насаждаемое сверху христианство не изменило существа народной веры. Попрежнему продолжали верить в духов, леших, водяных и домовых. Продолжали почитать старых, дохристианских богов под именем святых (бога грома Перуна заменили пророком

[1] П у т я т а и Д о б р ы н я — слуги киевского князя.

Ильей, место прежнего «житного деда» занял Николай «Чудотворец», покровителем стад сделался «святой» Георгий). Сохранились и старые земледельческие праздники.

Но для упрочения классового общества крещение Руси было очень важным делом. Церковь приобрела на Руси очень большое значение как опора эксплоататоров. Она явилась верным помощником княжеской власти. Священники проповедывали подчинение князьям, твердя, что «всякая власть от бога». Монахи-летописцы в своих летописях возвеличивали князей (пример такого восхваления власти мы видели в рассказе о призвании князей). Церковь быстро собрала в свои руки большие богатства. Население должно было платить духовенству за требы (крещение, свадьбы, похороны). От князей и бояр церковь получала



Князь и его дружина (с рисунка в рукописи).

большие дары. Уже с XI в. начало развиваться церковное (особенно монастырское) землевладение. Киево-печерский монастырь владел многими волостями «с челядью». Таким образом, рядом со светскими землевладельцами и рабовладельцами появились на Руси и духовные.

Киевское государство XI—XII вв. и его распадение.

В конце X и начале XI в. (при князьях Владимире и Ярославе) под властью киевских князей находилась огромная территория (все земли восточных и южных славянских и финских племен). Силой, создавшей это большое государство и управлявшей им, была княжеская дружина.

Дружина сложилась во времена больших военных набегов. Это те «воюющие люди», из которых и на Западе Европы образовывался

господствующий класс феодальной эпохи. Состав киевской дружины был разноплеменный. В древнейшие времена наряду со славянами в ней много было варягов (об этом говорят сохранившиеся в летописи имена дружинников). Много было в дружине и южных степняков.

Дружина была конным войском. Это давало ей огромное преимущество над местными славянскими и финскими отрядами. Дружина жила



Восточная Европа XI—XIII в.

за счет военной добычи и дани, собираемой с покоренного ею населения. Управление страной и сводилось главным образом к сбору дани с подданных киевского князя (самое слово «подданный» происходит от слова «дань»). Позднее князья начали вмешиваться в суд, раньше находившийся в руках старшин. Суд служил источником больших доходов для князей и их наместников.

Внутренней связи между отдельными частями страны совершенно не было. Хозяйство было натуральным. В торговлю был втянут только очень тонкий верхний слой населения. Единство государства

поддерживалось только военной силой дружины и было непрочным результатом побед того или иного князя.

В XI в. Киевское государство распалось на части. Один из князей (киевский) продолжал считаться главным. Но на деле у него не было никакой власти над другими княжествами.

Дело не ограничилось дроблением государства на 12 больших княжеств. (Важнейшими из них были: на теперешней Украине — Киевское, Галицкое, Волынское, Черниговское, на северных славянских и финских землях — Ростово-Суздальское и Новгородское.) Так, в Северском княжестве мы найдем в конце XII в. князя не только в Новгород-Северске. Свои князья находились и в Путивле и в Курске. У каждого князя имелась дружина. Между князьями шли нескончаемые войны.

В каждой области князь правил вместе с дружиной и местными городскими старшинами («старцы градские»). Иногда в княжеское управление вмешивалось городское «вече», являвшееся собранием всех свободных жителей города. Но решающая сила находилась в руках выделившегося военного слоя и его вождя — князя. Политический строй Киевского государства XI—XII вв. напоминает, таким образом, порядки в ранних феодальных германских королевствах.

Упадок Киевской области. С XII в. Киев утрачивает значение самого важного центра в восточных славянских землях В средине XII в. Киев был взят и разграблен войсками суздальского князя. После суздальского погрома и татарского нашествия (в XIII в.) Киев превратился из «стольного» города во второстепенный.

Основными причинами упадка Киева и древнерусских городов были:

1) Перемена в направлении торговых путей в XII—XIII вв. Крестовые походы привели к установлению прямых путей из Западной Европы в Левант. Византия потеряла значение торгового посредника между Западом и Востоком. Главный покупатель рабов и товаров (сырья) Киевского государства был разорен.

2) Сильное разорение приднепровских земель кочевыми ордами печенегов и половцев. Нашествие татар окончательно опустошило Киев и другие древнерусские города.

Кроме этих двух основных причин сильно истощали Киевское государство непрерывные войны между русскими князьями за земли и рабов. В XIII в. в Восточной Европе выдвигаются новые центры: Северная Новгородская Русь, Северо-восточная Русь, на юго-западе (Украина) — Волынско-Галицкое государство, на юго-востоке — татарская Золотая орда.

ГЛАВА IX.

ФЕОДАЛИЗМ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ в XIII—XV вв.

§ 23. Татары и Золотая орда.

Возникновение Монгольской империи. В начале XIII в. в Азии произошли крупнейшие события, отразившиеся на судьбе Восточной Европы. На месте многочисленных феодальных арабских и тюркских государств возникло огромное Монгольское государство, простиравшееся от Великой китайской стены до Средней Европы. Создателями этой империи были монголы — кочевники-скотоводы восточных среднеазиатских степей.

К XII в. у монголов уже разложился старый родовой строй. Во главе отдельных племен стояла выделившаяся из рода феодальная верхушка. Она жила как эксплоатацией своих единоплеменников, так и набегами на соседние земледельческие страны. Особенно оживленными были сношения монгольских феодалов с Китаем: отдельные монгольские военные отряды часто отправлялись на службу к китайским властям и охраняли границы Китая от других кочевников.

На рубеже XII и XIII вв. один из монгольских ханов (Т е м у ч и н) насильственным образом объединил под своей властью значительную группу монгольских племен. Это позволило Темучину перейти от мелких грабительских набегов к завоеванию земель.

Тюркские и арабские феодальные государства, охваченные острой классовой борьбой трудящихся с феодалами, не могли оказать значительного сопротивления монголам. Необычайно быстро была покорена огромная область. В 1215 г. войсками Темучина был занят Пекин, а к 1221 г. было завершено завоевание Средней Азии с крупными ремесленно-торговыми центрами ее — Самаркандом, Бухарой и Ургенчем.

Во время этих походов монголы создали крупнейшую военную силу того времени. В ее состав вошли, кроме монголов, многочисленные татарские кочевые племена из Туркестана [1].

Монгольская армия была хорошо вооружена. Китайские, персидские и среднеазиатские ремесленники изготовляли необходимое для войны снаряжение. Монголы были страшны врагам не только в открытом поле, где трудно было устоять против натиска конных воинов. Они умели осаждать города, сооружая для этого большие метательные машины и стенобитные орудия («турусы на колесах») или устраивая подкоп под стены вражеского города.

Завоевание татарами русских земель.

В 20-х годах XIII в. Ч и н г и с-х а н (т. е. великий хан, так стали звать Темучина) отправил двух своих полководцев через Кавказ в прикаспийские степи. Здесь татары разбили половцев и поддерживавших половцев русских князей.

Однако татары не удержались в русских степях, а вернулись в Азию. Вслед за первой разведкой татар вскоре двинулись в Восточную Европу новые силы татар под руководством Б а т у, внука Чингисхана. Подчинив камских болгар и остановившись в заволжских степях, татары (1237—1238 гг.) завладели северо-восточными русскими княжествами. Сопротивлявшиеся города были взяты и разорены. Только до Новгорода татары не добрались, задержанные весенними разливами рек. Обложив покоренные области данью, татары вернулись в степи.

В 1239—1240 гг. татары разгромили южные (украинские) земли и заставили южных князей признать их власть. Таким образом, почти вся Восточная Европа оказалась объединенной под господством татар.

Золотая орда.

Поселившись в южных степях, татары смешались с местным населением. Созданное ими феодальное государство — Золотая орда — находилось сначала в зависимости от Великой Монголии. С течением времени эта зависимость ослабла, и Орда стала самостоятельным государством. Господствующим классом

---

[1] Татары составляли настолько значительную часть монгольского войска, что часто (особенно на Западе) новых завоевателей называли не монголами, а татарами.

в Орде была татарская феодальная знать, владевшая большими стадами и землями. Главным занятием населения Орды было разведение скота, но в Золотой орде занимались не только скотоводством. Больших успехов достигло земледелие. В южных бездождных местах широко применялось искусственное орошение полей, для чего были сооружены сложные плотины и каналы. Многочисленные ремесленники из Персии и Средней Азии жили в Золотой орде. Значительных размеров достигла возобновившаяся восточная торговля [1]. По Волге и Каспийскому морю — в Персию, караванами — к Аму- и Сыр-дарье и оттуда к центру Монгольского государства (Каракорум) пробирались ордынские купцы.

Сарай (столица Золотой орды, расположенная на одном из притоков волжской дельты) в XIV в. стал большим и богатым городом. На его месте до настоящего времени сохранились остатки больших зданий, украшенных цветными изразцами. На базаре Сарая, кроме конских табунов и кожевенных изделий, привозимых татарами, можно было найти пушнину из России, парчу из Греции, шелковые ткани из Персии, ковры и драгоценные ткани из Бухары и даже Индии.

Связанная в торговом отношении с Азией, Золотая орда и в культурном отношении подпала под ее влияние. Татары пользовались сначала китайской письменностью, потом перешли к персидской. Из Азии же в XIV в. татары переняли и магометанскую веру.

Управление Ордой находилось в руках хана. Все иностранные путешественники (например известный итальянский купец П л а н о К а р п и н и) подчеркивают неограниченное самовластие ханов. Однако ханам приходилось очень считаться с татарской феодальной знатью, которая особенно усилилась в XIV и XV вв.

Порядок управления у татар сложился под большим влиянием китайцев. У Чингис-хана было на службе много китайских чиновников. По китайским и персидским образцам была разработана и сложная система сбора дани с подвластных народов.

Татарская дань.

В русских землях татары оставляли на местах прежних князей как вассалов хана. Но все население было обложено данью в пользу татар. С этой целью татары «положили в число» (т. е. переписали) все население. От дани было освобождено только духовенство. Основная дань называлась «выход» и взималась с «сохи» [2].

К «выходу» присоединились еще другие повинности. Важнейшими из них были «тамга» и «ям». «Тамгою» (отсюда современное слово «таможня») называлась пошлина, взыскивавшаяся с товаров, привезенных на рынок для продажи. «Ямы» (отсюда слово «ямщик») были особыми стоянками, где держали лошадей для нужд татарских чиновников.

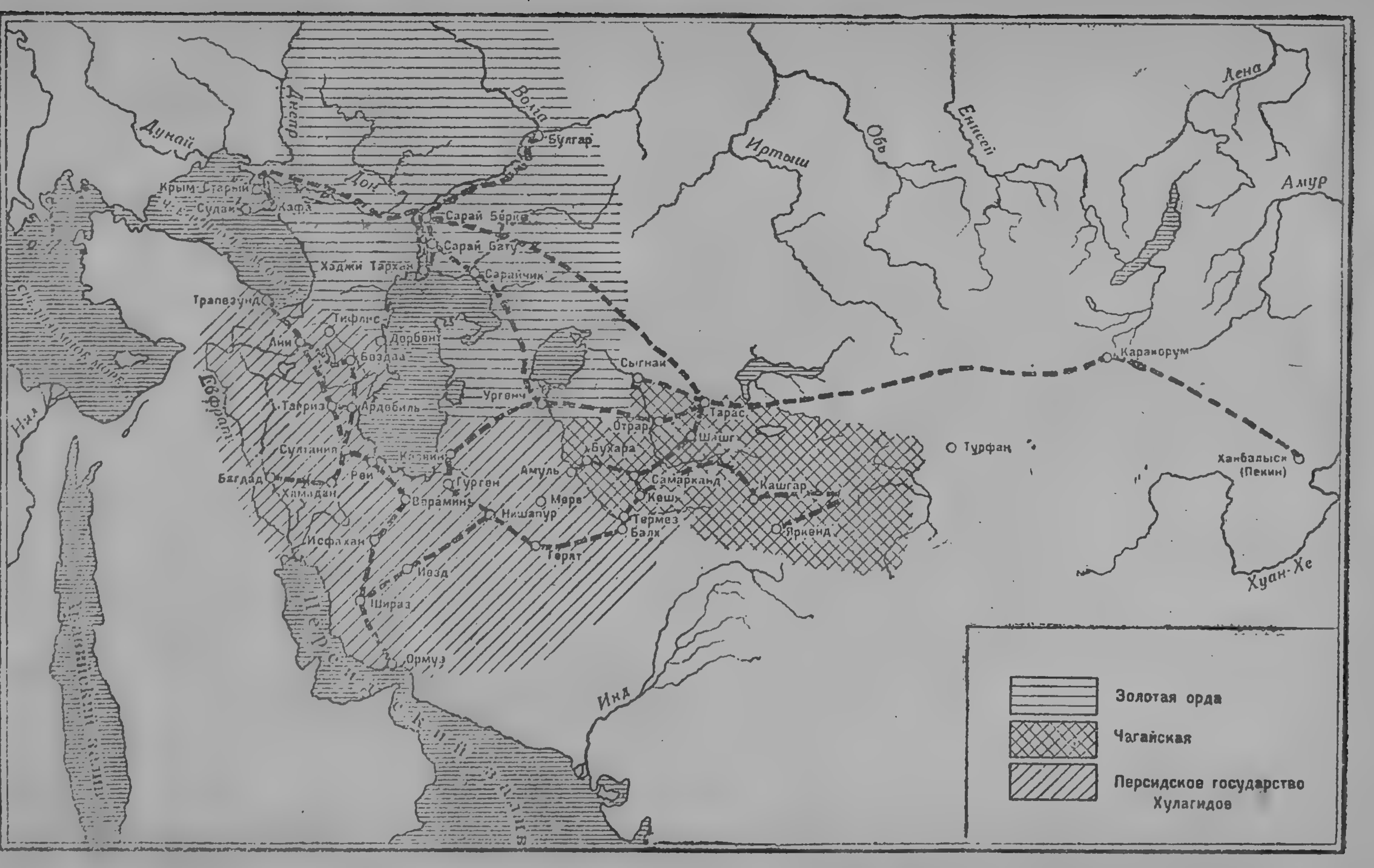
Татары таким образом организовали в покоренных областях почту. Образцом и в этом отношении для татар послужили китайцы.

Взыскивалась татарская дань сначала при посредстве восточных («бесерменских») купцов. Позднее сбор дани перешел к подвассальным

---

[1] Она прервалась после гибели в средине X в. Хозарского царства.

[2] «С о х а» — податная единица в Московском государстве XIII—XV вв.



Торговые пути на Востоке в XIII—XIV вв. (Золотая орда, Чагатайская орда и Персидское государство — три важнейших государства, на которые распалась в конце XIII в. империя Чингис-хана).

русским князьям. Татарская система сбора дани сохранилась в Московском государстве до XVII в. И «сошное письмо», и «тамгу», и «ям» удержали в своих владениях русские князья и после освобождения из-под власти татар. Только выжимаемые из населения средства шли теперь не к татарам, а к своим князьям.

Татарский погром и татарская дань задерживали развитие подвластных русских земель. Угон людей в плен, насильственное переселение ремесленников в Орду, захват скота, тяжелая постоянная дань (которую старая песня называет «дани-невыходы, царские невыплаты»), все это тормозило рост хозяйства. Особенно отразилась татарщина на замедлении роста городов.

§ 24. Феодалы и крестьяне в XIII—XIV вв. в северо-восточной части Руси.

Сельское хозяйство в XIII—XIV вв.

Феодальный строй в XIII в. окончательно устанавливается в северо-восточных княжествах (Ростово-Суздальском и Муромо-Рязанском).

Главным занятием населения являлось земледелие. Маленькие деревушки (обычно всего несколько дворов, а часто 1—2 двора) были раскиданы по лесным просторам. Там, где земли было много, попрежнему господствовало подсечное земледелие. Деревушки часто назывались: Пеньки, Гарь, Палы, Углич, и их названия говорили о характере земледелия. Однако местами для подсечного хозяйства уже нехватало земли. Вместо того чтобы забрасывать выжженную пашню, выкорчевывали на ней пни, «выдирали» лес, как тогда говорили. Отсюда и слово «деревня», т. е. то, что выдрано из-под деревьев (из-под леса).



На пашне.

Пашню обычно не удобряли, а пускали в перелог[1]. В XIV в. в наиболее заселенных районах начало появляться трехполье.

Основным орудием по обработке земли стала деревянная соха. Ей на помощь приходила деревянная борона, или «волокуша». Убирали хлеб железным серпом.

Скота было немного. Но для работы на поле уже пользовались рабочим скотом (лошадьми). Держали и молочный скот и овец.

Кроме земледелия крестьянин обращался и к другим занятиям: бил зверей, которых было в то время в русских лесах много (даже бобры встречались на реках Центральной области), ловил рыбу,

[1] Т. е. на несколько лет забрасывали пашню, пока истощенная земля не восстановит свои силы.

занимался, как в старину, бортничеством. Наряду с сельским хозяйством крестьяне занимались и домашней промышленностью.

Широко были распространены промыслы по обработке дерева. Леса было много, и он в хозяйстве того времени имел очень большое значение. Зато металл был редок: его употребляли бережно, только на изготовление оружия и орудий (обычно только для наконечников копий, стрел, сох).

«Обоярение» и «окняжение» земель.

У каждой деревни были свои земельные угодья: пашни, пожни (сенокосы), лес, воды, «рыбные ловища», «бортевое пчеловодство»[1]. Границы владений редко обозначались точными межами или пометками на деревьях. Простора было еще много, и обычно о землях деревни говорили довольно неопределенно: «Куда той деревни топор ходил, куда соха, куда коса ходила». Сохранилось большое количество еще неподеленных земель. Они находились в распоряжении крестьянской общины. Крестьянская община держалась еще крепко.

Над крестьянскими общинами стоял класс крупных землевладельцев. Значительно выросла, по сравнению с XI—XII вв., крупная земельная собственность. Бояре и монастыри захватывали крестьянские земли силой или получали земли в пожалование от князей, или, наконец, опутывали крестьян ссудами («серебром»). Те земли («черные»), которые еще не перешли в руки светских или духовных землевладельцев, считались княжескими. Земля была «обоярена» или «окняжена».

Как же вели хозяйство и как жили эти землевладельцы?

В вотчине Московского князя.

Начнем с наиболее крупных землевладельцев — князей. Для примера возьмем одно из русских княжеств, позднее возвысившееся — Московское. Вот что представляло оно в XIII в.

По берегам Москва-реки тянулся дремучий лес, покрывавший склоны берегов. В низинах часто попадались болота (в Москве есть площадь, называемая до сих пор Болото; одна из московских центральных улиц называется Моховой). Больших поселений на месте Москвы не было. Только там, где речка Неглинная впадает в Москва-реку, на высоком холме стояли большие деревянные постройки. По верху кручи поднимались дубовые стены с башнями и бойницами. Обитые железом ворота охранялись сторожами.

Внутри стен жались друг к другу деревянные строения: жилые дома, амбары, церковь. Это была усадьба московского князя. Невелика была эта усадьба: она занимала не более трети теперешнего Кремля. У московского князя большое хозяйство. Кладовые его набиты разными запасами: салом, мукой, холстом, овчинами. Все это берется большей частью с крестьян, которые живут на княжеской земле. Несут князю они «по осени и рожь, и овес, и лен, сколько ему нужно будет». Несут мясо, сало, овчины, холст, грибы, ягоды (это — оброк).

Князь получает часть продуктов и со своего собственного участка. У московского князя были табуны коней и стада. На княжеском участке работали рабы и те же крестьяне. Они и вспахать должны княжеский участок, и хлеб посеять на нем, и сжать, когда он поспеет, и отвезти на княжеский двор, вымолотить там и в закрома ссыпать. Крестьяне должны накосить для княжеских коней сена. Но пашня княжеская невелика. Зачем заводить большую пашню князю, когда он может все, что ему нужно, собрать с крестьян в виде оброка?

Поэтому барщина полевая (т. е. работа на барском поле) обыкновенно невелика. Тяжелее для крестьян другие барщинные повинности. Когда понадобится чинить княжеский двор, крестьяне должны лес рубить, бревна возить, строить, ров копать, вал земляной насыпать. Соберется князь на охоту (а охота его любимое дело), крестьян выгоняют на облаву. Княжеские ловчие и псари «у крестьян стоят, ночуют, сено и овес травят, собак кормят». Княжеские рыболовы заставляют крестьян помогать им в рыбной ловле.

---

[1] Борти — заменяющие ульи, прежде выдалбливались в деревьях.

Оброком крестьян и их работою покрывались почти все потребности князя. Для изготовления различных изделий у князей имелись ремесленники, частью холопы, частью свободные мастера, переходившие от одного заказчика к другому.

За пределами хозяйства покупалось немногое: дорогие ткани, золотые и серебряные украшения (царьградские, фряжские, т. е. западноевропейские, ханские — татарские) и привозное из далеких стран Запада и Востока оружие (латы, шлемы, кинжалы, копья).

«Сироты монастырские». Мало отличались от княжеского хозяйства хозяйства крупных землевладельцев — бояр и монастырей. Сохранилась очень интересная грамота конца XIV в., в которой описано положение крестьян на монастырской земле.

Крестьяне одного из монастырей («сироты монастырские») обратились к митрополиту [1] с жалобой на то, что новый владыка монастыря (игумен) слишком притесняет их. Чтобы выяснить, какие повинности лежали на крестьянах раньше, обратились к старому игумену, и тот рассказал: «Зажиточные крестьяне из монастырских сел должны были церковь украшать, монастырь и двор огораживать, хоромы (постройки) ставить, пашню на игуменовом участке пахать, и посеять, и сжать, и свезти, сено косить и во двор возить, закол на реке ставить весной и осенью, сады оплетать (т. е. плетни ставить), с неводом ходить, пруды прудить, осенью на бобров на охоту ходить. На пасху и Петров день приходят к игумену с подарками. Безлошадные же из сел должны к празднику рожь молоть и хлебы печь, солод молоть и пиво варить, на семя рожь молотить.

А даст игумен лен в сели, и они прядут сети, невода вяжут. Кроме того все люди из монастырских сел дают на праздник молодую корову, а однажды просили меня заменить корову тремя баранами, и я согласился: потому что не нужна мне была корова. Если в какое-либо село приезжает игумен, то они должны давать овес игуменовым лошадям». И Киприан, митрополит всея Руси, так сказал игумену и крестьянам монастырским: «Ходите все по моей грамоте: игумен, держи (управляй) сироты, а сироты игумена слушайте и дело монастырское делайте». Такие же «сироты», платившие оброк и обязанные выполнять барщину, сидели и на землях других вотчинников-бояр [2].

Феодальное поместье в России в XIII—XIV вв. У всех землевладельцев, начиная с крупного князя вплоть до мелкого помещика, господствует, таким образом, натуральное хозяйство. Землевладельцы живут за счет крестьян. Крестьяне имеют отведенный им земельный участок и свои орудия. С этого участка они должны и сами прокормиться и прокормить господина. Барщина полевая пока еще невелика (раньше всего она начинает расти на монастырских землях). Зато многочисленны и тягостны другие барщинные службы (на барском дворе, в лесу). Крестьянский труд полностью обслуживает потребности феодала.

Наряду с барщиной крестьянской повинностью является оброк, уплачиваемый крестьянами натурой.

Техника сельского хозяйства и ремесла примитивна. Обмен слаб.

Все эти черты русского сельского хозяйства XIII—XIV вв. напоминают хозяйство западноевропейского феодала IX—XI вв.

Борьба крестьян с феодалами в XIII—XIV вв. Против захвата феодалами крестьянских земель и против попыток увеличить крестьянские повинности крестьяне боролись как умели. Пробовали обращаться с жалобами к князю. Часто уходили, бросив насиженное место. Эта форма классовой борьбы облегчалась тем, что и к северу, и к востоку, и к югу тянулись малозаселенные края.

В отдельных случаях крестьяне пробовали прогонять господ. Особенно много сохранилось сообщений о борьбе крестьян с монастырями, захватывавшими их земли. Поселятся по соседству с крестьянской

---

[1] Глава русской православной церкви.

[2] Вотчина — земля, находящаяся в полной собственности, переходящая по наследству (от слова «отец» — отчина). Вотчинник мог свою землю продать и подарить.

общиной монахи, и крестьяне, опасаясь, как бы благочестивый князь не пожаловал монахам крестьян вместе с их землями, силой прогоняют монахов.

Для того чтобы держать в повиновении эксплоатируемых крестьян, феодалам необходима была государственная власть, которая могла бы силой заставить крестьян подчиняться господам.

Феодальное государство.

Крупный землевладелец в России (как и западный феодал) для крестьян, живших на его земле, сам был государем. Землевладельцу принадлежало право суда и расправы над крестьянами.

Старинные права землевладельцев подтверждались особыми грамотами князей (*жалованными*, или *льготными*). Жалованных грамот, особенно монастырских, от XIII—XV вв. сохранилось довольно много. Они прежде всего подтверждают право вотчинного суда («А ведает и судит тех своих людей игумен с братией во всем или кому прикажет»). Жалованные грамоты вместе с тем освобождали боярских и монастырских крестьян от всевозможных княжеских податей и повинностей («Не надобно мне ни мыта, ни тамга, ни которая дань», «ни ям», «ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят»)[1].

Жалованные грамоты вполне совпадают с западноевропейским «иммунитетом».

Чтобы держать в повиновении крестьян, крупный феодал должен был иметь военную силу. Он создавал ее из своих слуг, награждая их за службу натурой (чаще всего землей). Такие «послужильцы» нужны были феодалу и для борьбы с другими феодалами. Сила каждого феодала определялась количеством его слуг.

Так же и на Западе мелкие феодалы вступали в соглашение с более крупными, становясь их «подручными» (вассалами), «слугами».

Вступление на службу было обставлено особыми обрядами: «слуга бил челом» перед своим господином, т. е. делал перед ним низкие поклоны. Все бояре являлись вассалами князей. У самих бояр бывали в свою очередь, как мы видели, вассалы — люди, которым они за службу давали земли с крестьянами (поместья). Таких младших вассалов называли «детьми боярскими» или позднее помещиками. Таким образом, и на Руси создалась своя «феодальная лестница». На нижних ступенях ее стояли «дети боярские», над ними — бояре, еще выше — князья, а над князьями подымались наиболее крупные государи — «великие князья». Всю эту «лестницу» возглавлял верховный сюзерен — татарский хан. В феодальную иерархию включались и духовные феодалы. Митрополит имел своих митрополичьих бояр и слуг. У новгородского архиепископа на его огромных земельных владениях много было бояр и помещиков. Из слуг новгородского архиепископа составлялся особый полк, шедший в новгородском войске под знаменем архиепископа.

Впрочем, вассальные связи между отдельными феодалами (феодами) были непрочны. Крепкой хозяйственной связи между отдельными княжествами не было. Поэтому не могло сложиться и крупное объединенное государство. Многочисленные русские государи вели постоянно борьбу друг с другом. Со своей вооруженной челядью они

---

[1] Из жалованных грамот разным монастырям.

делали нападения на земли других князей, угоняли оттуда людей, скот, грабили имущество.

Таким образом, феодальное государство и на Руси было организацией господствующего класса (землевладельцев), обеспечивавшей ему возможность держать в подчинении и грабить крестьян.

На основе крупного землевладения и системы внеэкономического принуждения и эксплоатации крестьянства феодальная монархия существовала как объединение крупных феодальных владений, сохранивших те же органы управления и должности, как у великого князя. При подвассальных князьях находились и дворецкие, и стольники, и конюшие, ведавшие не только хозяйственными делами, но и государственными (судом, военными делами и т. д.). У этих князей были в подчинении их вассалы — бояре и дети боярские.

Словом, московский великий князь был главой целой иерархии феодальных князей, бояр, детей боярских. Самые важные дела князья решали обычно со своими вассалами в боярской думе. В отдельные города и волости князем посылались волостели и наместники.

Центральное управление московского великого князя также носило характер частнодомашнего управления. Стольники, конюшие и прочие слуги великого князя, помимо дворцового управления, ведали и государственными делами всей федерации подвассальных княжеств, причем отдельные князья могли «отъезжать» от своего главного сеньора, московского великого князя.

Города XIII—XIV вв.

Расцвет городов XI—XII вв., вызванный ростом разбойничьей торговли, оказался кратковременным. А татарский погром нанес удар хиревшим городам.

Большинство городов Северо-восточной Руси XIII в. не являлось сколько-нибудь значительными ремесленно-торговыми центрами. Даже старые города — Ростов, Суздаль и Муром — не росли.

Только в XIII—XIV вв. на основе отделения ремесла от сельского хозяйства начинается в Волжско-окском крае рост городов (да и то медленный) из-за незначительного развития ремесла и торговли.

Незначительной была и политическая роль городов. Вече в городах почти не собиралось. Князь, опираясь на поддержку своего сюзерена, «ордынского царя» (хана), не считался с вечем.

В летописях можно проследить обостренную классовую борьбу в городах, когда вече являлось центром восстания. Такие восстания были в Ростове, Владимире, Суздале, Ярославле. Обычно восстания являлись ответом на увеличение княжеских поборов. Когда татарами была установлена дань, князья и бояре сумели переложить ее на плечи низших классов («творяху себе легко, а меньшим бе зла»).

Захирение старых городов — Ростова, Суздаля, Мурома — привело к созданию новых значительных торгово-ремесленных центров.

Иное положение создалось на северо-западе, где в XIII—XV вв. в связи с внешней торговлей необычайно развилась городская жизнь. Новгород в XIII—XV вв. стал крупнейшим центром Восточной Европы.

§ 25. Великий Новгород.

Великий Новгород и его земли. Иначе, чем Волжско-окская Русь, развивались северные и северо-западные области. Здесь в XIII—XV вв. возникло большое Новгородское государство.

Новгород был значительным центром уже в первые столетия русской истории (X—XII вв.). Через Новгород пробирались в славянские и финские земли варяги. Здесь в X и XI вв. нередко набирались дружины из новгородцев и пришлых людей для набегов на южные области или для покорения соседних финских племен (чуди, веси и других). Однако до XII в. Новгород уступал южным центрам, особенно Киеву.

Быстрый рост Новгорода начался с XIII в. Расположенный на реке Волхове, Новгород речными путями был связан и с Финским заливом, и с северными областями, и с Поволжьем. Он сделался крупным торговым центром. Главным источником богатства Новгорода являлся Север. Шайки новгородцев на лодках («ушкуях») отправлялись в северные леса, «примучивали» местное население (лопарей, самоедов, [1] печору [2]). Новгородские «ушкуйники» добирались до самого «Студеного» моря и Урала. Северные леса были необычайно богаты пушным зверем. (Новгородцы, удивленные обилием лесного зверя, рассказывали, будто на Урале белки сыплются с неба.) Меха являлись важнейшей добычей, которую везли новгородцы из захваченных земель. Они и сами охотились на зверя и дань брали с туземного населения мехами.

Наряду с охотой развивались и другие занятия. На побережьях рек, и особенно на Белом море, занимались рыбной ловлей и били морского зверя. В Двинской земле добывали соль. Наконец, с Урала новгородцы в виде дани с покоренных туземцев получали «закамское» серебро. Обладание единственными в Восточной Европе серебряными рудниками имело большое значение для обогащения Новгорода. Драгоценных металлов в те времена (до открытия Америки) было очень мало, и стоимость серебра была высокой.

В эксплоатации захваченных земель большое значение приобрели монастыри. Монахи шли в северные леса следом за «ушкуйниками» и насаждали христианство. Богатейшим из северных монастырей стал расположенный на беломорских островах Соловецкий. Еще дальше на север был расположен, основанный в XVI в., Печенегский монастырь (на Мурмане). Он быстро разбогател путем колоссальной эксплоатации лопарей. Когда в конце XVI в. шведы разгромили монастырь, они взяли в нем много «денег, и платья, и сукон, и соболей, и лисиц, и всякой мягкой рухляди, и хлеба, и всякого монастырского обихода по смете на 55 тыс. руб.».

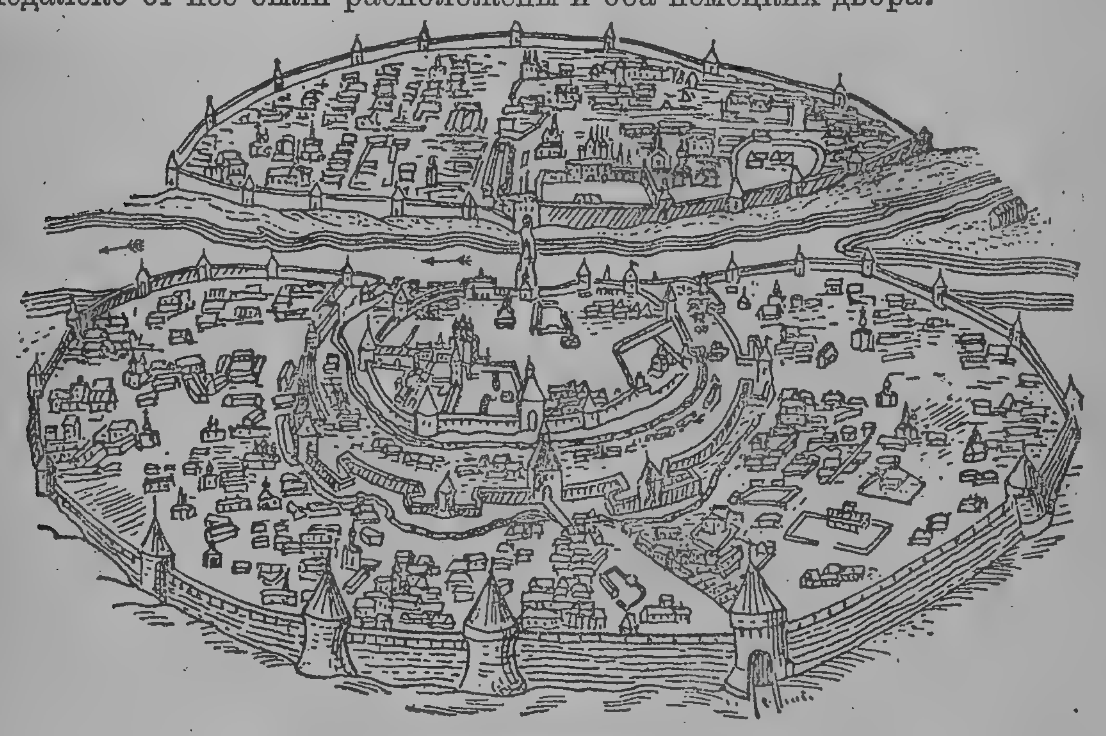
Новгородская торговля. Наиболее ценные товары, добытые на севере, свозились в Новгород, а оттуда значительная часть их шла в далекие страны. Новгородцы вели большую торговлю с Низом (Поволжьем), вывозя оттуда в обмен на свои товары хлеб, но особенно большое значение имела торговля с Западом. Ее развитие связано с расцветом торговли на Балтийском и Северном

---

[1] Теперешних ненцев.
[2] Народ коми.

морях в XIII и XIV вв. Первоначально в этой торговле главная роль принадлежала готландским купцам (с острова Готланда на Балтийском море). Позднее выдвинулись купцы ганзейских городов. Ганзейцы везли в Новгород свои товары (сукна, полотна, шелка, вина, пряности) и вывозили оттуда меха, воск, мед, леп и другие товары. У Ганзы был в Новгороде свой двор, где останавливались ганзейские купцы. Они жили в нем вооруженным поселением.

Новгород делился на пять частей — «концов». В двух частях — «концах» — города жило много ремесленников. Центр Софийской стороны занимал кремль. На торговой стороне находилась торговая площадь. Недалеко от нее были расположены и оба немецких двора.



План Новгорода.

Классы в Новгороде.

Население богатого Новгорода резко разбивалось на классы. Верхушку его составляли новгородские бояре, владевшие огромными земельными богатствами. Как боярское, так и церковное землевладение в Новгороде достигло огромных размеров. В середине XV в. в руках бояр и монастырей сосредоточились $^4/_5$ всей новгородской земли. Крупнейшие из новгородских бояр владели громадными вотчинами. В руках у известнейших в XV в. новгородских бояр Борецких находилось чуть ли не все побережье Нижней и Средней Двины и много поселков по берегам Белого моря с рыбными тонями и соляными источниками.

Хозяйство в боярских вотчинах велось по-феодальному. Боярская запашка была невелика, земля отдавалась крестьянам, которые должны были платить за нее оброк. Часто крестьяне должны были отдавать господину половину своего урожая (таких крестьян называли «половниками»).

Хозяйство вотчины держалось на внеэкономическом принуждении, т. е. на насилии. Крестьяне не были вольны

уйти от своего господина. В договорах Новгорода с князьями указывается обычно, что князья обязаны возвращать новгородским боярам бежавших от них крестьян наравне с холопами.

Бояре были и государями для своих крестьян, творили над ними суд и расправу. На Беломорском побережье долгое время помнили о том, как объезжала свои владения Марфа Борецкая: показывали даже место, где она казнила своих подданных. Но новгородские бояре в одном отношении отличались от феодалов Волжско-окского края: они занимались оптовой торговлей и ростовщичеством. Крупными феодалами были новгородские монастыри. Их земельные владения образовались частью из пожалованных Новгородом или завещанных боярами земель, частью были куплены или отобраны у должников.

С боярами тесно были связаны крупное купечество и ростовщики и «житьи люди». Мелкое купечество, многочисленные ремесленники (плотники, гончары, кузнецы, кожевники и др) — «черные люди» — находились в зависимости от бояр и верхов купечества. Новгородские низы не раз пытались вступить в борьбу со своими эксплоататорами. Особенно обострилась классовая борьба в XIV—XV вв. в связи с ростом новгородской торговли и ростовщической деятельности бояр и купцов.

Социально-политическая борьба в Новгороде в XIII в.

Выросший Новгород с его большим торговым и ремесленным населением сумел освободиться от власти князей. Уже в XII в. новгородцы успешно боролись против попыток низовых князей подчинить себе Новгород. А в XIII в. в итоге ряда восстаний, в которых главную роль играли новгородские ремесленники, Новгород стал самоуправляющейся городской общиной.

Насильничавших князей новгородцы не раз выгоняли. Так, в 1271 г., по рассказу новгородского летописца, «был мятеж в Новгороде; начали изгонять князя Ярослава из Новгорода. Созвонили вече на Ярославовом дворе и убили Иванка (сторонника князя). На другой день убежали к князю в городище тысяцкий Ратибор» (и другие княжеские сторонники). Новгородцы разграбили их дома и разнесли хоромы. А к князю в городище послали грамоту, описав в ней всю вину его. «Ныне, княже, — так кончали грамоту новгородцы, — не можем терпеть твоего насилия; поезжай от нас, а мы себе князя промыслим» (найдем). Князь прислал на вече своих послов с поклоном, соглашаясь помириться на каких угодно условиях («по всей волей вашей»). Новгородцы же ему ответили: «Княже, поезжай прочь, не хотим тебя. Или пойдет весь Новгород прогнать тебя».

Политический строй Новгорода.

Князья остались в Новгороде и после XIII в., но власть их была ограничена. Городские власти (посадник, тысяцкий, старосты) не назначались князем, а выбирались вечем. Князь не мог судить без посадников. Волости новгородские управлялись не княжескими слугами, а новгородскими правителями. Князь даже жил не в самом Новгороде, а за городом (в городище). У князя осталась только военная власть. Он командовал дружиной. Да и здесь значение его уменьшалось по мере того, как главной силой в новгородском войске становилось городское ополчение, руководимое тысяцким.

Верховной властью в городе сделалось вече, на которое собиралось все свободное население города («бояре, и житьи люди, и купцы,

и черные люди, все пять концов, весь государь Великий Новгород»). Вече решало все важнейшие дела. Издавало законы, выбирало должностных лиц: посадника (главу города) и тысяцкого (начальника городского ополчения). На вече не участвовали лишенные гражданских прав крестьяне.

Собиралось вече по колокольному звону на Ярославовом дворе (реже — на Софийской стороне). На вече часто происходили бурные схватки. Иногда жители «концов» являлись на вече «в доспехах», т. е. вооруженными, и дело доходило до вооруженной борьбы.

В XIV—XV вв., в связи с ростом власти бояр, значение веча уменьшилось. Оно продолжало собираться, но на деле власть перешла в руки боярского совета, «господы». «Господа» состояла из наиболее важных сановников города (как «степенных», т. е. отправлявших свою должность, так и бывших, «старых»). Председателем совета был новгородский архиепископ, владевший огромными землями и богатствами.

Восстание 1418 г.

Низы новгородского населения неоднократно подымали восстания против растущего гнета бояр. Новгородская летопись полна рассказами о том, как новгородские ремесленники и купцы громили боярские дворы и жгли «долговые доски», на которых были записаны боярские должники. Доставалось во время этих восстаний и монастырям, которые соперничали с боярами в качестве ростовщиков.

Крупнейшее из восстаний прозошло в 1418 г. Оно подробно было описано летописцем.

Дело началось, по рассказу летописца, с того, что некий человек Степанко (судя по имени — из низов новгородского населения) напал на боярина Данилу Ивановича, Вожина внука, и созвал толпу, крича: «Помогите мне против этого злодея». Очевидно, боярин Данила многим был ненавистен, потому что собравшаяся толпа расправилась с боярином, избив его и сбросив с моста в Волхов. Какой-то рыбак вытащил боярина. Тогда новгородцы разгромили дом рыбака, спасшего ненавистного боярина.

Боярин через некоторое время пробовал отомстить Степанку. Схватил его и начал мучить. Это послужило толчком к новым выступлениям, на этот раз не только против боярина Данилы, но вообще против бояр. Было разгромлено много боярских домов и монастырей. Решительная схватка развернулась на волховском мосту; здесь свистели стрелы, звенело оружие, падали люди, «как на войне». Схватка была прекращена только вмешательством владыки новгородского, которому удалось добиться временного примирения борющихся сторон. События в 1418 г. не привели к изменению новгородского общественного строя. Власть, и экономическая и политическая, осталась в руках бояр. Но эти события свидетельствуют о крайнем обострении классовых противоречий внутри Новгорода.

Борьба против Новгорода и его пригородных волостей.

Обострялись противоречия и между Новгородом и его землями. С развитием торговли на новгородских землях выросли новые города. Новгород не давал этим городам самостоятельных прав, считая их своими пригородами. Все пригороды (Псков, Великие Луки, Русса, Торжок, Ладога, Корела, Копорье, Орешек, Ямы и др.) управлялись новгородскими властями (назначенными посадниками).

У присланных посадников бывали частые столкновения с местным вечем.

Крупнейший из новгородских пригородов, Псков, после долгой борьбы сумел в XIV в. добиться независимости. Он стал «братом младшим Новгорода», но новгородским властям уже не подчинялся. Договор 1347 г. между Псковом и Новгородом гласил: «Посадникам новгородским в Пскове не сидеть, не судить». Менее успешно шла борьба против Новгорода других пригородов (Великих Лук, Ржева). Своими силами освободиться от новгородских бояр они не могли, но они готовы были изменить Новгороду и предаться другим государям.

Все эти противоречия ослабляли могущество огромной Новгородской республики.

В XV в., с перемещением торговых путей на Запад, с упадком ганзейских городов, ослабла у Новгорода и Пскова торговая связь с Западной Европой.

На Востоке разбойная торговля с колониальными народностями имела сильное соперничество от московских купцов. Все это и привело к решительной борьбе Москвы с Новгородом, в которой Москва осталась победительницей.

§ 26. Возникновение Московского государства.

Образование больших княжеств.

В то время как северо-восточные земли перешли под власть Новгорода, в центре и южных областях возникли также значительные государства. XIV и XV вв. были временем насильственного захвата, «собирания земель» в Восточной Европе.

В борьбе между отдельными феодалами за землю и за эксплоатацию крестьян более сильным князьям удалось объединить под своей властью значительные области. Так, в XIII—XIV вв. в западных областях литовские князья объединили под своей властью Литву, Белоруссию и значительную часть Украины. Таким образом создалось большое Литовско-русское княжество. В конце XIV в. оно объединилось с Польшей.

Юго-восток, Среднее и Нижнее Поволжье были объединены, как мы знаем, под властью Золотой орды, державшей в своих руках торговые пути в Азию.

Медленнее шел процесс насильственного собирания земель в Волжско-окском крае. Здесь долгое время не создавалось центра, который мог бы подчинить другие земли. В XII—XIII вв. выдвинулось было Владимирское княжество, но ему не удалось удержать на долгое время первенство. Только в XIV—XV вв. в жестокой борьбе между собой возникли большие («великие») княжества: по волжскому торговому пути — Тверское и Нижегородское, по Оке — Рязанское и на реке Москве — Московское. Это были военные объединения феодалов для борьбы с Литвой и особенно для захватов новых земель на юге и востоке. Так, нижегородские князья вели беспощадную борьбу с мордвой, чтобы подчинить ее феодальной эксплоатации.

В XV в. Тверское, Ярославское и Нижегородское княжества были захвачены быстро возвысившимся Московским княжеством.

Рост хозяйственных связей в Восточной Европе XIV и XV вв.

Возникновение в XIV—XV вв. сравнительно устойчивых крупных государств объяснялось теми изменениями в хозяйственной жизни Восточной Европы, которые подготовили образование в ней единого рынка. Если поместье XIII в. было почти в полной мере обслуживающим себя хозяйством, то дальнейшее развитие ремесла привело, как и в Западной Европе, к постепенному отделению ремесла от сельского хозяйства и к развитию обмена. Правда, в отличие от Запада городское ремесло развивалось попрежнему весьма медленно. Но деревенские промыслы (обработка дерева, лов рыбы и пр.) в некоторых районах развились настолько, что начали находить себе сбыт в далеких областях. В других районах усиленно начали развивать сельское хозяйство, так что там получился избыток сельскохозяйственных продуктов. На этой основе начала крепнуть торговля между областями. Развитие ее подталкивалось влиянием новгородской торговли, втягивавшей некоторые продукты сельского хозяйства и ремесла в международный обмен. Начали расти города как центры торговли и отчасти ремесл. Между отдельными районами стали складываться прочные хозяйственные связи, подготовившие объединение Восточной Европы вокруг Москвы.

Рост Москвы.

В XIII в. Московское княжество было небольшим удельным княжеством. Оживление торговли в XIV—XV вв. выдвинуло Москву, расположенную на важных речных путях.

Мимо Москвы вверх и вниз по реке тянулись многочисленные купеческие ладьи с бочками соли из далекой Астрахани, кипами юфти (кожи) из Казани, с рязанским хлебом, смоленским воском. Мытники (сборщики податей) собирали с купцов большие пошлины.

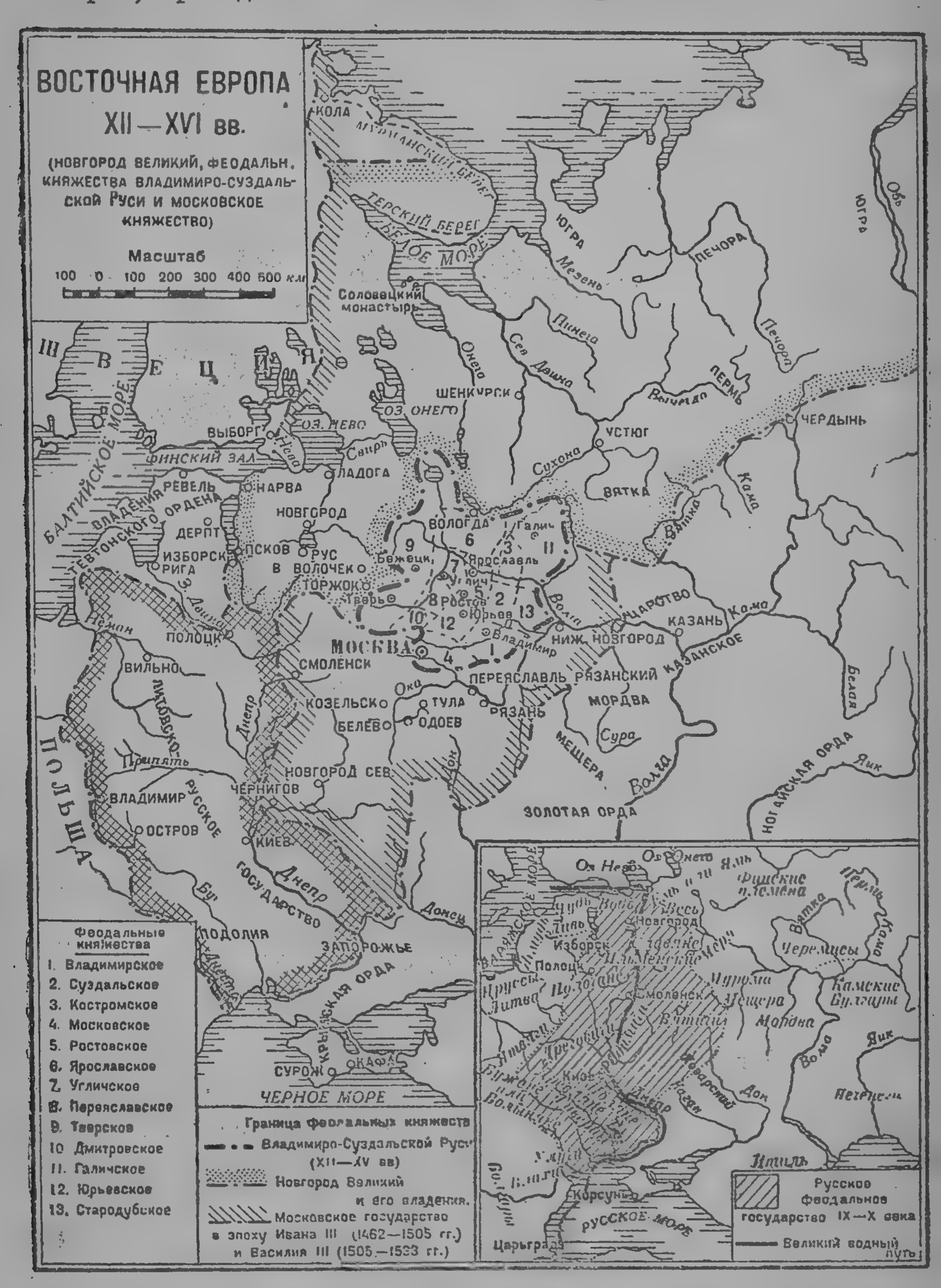
Московский князь уже в начале XIV в. стал самым богатым из северо-восточных князей. Один из московских князей начала XIV в., И в а н, даже прозвание получил К а л и т а (т. е. мешок с деньгами). До нашего времени сохранилось его завещание, в котором он делит между своими сыновьями все свои богатства: села и деревни, стада, золотые цепи и серебряные блюда, шубы и другие вещи.

Богатство давало возможность московским князьям увеличивать свои владения, подчиняя своей власти более бедных мелких князей. С крупными князьями поладить было труднее. Здесь дело решалось вооруженной силой. Особенно упорную борьбу Москва вела с Тверью, сломив ее окончательно только в конце XV в.

Большую помощь Москве в ее борьбе оказывала Золотая орда. Хан, верховный сюзерен русской земли, покровительствовал богатым и в то время еще слабым московским князьям. Московский князь стал представителем хана на Руси, главным сборщиком дани для него и защитником татарских интересов.

Когда в Твери тверичи убили ханского посла, требовавшего непомерной дани, Калита вместе с татарскими войсками пошел на Тверь. Тверь и другие города сожгли, имущество разграбили, многих людей забрали в плен, в рабство. После тверского погрома московский князь стал уже в е л и к и м к н я з е м. Татарская конница, лучшая в то время военная сила, поддерживала Москву и в других ее военных предприятиях.

Московского князя поддерживала, кроме татар, еще одна влиятельная сила — русская церковь. Мы уже знаем, что духовенству (монастырям) принадлежало много земель и средств. Митрополит (так

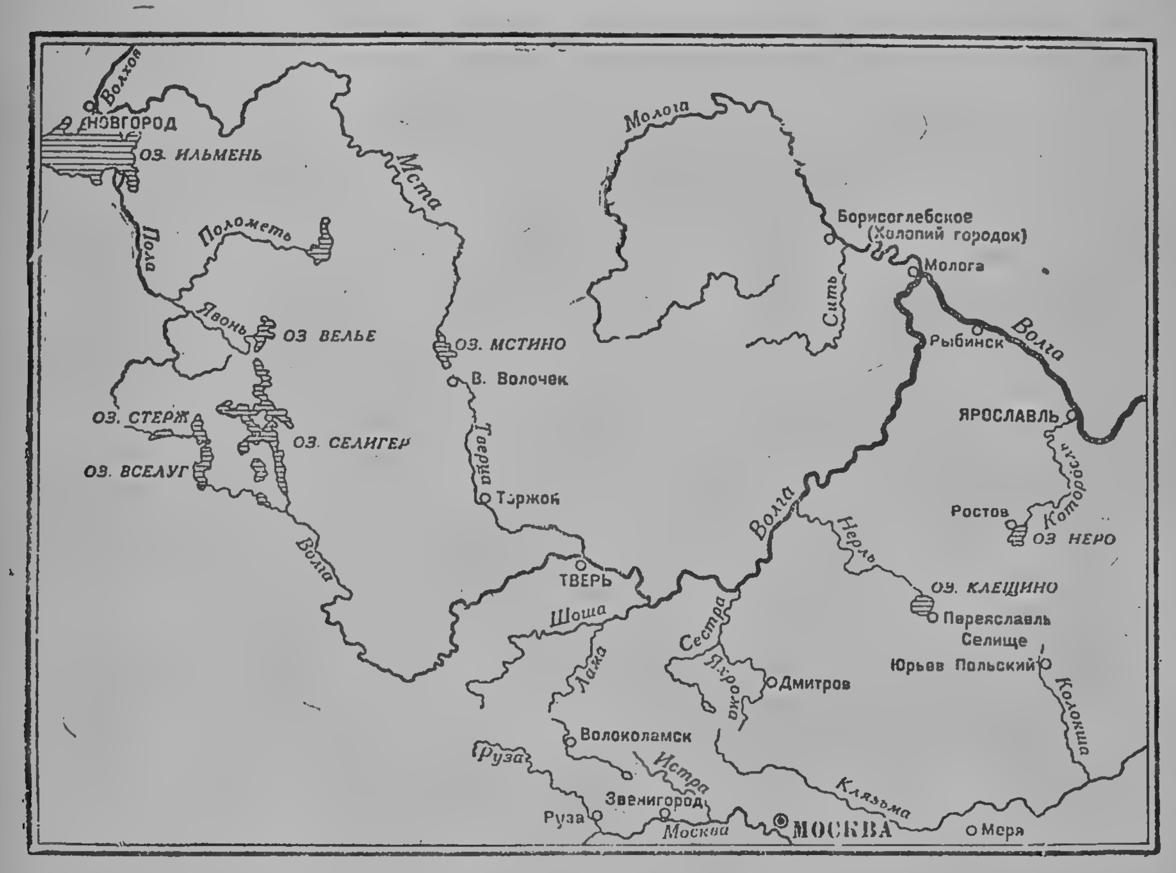


звали главного епископа), поссорившись с владимирским князем, переехал в Москву. Калита его принял с почестями. Он умел ладить с духовенством, осыпал попов щедрыми подарками, строил церкви и т. д. Духовенство, с своей стороны, помогало росту Москвы. Поддержка

митрополитом Москвы способствовала централизации церковных доходов и держала в повиновении епископов независимых княжеств.

Как-то нижегородский князь отказался послушаться московского. Тогда знаменитый в то время игумен Сергий (основатель Троице-сергиевой лавры, богатейшего монастыря в Московском княжестве) запретил по указу митрополита в нижегородском княжестве богослужение, закрыл церкви, пока нижегородцы не смирились.

Союз московского князя с Ордой и церковью обеспечил ему победу над другими князьями. Ко второй половине XV в. бóльшая часть княжеств Волжско-окской Руси признала господство московского князя.



Окрестности Москвы.

В конце XV в., во время княжения Ивана III, была окончательно подчинена (1485 г.) Тверь, главная соперница Москвы. Немного позднее в состав Московского княжества вошла Рязань.

В борьбе с другими феодалами московские князья не стеснялись средствами. Пускалось в ход все: предательство, нарушение клятв, переманивание слуг у других князей, кровавая расправа со слугами противника, ослепление захваченных соперников и отравление неукротимых врагов. В этом отношении московские князья действовали так же, как «собиратели» Франции.

Захват земель финских народностей.

В состав Московского государства вошли не только области с русским населением. Мы знаем, что русские князья подчинили своей власти финские племена, составлявшие основное население Волжско-Окского края. Они были частью истреблены русскими, частью слились с ними. Затем наступление русских пошло дальше на восток. Мордва, марийцы

и другие финские племена несколько отставали по уровню общественного развития от русских. У них еще только начинал складываться феодальный порядок. Они были хуже вооружены, чем русские, их войско было пешим, русское — конным. А это было большим преимуществом в ту пору, когда употребляли исключительно холодное оружие.

Русские князья сначала ограничивались набегами на финнов, разоряли их селения, губили посевы, угоняли скот и пленников (рабов). Позднее стали переходить к захвату их земель. На месте старого мордовского центра построили город — Нижний-Новгород, ставший главным оплотом русских. Когда покоренные народы, защищаясь от насилия пришельцев, подымали восстания, с ними безжалостно расправлялись. Так, в конце XIV в. русские князья (в том числе и московский) опустошили всю мордовскую землю.

Покоренные мордовские земли захватывали русские феодалы. Вслед за ними тянулись и попы, насильно обращавшие в христианство местное население и заставлявшие его платить разные поборы русскому духовенству.

То, что в XIV—XV вв. произошло с мордвой, позднее случилось со многими другими народностями. Таким образом, Московское государство с самого своего возникновения становилось «тюрьмою народов», т. е. строилось на угнетении других национальностей.

Москва и Новгород. К середине XV в. Москва стала уже большим государством. Вырос и самый город, ставший значительным ремесленно-торговым центром. О роли ремесленников в XIV в. ясное представление дают события 1382 г. В 1382 г. на Москву напал татарский хан Тахтамыш. Московский великий князь, вместо того чтобы руководить обороной города, бежал в Кострому. Оборону города попытались организовать ремесленники, создав вече.

Уже в XIV в. мы найдем в Москве «сурожан», торгующих с Крымом. Значительны были связи и с Ордой. Московские купцы заезжали далеко на юг и на восток. Только на севере торговля для них была затруднительна: там попрежнему хозяйничали новгородские бояре.

Из-за Двинской области уже в XIV в. началась борьба между Новгородом и Москвой.

В XV в. перевес в борьбе переходит на сторону Москвы. Поражение Новгорода объясняется многими указанными ранее причинами. Военная сила московского князя была лучше организована, чем у новгородцев. Москва имела возможность взять Новгород измором, преградить дорогу для рязанского хлеба, которым питался Новгород. Но главной причиной поражения Новгорода было обострение классовой борьбы внутри Новгорода и его земель. В Новгороде беднота готова была поддержать Москву, чтобы избавиться от гнета новгородских бояр. И в волостях новгородских, например на Двине, новгородским господством очень тяготились.

В 1471 г. московский князь Иван III, разгромив новгородское войско, заставил Новгород уступить ему Двинскую землю и уплатить огромную для того времени сумму — 15 500 руб [1]. А через несколько

[1] Рубль конца XV в. равен, приблизительно ста золотым рублям XX в.

лет были уничтожены и последние остатки новгородской вольности. «Вечевому колоколу не бить, посаднику не быть, а государство все нам держать», — такова была воля московского князя, которую вынужден был принять побежденный Новгород. Земли новгородских бояр и монастырей были конфискованы и розданы «служилым людям» московского князя. Новгородских купцов выслали из Новгорода, а в Новгород переселили несколько сот московских купцов. Немецкий двор в Новгороде закрыли, чтобы центр заграничной торговли перенести в Москву.

Москва и Орда. Окрепшая Москва изменила свою политику по отношению к Орде. До конца XIV в. московский князь был верным слугой хана. С конца XIV в. Москва начала борьбу с Ордой, раздираемой внутренними смутами. Татарские князья восставали против власти хана и создавали независимые от него государства. В XV в. выделились из состава Золотой орды Крымское и Казанское ханства. Пользуясь смутами в Орде, Москва прекратила в 1480 г. платеж дани Золотой орде. С тех пор московский князь из татарского «улусника» (вассала) стал самостоятельным, «самодержавным» государем.

Феодальные порядки в Московском государстве в XV в. Посол германского императора, Герберштейн, дважды бывший в Москве в начале XVI в., так характеризовал власть московского государя: «Властью, которую он применяет по отношению к своим подданным, он превосходит всех монархов всего мира. Он (Василий III) докончил также то, что начал его отец (Иван III), именно — отнял у всех князей и других владетельных лиц все их города и укрепления. Всех одинаково он гнетет жестоким рабством. Он применяет свою власть к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех».

Образование Московского государства привело к росту власти московского государя. Однако этот государь, власть которого ослепила Герберштейна, управлял страной еще по-феодальному. Старая феодальная знать осталась у власти. Она командовала войсками московского князя. Из ее рядов выбирали послов. Она сидела при дворе в «боярской думе», вместе в князем решая государственные дела.

И весь строй управления Московского государства был феодальным. Князь смотрел на государство как на свое имение. Он даже продолжал делить его между своими сыновьями (только старшему сыну оставлялось гораздо больше земли, чем младшим).

Решительная перестройка Московского государства произошла только в XVI в. Она стала возможной в это время только в результате крупных изменений в хозяйстве Московского государства в XVI в. В конце же XV в. разросшееся Московское государство представляло собой союз феодалов под верховной властью московского князя.

Крестьянство в Московском государстве. Объединение земель под властью московского государя сопровождалось массовым захватом крестьянских земель и раздачей их служилым людям. «Деревни и пустоши волостные розымают (захватывают) бояре, митрополиты и монастыри за себя», — жаловались крестьяне. Еще больше крестьянских земель шло в раздачу помещикам.

Московские князья «испомещали» в захваченных землях своих слуг, обязывая их за земли нести военную службу.

Раздача земель помещикам небольшими сравнительно участками (около 100—150 *га*) часто разрушала крестьянскую волость. Крестьяне одной волости оказывались под властью нескольких помещиков. Положение крестьян ухудшилось и тем, что повинности крестьянские в XV в. возросли. Усилилась эксплоатация крестьянства.

Помещичье хозяйство. Наряду с крупными вотчинниками (боярами и монастырями) встречались и мелкие землевладельцы — «дети боярские», или помещики[1], как их позднее стали звать. До нашего времени сохранилось много описаний хозяйств таких помещиков. Вот одно из них в теперешней Ленинградской области. «Двор большой» помещика расположен в сельце. Рядом тут же другой двор, где проживает «человек его Прибыток» (холоп его). Руками холопов помещик обрабатывал свой барский участок. Он очень невелик, не больше двойного крестьянского. Остальная земля помещика занята крестьянскими участками. Всего крестьянских дворов у него 30 (в сельце и трех деревнях).

Крестьяне платят помещику хлебом в год ржи 24 коробьи, 13 коробей ячменя да немного пшеницы. Кроме хлеба везут барину 16 возов сена да мяса разного: 7 туш коровьих, 21 барана, да лопаток бараньих 13, да «куров» (т. е. кур) 28, затем сыров (творожных) 39, 8 ставцов масла, 8 пятков да 3 горсти льна, да 19 бочек пива.

В одном отношении, однако, положение крестьян как будто улучшилось. В XV в. появляется право «отказа», т. е. право ухода крестьян от владельца. В «судебнике» (сборнике законов) 1497 г., изданном при царе И в а н е IV, есть статья «О крестьянском отказе». Она предоставляет крестьянам право уходить от своего господина «один раз в году, за неделю до Юрьева дня осеннего (26 ноября) и неделю после Юрьева дня осеннего» (таким образом, крестьянский уход был приурочен ко времени окончания осенних полевых работ).

При уходе крестьянин был обязан уплатить «пожилое», особую пошлину, помещику, размер которой был установлен судебником. Величина «пожилого» — рубль или полтина — по тогдашним ценам была значительной суммой (на рубль можно было купить 25 баранов). Уплатить эту сумму вряд ли могли многие крестьяне. «Пожилое» уплачивал обычно не сам крестьянин, а его новый господин, который сманивал его на свою землю. Таким образом, право «отказа» не было, по существу, правом выхода на волю, а являлось правом перехода к другому господину.

Несколько позднее, в средине XVI в., немец, долго живший в России, писал: «Все крестьяне страны имеют в Юрьев день свободный выход. О н и   п р и н а д л е ж а т   т о м у,   к о м у   з а х о т я т». Не принадлежать никому крестьянин не мог.

Уже в XV в. началась глухая борьба из-за крестьян между разными группами землевладельцев, между боярами и помещиками, светскими феодалами и духовными. Со всей силой она развернулась, однако, только в XVI в., когда особенно обострились классовые противоречия в Московском государстве.

---

[1] П о м е с т ь я м и, в отличие от вотчины, назывались земли, пожалованные на время. Помещик не мог свою землю ни продать, ни подарить (так же как и на Западе бенефиций).

ГЛАВА X.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА в XVI — XVII вв. в СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

§ 27. Разложение цехового ремесла.

Мастера и подмастерья.

К XVI в. расширяется и ускоряется развитие товарно-денежных отношений (отделение города от деревни, развитие междугородной и международной торговли и кредита), разлагающее натуральное хозяйство. Резко усиливается спрос на промышленные изделия. Ремесленное производство быстро развивается.

С расширением же ремесленной мастерской и ростом богатства мастера увеличиваются противоречия между ним и его подмастерьями и учениками. Мастер больше распоряжается производством, чем сам работает.

Усиливающийся нажим на мастера со стороны торгового капитала, в свою очередь, толкает его на путь усиления эксплоатации подмастерьев. За счет этих последних мастер старается выпутаться из своих собственных затруднений (о них — ниже).

Сроки ученичества удлиняются до 10 и более лет. Из подмастерьев лишь немногие «счастливцы» (чаще родственники хозяина) делаются самостоятельными мастерами. Чтобы сделаться мастером, требовалось прежде всего пройти трудное испытание [1], к которому допускались далеко не все желающие. Затем требовалось сделать большой денежный взнос в цеховую кассу и, наконец, устроить обильное и дорого стоившее угощение мастерам.

Стол и квартира, которые раньше хозяин давал подмастерьям, заменяются небольшой денежной платой. Сокращаются праздники и отменяется «синий понедельник», день отдыха после обычной воскресной попойки. Еще больше удлиняется рабочий день, достигавший в среднем 15—16 часов.

Для борьбы с усиливающейся эксплоатацией подмастерья расширяют и укрепляют свои организации — «братства».

В XV—XVI вв. союзы подмастерьев широко распространяются по всей Европе. Они не ограничиваются одним городом: между подмастерьями одной и той же специальности в различных городах начинают возникать союзы, охватывающие ряд местных братств. Во Франции, например, тесное общение начинает проникать даже в среду подмастерьев различных ремесл.

«Все они выступали как один человек в поддержании требований, предъявленных хозяевам». В большинстве городов было особое помещение товарищества подмастерьев (во Франции оно называлось «матерью»). Пришедший в город подмастерье первым делом являлся в это помещение, где он получал пищу и, большей частью, небольшое пособие; там вывешен был и список хозяев, нуждающихся в рабочих; если в городе была объявлена стачка, то пришедший подмастерье получал распоряжение о немедленном уходе из города. Но «братства» не охватывали всех подручных рабочих ремесленника, а только наиболее квалифицированную их часть.

Усиливается и обостряется и борьба между цехами.

Специализация цехов.

Отдельные цехи, не будучи в силах справиться со все возрастающим спросом и опасаясь конкуренции других цехов, замыкаются в пределах одной узкой

[1] В некоторых городах кузнец должен был сделать с полной точностью подкову, не снимая мерки с копыта лошади, которую лишь быстро проводили мимо него.

специальности. Возгорается борьба между такими цехами-«специалистами».

Башмачник делал верх, но каблук и подошву мог поставить лишь мастер другого цеха — подошвенников. Парижские пуговичники и портные вели спор из-за права изготовления последними пуговиц из той же материи, из которой было заказано платье. В Пруссии столяр не вправе был прикреплять железные части, кузнец не мог делать гвоздей, а пекарь — приготовлять пирожное, ибо последнее относилось к области кондитерского цеха. Для устройства печи нужно было нанимать десять различных ремесленников.

Цеховой строй тормозит развитие техники. Улучшается ли ремесленная техника наряду с расширением производства и его специализацией? Почти нет. Ремесленники продолжают работать «по старинке», так, «как работали отцы и деды».

Это и понятно: сущность цеховых правил сводилась к устранению конкуренции. Всякое же улучшение техники, проводимое отдельными мастерами, ударяло по карману других ремесленников. Массовое же введение крупных новшеств (в особенности машин) было не по средствам рядовым мастерам и несовместимо с маленькой ремесленной мастерской.

Разгром мастерских и поджог домов «непокорных» ремесленников, разрушение станков и машин, убийства изобретателей — вот как боролись цехи с развитием техники. Они не могли прекратить ее роста, но сильно его тормозили. Это одно доказывало, что ремесленно-цеховой строй уже не соответствовал новым запросам производства.

Купец и ремесленник. Раньше ремесленник был сам и продавцом изделий своей мастерской. Но могли ли сохраниться такие порядки при новых условиях производства и широком размахе торговли? Конечно, нет. Для ведения широкой междугородной, а тем более международной торговли у ремесленника не было ни времени, ни достаточно денег, ни знания условий различных рынков.

Но все это было как раз налицо у купца, диктовавшего мастеру свои условия и загребавшего значительную часть барыша.

В тяжелую для ремесленника минуту купец давал ему в долг деньги или необходимые материалы, а затем требовал возврата с лихвой. Если ремесленник не мог отдать, то попадал в полную зависимость от купца-ростовщика.

Так получилось, что ремесленник стал «смотреть купцу в глаза и плясать под его дудку». Мы знаем, к примеру, об одном аугсбургском (Южная Германия) купце, который, давая заказы мастерам янтарного цеха, как бы брал их к себе на службу на известное время. Он требовал, чтобы все изготовленные ими за это время изделия поступали по определенной цене исключительно к нему, и ремесленники лишались права работать на кого-нибудь другого.

Цехи-торговцы. Бывало и так, что одни цехи попадали в зависимость от других, которые сами мало-по-малу превращались в торговцев.

Например, в известном центре оружейной промышленности — Золингене (Германия) — мастера-оружейники делились на три цеха: кузнецы, закаливальщики и шлифовальщики и выделывавшие

ножны и собиравшие готовые части оружия. Продавать неотделанное оружие запрещалось, чтобы не лишать заработка остальные цехи. Выходило, что вся продажа сосредоточивалась в руках последнего цеха, которому кроме того было разрешено ездить на ярмарки, тогда как первые два цеха давали клятву никогда не покидать Золингена, чтобы не выдать секретов производства. И вот, члены цеха «сборщиков» превратились со временем в купцов, раздававших материал кузнецам и шлифовальщикам и получавших от них готовые изделия по заранее выговоренной цене.

Иногда и отдельные разбогатевшие ремесленники сами превращались в торговцев, скупавших изделия других мастеров для перепродажи. В итоге всё это приводило к ослаблению самостоятельности ремесла и к усилению его зависимости от торгового капитала.

Но одновременно часть мастеров, богатея и расширяя свое производство, превращалась в самостоятельных предпринимателей. Этот путь приводит в конечном счете к превращению мелкого производства в крупное капиталистическое.

В результате развития производства и торговли цехи разваливались, подтачиваемые выделением мастеров-предпринимателей, борьбой подмастерьев с мастерами, соперничеством между цехами и подчинением мастеров торговцам-капиталистам. Разлагались феодальные порядки мелкого ремесленного производства.

§ 28. Домашняя промышленность и мануфактура.

Возникновение кустарного промысла.

Дальнейшее ослабление цехов связано с развитием к у с т а р н о й промышленности.

Кустарные промыслы обычно возникали в деревне как подсобное занятие крестьян. Крестьянин многое производил у себя дома, силами семьи. С развитием товарного хозяйства ему понадобились деньги для уплаты помещику, для расчета с ростовщиком, для приобретения необходимых продуктов. Крестьянин начал вырабатывать полотна, грубых сукон, кожаных и других изделий больше, чем ему самому нужно было, с тем, чтобы продавать излишки. Но кому в деревне продавать свои товары? Кустарю в этом отношении еще труднее, чем городскому ремесленнику. Вот почему здесь сразу появляется перекупщик, обычно — деревенский кулак-богатей. Торговец-скупщик перепродавал кустарную продукцию на широком рынке.

Торговец начинает с того, что только скупает готовые изделия. Затем он доставляет и сырье, на котором работает кустарь. Кончается же дело тем, что скупщик раздает кустарям все материалы, которые те и обрабатывают за определенную сдельную плату.

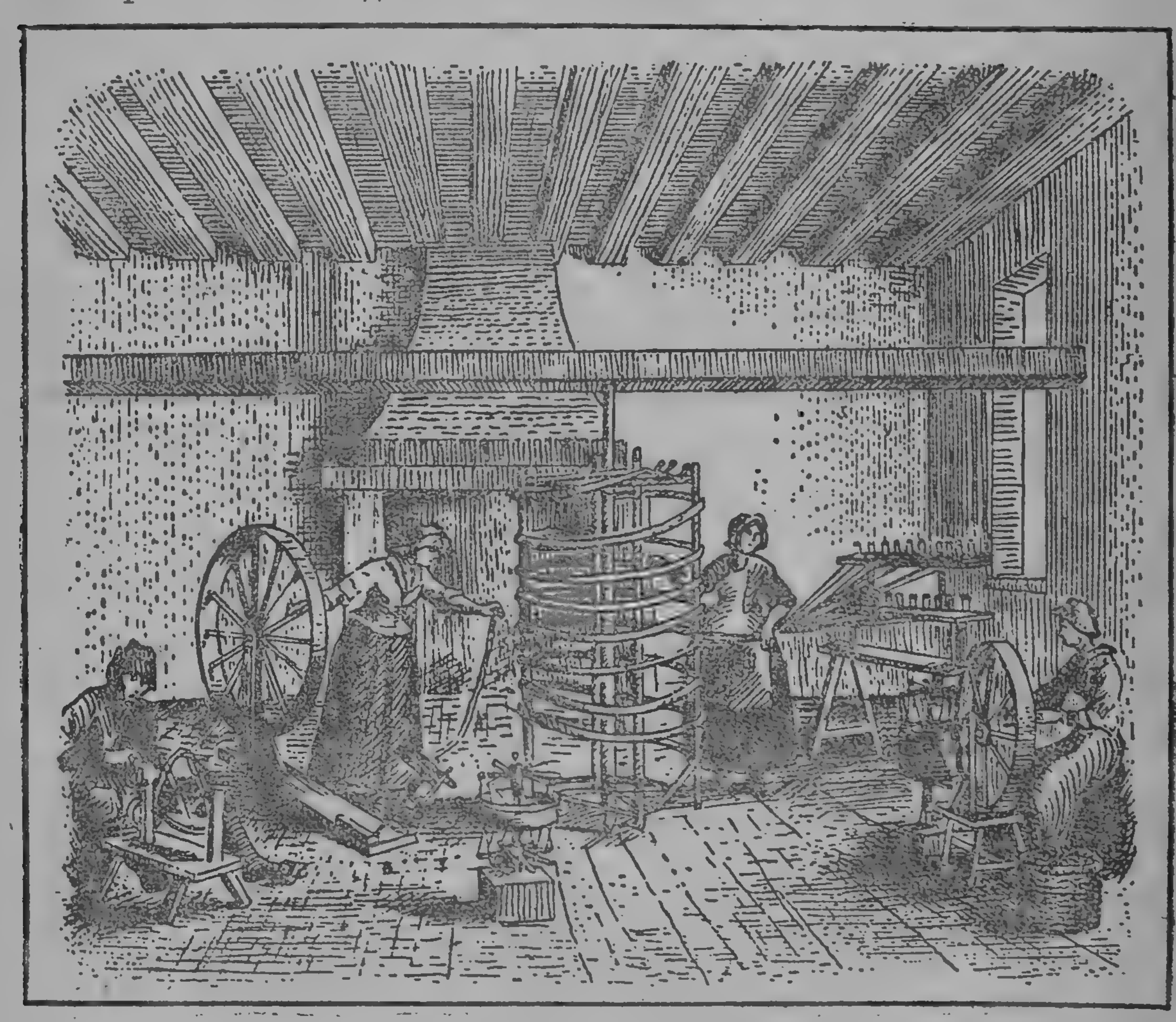
Кустарь в этом случае целиком попадает в сети паука-скупщика и ростовщика.

Развитие кустарных промыслов.

Кустари работают отдельно друг от друга, каждый у себя на дому, с помощью своей семьи, причем работа находится даже малым ребятам. У кустарей нет никаких организаций, и они тесно связаны со своей деревней. Все это упрощает для купца-ростовщика их эксплоатацию. К тому же кустарь не бросает и земледелия, но только оно

превращается в подсобный промысел. Полуземледелец, полуремесленник кустарь довольствуется меньшей платой, чем мастер.

Кустарная, или домашняя, промышленность сильно теснит ремесло. Ремесленники жалуются властям на кустарей, говоря, например, что «среди сельских ткачей много сомнительных лиц» и что они «занимаются также другими ремеслами и полевыми работами; от этого страдают цеховые ремесленники». Но жалобы мало помогали. Пытались ремесленники действовать и силой.



В кустарной мастерской.

Так, в одном городе цеховые ткачи, узнав, что в деревнях занимаются производством сукна, добились разрешения у владетельного князя отправиться туда и наказать «преступников». Эта карательная экспедиция кончилась разрушением ткацких станков и уничтожением товара у несчастных нецеховых работников-крестьян.

Однако на сторону кустарей обычно становятся торговцы-скупщики, которые не только поддерживают выгодное для них производство, но и сами насаждают его.

В Англии в XVI—XVII вв. производство сукна, чулок, шапок и металлических изделий все более распространяется в деревнях. То же, примерно, было во Франции и в Германии того времени.

По мере ослабления цехов домашнее производство на скупщика перекочевывает в города. Работник городского «производства на

дому», как и деревенский кустарь, был всецело подчинен купцу. Он обязан был брать аттестат от скупщика, чтобы получить работу у другого хозяина; никто не вправе был давать ему работу, не удостоверившись, что предыдущий хозяин остался им доволен. Достаточно было работнику не угодить купцу, чтобы надолго лишиться работы.

Так постепенно создавалась особая форма домашней капиталистической промышленности, при которой работник получал все материалы из раздаточной конторы предпринимателя-капиталиста и туда же доставлял по определенной расценке готовые изделия. Кустарь из мелкого хозяйчика превращается в наемного рабочего предпринимателя-капиталиста.

Возникновение мануфактуры.

Следующим шагом было разделение труда между отдельными кустарными хозяйствами, при котором каждый работник вырабатывал не весь товар целиком, а только часть его. Например, в часовом производстве одни работники изготовляли у себя на дому пружины, другие — маятники, третьи — циферблаты, четвертые — часовые коробки и т. д. Лишь после соединения всех этих отдельных частей получался товар, поступавший на рынок. При этом все мелкие хозяйства, изготовлявшие отдельные части, работали на одного хозяина-капиталиста.

На такой ступени развития домашняя промышленность превращается в капиталистическую мануфактуру. В мануфактурном производстве несколько десятков, а то и сотен рабочих выполняют ту или иную частичную работу за определенную заработную плату, по найму капиталиста, его инструментами и из его материалов. И здесь, как и в ремесле, работа идет преимущественно вручную («мануфактура» обозначает по-русски — «сделанное руками», «рукоделие»).

Ремесленник и кустарь — это мелкие хозяйчики, продающие потребителю или скупщику изделия своей маленькой мастерской; мануфактурный же рабочий — это пролетарий, продающий капиталисту свою рабочую силу. Купца (скупщика и перепродавца) сменяет при этом капиталист-промышленник и предприниматель.

Развитие мануфактуры является первой ступенью капиталистического способа производства.

Централизованная мануфактура.

Наряду с «рассеянной» мануфактурой начала возникать мануфактура централизованная. Капиталист объединял разбросанных по отдельным избам рабочих в одной мастерской и снабжал их орудиями труда.

Совместная работа повышала производительность труда рабочих, трудившихся к тому же под непосредственным контролем самого предпринимателя или его агентов. В большой мастерской можно было применять новшества, невозможные в маленькой; здесь уменьшались расходы на помещение, освещение и транспорт; инструменты и материалы могли использоваться более экономно.

Для того чтобы обойти различные цеховые постановления, мануфактуры часто основывались в селах, в недавно возникших городах или в городских предместьях. При этом в селах нередки были мануфактуры смешанного типа. К примеру, на богемской мануфактуре графа Вальдштейна работали только 30 ткачей в центральной

мастерской, а 400 ткачей работали по своим домам, пряжу же доставляли 3 тыс. крепостных.

Ремесленники и кустари, страдавшие от конкуренции крупных мануфактур, всячески препятствовали их росту. Но они были бессильны бороться против развивающегося капитала, против все усиливавшегося спроса на товары и против государственной власти, для которой мануфактуры были очень выгодны, так как с них можно было собирать большие налоги.

Условия мануфактурного труда. Рабочий централизованной мануфактуры утрачивал даже ту маленькую долю самостоятельности, которая еще оставалась у работавшего у себя на дому кустаря или ремесленника. Скупщику нет дела, как, когда и сколько времени работает кустарь. Ему надо получить готовые изделия, остальное его не интересует. Мануфактурный же рабочий превратился в наемного раба капиталиста. Рабочий день продолжался по 14—16 часов, заработной платы хватало лишь на житье впроголодь; на мануфактуре царила тюремная дисциплина; даже в праздник рабочий не мог распоряжаться своим временем.

Вот одно из правил французской мануфактуры XVII в.: «В воскресенье и праздничные дни рабочие должны присутствовать на божественном богослужении, затем употреблять остаток дня на пристойные развлечения, на которые они будут приглашены, и должны возвратиться по своим домам самое позднее в девять-десять часов вечера».

Жили рабочие или в своих избах или в общих казармах, а иногда прямо в той же мастерской, в которой днем работали. Эти помещения же нередко были таковы, что свежий человек не смог бы там и часу пробыть, не почувствовав дурноты.

Крупное производство с наемным трудом очень рано проникает в горное дело (добывание руды и угля). При этом условия горнозаводского труда были еще тяжелее, чем в мануфактурах.

«Труд горнорабочего в Германии, — пишет в XVI в. один современник, — лошадиная работа; некоторые рабочие поднимают тяжелыми приводами горные породы и откачивают воду, причем они не только доходят до кровохарканья, но и ломают себе шею на этом; они целый день — в чем мать родила и должны удалять воду и отбывать свою положенную смену... Целый день стоят около тяжелого ворота и за один пфенниг должны делать много оборотов и подвергаться тому, что иногда их отбросит воротом или ударит рукоятью. Это — мучительный заработок. Так как двое должны за смену выкачать много бочек воды и так как бадья содержит почти ведро, то это требует много сил и вытягивает жилы из ног и рук».

Детский труд. Предприниматель в погоне за прибылью начинает довольно широко применять в мануфактуре дешевый детский и женский труд. В особенности дешев был труд детей: разоряющийся ремесленник или крестьянин, не будучи в силах пропитать семью, принужден был посылать на работу детей, довольствуясь самым ничтожным вознаграждением. Дети с четырех-пяти лет привлекались уже на мануфактуру, где нередко были специальные помещения для рабочих-детей.

В описании одной из английских мануфактур XVI в. рассказывается, как посетители «вошли в большую комнату, где увидели бедно одетых детей: все они сидели и щипали шерсть, отбирая тонкую от грубой; всех их было полтораста детей бедных, слабых

родителей; в награду за свои труды каждый из них получал вечером по одному пенсу» (мелкая монета).

Дети изнурялись непосильным трудом, и после 10, 12 и даже 14 часов работы за жалкую поденную плату в несколько грошей им предоставлялась возможность «развлекаться» в течение своего короткого отдыха водкой, табаком и азартной игрой. Спали они по 4—5 человек вместе, на одной кровати. Бледные лица, одутловатые щеки, злокачественные сыпи и припадки удушья являлись неизбежным спутником этой бесчеловечной эксплоатации.

При попытке уйти с работы власти задерживали беглецов и возвращали их назад на мануфактуру. Во многих странах, в особенности в Англии, дети-сироты массами направлялись насильственным путем на работу.

Буржуазные экономисты были в восторге от детского труда, находя, что такие порядки «отучают детей от безделья» и превращают для них работу «во вторую природу».

Крупное производство с принудительным трудом.

Недостаток рабочих для мануфактур вызвал применение принудительного труда в крупном производстве. Один немецкий граф приказал в 1616 г. «всех способных к труду нищих и пьяниц, шатающихся по трактирам, всяких праздношатающихся заставить работать в наших рудниках за надлежащую плату, а в случае нежелания с их стороны — заковать их в кандалы и доставить в рудники».

В XVII в. повсюду в Европе стали устраивать принудительные мастерские под названием «работных домов» и «домов призрения». В такие дома запирали, заставляя работать, нищих, бродяг, преступников, детей-сирот и даже умалишенных. Всех их, не исключая тяжело больных, малых детей и стариков, изнуряли непосильной работой. Денег им не платили, считая достаточным вознаграждением ту жалкую пищу, которая выдавалась работникам.

Классовая борьба рабочих мануфактуры.

Мы только что говорили об эксплоатации рабочих мануфактуры капиталистами. Но делались ли рабочими попытки бороться против угнетателей? Конечно, делались. Однако пролетариат тогда был еще в зародыше.

Наемных рабочих было немного, они были неорганизованы, не освободились еще от свойственных крестьянам и ремесленникам предрассудков, неясно еще сознавали свои нужды и интересы. Вот почему эти попытки не приводили к сколько-нибудь серьезному успеху. Но вместе с тем самое объединение большого числа рабочих в одном крупном предприятии способствовало их сплочению и выработке у них боевого духа.

Рабочие прибегали к знакомым уже нам способам: к стачкам, к бойкоту хозяев, к образованию (правда, непрочных) союзов. Иногда дело доходило даже до открытого восстания.

Однако, повторяем, все эти разрозненные вспышки быстро подавлялись.

Об организованных стачках пишет один французский буржуазный экономист конца XVII в.: «Существует дух возмущения, столь сильно проявляющийся у рабочих, что в торговых городах видишь, как от семи- до восьмисот рабочих какой-либо одной мануфактуры сразу и одновременно удаляются, бросая незаконченную работу, потому что захотели уменьшить на одно су их поденную плату. Наиболее мятежные применяют насилие по отношению к тем, которые могли бы оказаться рассудительными».

У чесальщиков шерсти в Англии в конце того же века было особое общество. «Никто, — сообщает современник, — не должен был брать работу за плату ниже известной ставки; ни один хозяин не должен был нанимать чесальщиков шерсти, не принадлежащих к их обществу; если он это делал, то все остальные рабочие скопом отказывались работать у него. Не довольствуясь прекращением работы, они осыпали бранью людей, остававшихся в мастерской, наносили им побои и ломали их инструменты».

Союзы рабочих были запрещены властями и подвергались жестоким преследованиям.

Относительно движения **горнорабочих** в Германии XVI в. мы имеем такую любопытную запись: «Рудокопы обратили в бегство судью и присяжных Шнееберга за то, что у них хотели вычесть из заработка по грошу; часть рабочих ушла в горы, а тогдашнему горному начальнику пришлось занять Шнееберг при помощи войск». Этот бунт повторился через два года, «когда рудокопы под угрозой смерти заставили воротильщиков и подручных следовать за ними и решили итти против сил, вызванных для их усмирения».

Развитие техники.

Техника крупного производства была в ту эпоху в основном еще ручной. Но все же известный сдвиг по сравнению с ремеслом был сделан и здесь.

В конце XV в., примерно в 90-х годах, в Европе начинает развиваться производство **чугуна**. Оказывалось более выгодным получать железо не прямо из руды, а из чугуна. Для получения последнего руда, смешанная с древесным углем, переплавлялась в высоких (до 3 *м*), обложенных камнем, доменных печах. Лишь в средине XVIII в. древесный уголь в домнах был заменен каменным.

Прокатные станы и станки для резки железа (жести) распространились в XVII столетии. В том же веке совершенствуется механический молот для обработки больших железных глыб.

Сталь была известна еще древнейшим культурным народам: вавилонянам, египтянам, грекам. Но выработка стали была почти забыта и стала развиваться в Европе лишь с XII—XIII вв. Превращение чугуна в железо и железа в сталь производилось вплоть до конца XVIII — начала XIX столетия еще самым примитивным способом.

Переходя к **текстильному делу**, заметим, что до XVI в. прядение совершалось примерно так же, как и в глубокой древности. Но уже с этого времени в Европе начинает широко распространяться самопрялка (появившаяся в предшествующем столетии).

Механическое тканье было изобретено в 1600 г. **Антоном Мюллером** в Данциге. Это был ленточный станок, который мог ткать одновременно 10—20 полос различных цветов. Станок приводился в движение колесом и обслуживался одним рабочим. Цеховые ткачи, боясь подрыва своего ремесла, сожгли этот станок, а самого Мюллера убили и труп бросили в реку. Прядильные и ткацкие машины получили распространение лишь с конца XVIII в.

Чем же приводились в движение все эти приспособления? Паровая машина стала применяться только в XVIII в. До нее человек, кроме своей собственной силы, пользовался силой животных, вращавших особые колеса, силой воды и ветра. Первые ветряные мельницы появились в Европе в XII—XIV вв. Наиболее широкое применение

они получили в мукомольном деле; приспособить же их к другим видам промышленности было трудно.

Самое большое значение в то время имели водяные двигатели, которые употреблялись для размола зерна, для подъема воды и откачки ее из шахт, для пилки леса, для подъема руды и для приведения в действие разных других приспособлений. Особые механические машины сооружались в бумажных мануфактурах для перемалывания тряпок, а при выплавке металла устраивались машинные толчеи для раздробления руды. Позднее водяные двигатели стали применяться и в текстильном деле.

На путях к капиталистическому производству. Рост производства вызывал разложение натурального хозяйства в городе и деревне, способствовал развитию городов, усиливая размах и значение торговли, что повело, наконец, к великим географическим открытиям (см. ниже, § 30). Развитие же торговли в свою очередь подгоняло рост производства.

В результате феодальная ремесленно-цеховая промышленность разлагалась; ремесленники отчасти превращались в предпринимателей, большею же частью попадали в зависимость к торговцам, массами разорялись и вытеснялись мануфактурой («рассеянной» или — реже — централизованной). В недрах феодализма вызревала капиталистическая промышленность.

§ 29. Положение крестьянства в XVI — XVII вв.

Развитие промышленности, связанное с ним увеличение городского населения, быстрое расширение торговли и денежных отношений — все это вело к огромному увеличению спроса на продукцию сельского хозяйства, продукты питания и сырье для промышленности. Спрос, с своей стороны, вызывал стремление поднять доходность сельскохозяйственных предприятий. То превращение натурального хозяйства деревни в товарно-денежное, которое началось еще в XIII—XIV вв., значительно ускоряется и углубляется в описываемую нами эпоху. Дальнейшее развитие получают и все связанные с этим превращением процессы. Об этих процессах мы отчасти уже знаем из прошлого (см. гл. V), отчасти будем говорить более подробно дальше. Поэтому сейчас мы лишь кратко напоминаем обо всем этом.

Приспособление помещиков к новым условиям. Феодалы-помещики, уже не только мелкопоместные, но и крупные, старались приспособиться к изменившимся хозяйственным условиям.

Далеко не всем это удавалось. Часть феодалов разорялась и пыталась выйти из затруднений или путем грабежа горожан, церкви и чужих феодальных владений, или службой на жалованьи у короля, или, проще всего, исключительно жестокими притеснениями и открытым ограблением крестьян. Но и «приспособившиеся», обуржуазившиеся помещики не меньше грабили крестьян, только несколько по-иному.

Жажда денег, на которые все можно купить, диктовала «новому» помещику новые правила хозяйствования и подсказывала особые способы эксплоатации крестьян. В большинстве экономически развитых стран Запад. Европы (Англия, Италия, Нидерланды и др.) наиболее

выгодным оказывалось освобождение крестьян от личной крепостной зависимости, связанное с частичным или полным их обезземелением. При этом крестьянские земли помещики, опять-таки частично или целиком, забирали себе. Затем они сдавали их в аренду или обрабатывали при помощи наемных рабочих.

Для этого прежде всего помещикам надо было покончить с общинными порядками там, где они еще сохранились. Отсюда, например в Англии, — «огораживанье», т. е. изъятие из общего пользования участков и обнесение их изгородью, с целью преградить на них доступ посторонним лицам и домашним животным других хозяев. Начиналось дело с выделения из общинного пользования собственных земель помещика, а кончалось — захватом крестьянских (общинных) земель, которые феодал присоединял к своим владениям. В тех странах, в которых было особенно выгодно развитие овцеводства (Англия, отчасти Испания), большинство таких земель обращалось под пастбища.

Обезземеление крестьян.

Очень часто крестьянин, «освобожденный» от крепостной зависимости и обремененный взамен того непосильными денежными поборами, будучи не в силах приспособиться к новым хозяйственным условиям, разорялся и сам бросал свою землю.

Развитие торговли сельскохозяйственными продуктами резко углубляло и ускоряло расслоение крестьян на богачей и бедняков. Богатеи-кулаки скупали участки своих нищавших односельчан, брали в аренду помещичьи земли и эксплоатировали труд батраков. Это в свою очередь способствовало еще более быстрому разорению трудовых масс крестьянства.

Часть обезземеленных крестьян нанималась на работу в качестве батраков, часть поглощалась промышленностью, в особенности мануфактурой, часть нанималась в солдаты, значительное же число оставалось не у дел. Эти последние, если только они раньше не умирали с голоду, массами превращались в бродяг, нищих, а то и разбойников. Развитие центральной власти делало ненужной старую дружину феодала, а рост денежного хозяйства — невыгодным содержание большого штата прислуги. Роспуск феодальных дружин и дворовых порождал новые кадры безработных и бездомных людей.

Английский писатель XVI в. Томас Мор дал яркие образы жизни таких людей: «Жадный владелец окружает стеной («огораживает») пространство в несколько тысяч акров земли; честных крестьян выгоняют из домов — одних обманом, других силой... И вот эти семейства кочуют по полям и дорогам; мужчины, женщины, вдовы и сироты, отцы и матери с малыми ребятами... За бесценок сбывают они скарб, какой только могли захватить с собой. Да и то еще ладно. Когда и такой слабый источник исчерпывается, — что, конечно, не заставляет себя долго ждать, — что же им остается дальше? Воровство, а вслед затем виселица [1]... А в чем же состоит их преступление? Да только в том, что они не могут найти себе никакой работы, которой они только и добиваются изо всех сил».

Власти пытались бороться против развития бродяжничества путем жесточайших наказаний. Так, в Англии в средине XVI в. закон предписывал работоспособных нищих и бродяг «привязывать к тачке и бичевать плетью, пока кровь не заструится по телу», а затем брать

---

[1] В Англии в царствование Генриха VIII было повешено около 70 тыс. «больших и малых воров», как выражались королевские чиновники.

с них клятвенные обещания, что они снова примутся за труд (которого они не могли найти). Попавшемуся во второй раз отрезали половину уха; в третий же раз его подвергали смертной казни. И все это за то, что человек был насильственно лишен земли и работы теми самыми феодалами, которые и диктовали правительству его кровавые законы.

Раскрепощение в разных странах. Мы уже говорили, что предпосылкой превращения крестьянина в безземельного и бездомного пролетария было освобождение его от личной крепостной зависимости. Когда и как проходил процесс раскрепощения во Франции и Англии, мы уже знаем. В Италии раннее развитие товарно-денежного хозяйства, а также быстрый рост городов, укрывавших в своих стенах беглых крестьян, вели к уничтожению крепостной зависимости. Освобождение совершалось здесь в XIII—XIV вв. путем отдельных соглашений с феодалами, получавшими за это от крестьян выкуп.

В наиболее развитых частях Нидерландов, под влиянием сильного торгово-промышленного роста страны в XIV—XV вв., исчезает старинное крепостничество. Зато помещики захватывают в свои руки общинные земли (в особенности пастбища и «неудобные» земли) и сдают их на условиях кабальной аренды новым поселенцам. Крестьянство расслаивается, выделяется значительная группа безземельных, доставлявших рабочие руки растущей промышленности.

В XVI в. буржуазия начинает скупать помещичьи земли и заводить на них более совершенное хозяйство с техническими культурами (лен) и товарным скотоводством. Однако в тех местах Нидерландов, где менее была развита городская жизнь, например в северо-восточных провинциях, старые феодальные отношения не исчезли даже в XVI в.

В Испании раскрепощение было достигнуто лишь в результате упорной и ожесточенной борьбы крестьянства [1].

После «черной смерти», во второй половине XIV в., положение испанских крестьян благодаря насилиям и вымогательствам помещиков делается особенно тяжелым. Разрастается брожение среди крестьянства; феодалы жалуются, что крестьяне «роют для них могилы и ставят кресты», угрожая близкой смертью. Разражается, наконец, ряд восстаний, наиболее крупным из которых было восстание 1462 г.

Восставшие нападали с оружием в руках на замки и монастыри, а на все требования платить налоги и выкупы отвечали: «Мы будем платить им ударами копий». Восстание окончилось неудачей. Но в 1484 г. вспыхнуло новое, в результате которого король обнародовал указ об освобождении крестьян от личной зависимости за выкуп.

Подытожим все сказанное нами о расслоении и пролетаризации крестьянства при развитии товарно-денежного хозяйства словами Ленина [2].

«Система хозяйства, рассчитанного уже на рынок (это особенно важно), меняется... Проникновение товарного хозяйства ставит

---

[1] В различных областях Испании положение было различно. В дальнейшем мы говорим главным образом об одной из важнейших частей — Каталонии.

[2] Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 368 и 360—361.

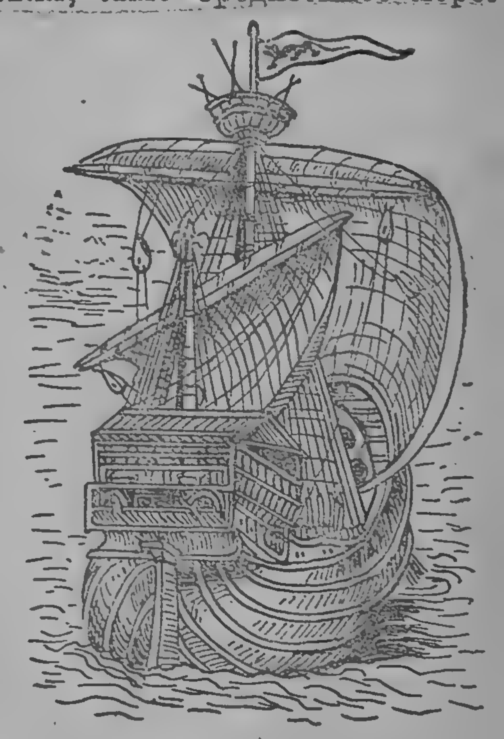
богатство отдельного двора в зависимость от рынка, создавая таким образом путем рыночных колебаний неравенство и обостряя его, сосредоточивая у одних в руках свободные деньги и разоряя других. Эти деньги служат, естественно, для эксплоатации неимущих, превращаются в капитал... Разорение достигает, наконец, такой степени развития, что крестьянин вынужден совсем бросить хозяйство: он не может уже продавать продукты своего труда, ему остается только продавать труд».

ГЛАВА XI.

ЗАОКЕАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ И ОГРАБЛЕНИЕ КОЛОНИЙ.

§ 30. Великие географические открытия.

Глубокие перемены происходили в рассматриваемую эпоху и в международной торговле. Главной водной артерией, по которой шла до конца XV в. международная торговля, было Средиземное море. Главными же торговцами на Средиземном море, как мы уже знаем, были итальянские купцы. Когда-то они побивали всех своих конкурентов, но уже в XIV в. значение итальянской торговли начинает падать. В средине же XV столетия итальянское купечество получило очень серьезный удар: турки, еще раньше вытеснившие европейцев из Малой Азии, завоевали Константинополь и все Черноморское побережье. Это завоевание окончательно отрезало итальянские города от городов Ближнего Востока. Но хуже всего было то, что теперь еще более затруднительным сделался путь в далекую Индию. И раньше торговым караванам было очень трудно проникнуть в эту отдаленную страну. Между тем Индия рисовалась европейским купцам как страна сказочных, несметных богатств. Отчасти это было верно, но еще больше было добавлено фантастическими рассказами побывавших там купцов. Проверить же, где кончалась быль и начинался вымысел, было очень трудно. Да и дорога была очень продолжительна: чтобы съездить в оба конца, приходилось затратить несколько лет.

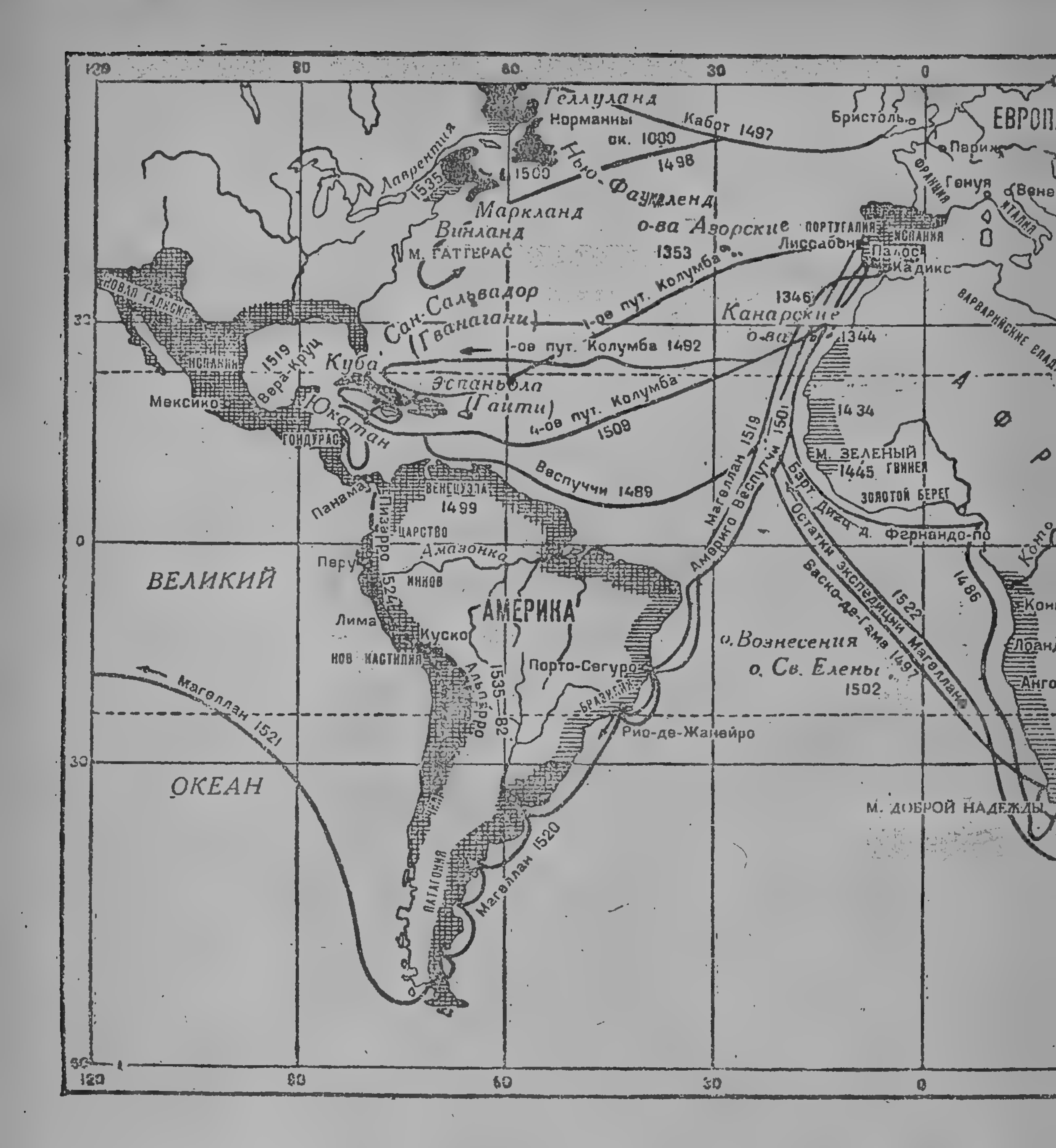


Корабль эпохи великих открытий.

Вот по этим причинам в эту эпоху и начинаются усиленные поиски новых, более коротких и безопасных путей в Индию.

Географические знания. В XIII—XV вв. корабли европейцев совершают все более далекие плавания. Они чаще стали совершать продолжительные рейсы из Балтийского и Немецкого морей вокруг берегов Европы, заходя в Средиземное море, а из

16.

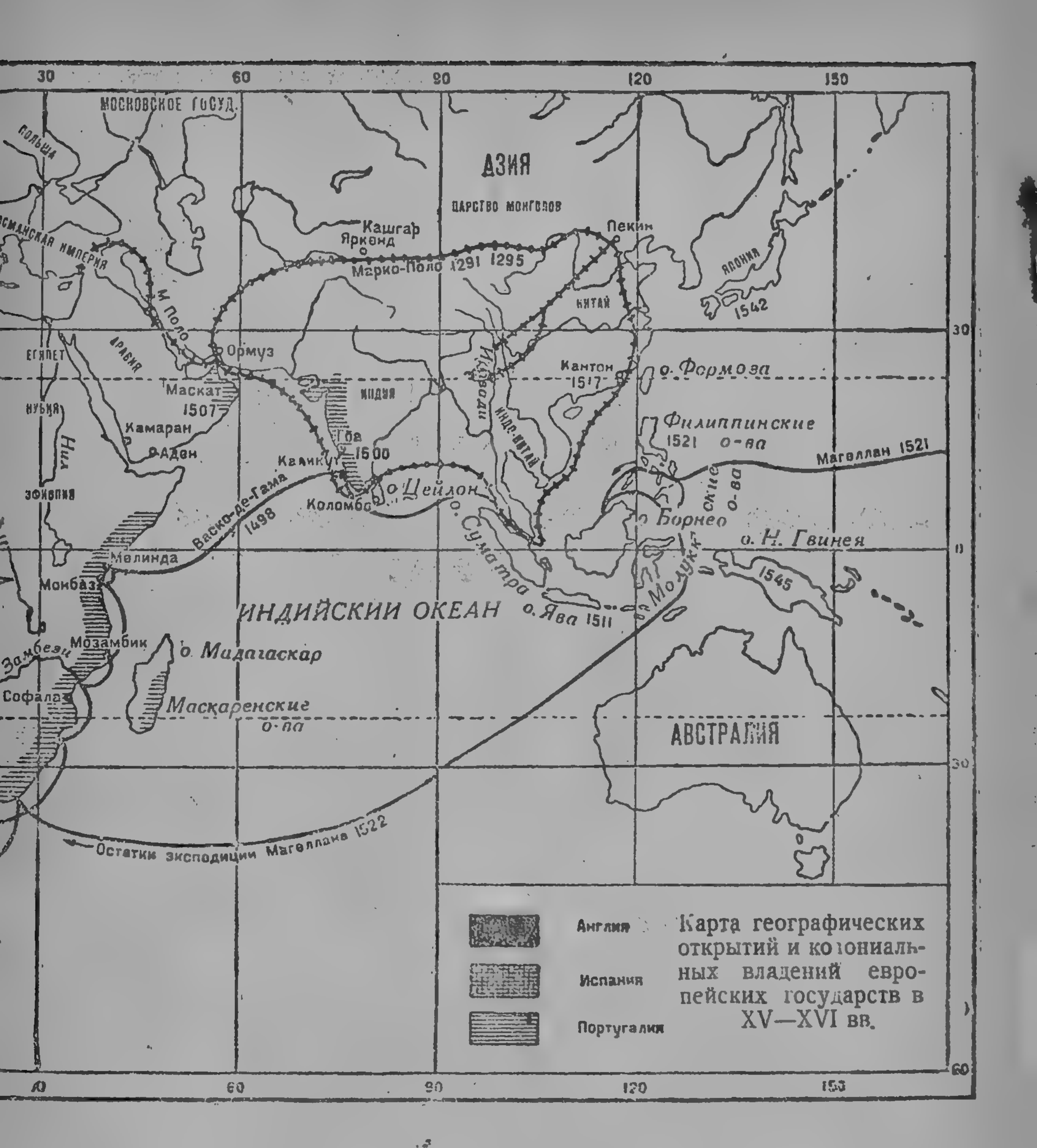


Средиземного моря через Гибралтар выходили в открытые воды Атлантического океана.

Уже были открыты некоторые группы островов, расположенных в восточной части океана, и ряд кораблей проникал далеко на юг, идя вдоль Африканского материка.

Все это расширяло географический кругозор мореплавателей и подготовляло почву для великих географических открытий XV—XVI вв.

Точных знаний о шарообразности земли еще не существовало. Однако представление о шарообразности земли стало складываться под влиянием развития мореплавания у передовых людей того времени. Некоторые географы и отдельные мореплаватели считали, что далеко на западе, за океаном, должны быть какие-то неизвестные земли. У многих возникала также смелая мысль, что если двигаться по океану на запад, то в конце концов можно будет добраться до Индии.



Карта географических открытий и колониальных владений европейских государств в XV—XVI вв.

Особенно много для распространения этого взгляда сделал знаменитый итальянский врач, астроном и географ, Паоло Тосканелли. Под влиянием чтения описаний путешествий и рассказов соотечественников-мореплавателей он пришел к убеждению, что существовавшие представления о плоской форме земли ошибочны, что земля имеет форму шара. Он начертил карту мира, на которой Индия была обозначена на противоположном Европе берегу Атлантического океана — там, примерно, где находится Америка, о существовании которой Тосканелли не подозревал.

Мысль о шарообразной форме земли и о возможности попасть в Индию, плывя на запад, становилась все более заманчивой. Отдельные смельчаки стали подумывать об осуществлении этой идеи. Первым среди них оказался знаменитый мореплаватель, Христофор Колумб. Он решил на деле доказать правильность слов Тосканелли.

Открытие Америки.

Колумб был сыном ремесленника, прядильщика из Генуи. У него, скромного моряка, конечно, не было средств, чтобы осуществить свои смелые проекты. Ему стоило огромного труда добиться у испанского правительства, к которому он поступил на службу, отпуска средств для осуществления своих планов. Самое трудное было преодолеть сопротивление придворных попов, которые видели в планах Колумба дерзкое покушение на «святое писание». Попы уверяли, что земля не может быть шарообразной, так как в «священных книгах» сказано, что она имеет форму плоского диска, а океан представляет собой безграничную бездну. Однако сопротивление попов было невыгодно испанским купцам и испанскому правительству, которое как раз в это время заканчивало объединение страны в крупное централизованное государство. Купцы стремились к новым торговым путям, к захвату богатых земель, к ограблению туземцев. К этому же стремилась и королевская власть. Поэтому с протестами попов не посчитались и приступили к организации экспедиции. В распоряжение Колумба были даны три каравеллы[1]. С этим крохотным флотом в начале августа 1492 г. Колумб вышел из небольшого испанского порта Палос и взял курс на Канарские острова. Там сделали остановку на несколько дней, чтобы пополнить припасы и произвести кое-какую починку кораблей. А затем пошли на запад, пересекая океан.

Проходили дни, недели, а земли не было видно. В среду матросов проникла тревога. Суеверные люди боялись, что путь их никогда не окончится, что океан безбрежен, что бог покарает их за смелую попытку пересечь океан. Однажды корабли попали в пространство, сплошь покрытое водорослями. Это вселило надежду, что земля близко. Пролетавшие над судами птицы тоже поддерживали эту надежду, так как в те времена считали, что птицы не могут улетать так далеко от берега. Но проходили еще новые дни и недели, а земля не показывалась. Тревога росла. Раздавались голоса, что пора покончить с Колумбом и повернуть корабли на родину. Так прошло целых 70 дней. Но вот однажды вахтенный на одном из кораблей заметил на горизонте тонкую полоску земли. Путешествие пришло к концу.

Колумб предполагал, что достиг Индии. На самом же деле это был один из Багамских островов в Центральной Америке. Через несколько времени эта же экспедиция Колумба открыла острова Кубу и Гаити.

В последующие годы Колумб совершил еще три путешествия во вновь открытые им земли. Им были открыты острова Порто-Рико, Ямайка, несколько Малых Антильских островов. Колумб продолжал считать, что он достиг Индии, причем остров Кубу он принимал за один из полуостровов Индии. Ошибка Колумба и сейчас сказывается на названии, которое утвердилось за группой островов, открытых Колумбом у восточных берегов Центральной Америки. Их называют

---

[1] Каравелла (от этого итальянского слова происходит слово «корабль») — морское парусное судно с высокими бортами и башенками на носу и на корме. Каравелла считалась быстроходным судном. Она имела 4 мачты и очень сложную систему парусов. Такие корабли в течение нескольких столетий были очень распространены у итальянцев, испанцев и португальцев. Ими пользовались главным образом для дальних плаваний. Но каравеллы Колумба были совсем малых размеров: они все вместе вмещали только 120 человек.

Вест-Индией, т. е. Западной Индией [1]. Отсюда же и название туземцев Америки — индейцы. Что же касается названия «Америка», то оно было дано новому материку несколько позже, в честь другого мореплавателя — флорентийца Америго Веспуччи, который несколько раз участвовал в путешествиях в Новый Свет и составил довольно подробное и увлекательное описание новых стран.

Морской путь в Индию.

В те же самые годы, когда Колумб в поисках путей в Индию плавал в Америку, был найден и настоящий морской путь в Индию. Этот путь вел не на запад, а на юг, вдоль берегов Африки. Плавания в этом направлении совершались уже с самого начала XV в. Ездили сюда главным образом португальцы. Их прельщала не только надежда пробраться таким образом в Индию. Главная задача состояла в том, чтобы под благочестивым предлогом обращения язычников в христианство захватить в плен побольше туземцев Африки и обратить их в рабство. Заодно рассчитывали ограбить открываемые земли, богатые золотом и другими ценностями. Каждый год португальцы пробирались все дальше и дальше на юг, пока, наконец, в 1486 г. Бартоломей Диас не достиг мыса Доброй надежды. Экспедиция Диаса установила с несомненностью, что Африканский материк можно обогнуть с юга. Оставалось только проложить путь через Индийский океан.

Спустя лет десять (в 1497 г.) из Лиссабона отправилась более значительная экспедиция из четырех крупных, хорошо оснащенных кораблей. Во главе этой экспедиции стоял Васко де-Гама. Корабли проделали сначала путь Диаса, а затем обогнули мыс Доброй надежды и начали двигаться на север, вдоль восточных берегов Африки. Здесь экспедиция нашла торговые гавани арабских купцов. Арабские купцы встречали португальцев враждебно, видя в них опасных конкурентов. Но все же в одной из гаваней экспедиции удалось найти опытного лоцмана-араба. По его указаниям португальские суда пересекли Индийский океан и достигли Малабарского берега. Так был найден водный путь из Европы в Индию.

Первое кругосветное путешествие.

Вскоре после открытия Америки было совершено первое кругосветное путешествие. Оно началось в 1519 г. под руководством Магеллана. Магеллан, по происхождению португалец, служил в Испании. По поручению испанского правительства он отправился во главе экспедиции с целью завоевания новых земель и открытия новых кратчайших водных путей в азиатские страны. Путь Магеллана пересекал Атлантический океан в юго-западном направлении. Достигнув несколько южнее экватора берегов Бразилии, Магеллан направился вдоль этих берегов на юг и достиг южной оконечности материка. Здесь, между материком и островами Огненной земли, был открыт пролив, который соединяет Атлантический и Тихий океаны. Этот пролив получил название Магелланова.

Вслед за этим экспедиция двинулась через Тихий океан, пытаясь силою оружия подчинить себе туземное население островов, расположенных в юго-западной части этого океана. Во время неудачной

---

[1] В отличие от настоящей Индии, которую одно время называли Ост-Индией, т. е. Восточной Индией.

попытки завоевания одного из этих островов Магеллан был убит. После этого остатки экспедиции старались как можно скорее закончить свой путь. От Молуккских островов, не заходя в Индию, они пересекли Индийский океан и достигли южных берегов Африки. Теперь главная часть пути осталась позади. Отсюда дорога шла по уже хорошо знакомым европейцам местам. Наконец, спустя три года после начала путешествия, в 1522 г., остатки экспедиции Магеллана вернулись в Испанию.

Так было совершено первое кругосветное путешествие.

§ 31. Ограбление колоний.

Посмотрим теперь, какими способами европейцы подчиняли себе вновь открытые земли и как происходило ограбление этих земель.

Первыми завоевателями новых земель обычно бывали полуразбойничьи, полувоенные отряды авантюристов, которые делали свое дело под покровительством и с благословения своих правительств. В Испании вожди этих отрядов назывались конквистадорами (завоевателями). Один из них, Кортец, завоевал Мексику, другой, Пизарро, завоевал Перу. Оба легко выполнили свою задачу с малочисленными отрядами, пользуясь колоссальным преимуществом своей военной техники: завоеватели применяли огнестрельное оружие, в то время как туземцам Америки оно было неизвестно.

Конквистадоры получали от испанских королей широкие привилегии. Фактически они становились почти самостоятельными правителями завоеванных земель.

Истребление туземцев.

Покоренные земли подвергались грандиозному беспощадному ограблению. Зарождающийся европейский капитализм делал свои первые шаги, обагренный кровью миллионов туземцев, погибших под непосильным бременем беспощадной эксплоатации со стороны белых завоевателей. По словам одного историка «мы (европейцы) сделались богатыми потому, что целые расы и племена вымирали для нас и целые части света для нас обезлюдели».

В 1503 г. на острове Ямайке поселились первые испанцы, и уже в 1558 г. все индейцы исчезли. В Эспаньоле [1] в 1508 г. (при завоевании) было 60 тыс. жителей-туземцев, а уже в 1548 г. всего только 500 человек. На Кубе уже около 1550 г. совсем исчезло туземное население. То же происходило и в других захваченных европейцами местностях. Такое быстрое вымирание туземных племен — результат бесчеловечной эксплоатации. Даже правительственным чиновникам эксплоатация туземцев иногда казалась чрезмерной.

Так, королевский наместник в испанских колониях писал в донесении королю (1560 г.):

«Во всех испанских владениях туземные племена или совершенно исчезают или становятся малочисленными. Туземцы оставляют свои жилища и земли, не имеющие для них ценности, ввиду обложения их непомерными натуральными и денежными налогами. Они переселяются в другие места или скрываются в лесах с опасностью рано или

[1] Эспаньолой Колумб назвал остров Гаити.

поздно сделаться добычей диких животных. Многие даже кончают жизнь самоубийством, как я имел случай не раз убедиться в том из личных наблюдений и расспросов местных жителей».

Обращение туземцев в рабство.

Испанские завоеватели с самого начала стали обращать туземцев в рабство. Сохранилось множество свидетельств об условиях существования этих несчастных рабов.

Вот, например, отрывок из «Истории Нового мира» — книги, автор которой был современником описываемых событий:

«Частью по недостатку пищи, частью от скорби, причиненной им разлукой с их отцами, матерями и детьми, большинство туземцев в количестве 4 тыс. человек, захваченных испанским капитаном Петра ле-Калиц на острове Куманге (Вест-индского архипелага), погибли по дороге к порту Кумани. Каждый раз, когда те или другие из невольников не в состоянии были по причине усталости итти так же быстро, как их товарищи, испанцы, боясь, чтобы они не остались позади с целью напасть на них с тыла, пронзали их сзади своими шпагами и избивали бесчеловечно. Раздирающим душу зрелищем было видеть эти несчастные существа, совершенно голые, измученные и до такой степени изнуренные голодом, что они едва могли держаться на ногах. Железные цепи сковывали им шею, руки, ноги. Все захваченные в рабство туземцы клеймятся раскаленным железом. Затем капитаны оставляют часть их за собой, а остальных делят между солдатами; последние или проигрывают их друг другу или продают. Купцы, приобретя этот товар в обмен на вино, сахар и другие предметы первой необходимости, увозят рабов в те части испанских колоний, в которых на них имеется наибольший спрос. Во время переезда часть этих несчастных погибает вследствие недостатка в воде и дурной атмосферы кают, вызванной тем, что купцы скучивают всех невольников на самом дне корабля, не оставляя ни достаточно места для сидения, ни достаточно воздуха для дыхания».

Вымирание туземцев Америки шло так быстро, что для завоевателей возникла угроза остаться в колониях без рабочих рук. Это послужило толчком к движению против обращения в рабство туземцев Америки. Застрельщиками этого движения были католические миссионеры [1], которые в большом количестве отправлялись вслед за завоевателями в новые земли. Миссионеры начинают добиваться, чтобы насильственно «обращенным в христианство» туземцам сохранялась свобода от рабского состояния. Однако эти же миссионеры ничего не имели против привоза в Америку рабов из Старого света.

Торговля рабами-неграми.

И вот, в Америку направляются сотни тысяч чернокожих рабов, захваченных в Африке. Вывоз негров из Африки в Америку продолжался целые столетия, достигнув наибольших размеров в XVIII в. Считают, что в этом столетии из Африки ежегодно вывозилось не меньше 100 тыс. рабов.

Столь грандиозные размеры работорговли вызывались исключительной выгодностью этого «промысла». Прибыль от торговли неграми едва ли составляла когда-либо менее 50%, обыкновенно же много больше — до 150 и 200%. Один отчет (1693 г.) содержит такие цифры: рабов куплено на 29 200 ливров, а проданы они за 240 тыс. ливров.

Принудительная торговля и монополия.

Не менее выгодными были и другие виды «торговли» с туземцами. Вот как один историк описывает такую колониальную торговлю:

«Золотой песок и слитки получали за вещи, совершенно не имеющие цены... Старые сапоги в колониях продавали за

---

[1] Миссионеры — проповедники какого-либо религиозного учения. Христианские миссионеры всегда были и теперь являются деятельными проповедниками захватнической политики капиталистических государств в колониальных странах.

300 дукатов [1], испанский плащ — за 1000 дукатов. Несчастные туземцы вынуждены были покупать предметы, употребления которых они не знали. Но они не смели возражать. Часто, едва зарабатывая на пропитание себе и своей семье, они, тем не менее, должны были одеваться в шелк и бархат, украшать голые стены своих ветхих хижин зеркалами; им сбывали кружева, пуговицы, книги и тысячи других бесполезных предметов — все по самым безумным ценам... Но покупали у туземцев дешево».

Особенно выгодной для европейцев и гибельной для туземцев была торговля наркотиками и главным образом опиумом (в Индии). Опиум, а также водка приводили к поголовному вырождению туземного населения, но зато купцы и спекулянты снимали на этом деле обильную жатву.

Вот наглядный пример того, как легко создавались огромные богатства на подобной торговле. Один англичанин, отправляясь в командировку в Индию — в район, расположенный вдали от мест производства опиума, получает от правительства монополию на поставку опиума в этот район. Он продает свое право некоему предпринимателю за 40 тыс. фунтов стерлингов, который, в свою очередь, в тот же день перепродает его за 60 тыс. фунтов стерлингов. Последний же покупатель сам заявляет, что и на его долю выпадет огромная прибыль от использования этой монополии.

Акционерные торговые компании.

Приведенный случай — не редкое исключение. Такие примеры сплошь да рядом встречались в истории колониальной торговли. Баснословное обогащение во вновь открытых странах было возможно только при самой энергичной помощи со стороны правительств тех стран, под флагом которых совершались первые захваты в колониях.

Обычно торговля с колониями передавалась в монопольное распоряжение крупнейших торговых компаний, которые в районе своей деятельности пользовались почти всеми правами государственной власти.

Особенную известность приобрели голландская и английская Ост-индские компании. Первой была основана голландская Ост-индская торговая компания, которая служила как бы образцом для всех последующих колониальных компаний. Основной капитал голландской компании равнялся $6^1/_2$ млн. флоринов [2]. Этот капитал был разделен на 2150 акций [3] по 3 тыс. флоринов. Более половины акций принадлежало амстердамским купцам. Ежегодно между акционерами распределялись дивиденды, т. е. доли чистого дохода компании, приходящиеся на каждую акцию. Обычно дивиденды были очень велики, достигая иногда 60—75%.

За монопольное право торговли в колониях и за право полного в них распоряжения компания уплачивала государству ежегодно несколько миллионов флоринов. Но эта колоссальная сумма с лихвой покрывалась громадными барышами компании.

---

[1] Дукат — приблизительно 3 рубля золотом

[2] Флорин — старинная золотая монета.

[3] Акция — паевое свидетельство, документ, свидетельствующий о взносе известной суммы в капитал акционерного общества и дающий право участия в прибылях общества и в его управлении.

Колонии европейских государств.

В эпоху великих географических открытий центры международной торговли переместились на берега Атлантического океана, и главную роль в мировой торговле начали играть прилегающие к Атлантическому побережью города и государства. Венецианцы и генуэзцы уступают первое место португальцам и испанцам; затем выдвигается Франция, потом Голландия и Англия.

Португальцы сделали первые открытия на западном берегу Африки и в Индии, на Малабарском и Коромандельском побережье. Они же утвердились на Цейлоне, Малакке, Зондских островах (Суматра, Ява, Целебес) и Молуккских островах, а в 1563 г. и в Макао — в Китае. В руках португальцев находилась теперь торговля пряностями и благовониями, сахаром и хлопком. Лиссабон стал центром международной торговли — через него шли все сношения Европы с Индией. Португальцы были полными властелинами Индийского океана. Арабская торговля была уничтожена. Ни одно судно не могло пройти без разрешения португальцев, иначе оно рассматривалось как пиратское. Путем торговых договоров, заключенных с местными князьками, торговля была обеспечена исключительно одним португальцам.

В то время как португальцы обосновались в Индии, испанцы распространяли свои завоевания в Америке, которая прельщала их своими богатыми месторождениями золота и серебра. Испанцы завоевали Мексику, Чили, Перу, т. е. страны, богатые золотом и серебром. Напротив, земли плодородные, но не имевшие золота и серебра, не привлекали внимания испанцев. Эти земли они обозначали на своих картах как «земли, не приносящие никакого дохода».

Если португальцы в первое время удерживали в своих руках исключительное право торговых сношений с Индией и ее ограбления, то испанцы были монополистами в ограблении Америки.

Но уже с конца XVI в. монопольное положение Испании и Португалии начинает нарушаться. Голландия, Франция, Англия из года в год подтачивали колониальное преобладание Испании и Португалии. Иногда конкуренты пускали в ход организованную контрабанду, иногда прибегали к открытой войне. Испания и Португалия были слабее своих конкурентов в экономическом и военном отношениях, и это предрешало исход борьбы. Без особого труда голландцы вытеснили из Индии португальцев, но удержались в ней недолго: в начале XVII в. они вынуждены были уступить место англичанам. Последние, в свою очередь, встретились с конкуренцией французов, и только после упорной и длительной борьбы с французами англичане прибирают к своим рукам эту богатейшую колонию, ставшую «жемчужиной английской короны».

Прочнее оказались испанские завоевания в Америке. Но если испанцы сохраняли некоторую политическую власть над колониями в Южной и Центральной Америке, то экономически эти колонии все больше и больше подпадали под влияние голландцев, французов и англичан.

В конечном счете главнейшие колониальные приобретения были использованы не первыми колонизаторами — португальцами и испанцами, а буржуазией Голландии, Франции и Англии.

§ 32. Развитие денежного обращения.

Прилив драгоценных металлов.

Завоевание и ограбление колоний привели к огромному, еще невиданному размаху мировой торговли. А это вызывало колоссальное развитие денежного обращения. Из-за океана в Европу полились потоки золота и серебра. Первоначально европейцы не добывали в Америке этих «благородных» металлов и довольствовались ограблением запасов, накопленных туземцами. Они вымогали деньги в качестве выкупа за захваченных ими же в плен племенных вождей, вскрывали гробницы, снимали золотые плиты со стен храмов, отнимали предметы украшений у туземцев.

Но когда все эти веками накопленные сокровища туземцев были расхищены, европейцы взялись за разработку богатейших месторождений золота и серебра во вновь открытых странах.

Количество добытого серебра (в килограммах).

Годы	Европа	Америка	Всего
1493—1520	45 100	—	45 100
1521—1544	61 000	13 300	74 300
1545—1560	64 700	199 200	263 900
1561—1580	50 000	214 900	264 900
1581—1600	41 300	305 100	346 400

Вот табличка, из которой видно, как быстро увеличивалась добыча серебра в Америке на протяжении XVI в. Обратите внимание, что добыча серебра в Европе за этот период времени стояла почти на одинаковом уровне, а к концу столетия даже несколько упала.

Революция цен.

Прилив серебра, а также золота был настолько велик, что цены на них начали быстро падать, а это означало падение покупательной силы денег и вздорожание всех товаров. Впервые вздорожание товаров стало замечаться в Испании, так как драгоценные металлы в огромных количествах попадали сюда раньше всего. В средине XVI в., и особенно во второй его половине, повышение цен на все товары ощущалось уже во всех европейских странах. Высчитали, что для Англии и Испании это повышение цен составляло более 150%, а для Франции и Германии — около 100%

Цены на хлеб выросли больше, чем на все другое. В Англии они поднялись в промежуток времени с 1550 по 1590 г. на 150%, во Франции — на 200%, в Эльзасе — на 280%, в Саксонии — на 300%. Это резкое удешевление денег, падение их покупательной силы, известно под именем «революции цен». Рост товарных цен значительно превышал увеличение трудового заработка. Поэтому «революция цен» очень больно ударила по трудовым слоям населения. Это хорошо видно из следующего примера: во Франции каменщик и плотник в первые 25 лет XVI в. зарабатывали в день приблизительно по 60 коп. на теперешние деньги, а в последнюю четверть столетия они зарабатывали по 90 коп. Другими словами, заработная плата повысилась на 50%. Но в первый из указанных периодов за свои 60 коп. рабочий мог купить 14 литров пшеницы, а во второй — за 90 коп. всего 4 литра.

«Революция цен» оказалась невыгодной также и для многих землевладельцев, которые отдавали свои земли в долгосрочную аренду (иногда на срок жизни нескольких поколений) и получали арендные платежи по старым расценкам, между тем как цены на землю сильно поднимались. Так, во Франции гектар пахотной земли, стоивший в 1501—1525 гг., в среднем, около 70 руб. на наши деньги, в 1560—1600 гг. стоил уже 250 руб.

Развитие банков и бирж.

На севере Европы возвышаются торговые, промышленные и банкирские фирмы столь крупных размеров, каких не бывало в Италии. Богатства флорентийских Барди и Перуцци отступают на задний план перед размахом деятельности новых фирм.

Особенную славу приобретают в XVI столетии немецкие банкиры, купцы и мануфактуристы Ф у г г е р ы. Это была старая аугсбургская фирма, которая уже в XIV столетии, в первые же годы своего существования, начала богатеть на торговле между Италией и Северной Европой (Аугсбург расположен в Южной Германии, как раз на торговом пути из Италии).

Фуггеры были яркими представителями капиталистов нового типа. Они возвышались не только как купцы, но и как предприниматели-мануфактуристы. Они приобретают серебряные рудники в Тироле и медные рудники в Венгрии и становятся крупнейшими горнопромышленниками Европы. Как банкиры они финансируют целый ряд европейских правительств, и это поднимает на огромную высоту их политическое значение. В XVI в. Фуггеры вкладывают свои капиталы в колониальную торговлю. Теперь их значение достигает зенита. В 1511 г. капитал фирмы равнялся 200 тыс. флоринов (флорин — около 4 руб.), а в 1527 г. этот капитал успел уже удесятериться и достиг 2 млн. флоринов.

Их предпринимательская деятельность как горнозаводчиков развивается еще больше. Они увеличивают производство свинцовых и цинковых приисков в Каринтии, золотых — в Силезии, ртутных — в Испании. Торговые фактории Фуггеров находятся в Вене, Лейпциге, Бреславле, Нюренберге, Антверпене, Риме, Венеции и многих других городах. Фуггеры развивают все более широкие кредитные операции. Их должниками являются и мелкие буржуа и крупные богачи. В 1546 г. капитал Фуггеров достигает уже 5 100 000 флоринов.

Следующим этапом в развитии кредитного дела и всего торгового оборота было учреждение б и р ж. Биржа — это собрание купцов, на котором совершаются всевозможные сделки. От ярмарки она отличается тем, что на ней торговля производится без наличия товаров и часто даже без образцов, но зато сорта продающихся товаров заранее установлены (стандартные товары). Очевидно, на бирже могут обращаться лишь заменимые товары, т. е. такие, которые можно доставить из любой партии. Раньше всего на биржах стали заключаться сделки с денежными знаками различных систем и с векселями различных банкиров. Затем на биржах стали продаваться и другие товары: меха, сельди, хлеб, шерсть, позже — колониальные товары: перец и другие пряности.

Первая биржа образовалась в XV в. в Брюгге. Здесь сделки совершались на площади перед домом богатого купца В а н д е - Б у р с е,

где целыми днями толпились местные и приезжие купцы. Отсюда, от имени купца Бурсе, и произошло название «биржа». В XVI в. биржа в Брюгге потеряла свое первенство. Главной сделалась биржа в Лионе, затем в Антверпене. Последний выдвинулся к этому времени как важнейший центр мировой торговли.

Развитие торговли, денежного обращения, банков, кредитных операций и бирж приводит к огромному росту значения торгового капитала. Нарождающийся класс городской буржуазии становится крупной общественной силой.

ГЛАВА XII.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ГЕРМАНИИ И НИДЕРЛАНДАХ В XVI в.

Экономическое развитие стран Западной Европы и ломка старых феодальных порядков повсюду проходили в острой классовой борьбе. Характерные примеры такой борьбы дает нам Германия.

§ 33. Реформация в Германии.

Хозяйственное ослабление Германии.

В Германии к началу XVI в. завязывается сложный узел классовых столкновений. Их острота усиливалась начавшимся с этого столетия хозяйственным упадком Германии. Чем же вызывался этот упадок? Хозяйственная жизнь Германии была тесно связана с Италией и торговыми дорогами с севера на юг Европы. Перемещение торговых путей со Средиземного моря на Атлантический океан и торговых центров из Италии в Испанию, Нидерланды и Англию подорвало хозяйственную мощь Германии. С этих пор она оказывается в стороне от главных путей международной торговли и экономического развития. Дольше других сохраняла свое экономическое значение юго-западная часть Германии, родина Фуггеров, Вельхеров и других богачей.

Хозяйственное ослабление Германии помешало ее политическому объединению, превращению ее в единое государство с сильной центральной властью (как во Франции, Англии, Испании и других странах). Германия оставалась раздробленной на ряд фактически независимых княжеств (светских и духовных), лишь по имени объединяемых слабой императорской властью. Хозяйственный кризис обострил в Германии все классовые противоречия, вылившиеся в широкое и сложное движение, направленное, в основном, против феодального строя. Это движение было тесно связано с борьбой против католической церкви.

Римская церковь и отношение к ней различных классов.

Еще в XI в. римская церковь упрочилась как сильная и богатейшая организация, претендовавшая на руководящую роль в политике Европы. Римский папа объявлялся «наместником бога на земле», высшим правителем в свете, проклятие которого может «развеять по ветру» силу любого короля или императора. Однако чем больше росли на основе экономического развития крупные «национальные» государства (Франция, Англия, Испания и др.) и усиливалась центральная

королевская власть, тем энергичнее она стремилась освободиться от вмешательства папы в ее дела.

Особенно тягостны были те сборы и налоги, которые собирала в свою пользу римская церковь с трудового населения всех стран Западной Европы. Кроме того огромные деньги уплачивало папе по всякому поводу (вступление в должность, посещение Рима) местное духовенство.

Короли отнюдь не были против всех этих сборов, они хотели лишь того, чтобы деньги с их «подданных» шли в их королевский карман, а не уплывали в далекий Рим.

Феодалы, в особенности мелкопоместные, с трудом приспособлявшиеся к развитию товарно-денежных отношений и часто разорявшиеся, с жадностью смотрели на огромные и богатые поместья, принадлежавшие церкви.

Но главными врагами Рима были подымающаяся буржуазия и эксплоатируемые массы.

Буржуазия завидовала богатству церкви да и сама терпела от ее поборов. Завладеть церковными поместьями и сокровищами, самой еще больше эксплоатировать «освобожденный» от церковных налогов трудовой народ, освободиться от опеки духовенства, вмешивавшегося во все области жизни, — вот о чем мечтает буржуазия. В ее среде, прежде всего, возникает течение за «реформу» церкви, за исправление «в голове и членах» гниющего организма католицизма.

Эксплоатируемые массы ненавидели римскую церковь как сильнейшую опору всего строя феодального угнетения, как вдохновительницу всяческих притеснений, в корне глушившую все проявления независимой жизни, и, наконец, как крупнейшего грабителя трудящихся, запутанных в сети бесконечных сборов и налогов в пользу духовенства.

По мере роста товарно-денежных отношений католическая церковь становилась все более жадной и неразборчивой в средствах. Рим покрывался изумительными дворцами и церквами, украшенными лучшими художниками, жизнь папы и других высших сановников церкви проходила в сплошных удовольствиях, среди неслыханной роскоши. Для удовлетворения возросших потребностей церковь все больше вовлекается в различные хозяйственные предприятия, требовавшие больших денежных средств.

Обычных налогов и доходов от поместий, торговых и ростовщических операций церкви уже нехватает. Она расширяет старые и изыскивает новые источники дохода.

Значительную статью дохода составляла торговля разными «божественными» молебнами и «чудесами». Дело было поставлено по-коммерчески: «У нас товар — у вас деньги». Смотря по цене, каждому желающему отпускалась определенная порция молебнов различного достоинства, прощались его грехи, показывались или продавались различные «чудотворные» предметы и т. п. Так, в монастыре «Всех святых» в Виттенберге (в Германии) показывались за хорошие деньги кожа с лица «мученика» Варфоломея, куски яслей и люльки Иисуса, два клочка сена, на которых он лежал, остатки ниток, которыми шила «богородица», и другие столь же фантастические предметы. Для оживления торговли выдумывали новых святых; например, в начале XVI в. начали усиленно рекламировать «бабушку» господа бога, «святую» Анну, два больших пальца которой были моментально проданы за большую сумму.

Наиболее ходким товаром были особые грамоты на «отпущение грехов» (индульгенции). Они были на разную цену; за хорошие деньги можно было купить себе прощение

не только всех прошлых, но даже и всех будущих грехов. Обычно папа и епископ отдавали торговлю индульгенциями на откуп богатым ростовщикам и купцам.

Монах — торговец индульгенциями — произносил «душеспасительную» проповедь, расхваливая свой «товар»; после этого начиналась бойкая торговля «отпущениями грехов», выручка же забиралась агентом банкиров, всюду следовавшим за «благочестивым» проповедником.

Большой доход извлекали папы также из продажи высших духовных должностей, причем кто больше давал, тот и делался епископом или настоятелем монастыря. Для удобства покупателей с конца XV в. в Риме стали издавать настоящие прейс-куранты на духовные должности, смотря по их выгодности. Сами же епископы, облагая в свою пользу население и торгуя церковными приходами, сторицей возвращали затраченное на покупку своей должности. В городе Майнце с 1505 по 1513 г. три раза сменялись епископы, и каждый раз население облагалось налогом в 20 тыс. гульденов. Настоятель Страсбургского монастыря, раздобыв себе 100 церковных приходов, вел ими бойкую торговлю.

Праздная жизнь попов и монахов отличалась распутством, пьянством и обжорством. Люди, которым, по выражению одного писателя того времени, «вряд ли можно было доверить скотину», все же казались еще достаточно хорошими, чтобы быть «духовными пастырями». С ростом богатства церкви множились преступления, совершавшиеся в среде тунеядствующего духовенства, стоявшего вне обычных законов страны. Так, например, судить любого «клирика» (принадлежавшего к клиру, т. е. духовенству) могли только особые «духовные суды».

Выступление Лютера.

Больше всех терпела от поборов Германия. Римская церковь пользовалась относительной слабостью Германии, объяснявшейся ее политической раздробленностью. Более сильные государства — Англия, Франция и Испания, не порывая с католицизмом, сумели фактически сбросить с себя папское ярмо.

«Что сталось бы с римским престолом, если бы Германия прекратила свои платежи?» — спрашивает папа Пий II и сам отвечает: «Он впал бы в оскудение и нищету». Особенно бойко торговля индульгенциями шла именно в Германии, почему тогда и говорили, что «Рим отстраивается на немецкие грехи».



Мартин Лютер.

Обострение классовых противоречий в Германии XVI в., усилившаяся борьба против феодальных порядков, отрицательное отношение различных классов к римской церкви, вымогательства, которым подвергалась страна со стороны папства, — вот основные причины, обусловившие германскую реформацию.

В 1517 г. в Виттенберге ученый богослов Мартин Лютер (1483—1546 гг.) открыто выступил против торговли индульгенциями. Это выступление послужило толчком к широкому движению против римской церкви.

Вначале Лютер считал, что римский папа не виноват во всех злоупотреблениях и грабежах попов и монахов, но быстро убедился в противном. Опираясь на помощь одного из сильнейших германских князей — курфюрста саксонского — и видя сочувствие большинства страны, Лютер стал призывать к тому, чтобы «броситься с оружием

на развратителей, кардиналов и пап, на всю шайку римского Содома [1], и умыть руки в их крови.» Он требовал лишения светской власти папы, «жалкого, смердящего грешника», уничтожения привилегированного положения духовенства и выбора самими мирянами «духовных руководителей», уничтожения монашества — сборища «сумасшедших святых» — и устранения большинства церковных обрядов.

Выступление Лютера оказалось искрой, попавшей в пороховой погреб. Лютер отнюдь не был революционером. Представляя интересы князей и более крупной буржуазии, он был настроен умеренно и примиренчески и сам быстро отказался от наиболее решительных и крайних своих требований. Но сигнал был дан, — начались резкие выступления против папы и против католицизма вообще. «Обезьяна, наряженная в пурпур», «папа и его стервятники» — вот как стали отзываться в Германии о «святом наместнике христовом». Появляется масса бродячих проповедников, призывающих к восстанию против Рима.

Возбужденные толпы мелких ремесленников и крестьян врываются в монастыри, ломают иконы и церковные украшения и выгоняют монахов. При этом подмастерья распевают песенки вроде такой:

> «Мы господа бога хотим упросить,
> господи, помилуй!
> Чтоб он разрешил нам попов перебить,
> господи, помилуй!»

Реформационное движение в своем дальнейшем развитии резко распадается на два течения: умеренное, возглавляемое Лютером, и более последовательное и решительное — «народную реформацию».

Князья и крупная буржуазия удовлетворяются отобранием церковных имуществ, освобождением от римского гнета и установлением отвечающего их потребностям лютеранского вероучения (о нем см. ниже).

«Народная реформация».

«Народную реформацию», направленную против существовавшего тогда общественного строя, поддерживали небогатые горожане (мелкие ремесленники и торговцы), подмастерья, рабочие и широкие массы крестьянства.

«Лютер — плохой реформатор, — объявил один из крупнейших наиболее крайних вождей «народной реформации» Томас Мюнцер. — Бороться против власти папы, не признавать торговли отпущениями грехов, чистилища, панихид и других злоупотреблений — значит доделать реформацию только наполовину. Если не итти дальше нападок на попов и монахов, то не стоило бы и браться за дело».

Но дело «пошло дальше»: в Германии вспыхивает одно восстание за другим. Зачинщиками выступали ткачи промышленных городов Цвиккау и Виттенберга, жестоко эксплоатируемые богатыми торговцами сукном. Цвиккауские подмастерья и рабочие активно поддерживали проповеди Мюнцера, не удовлетворявшегося борьбой с Римом, но требовавшего решительной борьбы с богачами-эксплоататорами. Раздела богатств между бедняками и уничтожения всякого имущественного неравенства — вот чего хотели Мюнцер и его товарищи. Их главной

---

[1] Содом и Гоморра — легендарные города, упоминаемые в библии, наказанные за распутный образ жизни.

опорой были «плебейские» элементы города — рабочие, поденщики, часть подмастерьев и т. п.

Движение, перекинувшееся в другие города, быстро разрасталось, внушая страх не только католикам, но и умеренным последователям Лютера. Разоблачая классовую природу последнего, Мюнцер писал: «Благодари (за свои успехи) немецкое дворянство, которому ты так старательно обмазал губы медом, ибо оно мечтает только о том, что ты своим проповедничеством дашь ему монастыри и поместья».

Рыцарское восстание.

Классовые битвы бурно нарастали. В 1521 г. разразилось восстание мелкопоместного рыцарства, шедшего против крупных, в особенности церковных, князей. Это было движение мелких, нищавших помещиков, не сумевших приспособиться к новым хозяйственным порядкам. Но ни эксплоатируемые ими крестьяне, ни ограбляемые ими горожане не поддержали рыцарей. Княжеская артиллерия снесла стены неприступных когда-то рыцарских замков. Восстание было быстро подавлено.

Труднее оказалось справиться с мощным крестьянским движением, начавшимся в 1524 г. и известным под названием Великой крестьянской войны. Франц фон Зиккинген, Гец фон Берлихинген.

§ 34. Великая крестьянская война.

Положение крестьян в Германии в начале XVI в.

В Германии в XIII—XIV вв. происходило знакомое уже нам «освобождение» крестьян от личной крепостной зависимости.

Но в конце XV в., под влиянием начавшегося хозяйственного кризиса, этот процесс сначала приостановился, а затем повернул вспять. Началось знакомое нам обратное закрепощение. Крепостничество становится еще более тяжелым, чем раньше.

Вот как Ф. Энгельс рисует положение немецкого крестьянства к началу 1500-х годов:

«На крестьянина ложилась своей тяжестью вся иерархия (классовая система) общественного здания: князья, дворянство, папы, патриции (богачи, купцы и ростовщики), городские бюргеры (среднее купечество и ремесленные мастера).

Принадлежал ли он князю, рыцарю, монастырю или городу, с ним всюду обращались как с вещью или вьючным животным или еще хуже. Если он был крепостным, он находился всецело во власти своего господина, если же он был зависимым[1], то одних законных, установленных по договору повинностей было достаточно, чтобы задавить его; но эти повинности увеличивались с каждым днем. В течение большей части своего времени он должен был работать на земле своего господина, а из того, что ему удалось выработать в течение немногих свободных часов, он должен был выплачивать десятины, оброки, военные подати, местные и общеимперские налоги. Он не мог ни вступить в брак, ни умереть, не заплатив своему господину. Помимо обычной барщины он должен был собирать для своего господина солому, загонять во время охоты дичь, рубить дрова и т. д. Право рыбной

[1] Лично свободным, но обязанным повинностями за пользование землей, которая считалась собственностью помещика.

ловли [1] и охоты принадлежало господину, и крестьянин обязан был спокойно взирать, как дичь разоряет его урожай.

Общинные угодья и леса крестьян были почти везде насильственно отобраны помещиками, и произвольная власть их простиралась не только на собственность крестьянина, но и на его личность и личность его жены и дочерей. Господин в любой момент мог бросить крестьянина в башню, где его ждали пытки. Он бил его до смерти и, если хотел, мог приказать его обезглавить.

И кто мог бы оказать крестьянину защиту? В судах сидели бароны, попы, патриции или юристы, которые хорошо знали, за что они получают деньги. Ибо все официальные сословия империи (дворяне, попы, буржуазия) жили за счет эксплоатации крестьян».

Один из современников говорит о «четырех разбойниках», в особенности терзавших немецкое крестьянство. Этими разбойниками были: рыцари (мелкие помещики), попы, купцы и ученые законники-юристы.

Попы, кроме обычных помещичьих повинностей, требовали еще особых налогов в пользу церкви. Купцы, объединяясь в компании, скупали за бесценок сельскохозяйственные продукты и в то же время вздували цены на необходимые крестьянам промышленные изделия. Эти же купцы были и ростовщиками, которые «скребли и драли с крестьян кожу». Юристы, обосновывая законом всяческие несправедливости, вызывали острую ненависть трудящихся.

Лютер писал про ростовщиков, что они могут, в зависимости от своего богатства, в течение года «пожрать» крестьянина, рыцаря или даже богатого князя. «И не грозит ему (ростовщику) за это никакая опасность, ни жизни его, ни добру; не работает, сидит себе за печкой; и этот смиренный разбойник, сидя дома, может в десять лет сожрать целый мир».

Стремясь к самостоятельному хозяйственному развитию и к освобождению от ужасного гнета, с годами становившегося все более и более невыносимым, крестьяне в конце XV и начале XVI в. поднимали ряд восстаний.

Из более крупных упомянем о крестьянском движении 1493 г. в западных областях Германии, известном под названием восстания «башмака». Башмак, в отличие от рыцарского сапога, считался обычной обувью крестьянства и был изображен на знаменах восставших. Это восстание, так же как движение в 1514 г. в Швабии союза «Бедного Конрада» (по имени одного из главарей союза), было без особого труда подавлено.

Но это были лишь предвестники Великой войны.

Начало восстания.

Восстание возникло в 1524 г. почти одновременно в нескольких концах Германии. Сначала крестьяне, не прибегая к насилию, лишь предъявили феодалам и купцам свои требования. Их встретили насмешкой.

В городе Ульме, где собрались крестьянские представители одной из областей, бургомистр (городской голова) сказал: «Вы, мужики, точно лягушки по весне: собираются они густо, квакают громко, так

---

[1] Владелец одного рыцарского замка в 1494 г. казнил крестьянина, поймавшего у него в ручье несколько раков.

что приспевает аист и пожирает их; так и с вами: вопите вы, вопите, пока не придут господа и не перебьют вас».

Через неделю в Ульме собралось уже 30 тыс. крестьян, и когда посланцы феодалов приехали для переговоров, то «невольно попридержали своих коней, не отваживаясь въехать в такую массу». Действительно, вид был такой, что на сей раз «лягушки готовы пожрать аиста».

Ничего не добившись переговорами, крестьяне выступили с оружием в руках. Вооружившись чем попало, собирались они в отряды, разорявшие помещичьи и монастырские усадьбы и наводившие ужас на феодалов. Крестьянам сочувствовала и часто помогала городская беднота; на их сторону перешли даже отдельные рыцари. Крестьянам удалось захватить некоторые города.

Требования крестьян. Чего же добивались восставшие? В разных районах страны крестьяне выставляли несколько отличные друг от друга требования.

Можно различить три главных района восстания. Южный (Швабия) был районом чисто крестьянского движения, направленного преимущественно против возврата крепостной зависимости и вообще против всей той невыносимой эксплоатации, о которой мы уже говорили. Особое значение имел земельный вопрос: борьба за землю, присваиваемую помещиками. Кулак же сражался против феодала, своего конкурента на товарном рынке, за свободу торговли и свободу эксплоатации своих односельчан, в которой ему мешали помещики и ростовщики. В центральном районе (Франкония) крестьяне имели союзниками мелкую и отчасти среднюю городскую буржуазию. Несколько севернее, в Тюрингии, движение приняло наиболее острый и решительный характер благодаря поддержке горнорабочих и плебейских (беднейших) слоев горожан.

Сравним требования восставших по районам. Начнем с умеренной крестьянской Швабии. Отмена барщины, уменьшение оброка, возврат общинных земель, предоставление права на охоту и рыбную ловлю — таковы были наиболее общие требования крестьян.

«Крестьяне хотят, — писал один современник, — во-первых, принадлежать только одному христу и не хотят знать никаких других господ; во-вторых, они решительно отказываются от всякой барщины и не хотят давать ни кур на масленицу, ни малой десятины; они говорят, что это совершенно противно братской любви и что ни один текст евангелия не говорит о таких обязанностях; в-третьих, они и слышать не хотят ни о каких налогах, податях и оброках; в-четвертых, по их мнению, все речные воды, все леса, птицы воздушные и разная дичь должны быть предоставлены всем в полное распоряжение, потому что все это сотворено для пользы всех людей».

Очень характерны в приведенных словах ссылки на евангелие, христа и т. п. Мы уже знаем, что религия имела в то время громадное значение. Поэтому-то лозунги крестьянского восстания, как и большинства других общественных движений этой эпохи, облекались в религиозную форму. Крестьяне старались подкреплять свои требования ссылками на «священное писание», на которое, в свою очередь, ссылались и дворяне, беспощадно подавляя восстания. В такой же форме был составлен и манифест восставших крестьян — знаменитые

«Двенадцать статей», появившиеся в феврале 1525 г. (приведенный выше отрывок представляет собой краткий итог общих требований «Двенадцати статей»). Обращаясь к эксплоататорам, крестьяне писали: «Вы должны поспешить освободить нас из-под ига крепостного рабства или евангельским словом доказать нам, что мы должны оставаться рабами».

Во Франконии под давлением городской буржуазии чисто крестьянские требования стали еще более умеренными, но зато был выдвинут проект превращения раздробленной Германии в единое государство с единой денежной системой, с упразднением стеснений в торговле и в промыслах, с обузданием насилий феодалов, с равенством всех перед законом и с единым судом. Одновременно требовалось ограничение торговых монополий и ростовщичества.



Томас Мюнцер.

В Тюрингии одним из вождей восставших был знакомый нам **Томас Мюнцер**. «Лишь в Тюрингии, — пишет Энгельс, — под непосредственным влиянием Мюнцера и в некоторых других местах под влиянием его учеников плебейская часть городов была увлечена общей революционной бурей настолько, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней на время перевес над всеми остальными факторами движения».

«Политическая программа Мюнцера, — говорит Энгельс, — была очень близка к коммунизму. Эта программа представляла собой... гениальное предвосхищение условий освобождения едва зарождавшихся тогда... пролетарских элементов... Под царством божиим Мюнцер понимал такой общественный строй, в котором уже нет ни классовых различий, ни частной собственности, ни независимой от членов общества и чуждой им государственной власти. Все существующие власти, поскольку они не подчиняются революции и не примкнут к ней, должны быть низвергнуты».

Развитие и конец восстания.

Феодалы были сначала охвачены паникой, и многие из них ждали скорого конца своей власти. Однако эксплоататоры вскоре убедились, что крестьяне действуют несогласованно, вразброд, не имея единого твердого руководства, и что они легко поддаются на удочку всяких несбыточных обещаний. Тогда, оправившись от страха, феодалы собрали крупное войско, которое и разбило в ряде тяжелых битв недисциплинированные и плохо вооруженные, хотя и храбрые, крестьянские полчища. Где нехватало силы, там помогали лживые посулы, поверив которым, некоторые крестьянские отряды расходились по домам.

Подавлению восстания способствовал и Лютер, который решительно поддерживал во всех своих проповедях и посланиях эксплоататоров.

«... Всякий, — писал Лютер, — кто может, должен их (крестьян) бить, душить, колоть тайно или явно и помнить, что не может быть

ничего ядовитее и вреднее, ничего более дьявольского, чем мятежник. Его надо убивать, как бешеную собаку».

Крепче всего оказалось движение в Тюрингии. Здесь Томас Мюнцер предостерегал против «фальшивых договоров» и призывал городскую бедноту, горнорабочих и батраков: «Беритесь за дело и выходите на борьбу. Время настало! Пора! Злодеи струсили, как псы... Они будут молить нас и плакать перед нами, как дети, но не жалейте их, железо горячо, куйте его! За дело, покуда еще не ушло время!»

При помощи городских плебеев Мюнцеру удалось даже организовать своеобразную коммунистическую общину в городе Мюльгаузене, которая более двух месяцев держалась против феодалов и буржуазии. Но и в Тюрингии движение было раздавлено, а сам Мюнцер погиб мучительной смертью.

Весной 1525 г. крестьянское восстание было потоплено в море крови. Ужасна была месть победителей. Крестьян истязали самым бесчеловечным образом, сжигали главарей на медленном огне, сдирали с живых людей кожу, сметали с лица земли целые селения. До 100 тыс. человек пали жертвой лютой ненависти помещиков и их приспешников. В дальнейшем положение крестьян в Германии еще более ухудшилось. Во многих восточных областях установились тягчайшие крепостные порядки, которые, по словам современника, не оставляли крестьянину ничего, кроме жизни в голоде и нищете.

Причины поражения.

Основные причины поражения крестьянского движения в Германии были те же, что и восстания «жаков» и Тайлера, о которых вы уже знаете. Поэтому, не повторяя сказанного, мы еще раз подчеркиваем лишь один основной момент. Пролетариат в то время только зарождался и повести за собой крестьянство, как в наши дни, он, конечно, не мог. Это и было основной причиной поражения крестьян, не могущих *самостоятельно* добиться победы. «Почему крестьянство, — говорил Ленин, — это сила, которая в громадном большинстве сама собой не руководила? Потому, что экономические условия жизни этой массы таковы, что объединиться сама, сплотиться сама она не может».

Германская буржуазия не поддержала движения. Сама она не была достаточно сильна, чтобы вполне решительно бороться с феодализмом. Поэтому, добившись усиления власти князей, ослабления рыцарей, разрыва с Римом и отобрания церковных поместий, буржуазия круто повернула против восставших. Далеко идущие требования крестьян и плебейских элементов города грозили подорвать самые основы эксплоататорского строя.

Мюнстерская коммуна.

Через 9 лет после разгрома крестьянского движения вспыхнуло восстание ремесленников и городской бедноты в вестфальском городе Мюнстере. Восставшие в феврале 1534 г. выгнали из города епископские войска и установили коммуну (общину) во главе с 12 старейшинами. В дальнейшем эти старейшины передали всю власть коменданту города, портному *Иоанну Лейденскому*. Мюнстер был в то время осажден войсками епископов, которые, однако, несмотря на все усилия, не смогли завладеть мятежным городом.

Первым делом мюнстерцы, как сообщает современник, «пришли к соглашению и решили, что впредь имущество должно быть общее для

всех, что каждый должен принести свое золото, серебро и деньги». Были введены «общие трапезы» (совместное питание), для чего был предназначен ряд общинных домов. Каждому дому выделен был особый участок земли для обработки; ворота в домах днем и ночью должны были быть открыты для всех. Все жители обязаны были работать для нужд коммуны, в частности, — трудиться над укреплением города. Были уничтожены католические церковные порядки.

Однако решительного изменения всего общественного строя в Мюнстере не произошло; в особенности важно то, что организация мелкого ремесленного производства оставалась прежней, и разница между мастером и подмастерьем не была уничтожена. Осажденные мюнстерцы рассылали по всей стране призывы к бедноте. Они звали плебеев в Мюнстер, говоря: «Здесь у вас всего будет вдоволь; беднейшие из нас, которых прежде считали нищими, сделались у нас так же богаты, как городские богачи». Феодалы и патриции, боясь, что беднота и в других местах последует примеру Мюнстера, осадили город соединенными силами. Но лишь в июне 1535 г. осаждающим удалось после кровопролитных боев захватить Мюнстер.

Расправа с восставшими была ужасающе жестока: войска богачей и феодалов не щадили ни женщин, ни детей. Город был совершенно разгромлен. Трех вождей Мюнстера, в том числе Иоанна Лейденского, заковав в железные ошейники, водили по всей стране. Лишь в январе следующего года они были казнены в Мюнстере, причем палачи вырывали раскаленными щипцами куски мяса из их тела. Трупы их еще долгое время «красовались» в железной клетке, подвешенной на церковной колокольне.

Лютеранская церковь.

Народная реформация была окончательно разбита. В значительной части Германии победило умеренное течение реформационного движения, возглавлявшееся Лютером; на смену католицизму в ряде княжеств утвердилась новая — лютеранская — церковь.

Буржуазия и втянутые в торговлю слои дворянства отнюдь не были против религии вообще. Они шли против феодального католицизма, за «свою» религию, новую, более «дешевую» и приспособленную к их интересам. К тому, что мы уже знаем, добавим, что католическая церковь стесняла торгово-промышленную жизнь обилием установленных ею праздников, постов и обязательных церковных служб, проповедью паломничества к различным «святыням», лицемерным (так как сама она этого не исполняла) запрещением ростовщичества.

В лютеранской церкви духовенство было непосредственно подчинено князьям и богатым горожанам; были упрощены церковное «богослужение» и обряды, которые совершались на немецком языке (в католической церкви они совершались на латинском языке и сопровождались большой пышностью); так называемое «священное писание» также было переведено на немецкий язык; были ликвидированы ряд праздников, постов, паломничеств, поклонение разным «священным» предметам (иконам, мощам «святых»).

В основу лютеранского вероучения было положено, что человек достигает «небесного спасения» не посредством «добрых дел» и особых заслуг перед церковью, а посредством одной лишь веры. Здесь нелишним будет напомнить, что «добрые дела» и «заслуги» толковались

католической церковью прежде всего в смысле всевозможных приношений и сборов в ее пользу. В конечном результате, как подчеркивает Энгельс, буржуазные группировки добились отвечавшей их интересам «дешевой» религии.

Выгодна была лютеранская церковь и крупнейшим независимым феодалам-князьям, более всех выигравшим в результате общественных движений, связанных с реформацией. Вместо независимой от них и обиравшей в свою пользу массы католической церкви князья в лице лютеранства получили вполне послушную им и целиком зависевшую от них организацию. Мы уже не говорим об обогащении крупных феодалов за счет захвата богатейших имений римской церкви. Для трудящихся же масс вся «выгода» в перемене вероучения заключалась в смене одной формы эксплоатации другой, ничуть не менее тяжелой.

Энгельс о реформации.

«Всякая борьба против феодализма, — говорит Энгельс, — должна была тогда облачаться в религиозный наряд». «Неистребимость протестантской ереси соответствовала непобедимости усиливавшейся городской буржуазии. Когда эта буржуазия достаточно окрепла, ее борьба с феодальным дворянством, имевшая до тех пор местный характер, начала принимать национальные размеры. Первый акт борьбы был сыгран в Германии: так называемая реформация. Городская буржуазия не была еще достаточно сильна, чтобы объединить под своим знаменем прочие бунтарские элементы: плебеев в городе (рабочих, поденщиков, подмастерьев и т. д.), низшее дворянство и крестьян в деревне. Прежде всех потерпело поражение дворянство; потом последовало крестьянское восстание, представляющее собой высшую точку революционного движения того времени. Города не поддержали крестьян, и революция была подавлена войсками крупных феодальных владельцев, которые и воспользовались всеми выгодными последствиями».

Длинный ряд восстаний — рыцарских, крестьянских и городских — был беспощадно подавлен. «С этого момента, — пишет Энгельс, — борьба выродилась в нескончаемую свару отдельных князей с центральной властью императора, и в результате этой свары Германия была на целых 200 лет вычеркнута из рядов политически активных наций Европы».

§ 35. Контрреформация.

Католическая реакция.

Развитие протестантизма (реформация) встречало сперва лишь слабое сопротивление со стороны развалившегося католицизма. Одна область за другой отпадала от Рима, папа же пренебрежительно называл выступление Лютера «распрей монахов». Но с 40-х годов XVI в. положение меняется. Римская церковь проводит ряд внутренних реформ, имевших целью укрепить ее положение. Для борьбы с протестантским движением выдвигается ряд боевых католических организаций.

Основной классовой силой этой контрреформации были те общественные группы (помещичьи и др.), которые были заинтересованы в сохранении и упрочении «подновленных» феодальных порядков. Оправившись от первого удара со стороны буржуазии и эксплоатируемых классов, феодальные группировки, со своей стороны, перешли в наступление. Это было тем легче, что сама буржуазия была напугана широким движением трудовых масс, подрывавшим самые основы эксплоататорского строя.

Усиление инквизиции.

В 1546 г. в Триденте был созван церковный собор, работа которого с перерывами продолжалась до 1563 г. На этом соборе были строжайшим образом подтверждены все основные положения (догматы) католицизма, догматы же протестантизма были преданы проклятию. Однако в самое

устройство церкви было введено несколько новшеств, заимствованных у протестантских «еретиков».

В те же годы в Риме была восстановлена неумолимая инквизиция (особое духовное судилище), значение которой значительно упало перед этим. Поставленный во главе инквизиции кардинал (впоследствии папа) Караффа энергично принялся за дело, лично устраивая помещения для допроса и подготовляя инструменты для пыток.

Инквизиция заработала во-всю. Малейшие признаки «ереси» вели к пыткам и к костру. Во все мелочи жизни вмешивались попы. Достаточно сказать, что людей, «трижды нарушивших воскресный отдых», ссылали на каторгу, предварительно проколов им язык.

Орден иезуитов.

Самой важной из боевых организаций римской церкви стал основанный в 1540 г. испанцем Лойолой орден иезуитов (от латинского Иезус — Иисус).

«Воины Иисуса», в противоположность другим монахам, обязанным жить в монастырях, отгородившись от окружающего мира, могли жить среди мирян, вмешиваясь во все «светские дела».

Иезуиты могли не носить особой монашеской одежды, поэтому было много тайных иезуитов. Иезуиты старались проникать повсюду, в особенности во дворцы королей, знати и богачей, для того чтобы влиять на направление политики.

Их главным лозунгом было: «Цель оправдывает средства». Не было такой гнусности, на которую не пошел бы иезуит, если того требовали интересы ордена. Главной же целью ордена являлась, — по крайней мере в первое время, — борьба с протестантизмом и другими ересями за укрепление римской церкви.

Организация ордена была построена на началах рабской дисциплины и полнейшей централизации. Во главе ордена стоял «генерал», постоянно живший в Риме. Он управлял иезуитскими «провинциями», т. е. отделами, имевшимися в отдельных странах. Там были свои начальники — «провинциалы». Дальше шли «братья» разных степеней, вплоть до монахов-новичков, исполнявших черную и унизительную работу. Младшие беспрекословно должны были исполнять повеления старших, каковы бы они ни были. «Если церковь определила, что вещь, казавшаяся нам белой, черна, мы тотчас же обязаны признать ее черной», — говорилось в наставлениях Лойолы. Младший в руках старшего должен быть «безгласным оружием», «наподобие трупа».

Во всем ордене была проведена система взаимного шпионства и тайных доносов. Даже за генералом, имевшим неограниченную власть, следил особый совет.

Иезуиты организовали свои университеты и завладели огромным количеством школ. Они так умело, и не брезгуя ничем, повели это дело, что из иезуитских школ выходило немало людей, доведенных до крайних степеней религиозного фанатизма. Недаром еще Лойола учил своих последователей тому, как в течение месяца можно довести здорового молодого человека до религиозного бреда, в котором он будет «видеть» бога, «святых» и прочие «чудеса».

Иезуитский орден быстро богател. Средства иезуиты добывали всяческими путями: выманивая их у богатых людей, занимаясь

обширной торговлей, спекуляцией и ростовщичеством. Множество торговых кораблей и предприятий принадлежало ордену. В его руках были даже собственные колонии в Южной Америке, в которых иезуиты беспощадно обирали туземцев.

Иезуиты сильно помогли римской церкви в опасное для нее время. Повсюду они были оплотом жесточайшей реакции. Однако они действовали настолько самостоятельно, что многие папы побаивались могущественного ордена. Интриги же их и всяческие происки, в которых они не останавливались перед убийством неугодных им королей (например убийство французского короля Генриха IV), возбудили к ним вражду даже со стороны правительственных властей. В XVII и XVIII вв. иезуиты были изгнаны из ряда европейских стран, сохраняя, однако, там своих тайных агентов.

§ 36. Революция в Нидерландах.

Торговля и промышленность Нидерландов.

Еще задолго до XVI столетия Нидерланды славились развитой торговлей и промышленностью. В XIV в. современники писали, что «по количеству товаров, какие стекаются в землю Фландрскую (графство Фландрия, на юге Нидерландов), с ней не может сравниться ни одна страна». В то же время эти земли славились своею суконной промышленностью. Богатейшим городом был Брюгге во Фландрии.

В XVI в. центры нидерландской торговли и промыслов, в связи с общим изменением торговых путей, перемещаются на северо-запад (Брабант) и север (Голландия).

Богатство и значение Брюгге переходят к брабантскому городу Антверпену, очень выгодно расположенному в устье Шельды. Антверпен становится крупнейшим центром международной торговли, в который стекаются товары и из Англии, и из колониальных владений Испании и Португалии, и из прирейнской Германии.

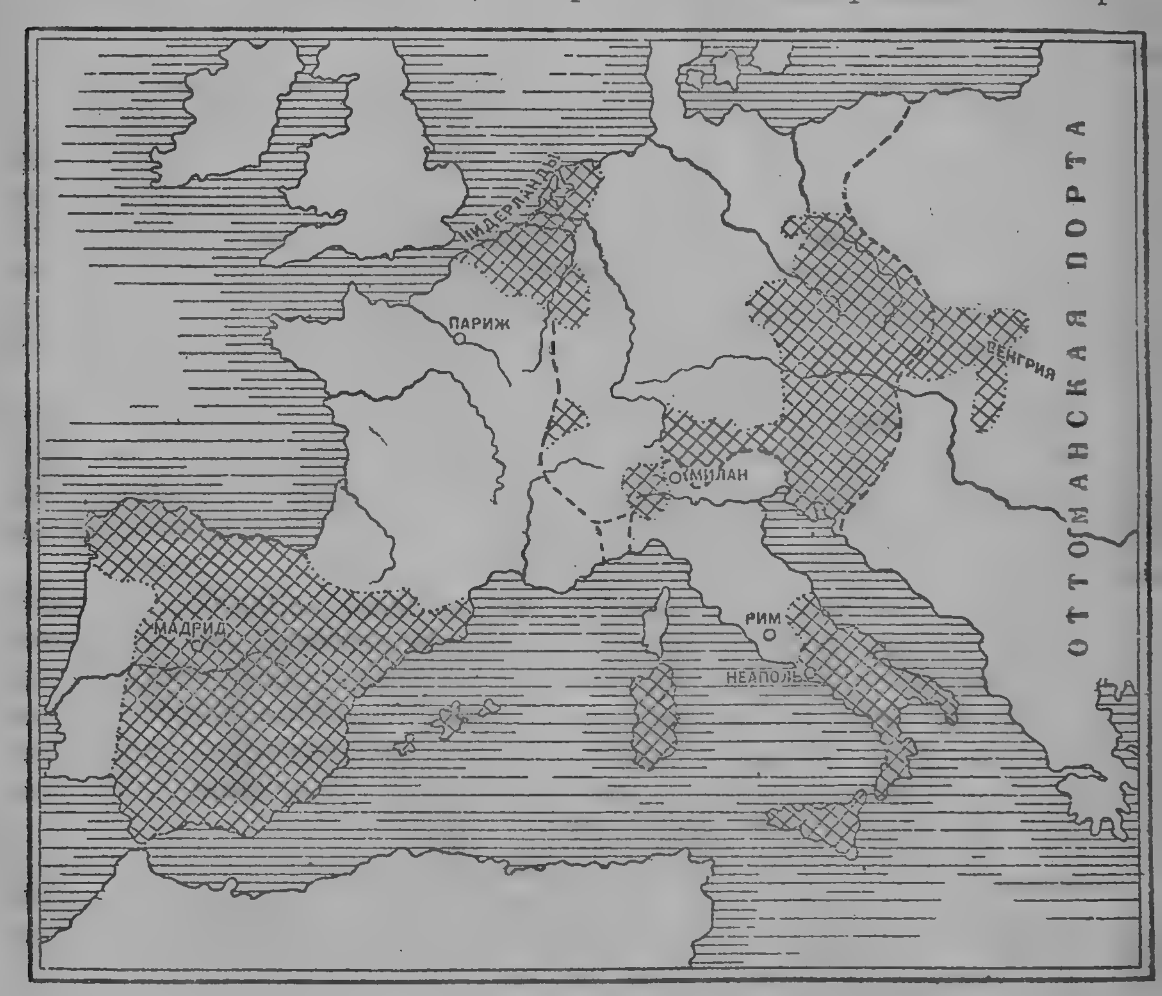
«В Антверпене, — говорит современник, — в течение месяца совершалось больше сделок (на товары), чем в прежнее время в Венеции за два года». Большинство таких сделок совершалось на бирже, учрежденной в Антверпене для «купцов всех наций и языков». Ежедневно не менее тысячи человек толпились на дворе и в галлереях величественного здания биржи. Антверпенская торговля составляла до $^3/_4$ всей торговли Нидерландов.

В то же время на торговле хлебом с балтийскими странами, на рыболовстве и судостроении быстро растут богатства Голландии и ее главного порта — Амстердама.

К концу XVI столетия Нидерланды захватывают в свои руки чуть ли не всю посредническую морскую торговлю европейских и заокеанских стран. Драгоценные металлы Америки, пряности Индии, хлеб и лес балтийского побережья, английская и испанская шерсть — все это перевозится на многочисленных кораблях Нидерландов. Их флот получает шутливое прозвище «извозчика Европы». В начале XVII в. голландцам принадлежало больше половины всех европейских морских судов, к концу же этого века — три четверти.

Рост буржуазии. С бурным ростом богатства быстро крепнет мощь нидерландской буржуазии. Растут и богатеют многочисленные города. В промышленности распадается цеховой строй, сменяясь домашним и централизованным мануфактурным производством.

Но, замечает Энгельс, «государственный строй оставался попрежнему феодальным, в то время как общество становилось все более и более буржуазным». Непосредственным врагом новой буржуазии (в отличие от той ее части, которая была заинтересована в старых



Владения Карла V в Европе.

цеховых порядках) являлась сильная королевская власть, выдвигавшая на первые места дворянскую знать и стремившаяся выжать из нидерландской буржуазии побольше денег. Вторым врагом была вернейшая опора феодальной монархии — католическая церковь, владевшая в стране огромными богатствами и сохранявшая на своих обширных землях полуфеодальные порядки.

Нидерланды входили в XVI в. в состав колоссальной «мировой монархии» Карла V Габсбурга (1519—1556 гг.), бывшего одновременно королем Испании, императором Германии, владельцем заокеанских колоний в Америке.

В этой монархии, в пределах которой «никогда не заходило солнце», Нидерланды были самой богатой частью, из которой королевская власть старалась извлечь всевозможные выгоды.

Относительно положения крестьянства и хозяйственного развития нидерландской деревни мы уже говорили (см. § 29). Напомним лишь, что широчайшее развитие товарного хозяйства и здесь углубляло и обостряло эксплоатацию крестьянства.

Кальвинизм в Нидерландах. Протест буржуазии и трудовых масс в Нидерландах, как и в других странах, был связан с религиозным движением.

Сначала в Нидерланды проникает лютеранство, а затем быстро распространяется кальвинизм. Французский проповедник Жан Кальвин основал в средине XVI в. реформированную церковь в Женеве (Швейцария).

Проповедуемое им вероучение очень подходило буржуазии той эпохи, напряженно сколачивавшей свои богатства и в жестокой борьбе завоевывавшей себе власть. «Догмы кальвинизма, — говорит Энгельс, — были приноровлены к требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии». Кальвинизм объявлял ростовщичество вполне допустимым, а торговлю — занятием, «освященным самим богом». Суровая простота жизни, расчетливость и жадность, воинственность и беспощадная нетерпимость к врагам — вот что отличало кальвинистов.

Каждый кальвинист принадлежал к религиозной общине своей местности. Община управлялась особым комитетом, так называемой консисторией, наибольшую власть в которой имели не «проповедники» (священники), а «пресвитеры» — старейшины, выбиравшиеся из числа наиболее богатых и влиятельных прихожан.

Король и католическая церковь при помощи инквизиции повели жестокую борьбу против нидерландских кальвинистов: за «ересь» в царствование Карла V было казнено несколько тысяч нидерландцев. Издается целый ряд эдиктов (указов), «напечатанных скорее кровью, чем чернилами», осуждающих на мучительную казнь (например зарывание живьем в землю) не только «еретиков», но и тех, кто даст им убежище или не донесет на них.

Революция. При преемнике Карла, Филиппе II Испанском, положение в Нидерландах резко обострилось. Испания сильно ограничила и стеснила нидерландскую торговлю. Филипп стремился посредством высоких таможенных пошлин и запрета ввоза чужеземных товаров оградить Испанию от иностранной конкуренции. Одновременно он покровительствовал испанскому судоходству, в противовес нидерландскому, а также запретил вывоз золота из Испании. В то же время усиливаются в Нидерландах притеснения налогового и религиозного характера.

В Нидерландах начались волнения и разгром католических церквей. Этим воспользовался Филипп для беспощадной расправы с непокорными провинциями и для невиданного еще выкачивания из них денег. В Нидерланды (в 1567 г.) был послан наместником жестокий герцог Альба, учредивший особый «кровавый совет». За первые три месяца своего существования этот «совет» вынес около 2 тыс. смертных приговоров, причем имущество осужденных забиралось в испанскую казну. Альбой был введен ряд непосильных для страны налогов, фактически затормозивших всю хозяйственную жизнь Нидерландов.

В ответ на это в 1572 г. на севере, в Голландии, началось массовое восстание, распространившееся почти на всю страну. Главной силой восстания были мелкие ремесленники и кустари, подмастерья и рабочие, трудовое крестьянство. Но во главе этих масс стояла буржуазия, искусно использовавшая чужую силу и кровь ради своих классовых интересов.

На средства богачей кроме того набирались в Германии и во Франции отряды наемных солдат, отправляемых затем в Нидерланды для борьбы с испанцами. На море этих последних беспокоили корабли «морских гезов» [1], беспощадно расправлявшихся со всеми католиками. Во главе восстания вскоре встал один из знатнейших и богатейших нидерландских вельмож — В и л ь г е л ь м О р а н с к и й.

Вначале испанские войска, состоявшие из закаленных в боях солдат и имевшие опытных полководцев, одерживали победы и теснили восставших, забирая один город за другим. Но североголландские города оказали упорнейшее сопротивление; в особенности долго и упорно осаждали испанцы крупный город Лейден. Когда в этом городе истощились все припасы и ему неминуемо грозила сдача, голландцы прорвали плотины, защищавшие низменные части страны от морских вод, и открыли шлюзы на реках и каналах. Испанцы бежали от наводнения, а флот гезов подвез горожанам припасы.



Герцог Альба.

Когда же войска «кровожадного пса» (как называли Альбу) стали терпеть поражения и испанский флот был разгромлен при помощи англичан, снабжавших гезов военными припасами, король отозвал Альбу. Но и вновь назначенные наместники не могли справиться с революцией. Вскоре (1579 г.) северные области превратились в фактически самостоятельное государство, названное впоследствии (по своей главной части) Г о л л а н д и е й. Там утвердилась власть буржуазии, немедленно захватившей богатства церкви и враждебных ей феодалов.

Иначе сложились дела в южных провинциях, где испанцев и римскую церковь поддерживали феодальная знать, ненавидевшая «буржуазную сволочь», и отсталые слои крестьянства. Испанцы после упорной и продолжительной войны покорили Брабант и Фландрию, беспощадно разграбив эти богатейшие области. В одном Антверпене было убито больше 8 тыс. мирных жителей, сожжено до тысячи домов и захвачено 6 млн. гульденов деньгами и товарами.

[1] «Г е з ы» — «нищие», как прозвали себя восставшие, воспользовавшись презрительной кличкой, данной им испанцами

Почти вся южная часть страны, из которой впоследствии образовалась Бельгия, осталась, таким образом, в руках короля и католической церкви. Хозяйственная жизнь этих областей, оказавшихся под еще более усилившимся гнетом феодального строя, пришла в упадок.

Голландская крупная буржуазия, боясь конкуренции своей торговле и промышленности, очень слабо поддерживала южан, а иногда



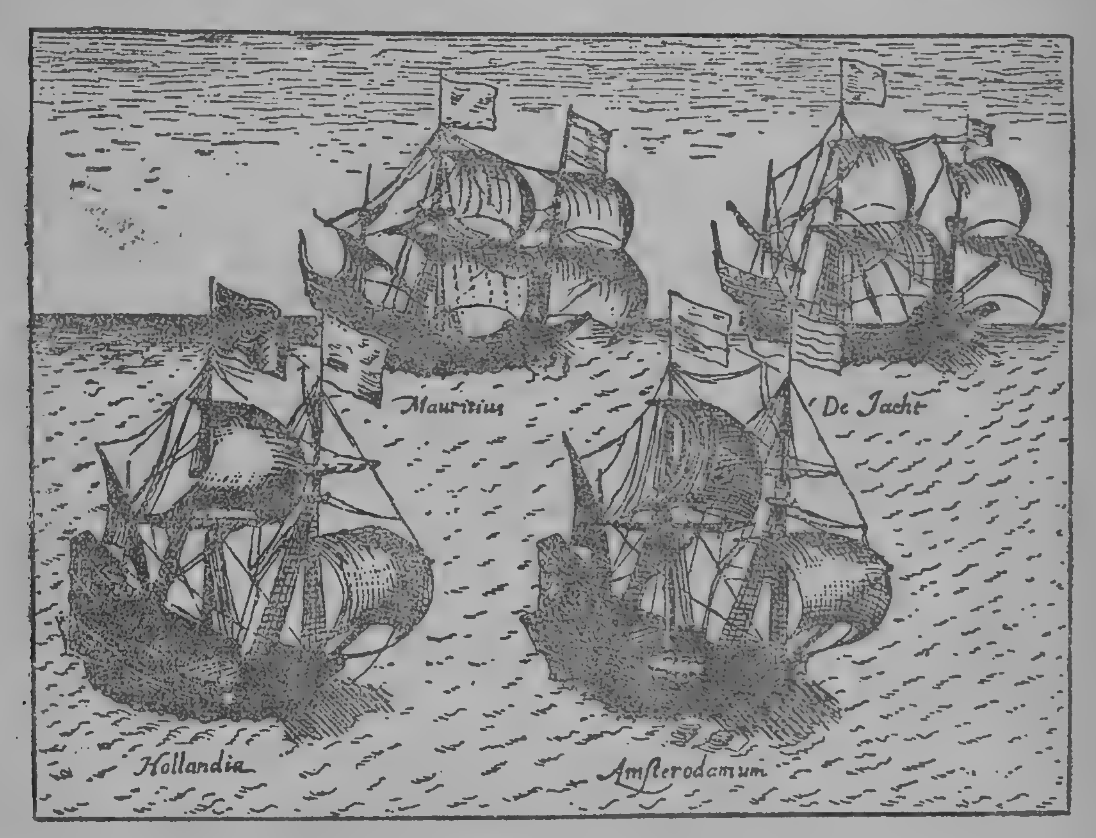
Нидерланды в конце XVI — начале XVII в.

попросту их предавала. Голландские купцы нередко снабжали испанцев оружием и припасами. «Торговля должна быть свободной, — говорили голландские капиталисты. — Если ради прибыли надо даже пробраться через ад, следует рискнуть, хотя бы при этом обгорели паруса».

Торговля и промышленность в Голландии в XVII в.

Каковы же были результаты нидерландской революции? Голландия, добившись самостоятельности, продолжала до средины XVII в. войну с Испанией. Целью этой победоносной войны был захват испанских и португальских колоний. В результате Голландия, разбив испанцев, утвердившись в Индии и других колониальных владениях, ослабив своих южных соседей (Фландрию и Брабант),

стала богатейшей торговой страной в мире. Маркс называл ее «образцовой капиталистической страной» того времени. Беспощадная эксплоатация колоний, лишение крестьян земли, невиданное развитие торгашеского духа и спекуляции — все это характеризовало Голландию. Для торговли с Индией голландцы учредили известную уже нам Ост-индскую компанию, по образцу которой были затем основаны купеческие объединения в других странах. В 1600 г. в Амстердаме был основан б а н к, служивший главным образом для взаимных расчетов купцов и промышленников. Амстердамский банк послужил образ-



Корабли голландского флота.

цом для основанного в конце того же века крупнейшего английского банка.

Промышленность Голландии, хотя и отставала от торговли, но была все же значительно развита.

Француз П ь е р Б а й в 1682 г. открыл в Амстердаме мануфактуру для производства шерстяных тканей со 110 станками. Около того же времени Я к о в о м В а н-М о л е м была основана в Утрехте шелковая мануфактура с водяным двигателем. На ней было занято 500 рабочих. Кроме того тот же Моль имел еще 1100 ткацких станков, на которых рабочие работали у себя на дому. Всего в Утрехте во время расцвета этого города было занято в производстве шелковых и шерстяных тканей около 10 тыс. человек. В то же время в Амстердаме было 54 тыс. промышленных рабочих, во всей же Голландии в одной текстильной промышленности того времени было занято 660 тыс. человек.

Политический строй Голландии.

По своему политическому устройству Голландия была р е с п у б л и к о й, в которой власть принадлежала генеральным штатам, собиравшимся в Гааге, и штадтгальтеру (высшее должностное лицо в стране). Представители в эти штаты выбирались особыми провинциальными штатами, а те в свою очередь — городскими советами. Власть же в городах

находилась целиком в руках крупной буржуазии. Не говоря уже о рабочих и подмастерьях, ремесленники и торговцы «средней руки» никакого участия в управлении не принимали. Из 1 200 000 жителей провинций Голландии только 2 тыс. имели избирательные права.

На основе огромного роста богатств, относительной веротерпимости и буржуазной «свободы» (для богатых) в Голландии XVII в. пышным цветом расцвели искусство, философия и науки.

Положение рабочих.

Но при этом, как писал Маркс, «народные массы Голландии были уже в 1648 г. самыми истощенными, благодаря чрезмерному труду, самыми нищими, наиболее грубо угнетенными из всех без исключения европейских наций». Средний рабочий день составлял от 12 до 14 часов. Широко применялась жесточайшая эксплоатация женского и детского труда. Заработная плата не повышалась, тогда как налоги беспрерывно росли. Налогами были обложены все продукты питания. Чтобы избежать налога на муку, хлеб для бедняков выпекался из разбухших и неразмолотых зерен. Могущество и богатство голландской буржуазии основывалось на непосильной работе, истощении и голодовках трудовых масс, а также на ограблении колоний.

Немудрено, что XVII век изобиловал в Голландии широкими, но не дававшими результата народными движениями, направленными против диктатуры крупной буржуазии. В частности, голландские рабочие часто прибегали к стачкам и другим видам борьбы. Амстердамский магистрат в 1682 г. грозил каждому сукностригальщику, который примет участие в «тайных сборищах», тюрьмой или наказанием кнутом.

Спустя десять лет за то же «преступление» была назначена смертная казнь.

ГЛАВА XIII.

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ ВО ФРАНЦИИ в XVI—XVII вв.

§ 37. Развитие абсолютизма.

В то самое время как в Голландии богатела республика «денежного мешка», во Франции (а за нею и в ряде других европейских стран) развивалось и крепло дворянское самодержавное государство.

Экономический строй.

Основой хозяйства Франции было земледелие, «ее истинные рудники и перуанские сокровища». Главными предметами внешней торговли были продукты сельского хозяйства: хлеб, вино, фрукты. Заинтересованные в увеличении своих доходов, помещики были широко вовлечены в торговлю. При этом часть земель была скуплена буржуазией, приобретавшей вместе с феодальными замками и дворянские титулы.

Однако в деревне господствовали еще феодальные или полуфеодальные порядки, хотя личное закрепощение крестьян редко где сохранилось. Чаще же всего крестьянин, владевший земельным участком («цензивой»), обязан был за это помещику целым рядом повинностей. Обычный оброк («ценз»), доля в урожае, «десятина» духовенству, многоразличные поборы, связанные с баналитетами,

не говоря уже о государственных налогах, тяжелым бременем лежали на плечах бесправного крестьянина.

Как и в других странах, под влиянием торговли во французском крестьянстве выделился кулаческий слой, иногда даже покупавший землю у дворян. Но богатеев было незначительное меньшинство.

Огромными имениями владели церковники. Им в XVI в. принадлежала четверть всех обрабатываемых земель.

Промышленность обслуживала главным образом потребности жителей самой Франции и носила вплоть до XVI в. преимущественно ремесленный характер. Но с этого времени появляются мануфактуры, и начинает развиваться горное дело. Одновременно усиливается торговля с Востоком. Значительное место во внешней торговле Франции (с XVII в.) занимают американские колонии. Вместе со всем этим увеличивается значение крепнущей буржуазии.

Вот один пример. Купец и банкир Жак Кер, нажившиий громадное состояние на торговле с Востоком, занялся горным делом. Он скупил свыше сорока поместий, сделался казначеем короля и получил звание дворянина.

На путях к установлению абсолютизма.

Рост товарно-денежного хозяйства привел уже в XIV в., как мы знаем, к образованию новой формы феодального государства. Это была так называемая сословная монархия, значительно усиливавшая центральную королевскую власть и в то же время ограничивавшая ее сословным представительством. Со стороны генеральных штатов, со стороны городов королевская власть всегда пользовалась поддержкой в борьбе с еще сохранившимися крупными независимыми феодалами. Жесточайший удар таким феодалам нанес во второй половине XV в. король Людовик XI, истребивший знатнейших принцев и герцогов, стремившихся сохранить феодальные вольности. Вместе с тем Людовик поощрял развитие торговли и промыслов.

Попытки захватить плодородные итальянские земли и овладеть путями восточной торговли привели преемников Людовика XI к ряду походов в Италию.

Разорение, причиненное этими неудачными войнами, и увеличение и без того тяжелых налогов послужили толчком к резкому обострению классовых противоречий. Этим воспользовалась феодальная знать и отчасти буржуазия ряда городов юга и юго-запада Франции, стремившаяся к сохранению коммунальных привилегий. В половине XVI в. началась гражданская война.

Гугенотские войны.

Как и в других странах, в то время идейную оболочку классовой борьбы составляла религия. Недовольные восприняли учение Кальвина, французские кальвинисты получили название гугенотов.

Вся последняя треть XVI в. была наполнена во Франции беспрерывными войнами католиков и гугенотов. В течение 30 лет (1563—1593 гг.) насчитывалось десять войн. Невероятная хозяйственная разруха была итогом этих столкновений. «Если бы кто-нибудь заснул за 40 лет до того и проснулся после междоусобиц, он подумал бы, что видит не Францию, а труп ее», — писал один современник.

Чего же хотели гугенотская знать и городские заправилы? Кроме требований свободы исповедания кальвинизма и независимости

кальвинистской церкви, суть дела сводилась к «возвращению французским провинциям тех прав, преимуществ и старинных вольностей, которыми они пользовались при короле Хлодвиге» (жившем в VI в.). Иначе говоря, восставшие стремились к ослаблению центральной самодержавной власти и к раздроблению Франции по образцу германских княжеств и вольных городов. Одновременно их, как и германских феодалов, привлекали церковные богатства.

Враждующие стороны не останавливались перед нарушением перемирий, перед предательскими нападениями на безоружных и перед вероломным убийством главарей противного лагеря. Так, в ночь на 24 августа 1572 г., накануне дня «святого Варфоломея», во время перемирия, в Париже произошла массовая резня виднейших гугенотов; в эту знаменитую «Варфоломеевскую ночь» было убито более 2000 человек. Во время тех же войн подосланными убийцами были убиты король Генрих III и глава католиков, герцог Гиз.

Подавление феодальных междоусобиц.

Закончились гугенотские войны с воцарением Генриха Бурбонского, бывшего вождя гугенотов, перешедшего затем (он решил, что «Париж стоит обедни») в католичество.

В 1598 г., издав так называемый «Нантский эдикт», Генрих IV посредством ряда уступок (свобода кальвинистской церкви, оставление в руках гугенотов ряда городов и замков) умиротворил и своих бывших союзников — гугенотов.

При Генрихе IV удалось несколько «подлечить» разоренное хозяйство страны и восстановить сильную королевскую власть, однако, не надолго. Когда в 1610 г. он был убит одним фанатиком-католиком, в стране снова начались феодальные распри.

Во время этих междоусобиц, в 1614 г., были в последний раз созваны генеральные штаты.

В подавлении феодальных междоусобиц большую рол сыграл кардинал Ришелье. В первой половине XVII в., в качестве первого министра короля Людовика XIII, Ришелье захватил главные гугенотские крепости, приказал срыть укрепленные феодальные замки и казнил многих непокорных аристократов.

Во время малолетства следующего короля, Людовика XIV, в 40-х годах XVII в., знатью была сделана последняя попытка восстания против королевского абсолютизма. Это выступление было прозвано современниками «фрондой» (игрой). Однако фронда была быстро подавлена.

С этого времени на целых сто сорок лет во Франции установилось господство абсолютной монархии.

§ 38. Расцвет абсолютизма.

Сословный строй.

Мы уже говорили, что классовой основой абсолютной монархии было дворянство. Дворянство составляло высшее сословие королевства, наделенное по закону множеством прав, но не несущее почти никаких обязанностей. Обирая до нитки своих крестьян, дворяне вносили в казну ничтожные платежи, пользуясь во всем исключительными преимуществами. Они занимали высшие должности в государстве, перелагая

фактическую работу на плечи средних и мелких чиновников, выходцев из низших сословий. Дворяне старались пристроиться ближе к королевскому двору, где легко было, ничего не делая, получать огромное жалование и щедрые подачки короля.

Рядом с дворянством (а в некоторых отношениях и выше) стояло второе привилегированное сословие — духовенство. Все высшие духовные должности занимали выходцы из дворян. Церковь не платила налогов, сама получая со своих земель ежегодно больше 100 млн. франков.

В отличие от Германии, католическая церковь во Франции была уже с начала XVI в. фактически подчинена не Риму, а королевской власти, составляя вместе с дворянством вернейшую ее опору.

Ядром «третьего сословия» была городская буржуазия. Буржуазии было выгодно до поры до времени поддерживать абсолютную монархию. Но именно «до поры до времени». По мере укрепления буржуазии королевская опека делалась для нее не только излишней, но и крайне стеснительной. Недовольна буржуазия была и своим приниженным положением по сравнению с «благородными», ничего не делающими и разоряющими страну сословиями, которым доставались главные выгоды.

Буржуа, в особенности небогатые, нередко не могли найти суд и управу на дворянина, гордого своим «благородным» происхождением. Дворянское высокомерие видно хотя бы из следующего факта. На генеральных штатах 1614 г. один из буржуазных депутатов сравнил три сословия государства с «семьей из трех братьев». При этом он добавил, что нередко «дом, разоренный старшим» (дворянство), «восстанавливается младшим». Дворянские депутаты оскорбились этим и заявили: «Мы не хотим, чтобы сыновья сапожников звали нас братьями; между нами и ими такая же разница, как между господином и лакеем».

В дальнейшем французская буржуазия начинает мечтать о захвате государственной власти в свои руки. Но в XVII столетии буржуазия вынуждена была довольствоваться той долей грабежа трудовых масс, которую ей предоставляло дворянское государство.

Низшее, совершенно бесправное положение занимали крестьяне, мелкие ремесленники и рабочие, формально причисляемые к третьему сословию. Эти истинные производители всех богатств страны не допускались ни в генеральные штаты, ни к занятию каких-либо должностей. Все сословия соперничали между собой в их обирании. Сверх того, что платили крестьяне непосредственно помещикам, они уплачивали государству до половины всех своих доходов.

Когда королю с огромной свитой угодно было путешествовать, сгонялись тысячи крестьян, отрывались от работы рабочие, чтобы засыпать овраги, строить мосты и устраивать новую королевскую дорогу. Когда для флота нужны были гребцы, всех осужденных королевскими судами отправляли на галеры (гребные суда), где они, полуголые и полуголодные, прикованные железными цепями к скамье, проводили иногда всю свою жизнь под кнутом надсмотрщика в непосильной работе.

Сословные порядки резко разграничивали общество на замкнутые и обособленные группы с различными правами и обязанностями. При этом два высших привилегированных сословия имели почти исключительно права, но не обязанности. Для верхушки третьего сословия недостаток прав отчасти вознаграждался непосредственной силой

набитого золотом кошелька. Трудящиеся деревни и города находились фактически вне сословного строя и знали одни лишь обязанности.

Государственное устройство. Как же было организовано и управлялось французское самодержавное государство, достигшее своего расцвета в длительное (72 года) царствование короля Людовика XIV?

Во главе центрального управления стоял «королевский совет», терявший, однако, свое значение по мере роста значения государственных секретарей. Эти секретари были вначале чиновниками, обслуживавшими по специальности (иностранные, военные дела и т. п.) королевский совет. В дальнейшем же секретари превратились в министров, державших в руках своих канцелярий управление всем государством.

Среди таких министров особенно выделялся «генерал-контролер», ведавший финансовыми делами. «Финансы — это душа государства»,— говорил один из современников, а поэтому ведомство контролера было «министерством, влиявшим всевозможными способами, ведомыми и неведомыми, на благосостояние государства и народа».

На местах, в провинциях, генерал-контролеру были подчинены интенданты — чиновники, назначаемые королевским правительством. Они ведали более мелкими чиновниками, управлявшими областями. Должности в городском управлении (городского головы и др.) казна пустила в продажу. Пыталась она торговать даже должностью сельского старосты, но не нашлось покупателей.

Страна, таким образом, была покрыта сетью чиновников, все нити которой сходились в руках министров и генерал-контролера в первую очередь. Так установился характерный для абсолютной монархии бюрократический строй [1].

С развитием бюрократического централизованного управления знатное дворянство отнюдь не лишалось своих должностей, доставлявших ему огромные доходы. Но эти должности стали чисто «декоративными»; достаточно сказать, что генерал-губернаторы провинций жили постоянно в Париже, а если хотели поехать в свою область, то должны были просить у короля отпуска.

Большую роль в управлении играла многочисленная полиция, служившая надежной опорой бюрократическому строю. Вместе с церковной цензурой полиция осуществляла надзор за печатью. В истории французской монархии были моменты, когда власти закрывали все типографии и книжные лавки и запрещали что-либо печатать, под страхом повешения. Тюрьмы, конечно, никогда не пустовали.

Покончила монархия Людовика XIV и с остатками свободы протестантской религии, отменив Нантский эдикт. Многие тысячи гугенотов переселились в соседние протестантские страны.

Власти входили во все мелочи: они определяли, кому позволительно ездить в экипажах и как их украшать; кому можно носить шляпу с пером и шпагу, а кому — нет; они «заботились» даже о том, какую пищу кому позволено было покупать.

Бюрократия являлась паразитом на теле трудового народа, она кормилась и богатела за его счет, высасывая из него соки. Она была

---

[1] Слово «бюрократ» от французского «бюро» — конторка, канцелярский стол, и от греческого «кратос» — власть, господство.

необходимейшим и важнейшим «колесом» в сложной государственной машине самодержавия, машине для ограбления трудовых масс, для перекачивания их средств в карманы дворянства и буржуазии, для подавления сопротивления угнетаемых.

Налоги. Ограбление трудовых масс совершалось, прежде всего, посредством громоздкой системы налогов.

Кроме главной, резко повышенной при Людовике XIV подати — «тальи», вводится целый ряд новых податей: «поголовная», «десятина», затем «двадцатина». Сбор тальи редко обходился без применения вооруженной силы. Это объяснялось не только тяжестью самого налога, но и полным произволом при его сборе. Кулаки за взятки добивались уменьшения подати, главная тяжесть которой ложилась на плечи наиболее бедных плательщиков. Подчеркнем, что от этих налогов были освобождены привилегированные, т. е. дворянство и духовенство.

Постоянно увеличивались количество и размеры косвенных налогов, т. е. обложения всевозможных предметов потребления. Виноделие, дававшее во Франции занятие большой части населения, было обложено таким количеством всяческих сборов, что, например, бочонок вина за время путешествия с юга страны в Париж удесятерялся за это время в цене. Общий ужас трудящимся внушало соляное обложение («габель»). Цена на соль была установлена настолько высокая, что бедняки предпочитали пищу без соли. Но этого им не разрешалось: существовал закон, по которому каждый человек старше семи лет был обязан покупать не менее семи фунтов соли в год «для горшка и солонки» (т. е. для приготовления пищи). Для засолки же мяса, рыбы и других продуктов он обязан был покупать соль особо. Всякое нарушение этих постановлений каралось как тяжкое уголовное преступление.

Меркантилизм. Стремясь расширить свои доходы и способствуя обогащению дворян-предпринимателей и крупной буржуазии, самодержавная монархия проводила политику так называемого меркантилизма, достигшую своего высшего развития при главном министре Людовика XIV — Кольбере.

Меркантилисты рассуждали таким образом: государство тем богаче, чем большим количеством денег оно располагает. Для того чтобы получить побольше денег, оно должно всячески увеличивать вывоз из своей страны за границу готовых изделий и как можно меньше ввозить чужих товаров. Тогда установится выгодный для государства «баланс» (равновесие), в котором ценность вывезенных товаров будет превышать ценность ввезенных. Для этого необходимо поощрять развитие отечественной промышленности, в особенности производящей предметы роскоши и военного дела. Также необходимо развивать торговлю, особенно внешнюю, для чего следует заботиться о путях сообщения и флоте. Чтобы воспрепятствовать конкуренции иностранных товаров, надо установить очень высокие таможенные пошлины, мешающие их ввозу.

Правительство при этом отнюдь не интересовалось улучшением положения широких трудовых масс. Как раз наоборот: королевской власти нужно было, чтобы богатели предприниматели, которых она, в свою очередь, облагала повышенными налогами в свою пользу. Предприниматели же богатели тем больше, чем беспощаднее шла эксплоатация рабочих и подмастерьев, кустарей и трудового крестьянства.

Абсолютной же монархии надо было очень много денег: для содержания пышного королевского двора, армии и флота, многочисленной бюрократии, для раздачи денег тунеядцам-дворянам.

Кольбер, сам вышедший из среды буржуазии, с огромной энергией проводил меркантилистическую политику обогащения предпринимателей и разорения трудящихся. Он развивал производство предметов роскоши: шелка, кружев, зеркал и др. В шелковой промышленности Лиона работало при нем 13 тыс. станков; отдельные мануфактуры достигали громадных для того времени размеров (например мануфактура Ван-Робе с 1700 рабочих); из-за границы выписывались квалифицированные мастера.

Одновременно усиливался нажим на трудящихся. Правительство силой сгоняло нужных мануфактуристам рабочих, вводило на предприятиях каторжные распорядки труда; под предлогом «борьбы с ленью» отменяло праздники, снижало заработную плату и запрещало какие бы то ни было организации рабочих.

По отношению же к промышленникам Кольбер предполагал, что они «не научатся сами ходить без костылей», т. е. без строгой и мелочной опеки. Поэтому особыми правилами определялось: какой длины должна быть вырабатываемая ткань, какой окраски — материя, какой толщины — нить и т. д. За нарушение подобных правил налагались строгие наказания.

В результате жесточайшего выколачивания налогов и меркантилистической политики королевские доходы быстро увеличивались. Если в начале правления Людовика XIV они составляли 50 млн. франков, то к концу его царствования достигли 165 млн. Но расходы королевского двора постоянно обгоняли доходы.

Людовик XIV и его двор.

Жизнь самого короля Людовика XIV и окружавшей его придворной своры была, наряду с войнами, той бездонной бочкой, которую не могли заполнить все беспощадно выколачиваемые «доходы» государства.

"после нас хоть потоп!" "L'état c'est moi"

Людовик, считая, что вся власть без всяких ограничений принадлежит лично ему, гордо заявлял: «Государство — это я». «Государь, — говорил один писатель того времени, — заключает в себе все государство; в его воле вся воля народа. Он — образ бога, восседающего на престоле над небесами и направляющего весь мир».

Такое представление о «божественности» самодержавной власти должно было поддерживаться всей обстановкой королевской жизни. Людовик, не довольствуясь существовавшими дворцами, повелел соорудить ряд новых, самым пышным из которых был Версальский (в окрестностях Парижа). Над сооружением Версальского дворца с огромным, искусственно разбитым парком и фонтанами в течение 20 лет работало до 30 тыс. рабочих.

Смертность среди рабочих на этих постройках была ужасающая: каждую ночь увозили телеги, нагруженные трупами. Рабочие руки были даровые: солдаты и окрестные крестьяне, сгоняемые на «королевскую барщину». Несмотря на это, дворец, обставленный с неслыханной роскошью, обошелся в сумму, превышавшую годовой доход всего государства.

Со всех концов королевства стекалось в Версаль знатнейшее дворянство, окружая блестящей, раззолоченной свитой «короля-солнце», как называли Людовика XIV придворные льстецы. Король не скупился на всякие подачки придворным, жизнь которых была непрерывным празднеством. Единственной «обязанностью» этой знати было участие во всяческих торжественных церемониях, которыми была обставлена вся жизнь короля. «Пробуждение от сна» и утренний «туалет», точно так же, как «отход ко сну» и раздевание, — сложные церемонии, в которых участвовали многие десятки высших чинов двора и в которых каждое действие (вплоть до того, кто из снимавших с короля сорочку тянет за правый рукав, а кто — за левый) было заранее тщательно определено. Не менее торжественно были обставлена «королевская еда» и вся жизнь короля и двора.

Основной целью всех этих церемоний было внушить окружающим мысль о недосягаемом величии «божественной» королевской власти и показать, «что нет никого другого, с кем могли бы смешивать или сравнивать короля».

Монархи других стран с вожделением смотрели на неограниченную власть Людовика XIV и на пышность его двора; они во всем старались подражать «королю-солнцу». Это обстоятельство, в связи с военной мощью Франции и ее односторонней, но высокой культурой, способствовало распространению в Европе французской литературы, искусства, французских придворных обычаев, французского языка и т.д.

Обнищание. Жесточайшая эксплоатация трудовых масс города и деревни, колоссальные расходы на содержание королевского двора и всего тунеядствующего дворянства вели к быстрому разорению страны и обнищанию трудящихся. В документах первых годов XVIII столетия мы читаем:

«По сделанным изысканиям оказывается, что в последнее время около одной десятой части всего народа доведено до нищеты, а из остальных девяти частей пять не в состоянии давать милостыню, потому что сами находятся в том же злополучном положении». «Земледелие — в забросе, города и деревни — без людей, промышленность влачит жалкое существование и не в состоянии более кормить своих работников». Дворянская власть совсем не считала нужным улучшить положение эксплоатируемых масс. Еще Ришелье писал: «Если бы народ слишком благоденствовал, его нельзя было бы удержать в границах его обязанностей. Народ следует сравнивать с мулом, который, привыкнув к тяжести портится от продолжительного отдыха сильнее, чем от работы».

Внешняя политика. Разорению в сильнейшей степени способствовали бесконечные войны, которые вел абсолютизм. Это вытекало из политики меркантилизма, которая больно ударяла по карману буржуазии и дворянства стран-конкурентов. Так, введение высоких пошлин во Франции подрывало внешнюю торговлю Голландии и Англии. Расширение земельных владений и приобретение колоний также входило в программу королевской власти. Новые земли, а в особенности колонии, доставляли сырье и увеличивали рынки сбыта. Отсюда новые причины войн.

Франция при Людовике XIV вела широкую и энергичную завоевательную политику. Из 54 лет самостоятельного правления Людовика 33 года прошли в войнах. Эти войны поглотили сумму денег, равную всему доходу государства за 10 лет; за время войн погибло до полутора миллионов человек взрослого мужского населения.

Войны абсолютизма велись «на опустошение». «Съесть страну» — отдавали приказ полководцы и первые показывали пример грабежа мирного населения. Французский военный министр писал одному генералу: «Хотя король убежден, что вы порядочно обворовали его в той стране, откуда вы возвращаетесь, но его величество все же очень доволен тем, что вы ему оставили».

Франция вела войны с торговой Голландией, с Испанией, с Австрией и немецкими княжествами. С конца же 1780-х годов начинается новый период войн, в которых выступает новый противник Франции — Англия. Соперничество в Америке, где французы начали захватывать колонии (Канаду), и в Европе — на почве торговой конкуренции — неизбежно вело к англо-французскому столкновению.

В результате беспрерывных разорительных войн Франция несколько округлила свои владения за счет более слабых соседей. Но эти завоевания, конечно, не вознаграждали за понесенные Францией жертвы. Полный упадок страны — таково было наследство, которое оставил «король-солнце» своим преемникам.

Чем обусловливались победы абсолютизма.

Победа абсолютизма в Западной Европе объясняется в основном дальнейшим ростом промышленности и торговли, в связи с чем в процессе борьбы изменялись классовые отношения.

Втянутые в торговлю средние и мелкие помещики были заинтересованы в укреплении центральной государственной власти. Эта дворянская власть должна была окончательно сломить остатки независимости крупных феодалов, расширить пределы государства, способствовать развитию путей сообщения, флота и мануфактур и обеспечивать дворянам наибольшие выгоды от эксплоатации трудящихся.

Буржуазия поддерживала этот строй, потому что не была еще достаточно сильна, чтобы создать свою власть. Поэтому она довольствовалась теми выгодами, которые предоставлял ей дворянский абсолютизм.

Наконец, интересы помещиков и буржуазии сходились в одном: в необходимости «крепкой узды» для обираемых и эксплоатируемых трудовых масс. Усиленное ограбление их опиралось на сильную королевскую власть, располагавшую целой армией чиновников, полиции и большим постоянным войском.

В большинстве других стран Западной Европы подобные причины также вызвали в эту эпоху развитие и укрепление самодержавной власти.

ГЛАВА XIV.

РАЗВИТИЕ НАУКИ в XVI—XVII вв.

§ 39. Буржуазия и развитие науки.

В течение XVI—XVII вв. ускоряется и расширяется процесс разложения феодализма, «освобождающего», по выражению Маркса, при своем распаде «элементы буржуазного общества».

«С ростом буржуазии, — пишет Энгельс, — шаг за шагом развивалась также с необычайной силой и наука. Снова стали заниматься астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Для развития своего промышленного производства буржуазия нуждалась в науке, которая исследовала бы свойства тел и деятельность природы. До этого времени наука была по отношению к церкви лишь смиренной служанкой, которой не позволялось переступать установленные верой границы; коротко говоря, она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука объявила бунт церкви, а буржуазия, нуждаясь в науке, присоединилась к этому бунту».

В то время буржуазия, выступая против феодального строя, боролась против оков церковного авторитета, за развитие нужных в ее классовых интересах научных знаний. Застрельщиком в этом деле выступила Италия. С XV—XVI столетий буржуазная культура начинает распространяться и за пределами Италии, в других странах с развитой торговлей и промышленностью.

Военная техника. Рост теоретических знаний был тесно связан с потребностями техники. Крайне характерно, что одним из самых ранних видов ее, быстро развивавшихся с ростом товарного хозяйства, была военная техника.

В крупных централизованных государствах XVI—XVII вв. военное дело приобрело огромное значение. Мы уже знаем о бесчисленных войнах, которые вели такие государства, как Франция, из-за торгового соперничества, из-за стремления к расширению территорий и из-за колоний.

Эти войны велись уже при помощи больших постоянных армий, сменивших временные ополчения рыцарей или горожан, призывавшихся лишь на время военных действий.

Вплоть до второй половины XVII в. постоянные армии составлялись преимущественно из наемников, людей, живших «военным ремеслом» и поступавших за плату на службу к любому государству. В дальнейшем солдаты нанимаются из беднейшего населения данной страны на определенный срок. Если нехватало добровольцев, желающих поступить в армию, то нередко начиналась подлинная охота на бедняков, которых ловили и силой заставляли служить.

Постоянные армии были снабжены огнестрельным оружием, техника которого быстро шагнула вперед.

«Для огнестрельного оружия, — пишет Энгельс, — нужны были промышленность и деньги. А тем и другим владели горожане. Огнестрельное оружие было поэтому с самого начала оружием городов и монархов, опиравшихся на города в своей борьбе против феодального дворянства. Недоступные доселе каменные стены рыцарских замков не устояли перед пушками горожан; пули бюргерских (бюргер — горожанин) ружей пробивали рыцарские панцыри. Вместе с закованной в броню дворянской кавалерией рухнуло и господство дворянства, и с развитием буржуазии пехота и артиллерия все более и более становились главными факторами военных успехов».

Примерно до XIII в. единственным оружием были мечи, луки, пики и другое «холодное оружие». В XIII в. в Европе появляется порох[1], и начинает распространяться огнестрельное оружие.

Первыми орудиями были железные (позднее бронзовые) пушки, стрелявшие каменными ядрами. Из ручного оружия первым появился аркебуз, являвшийся дальнейшим развитием арбалета, в котором желоб для стрелы был заменен металлической трубкой для пули. Это оружие требовало для стрельбы особой подставки. Пушки были крайне несовершенны, часто разрывались, убивая своих едва ли не больше, чем врагов.

Развитие металлургической техники отразилось на качестве и типе огнестрельного оружия. В XV в. появляется нечто вроде ружья — мушкет, из которого стрелял (все же при помощи подставки, настолько тяжело и неповоротливо было это оружие) особый воин — мушкетер. Теперь уже до 15% всей пехоты составляли такие мушкетеры. В следующем столетии было изобретено короткое и более легкое оружие — пистолет, которым вооружалась кавалерия. В дальнейшем старые мушкеты, в которых порох воспламенялся при посредстве фитилей, были заменены кремневыми, сравнительно более скорострельными ружьями.

---

[1] Порох изобретен китайцами. Для огнестрельного оружия применен индусами и арабами. В Европе впервые применялся в Испании

Одновременно совершенствовались тяжелые орудия. Большую роль сыграло применение на металлургических заводах водяного двигателя, при помощи которого на особых станках начали высверливать пушки. Каменные ядра заменяются литыми чугунными; позднее вводятся гранаты, начиненные порохом и картечью. Целый ряд ученых, математиков и механиков, содействует своими изысканиями совершенствованию оружия. Назовем итальянских ученых — Тарталью, Галилея (выявившего линию полета снаряда, так называемую траекторию), его ученика Торичелли и др. Производство военного снаряжения стало не под силу ремесленникам и кустарям как в смысле техники, так и самого количества потребного вооружения. Один пример: в 1652 г. английскому правительству спешно потребовалось 1865 пушек и соответственное количество снарядов. Специальные агенты объез-



Типы стрелков XVI в.

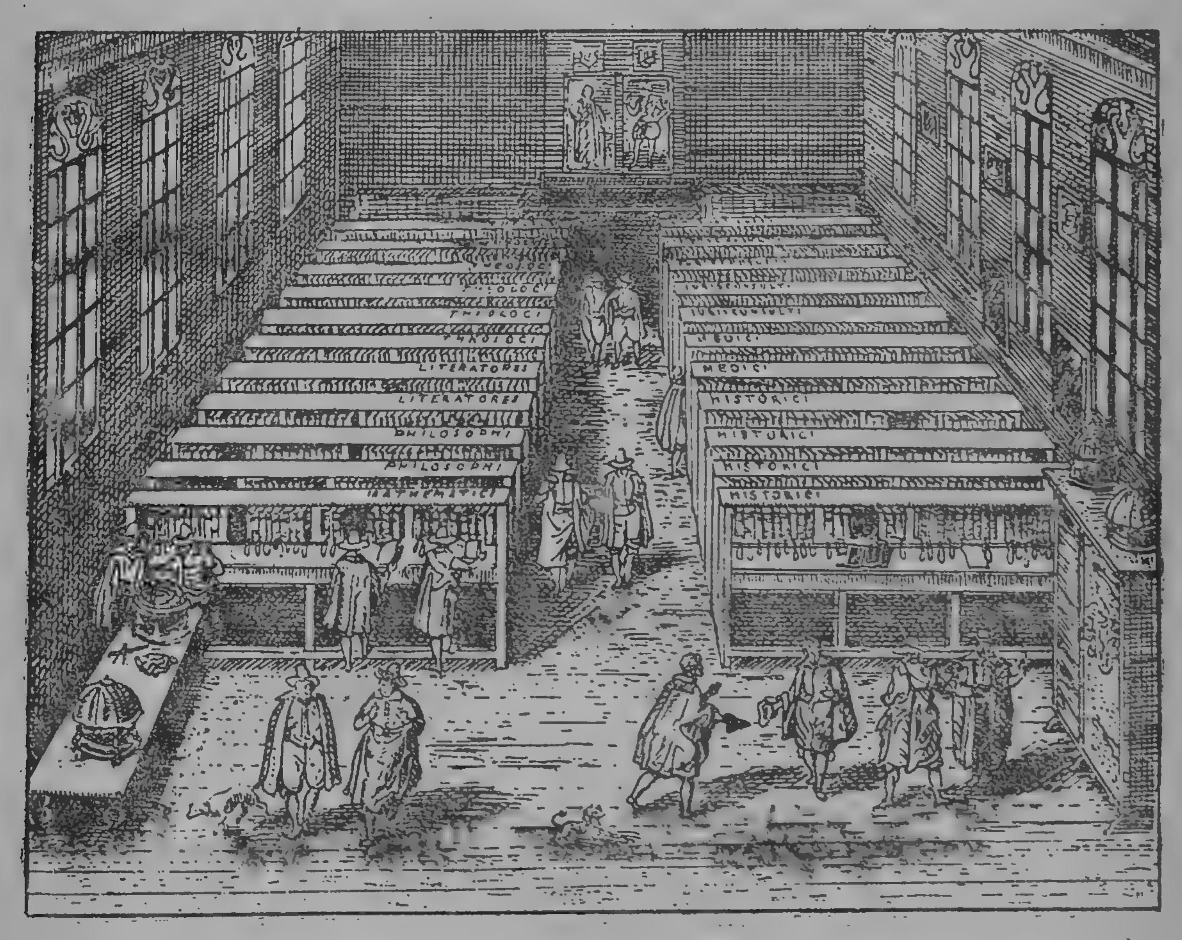
жали страну, «стучали в двери ко всем мастерам-металлистам» и все же не в силах были удовлетворить внезапный и огромный спрос. Здесь могло помочь только крупное мануфактурное производство.

Книгопечатание. Развитие техники было тесно связано с ростом научных знаний и общим подъемом культуры. Но этот подъем был бы невозможен без одного крупнейшего изобретения, сделанного еще в XV в. Мы говорим о книгопечатании.

До XV в. книги переписывались от руки специальными переписчиками, очень часто монахами. Подумайте, сколько надо было времени и сил, чтобы переписать большую книгу, да еще в нескольких экземплярах! Пока потребность в книгах была крайне мала, чему соответствовала и почти повальная безграмотность, дело с перепиской кое-как шло. С развитием школ, научных знаний и политической борьбы положение изменилось. Потребность в книгах, притом в более дешевых, возросла во много раз.

Предком книгопечатания было гравирование, известное в Китае с X в., в Европе же распространенное с конца XIV столетия.

Рисунок или текст вырезались на деревянной доске, которую затем обмазывали краской и прикладывали к бумаге. Таким образом получался отпечаток рисунка или слов. Но вырезать таким способом целую книгу, лист за листом, было делом крайне сложным и кропотливым. Решительного успеха достигли в начале XV в. голландец Костер и итальянец Мессино, которые придумали подвижной шрифт. Они вырезали буквы, каждую в отдельности, и, складывая их, получали слова. Таким путем с помощью небольшого количества букв можно было напечатать целую книгу.



Библиотека XVI в.

Однако деревянные буквы были очень непрочны и крайне неудобны для печати. Поэтому действительным началом книгопечатания надо считать изобретение немцем Иоганном Гуттенбергом подвижного металлического шрифта и особого пресса для изготовления оттисков. В 1455 г. Гуттенберг издал первую книгу, напечатанную по новому способу. Типографии-мастерские, в которых печатались книги, начинают быстро распространяться. К 1500 г. в одном городе Нюренберге было 25 типографий. Примерно в то же время была усовершенствована выделка бумаги. Все это очень удешевило книгу.

Мы знаем уже об обострении и углублении классовой борьбы в эпоху разложения феодализма и нарождения буржуазного общества. Печатная книга, листовка и газета оказались мощным средством для защиты каждым классом своих интересов, для нападения на своих врагов и для пропаганды своих идей.

Развитие астрономии. Развитие науки в эпоху разложения феодализма и первоначального накопления капитала шло, как мы уже знаем, рука об руку с ростом торгового мореплавания. Поэтому так быстро развивается в XVI—XVII вв. астрономия, необходимая для мореплавания и точного исчисления времени. Предшественницей астрономии и долгое время ее соперницей была астрология (от греческого «астрон» — светило).

В то время верили, что жизнь людей связана какой-то таинственной связью с движением небесных светил. Поэтому особые «специалисты-астрологи» по положению звезд «предсказывали» все события земной жизни. Короли и богачи держали при себе таких астрологов, без «предсказаний» которых редко предпринималось крупное дело.

Конечно, это было сплошное суеверие и обман, и настоящей науке — астрономии — пришлось затем упорно бороться с астрологической лженаукой. Однако астрология как-никак способствовала росту наблюдений над звездами, накоплению положительных знаний о движениях светил и устройству обсерваторий.

Великие астрономические открытия. Важнейший вопрос, который, прежде всего, должна была разрешить астрономия, был вопрос о взаимоотношении земли, солнца и планет. До XVI в. господствовал принятый церковью взгляд древнего ученого Птолемея, по которому земля составляла неподвижный центр мира, вокруг же нее двигались (вращались) солнце и другие планеты.

При таком взгляде объяснить сколько-нибудь толково линии движения (орбиты) этих планет оказывалось невозможным. Недаром какой-то король, прослушав подобные «объяснения», сказал: «Если бы господь бог взял меня в советники, я посоветовал бы ему проще устроить мир».

Против птоломеевской системы выступил польский астроном Коперник (1437—1543 гг.), доказавший вращение земли и ее движение вокруг солнца. Коперник долго колебался опубликовывать свое открытие, и его работа вышла только после его смерти. Коперник оказался прав в своих опасениях: церковь со всей силой обрушилась на его учение. Это и понятно: теория Коперника показывала, что земля не более как одно из небесных тел; тем самым эта теория подрывала поповскую идею о том, что земля — «центр мира», человек — «царь земли», созданный богом «по своему образу и подобию». Кроме того всякое посягательство на старую и привычную систему, подкреплявшую мысль о неизменности феодально-церковного строя неподвижностью самой земли, вредило авторитету церкви. «Небесная революция» предвещала нападки на земные порядки.

Книга Коперника была запрещена Римом. Мало того: все другие книги, которые утверждали, что «земля движется», запрещались к печати в течение двух столетий как «нелепые, явно еретические и противоречащие священному писанию».

Но развитие научной мысли не могло быть остановлено преследованиями со стороны церкви.

Итальянский мыслитель Джордано Бруно сделал из системы Коперника ряд общих философских выводов, шедших вразрез с учением церкви.

Бруно провозгласил бесконечность мирового пространства, в котором солнце является не центром вселенной, а лишь центром нашей планетной системы, одной из

бесчисленного числа других мировых систем. Во всех частях вселенной, в том числе и на земле, царят одни и те же законы. Тем самым вся вселенная рассматривается как единое закономерное целое. Бруно отвергает представление о боге как творце мира, находящемся вне природы; по его учению бог — это сила, «разлитая» во всем мире и от него неотделимая. Конечно, это было тоже религиозное учение, однако противоречившее обычным поповским проповедям.

В 1600 г. Джордано Бруно был сожжен на костре по повелению папской инквизиции.

Дальнейшее развитие и подтверждение учение Коперника получило в работах немецкого ученого Кеплера, установившего точные законы движения земли, и итальянца Галилея (1564—1642 гг.).

Галилей был ученым, а также художником. По своей многосторонности он напоминал великого Леонардо да-Винчи. Галилей окончательно доказал правильность нового учения о мировом устройстве. Свои наблюдения Галилей производил не «простым глазом», а впервые при помощи им же самим построенного телескопа (зрительной трубы). Интересно, что многие астрономы долгое время не доверяли телескопу как «дьявольскому» инструменту, обманывающему наблюдателей.

Галилей, будучи глубоким стариком, был схвачен инквизицией и заключен в тюрьму, где и принужден был «отречься» от своего учения.

Таким образом, рост научного знания (и не только в области астрономии) совершался в острой борьбе с церковью, которая всячески преследовала и глушила новые мысли и достижения.

Бэкон и новые научные методы.

Новые астрономические учения, наряду с великими географическими открытиями, способствовали глубочайшему перевороту во всем мировоззрении тогдашнего общества. Одним из крупнейших выразителей этого перелома был английский философ Бэкон (1561—1626 гг.).

«Было бы позором для человечества, — писал Бэкон, — если бы умственный мир оставался в отведенных ему древностью пределах, в то время когда область материального мира — страны, моря и планеты — неизмеримо расширена и познана». Человек должен стать «господином и хозяином природы». Для этого ему необходимо изучить природу. «Знание есть сила», — говорит Бэкон. Но такое изучение нуждается в правильном научном методе (пути, способе) исследования. Обоснованию такого метода и посвящает Бэкон свое главное внимание.

На место отвлеченных и беспочвенных рассуждений прежних ученых-церковников надо, учил Бэкон, поставить точное наблюдение действительности и специально подготовленный опыт. «Надо изучать природу циркулем и линейкой». Нельзя выводить одно понятие из другого, но необходимо из массы наблюденных и проверенных опытом фактов, не торопясь, шаг за шагом, восходить к общим выводам. Такой путь исследования Бэкон называл индукцией («наведением»).

Естествознание.

В XVII в., кроме астрономии, ряд важных открытий делается в физике, химии, механике, математике и в науках об органической жизни (биологии). Достаточно, для примера, упомянуть имена английского физика и химика Бойля, установившего законы упругости газов и свойства основных элементов материи, и биолога Гарвея, открывшего закон кровообращения. Наиболее же крупные открытия были сделаны английским ученым Ньютоном.

Ньютон (1643—1727 гг.) обосновал основные законы движения тел, чем создал необходимую основу для научной механики. Он же открыл закон тяготения, объясняющий вращение земли и других небесных тел. Исходя из толкования самых простых фактов, вроде падения брошенного вверх камня, Ньютону удалось дать на основании своих законов объяснение сложнейшей «небесной механики».

Ряд крупных открытий был сделан Ньютоном также в области математики (учение о бесконечно малых) и в физике (учение о свете).

Успехи естествознания и математики подготовили возможность важнейших технических изобретений конца XVIII — начала XIX вв.

ГЛАВА XV.

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII в.

§ 40. Развитие капиталистических отношений в Англии в XVII в.

«Огораживание» земель и расслоение крестьянства.

Начиная с последней трети XV в., в экономической жизни Англии происходили глубокие перемены. Английский помещик— ленд-лорд — начинает широкое наступление на крестьянство. В то время стояли очень высокие цены на шерсть, и помещики стремились как можно шире развернуть свои пастбища и разводить побольше овец. С этой целью они добиваются раздела общинных земель. Для помещиков этот раздел был очень выгоден. Дело в том, что раздел обыкновенно производился не по количеству дворов общины, не по количеству работоспособных членов семьи или едоков, а пропорционально земельным наделам участников общины. Сам помещик тоже считался одним из членов общины, но ведь у него одного земли часто было больше, чем у всех крестьян округи. Немудрено, что при разделе львиная часть общинной земли доставалась помещику. Многое захватывали кроме того кулаки. На долю же середняков и бедняков доставалось немного. Они при разделе получали лишь очень маленькие участки, а то оставались и совсем ни при чём.

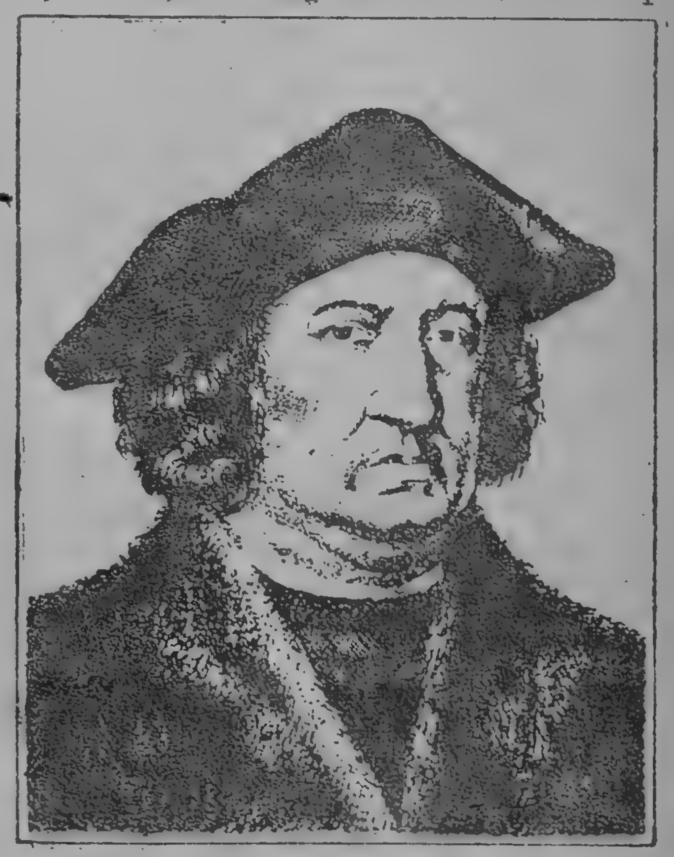
Хуже всего приходилось безземельным крестьянам — так называемым «коттеджерам», т. е. крестьянам, у которых был только «коттедж» (изба), но не было собственной пашни. Часто они при разделе лишались и своих усадебных участков. Под тем предлогом, что у них нет своего земельного надела, их безжалостно выгоняли из деревни, а избы их сносили с лица земли. Раздел общинных земель превращался для большинства английских крестьян в подлинное бедствие.

К этому времени в деревне выделилась зажиточная кулацкая верхушка. Хозяйство кулаков крепче, чем у большинства крестьян. У них больше рабочего скота, богаче инвентарь, земля унавожена и лучше обработана. Достигают всего этого кулаки не трудолюбием, а эксплоатацией бедняков. Нехватит ли семян для посева или хлеба до нового урожая, падет ли лошадь или корова, потребуется ли какой-либо инвентарь для обработки земли или, наконец, деньги для уплаты налога, — во всех этих случаях бедняк и середняк обращаются к кулаку. И кулак ссужает необходимым, но, конечно, на кабальных условиях. Сплошь да рядом свой долг крестьяне отрабатывают кулаку личным трудом или возвращают продуктами.

Кулакам, как и лордам, были невыгодны старые общинные порядки. Их стеснял принудительный севооборот и чересполосица. Они тоже хотели завладеть общинными угодьями и стояли за раздел общинных земель. Положение ухудшалось еще оттого, что разделом руководили обычно сами помещики. Не трудно себе представить, как они делили землю. Они не только выкраивали себе лучшие участки, но и

«округляли» свои владения, урезывая немалую толику от крестьян. Всю присвоенную землю помещик окружал изгородью, откуда в обиход вошло выражение «огораживание» земель, т. е. насильственное их отбирание у крестьян. Не ограничиваясь разделом общинных земель, ленд-лорды насильственно сгоняли с насиженных участков множество мелких арендаторов, которые с давних пор обрабатывали эту землю. И все это делалось для того, чтобы расширить свои владения, особенно пастбища. В итоге овцы как бы начали вытеснять крестьян-хлебопашцев. Известный английский писатель XVI в. Томас Мор писал по этому поводу, что «овцы пожрали людей».

«Овцы, эти повсюду смирные, нетребовательные животные, — говорит Мор, — у нас оказываются до того жестокими и прожорливыми, что бросаются на людей и прогоняют их с земли, с насиженных мест, домов и деревень. Ко всем местам, где собирается нежная, драгоценная шерсть, спешат знатные богачи и даже достопочтенные аббаты, чтобы оттягать себе участок земли... На протяжении многих миль они лишают почву всякой обработки и превращают ее в пастбища. Они равняют с землей дома и целые деревни, оставляя церкви, да и то с тем, чтобы устроить в них хлевы для баранов».


Томас Мор.

«Огораживание» земель расшатывало старые феодальные порядки. Теперь появляются помещики особого типа. Это так называемые «джентри», мелкопоместные дворяне, тесно связанные с рынком и ведущие хозяйство на новых началах. Они вкладывают в землю капиталы на искусственное минеральное удобрение или на осушку заболоченных мест. Оброк и барщина — эти старые феодальные формы эксплоатации крестьян — для них невыгодны. Так как подневольный труд малопроизводителен, джентри предпочитают платить небольшую заработную плату батракам, чем пользоваться бесплатным трудом зависимых крестьян. Но что означает замена барщины и оброков наемным трудом батраков? Это означает, что в деревне феодальные отношения стали вытесняться капиталистическими.

Развитие промышленности и торговли.

Однако капиталистические отношения развивались не во всех районах Англии с одинаковой быстротой. В северных и западных графствах еще долго сохранялись многие феодальные порядки; на юге же и на востоке феодализм разрушался гораздо быстрее. Объяснялось это тем, что в юго-восточных графствах с давних времен развивалось промышленное производство, в особенности выработка шерсти

и шерстяных тканей. Шерстяной промысел — прядение и ткачество — распространялся не столько в городах, где старые цеховые ограничения ставили ему многочисленные преграды, сколько в деревне. Чуть ли не в каждой крестьянской избе работал ручной ткацкий станок. Ткани выделывались грубые, не требующие сложных технических усовершенствований или тонкого мастерства, которыми обладали более искусные городские ремесленники; зато количество сукон, выделываемых в деревне, было очень велико. Не только внутренний английский рынок был насыщен этими сукнами, но и огромные количества тканей вывозились за границу.

Таким образом, английская внешняя торговля теснейшим образом связывалась с сельским хозяйством и промышленностью внутри страны.

Это было очень существенной особенностью английского хозяйства. В этом отношении Англия имела большие преимущества перед своими главными торговыми конкурентами — Голландией и Испанией, торговля которых мало была связана с производством.

Англия вела и обширную колониальную торговлю. Для завоевания новых рынков учреждаются специальные торговые компании. Государство оказывает им всестороннюю помощь и предоставляет всякие льготы и преимущества.

Обычно торговые компании добивались от государства монопольных прав в районе своей деятельности: никто другой не мог торговать в районах, захваченных монополистами.

Финансовый кризис и вопросы внешней политики.

Чем же вызывалось это распространение монополий? Английское королевское правительство очень нуждалось в деньгах. Содержание пышного двора и дорогостоящего государственного аппарата с его многочисленной армией чиновников, субсидии церкви, особенно ведение постоянных войн — все это требовало больших средств. Правительство всячески стремится увеличить доходные статьи своего бюджета. Но в Англии того времени почти не было постоянных налогов. Доходы казны составлялись из поступлений от королевских доменов (имений), от таможенных пошлин и некоторых других второстепенных источников. Для чрезвычайных надобностей короли взимали единовременные целевые прямые налоги. Например, когда начиналась какая-нибудь война, вводился подушный налог со всего населения. Но такие налоги могли вводиться лишь с особого каждый раз разрешения парламента, который выдавал королям в таких случаях так называемые «субсидии», т. е. право на сбор единовременного налога. Это ставило королей в зависимость от парламента, и они предпочитали изыскивать другие пути пополнения государственной казны. Именно с этой целью короли прибегали к выдаче за плату монополий, к продаже различных титулов и почетных званий.

Постепенно в руках монополистов сосредоточилась не только наиболее выгодная внешняя торговля, но и многие отрасли внутренней торговли. К началу XVII в. монополисты взяли на откуп и захватили торговлю почти всеми видами продуктов массового потребления: мылом, солью, углем, железом, вином, кожей, крахмалом, табаком, пивом, сельдями, порохом, селитрой, стеклом, кирпичом, гребнями, булавками и т. д.

Не трудно представить себе, как монополии отражались на интересах потребителей. Откупщики произвольно взвинчивали цены и наживали кучу денег, в то время как большинство населения стонало от дороговизны. Но система монополий была невыгодна и широким кругам буржуазии. Число монополистов было невелико, для массы же буржуазии монополии служили очень серьезной преградой к развитию ее торговой и предпринимательской деятельности.

Между тем финансовое положение государства становилось все более печальным. Быстро растет дефицит [1], растет и государственный долг: в начале XVII в. дефицит государственного бюджета достиг 300 тыс. ф. ст., а государственный долг в это время превышал уже 1 млн. ф. ст., т. е. 10 млн. руб. золотом. Но денег нехватает. Все больше средств поглощают пышный двор, разросшийся бюрократический аппарат, а главное — новые и новые войны. Королевской власти волей-неволей приходится все чаще прибегать к «субсидиям», а это пуще прежнего обостряет отношения с парламентом. Назревает конфликт. Против королевской власти — этого оплота крупных феодалов — выступает парламент, который становится центром притяжения для торгово-промышленной буржуазии и буржуазных кругов дворянства.

Парламент готов был бы и впредь отпускать средства королевскому правительству, если бы эти средства тратились на борьбу с теми странами, которые были наиболее опасными торговыми конкурентами английской буржуазии. Парламент требовал активной политики против Испании и Франции, а королевское правительство как раз с этими странами поддерживало дружественные отношения. Эти коренные разногласия в вопросах внешней политики играли важную роль в назревании конфликта между королевской властью и парламентом.

Конфликт осложняется спорами вокруг церковной реформы. Это был старый вопрос большого политического значения.

Вопросы церковной реформы.

Английская католическая церковь издавна извлекала огромные доходы путем всевозможных поборов с населения и владела очень большими богатствами. Главой же церкви являлся римский папа. Между английскими королями и папами из-за церковных доходов то и дело происходили конфликты. Дело шло к полному разрыву, и нужно было найти лишь подходящий предлог. Такой предлог был найден при короле Генрихе VIII. Папа отказался признать законным развод короля с его женой. Это личное, казалось бы, дело короля и было использовано для разрыва с папством. Английское правительство произвело умеренную реформу церкви. В 1534 г. король объявил себя главою церкви, которая в отличие от католической стала называться англиканской (или епископальной, т. е. сохранившей епископат).

Это отделение от папства было связано с конфискацией монастырских земель и передачей значительной части церковных доходов в королевскую казну. Однако в задачи королевской власти совсем не

[1] Дефицит — превышение расходов над доходами.

входило полностью порвать с католицизмом. Католическая церковь была слишком испытанной опорой для поддержания власти королей, помещиков, богачей. Католические попы были слишком искусны в своей профессии «духовных опекунов» «темного народа». Установление англиканской церкви не означало поэтому полного разрыва с католицизмом. Спустя же 50—60 лет после разрыва с папством английские короли вновь пошли на сближение с католическими попами. К этому времени положение королевской власти пошатнулось, все сильнее углублялся конфликт с буржуазией, и абсолютизму был очень дорог каждый новый союзник. А католическая церковь была надежным союзником в борьбе с приближавшейся революцией.

Поэтому в кругах буржуазии росло глубокое недовольство положением церковных дел. Она хотела решительных реформ всего церковного строя по примеру других европейских государств. В среде буржуазии появилось полусектантское течение «пуритан», которые требовали самоуправления церковных общин, уничтожения епископата и полного изменения церковного богослужения. Пуритане («чистые») протестовали против феодальной роскоши «старой, веселой Англии». Как истые буржуа, только вступившие на путь накопления богатств, пуритане основными правилами жизни считали бережливость и «строгие нравы» как в быту, так и в церковной жизни.

Конфликт между парламентом и королем.

Парламент в церковном вопросе тоже оказался не с королем. Среди депутатов парламента было много пуритан, и вопросы церковной жизни то и дело являлись лишними предлогами для новых конфликтов с королевской властью. Однако главным источником разногласий оставались попрежнему финансовые вопросы и вопросы внешней политики. Финансовые затруднения отражались на всем хозяйстве. Торговля и промышленность приходят в расстройство. В парламент подаются петиции (прошения) с горькими жалобами на хозяйственный упадок и «великое разорение».

С каждым годом отношения между королевским правительством и парламентом обострялись. Парламент отказывался утверждать новые налоги, правительство старалось изыскать пути, чтобы собирать налоги помимо парламента. Короли все чаще распускают парламент, но каждый вновь собиравшийся оказывался еще более оппозиционным. Наконец, в 1629 г. король Карл I совсем прекращает созыв парламента, и английское правительство 11 лет обходится без парламента, собирая налоги при помощи королевских указов.

Но вот в 1639 г. вспыхнуло восстание в Шотландии. Английское правительство энергично вводило там свои бюрократические порядки и усиленно насаждало епископальный (англиканский) строй церкви, между тем как число пуритан в Шотландии было особенно велико. Восстание развивалось успешно, и шотландцы вторглись в Англию. Началась настоящая война, требовались новые крупные расходы, и это грозило полным финансовым крахом.

Положение королевской власти сделалось критическим. Тогда, после 11 лет перерыва, опять пришлось созвать парламент. Однако этот парламент (его называют «коротким») не только не дал королю субсидий для борьбы с шотландскими «мятежниками», но и выставил свои требования и вступил в тайные сношения с восставшими.

Парламент немедленно разогнали и созвали новый. Но этот оказался еще менее покорным и, пользуясь победами шотландцев и безвыходным положением короля, энергично предъявил свои требования.

В это время положение в Лондоне было крайне обостренным. Многотысячная голодная беднота столицы волновалась и грозила выйти из повиновения. Роспуск «короткого» парламента уже вызвал резкие выступления. Толпы народа пытались освободить политических заключенных и едва не растерзали архиепископа Лода — главного советника по церковным делам, одного из ближайших чиновников короля и отъявленного реакционера. Ежеминутно могла вспыхнуть настоящая революция. Вот почему король побоялся снова разогнать парламент и пошел на уступки. Этот парламент (его называют «долгим») уже не расходился в течение почти всей революции.

«Долгий» парламент. Чувствуя свою силу, «долгий» парламент, прежде всего, потребовал, чтобы были преданы суду парламентской судебной комиссии лорд-канцлер Страффорд и архиепископ Лод. Оба они были осуждены и казнены. Парламент принял особое постановление — «Великую ремонстрацию», в которой перечислялись главные преступления чиновников и выдвигались требования реформ буржуазного порядка.

«Великая ремонстрация» указывала на виновников всех бедствий, обрушившихся на страну. По мнению парламента этими виновниками были значительная часть духовенства, советники и придворные короля.

Парламент требовал устранения всех этих лиц и замены их людьми, заслуживающими доверия со стороны самого парламента. Затем было издано постановление о том, что ни один налог не может взиматься без согласия парламента. Далее парламент принял так называемый «билль (закон) о корнях и ветвях», требующий уничтожения епископальной церкви. В этом билле говорилось, что «право прелатства должно быть вырвано с корнями и ветвями». Затем были упразднены наиболее типичные феодальные государственные учреждения — «звездная палата» (высший королевский суд), «высокая комиссия» (высший церковный суд) и др.

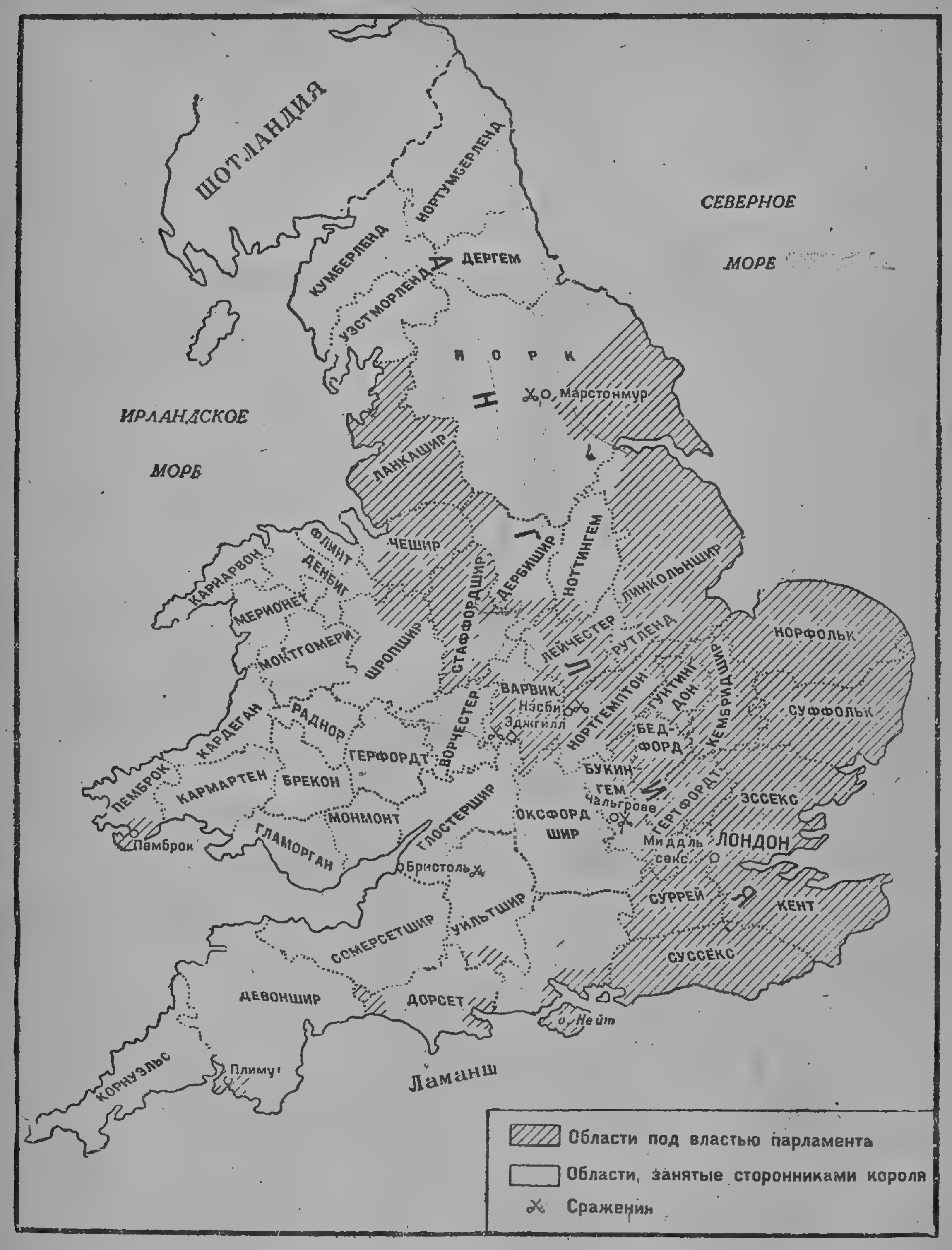
Все эти мероприятия парламент вырывал из рук королевской власти под угрозой народного возмущения. Народ вышел на улицу. Впереди были рабочие, ремесленные подмастерья и ученики. Бурные толпы демонстрантов то и дело окружали королевский дворец, поэтому отказать парламенту в его требованиях было невозможно.

Но, идя на уступки, королевская власть подготовляла почву для сопротивления. И вот, король скрывается из Лондона и бежит на север страны, где крепок еще феодальный строй и было на кого опереться. В августе 1642 г. король объявил парламенту войну.

§ 41. Гражданская война.

Силы сторон. Страна распалась на два враждебных лагеря. Весь север, большинство западных графств и некоторые центральные — словом, свыше половины всего королевства — шли за королем. Это были отсталые, малонаселенные и бедные районы. Богатый, густонаселенный юго-восток, промышленные графства севера

и центральной полосы стояли за парламент. Его же поддерживали все портовые города и торгово-промышленные центры внутри



Карта гражданской войны в Англии XVII в.
(Положение в конце 1643 г.)

страны. Особенно существенной была поддержка Лондона. Банкиры, богатые купцы и мануфактуристы — весь лондонский Сити[1] — стояли за парламент и готовы были поддержать его своим кошельком.

[1] Сити — старинная часть Лондона, в которой сосредоточены наиболее крупные банкирские конторы, а также торговые и промышленные фирмы.

Военные силы королевской власти первоначально имели заметный перевес. Королевская армия состояла из феодального дворянства и отсталого крестьянства, обычно фанатически враждебного новым церковно-реформаторским идеям пуритан. Командный состав этой армии пополнялся из рядов настоящих специалистов военного дела, которые, исходя из своих классовых интересов, охотно поддерживали короля в его борьбе с парламентом. Королевская армия, не в пример парламентской, имела хорошую конницу, была лучше обучена и снаряжена.

На противоположной стороне положение было другое. Здесь не было такого классового единства. Это относится, прежде всего, к самому парламенту. Английский парламент состоял из двух палат: нижней — палаты общин и верхней — палаты лордов. Значительная часть членов палаты лордов занимала свои места по наследству и принадлежала к классу крупных землевладельцев. Палата лордов была оплотом феодального строя. В нижней палате было также много дворян, но помельче. Сторонники короля были и в палате общин. Но другая часть землевладельцев (буржуазного типа), представители купечества и фермеров, словом, большинство парламента, были против короля. Затем парламент находил первое время поддержку в рядах крестьянства, ремесленников, учеников и подмастерьев, сельского и городского пролетариата. Эта демократическая масса не только придавала всему движению революционную окраску, но и являлась основной движущей силой всей революции. Взять руководство в свои руки, выдвинуть четкую программу действий в защиту своих классовых интересов эксплоатируемые группы еще не могли. Они шли за буржуазией под ее руководством и под ее лозунгами, неся с собой, однако, революционный дух и революционные, «плебейские» способы борьбы.

Деятельность парламента.

Революция быстро развивалась, и это делало неизбежным раскол в антикоролевском фронте. Парламент вел войну неэнергично, а за кулисами пытался сговориться с королем, чтобы скорее, пока не поздно, ликвидировать революционное движение в народе. Вместе с тем парламент спешил провести выгодные для буржуазии мероприятия и покончить с остатками феодальных порядков.

С этой целью в первую очередь конфискуются королевские и епископские земли, а также земли светских феодалов — приверженцев короля. Конфискованные земли распродаются. Это не только дает пополнение парламентской казне, но и ликвидирует остатки феодальной собственности на землю. Заодно обогащаются сами депутаты, которые за бесценок скупают земли. Одновременно парламент широко открывает двери «огораживанию» земель и не принимает ни одного билля против «огораживания». Узкоклассовая политика сказалась и на налогах: на предметы широкого потребления были введены высокие «акцизы», и это легло новым тяжелым бременем на крестьянство и на пролетарские и полупролетарские группы городского населения.

Классовая борьба с каждым днем обостряется. Положение становится особенно грозным в силу того, что против политики парламента выступает его собственная армия. Первое время армия не внушала опасений парламенту, так как весь командный состав состоял из «надежных людей». Командиры парламентской армии стремились доказать

королю превосходство своих сил и тем убедить его пойти на уступки. Однако они скорее готовы были пойти на соглашение с королем, чем дать поблажку революционно настроенным рядовым армейцам, в числе которых преобладали зажиточные крестьяне (иомены), ремесленники, а отчасти выходцы из рядов городского и сельского пролетариата и полупролетариата.

Но армия оставалась в повиновении лишь до поры до времени.

Реформа парламентской армии.

Скрытое вначале раздражение против парламента начинает расти. Парламенту больше не верят. Армия терпит несколько серьезных поражений, и это увеличивает возбуждение. Постепенно становится ясным, что командование парламентской армией нарочно не предпринимает решительных действий против королевских войск. Теперь возбуждение усиливается до последней степени, и парламент волей-неволей должен итти на уступки. В 1645 г. в армии проводится большая реформа. Социальное лицо армии изменяется. Большинство низших офицерских мест заполняется крестьянами, ремесленниками и мелкими торговцами. Кое-кто из представителей этих же слоев занимает высшие командные должности.

Реформа 1645 г. вместо отдельных отрядов, организовавшихся на местные средства, создала армию с централизованным управлением, содержащуюся на средства, отпускаемые парламентом.

Во главе армии был поставлен генерал Ферфакс, но фактически командование армией находилось в руках его помощника, Оливера Кромвеля.

Выходец из рядов мелкопоместного дворянства, втягивающегося в капиталистические отношения, Кромвель по происхождению был далек от демократических низов армии. Но он энергично выступал против умеренной политики парламента, умело руководил военными операциями и добился решительной победы над королевской армией. Это принесло Кромвелю большую популярность и сделало его на время «вождем», за которым шли народные массы. Немалую роль в данном случае играло присоединение Кромвеля к радикальным течениям в области церковных вопросов.

В это время среди сторонников церковной реформы существовало два течения. Более радикальные назывались «индепендентами», а более умеренные — «пресвитерианами». Пресвитериане, к числу которых принадлежало умеренное большинство парламента, ограничивались требованиями упразднения епископов и передачи церковного управления в руки выборных пресвитеров, избиравшихся из числа наиболее богатых и влиятельных прихожан, при сохранении, однако, государственного характера церкви; индепенденты же (дословно: независимые) требовали отделения церкви от государства, религиозной свободы и создания независимых самоуправляющихся религиозных общин. К течению индепендентов принадлежали Кромвель и значительная часть реорганизованной армии.

Политическое влияние армии сильно увеличивается. Она добивается изгнания из парламента явных роялистов (приверженцев короля) и проводит на дополнительных выборах в парламент своих сторонников — индепендентов. Это на время как бы сближает армию с парламентом. Однако и в самой армии единство было лишь кажущимся.

Подавляющая масса армии состояла из крестьян, ремесленников, рабочих. Особенно много было среди солдат рабочих-ткачей. В низшем командном составе армии тоже было много крестьян и рабочих. Они встречались и на более высоких командных должностях. Вот, например, сапожник Хьюсон, или котельщик Фокс, или извозчик Прайд, или шкипер Рейнсберо. Все это были командиры полков реформированной армии. Но верхушка армии в большинстве своем была больше связана не с трудящимися массами, а с промышленным капиталом, добивавшимся отмены цеховых ограничений, с купцами, недовольными системой монополий крупных торговых компаний, с землевладельцами — сторонниками решительной ликвидации феодальных земельных порядков. Именно таков был высший командный состав армии во главе с Кромвелем.

Вскоре после реформы парламентская армия одерживает ряд крупных побед над королевскими войсками. Король в надежде укрыться бежит в Шотландию, откуда была родом королевская династия Стюартов, но шотландцы за большую сумму денег (400 тыс. ф. ст.) выдают его парламенту.

Левеллеры.

Буржуазии и примыкающему к ней дворянству революция кажется законченной: королевский абсолютизм сломлен, власть в руках парламента, главнейшие феодальные пережитки уже разрушены. Но поднявшиеся народные массы далеко не удовлетворены. Революция им еще ровно ничего не дала. Они ждут улучшения своего экономического положения. Они добиваются политических прав, большей религиозной свободы. Недовольство растет. Огромным успехом, в особенности среди йоменов, пользуются так называемые левеллеры (дословно: уравнители).

Это не было новое течение. Еще в начале XVII в. левеллерами называли повстанцев-крестьян, которые боролись с «огораживанием» земель, уничтожали изгороди и добивались земельного уравнительного передела. Позже, в революционную эпоху, классовый состав левеллеров изменился. В их среде преобладали теперь представители городской и сельской мелкой буржуазии. К уравнению имуществ эти левеллеры уже не стремятся, их требования гораздо скромнее. Они добивались всеобщего (обычно все же с некоторыми ограничениями) избирательного права, упразднения королевской власти, установления однопалатного парламента[1] и возврата сельским общинам «огороженных» помещиками земель.

Революционное движение в армии.

К левеллерам принадлежало солдатское большинство армии. Под влиянием левеллеров солдаты выбирают своих представителей — «агитаторов», которые образуют своеобразные советы солдатских депутатов. Армия становится очагом революционной пропаганды, и парламент решает разделаться с этой опасной силой. С этой целью парламент начинает секретные переговоры о соглашении с королем, который с почетом содержится «в плену» в одном из своих замков. Одновременно, под предлогом окончания войны, выносится постановление о частичном роспуске армии. Другой части армии предписывается отправиться на подавление вспыхнувшего восстания (за независимость) в Ирландии. Постановление

[1] Т. е. упразднения палаты лордов и сохранения одной палаты общин.

вызвало огромное возмущение в армии. Она не хочет разойтись и требует от «грандов» (так солдаты полупрезрительно называли командную верхушку армии) решительных действий. Кромвель старается овладеть движением. Он занимает среднюю позицию и берет на себя переговоры с парламентом. Но когда последний все же старается осуществить роспуск армии, Кромвель вынужден пойти на соглашение с солдатами. При этом проделывается ловкий маневр, который обеспечивает за «грандами» руководящую роль в развертывающихся событиях. Был утвержден общеармейский совет, в который вошли высшее командование и представители офицеров и солдат (по двое и тех и других от каждого полка).

Таким образом, солдатская организация была взята под контроль. Теперь оставалось выждать удобное время для полной ликвидации солдатской оппозиции. А пока надо было удержать эту оппозицию в своих руках и для этого продолжать наступление против парламента. Армия занимает Лондон и фактически берет власть в свои руки.

Два проекта конституции.

К этому времени появляются два проекта конституции: солдатский, так называемое «Народное соглашение», и офицерский — «Основные предположения, исходящие от армии». Первый может служить образчиком программы левеллеров, второй — типичен для индепендентов.

«Народное соглашение» требовало полновластного парламента и перераспределения избирательных округов. Оно кроме того требовало полного невмешательства государства в дела религии и выступало против принудительных займов и принудительной военной службы. Наконец, «Народное соглашение» считало, что королевская власть должна быть уничтожена.

Гораздо более умеренной была программа индепендентов. Они также требовали перераспределения избирательных округов и кроме того введения имущественного ценза для участия в парламентских выборах. Они предлагали сохранение власти короля, правда, сильно урезанной.

Далее, в то время как левеллеры настаивали на упразднении палаты лордов, индепенденты замалчивали этот вопрос.

Как представители поднимающейся буржуазии они развивали свои экономические требования: введение свободы торговли и промышленности и уничтожение системы монополий.

Буржуазия укрепляется у власти.

До сих пор разногласия внутри армии сглаживались борьбой против общего врага. Но вот враг разбит. Только теперь движение достигает критической точки, и противоречия внутри армии и всей страны должны, наконец, проявиться со всей остротой. Брожение среди солдат становится открытым.

Растет революционное движение и за пределами армии. Кромвель переходит к решительным действиям и в корне подавляет вспышки солдатских выступлений. Общеармейский совет распускается и заменяется советом офицерским.

Расправляясь с революционным движением, индепенденты вместе с тем стараются оградить себя от опасности феодальной контрреволюции. Когда весною 1648 г. в разных городах Англии вспыхнули

контрреволюционные восстания приверженцев короля, эти восстания были жестоко подавлены. Подавлено было восстание и в Шотландии. Еще недавно она вела борьбу против короля, а теперь сделалась ареной роялистского восстания. Это оживление контрреволюции в Шотландии было вызвано тем, что пресвитериане, видя укрепление индепендентов, опасались дальнейшего развития революции. Поэтому они вышли из состояния нейтралитета, в котором пребывали в начале революции, и явно стали на сторону контрреволюции.

Многие пресвитериане, члены парламента, изобличаются в сношениях с королем, и это дает повод индепендентам, опираясь на армию, разделаться с парламентом путем изгнания из него всех неугодных



Казнь короля Карла I.

«грандам» депутатов. После «чистки» в составе парламента остается лишь небольшая группа депутатов, во всем покорных командованию армии. Вслед за этим был утвержден верховный трибунал для суда над королем. Трибунал обвинил его в государственной измене и вынес смертный приговор. 30 января 1649 г. английский король Карл I был казнен, а спустя 3 месяца, в мае 1649 г., Англия была объявлена республикой, управляемой парламентом и назначенными им министрами, но «без какого бы то ни было короля и палаты лордов».

В парламентском постановлении говорилось: «Опытом доказано, что должность короля в этой стране бесполезна, обременительна и опасна для свободы, безопасности и благополучия народа. В соответствии с этим она отныне отменяется».

Так индепенденты добились полной победы. После этого началась полоса буржуазной диктатуры.

§ 42. Буржуазная диктатура.

Английская республика. Буржуазия пришла к власти, когда и экономическое и политическое положение Англии было крайне тяжелым. Гражданская война расстроила хозяйство. Несколько неурожайных лет вызвали голод. Начали распространяться эпидемии. Жизнь сильно дорожала, а заработная плата не поднималась. Между тем правительство чуть ли не из года в год увеличивало налоги. Еще недавно цветущее промышленное производство разваливалось из-за сокращения рынков: внутренний был парализован, а внешний почти совсем закрыт, так как большинство стран Европы, где еще в полной силе был абсолютизм, отказывалось признавать республиканский строй Англии и помогало многочисленным эмигрантам-роялистам. Больше всего в этом отношении усердствовал французский двор, который стал центром контрреволюционных заговоров. Республиканскую Англию отказываются признать и некоторые ее колонии, особенно южноамериканские.

Но хуже всего было положение в Шотландии и Ирландии. В Шотландии (она всегда являлась оплотом пресвитериан), после того как пресвитериане открыто перешли на сторону монархии, организуется своего рода главный штаб роялистской контрреволюции. Здесь появляется сын казненного короля и снаряжается армия для вторжения в Англию. Ирландия же, восставшая еще в 1641 г., теперь окончательно отделяется от Англии, причем ирландцы вступают в связь с враждебными английской республике группировками на европейском материке.

Диггеры. Расстройство хозяйства, нужда масс, голод, эпидемии — все это обостряет революционное движение. В стране появляется крайнее революционное течение так называемых «истинных левеллеров», или «диггеров» (по-русски—копателей). Диггеры считали, что «безусловно справедливо, чтобы трудящийся народ пахал и засаживал общественную землю и жил на ней, не нанимая ее ни у кого и не уплачивая никому никакой арендной платы». Они занимали явочным порядком пустующие земли и вспахивали их для посева.

О том, как действовали диггеры, можно судить по следующему донесению в государственный совет:

«Сообщают, что в воскресенье на прошлой неделе некто Эверари, служивший когда-то в армии, но потом разжалованный, именующий себя пророком, Отьюер и Колтени еще двое, все живущие в Кобгэме, прибыли к холму св. Георгия в Сэррей, начали копать склон горы и засеяли землю пастернаком, морковью и бобами. В следующий понедельник они были там опять, уже в большем числе людей. На другой день, во вторник, они подожгли места, заросшие вереском, и выжгли по крайней мере сорок четвертей пустоши, что составляет большой вред для города. В прошлую пятницу они снова пришли в количестве двадцати или тридцати человек и работали и копали весь день. Они приглашали всех присоединиться к ним и помочь им, обещая за это пищу, питье и одежду. Они угрожали снести и повалить на землю все плетни и ограды и оставить все открытым и следили за тем, чтобы все было скоро посажено. Они объявили, что через десять дней их будет четыре или пять тысяч».

Такие захваты преследовали главным образом агитационную цель и не имели большого практического значения. Обычно группы «копателей», еще не успев вспахать заступами клочок земли, разгонялись войсками. При этом диггеры не пытались оказать никакого

сопротивления. Они признавали лишь мирные способы борьбы и больше рассчитывали на силу убеждения. В своих воззваниях они постоянно подчеркивали, что цели у них мирные и что они не намерены оказывать сопротивления властям. Это была скорее своего рода религиозная секта, чем широкое классовое течение. Диггеры выступали не против всякой собственности на землю: они заявляли, что хотят обработать «для общего блага» лишь общинные земли и не посягают на участки земли мелких собственников.

Широкого распространения движение диггеров не получило, но некоторый коммунистический оттенок этого движения дал повод правительству обвинять не только диггеров, но и всех левеллеров в том, что они посягают на «священное» право собственности, хотя левеллеры были далеки от этого и сами были типичными собственниками. Эта лживая агитация, разжигавшая собственнические инстинкты, была ловким приемом, который оттолкнул от левеллеров мелкособственнические крестьянские массы.

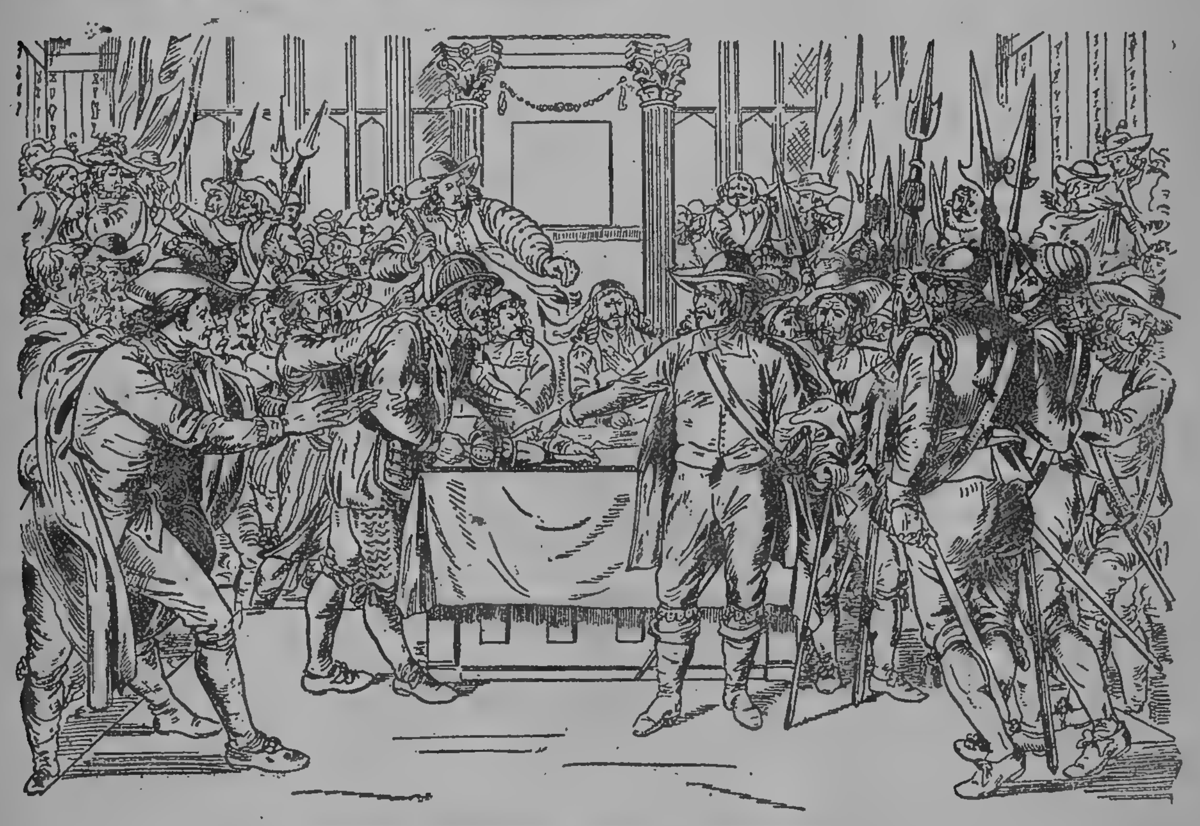
Буржуазная диктатура. Буржуазия только и ждала этого момента. Она решила, что настало время раз навсегда разделаться с революционным движением масс, поднявшихся в процессе буржуазной революции. Всякая революционная вспышка подавляется теперь со всей решительностью силою оружия, и внутри страны устанавливается твердый буржуазный порядок.

Затем начались военные походы для подавления восстания в Шотландии и Ирландии. Эти походы, особенно в Ирландию, отличались исключительной жестокостью. Ирландия была усмирена ценой сотен тысяч жертв и массовой конфискации земель. В стране был введен колониальный режим. Ирландцы были частью совершенно обезземелены, частью переведены на худшие и меньшие наделы, а отнятые земли пошли на уплату уже давно не выдававшегося жалованья армии и на расплату с поставщиками. Вслед за Ирландией была покорена Шотландия, а затем и те из колоний, которые отказывались признавать республиканское правительство.

Буржуазия праздновала свою победу. Ей удалось восстановить и государственное единство и «спокойствие» внутри страны. Иностранные государства возобновляют сношения с Англией, восстанавливаются торговые связи.

Англия начинает энергичную борьбу со своими конкурентами. В 1651 г. был издан особый «навигационный акт» (закон о мореплавании). Он разрешал ввоз в Англию иностранных товаров только на английских судах или на судах тех стран, которые производили ввозимые товары. Таким образом, «навигационный акт» пресекал транзитную торговлю с Англией. Эта мера была направлена, в первую очередь, против главной конкурентки Англии — Голландии, так как ее торговля как раз и была почти исключительно транзитной. Издание «навигационного акта» привело к войне, которая через два года закончилась победой Англии. Голландия признала «навигационный акт» и заплатила контрибуцию. Одновременно Англия добилась очень выгодного соглашения с Португалией. Английские купцы были уравнены с португальскими в праве торговли в португальских колониях. Вслед затем Англия начинает войну с Испанией и здесь добивается новой победы.

Протекторат Кромвеля. Успехи во внешней политике, подавление революционного движения, ликвидация хозяйственного кризиса — все это приписывалось господствующими классами Кромвелю. Он был теперь на вершине могущества. Поэтому всякий шаг к укреплению власти Кромвеля встречался благожелательно и буржуазией, и подавляющей массой землевладельцев (многие из них стали землевладельцами только благодаря революции). Когда в 1653 г. Кромвель, опираясь на армию, разогнал «охвостье» «долгого» парламента, этот переворот не вызвал протестов ни с чьей стороны: народные массы были подавлены, а правящие классы с охотой шли к созданию твердой власти.



Кромвель разгоняет «долгий» парламент.

Кромвель быстро приближался к неограниченной диктаторской власти. Его диктатура была оформлена в 1653 г., когда офицерский совет выработал новую конституцию и Кромвель был провозглашен пожизненным «лордом-протектором» английской республики. Конституция предусматривала существование парламента, избирающегося на основе высокого имущественного ценза. Но и такой парламент до известной степени ограничивал единоличную диктатуру. Едва он был созван, как сразу оказался распущенным, и началась полоса неограниченной военной диктатуры пожизненного лорда-протектора Оливера Кромвеля.

Но Кромвель выполнил уже свою роль: он подавил феодальную реакцию и разгромил революционное движение. Теперь он больше не был нужен. Как буржуазия, так и дворянство начинают тяготиться режимом военной диктатуры. Одинаково неудовлетворенными чувствуют себя и роялисты, и республиканцы.

Реставрация. В 1658 г. Кромвель умер. Власть осталась в руках офицерской верхушки. И буржуазия, и дворянство не видели иного выхода, как восстановление монархии. Тогда на сцене появляется сын казненного короля Карл II Стюарт. В 1660 г. собравшийся парламент восстановил старую конституцию и провозгласил Карла II английским королем. Карл II вынужден был при этом дать ряд гарантий классам, которые поставили его у власти. Он торжественно обещал сохранить распроданные во время революции земли за новыми собственниками, соблюдать конституцию и веротерпимость, дать амнистию и уплатить армии невыплаченное ей жалованье.

Английская республика сменилась монархией, но это не означало восстановления феодального строя.

Борьба против «огораживания» земель уже больше не возобновлялась, капиталистические отношения продолжали распространяться во всех отраслях хозяйства. Особенно это сказывается в стремительном росте капиталов. Экономисты того времени исчисляли ежегодный прирост национального богатства Англии во вторую половину XVII в. приблизительно в 2 млн. ф. ст. (около 20 млн. руб. золотом). По тем временам это была огромная сумма. Обогащение буржуазии и дворянства идет с невиданной раньше быстротой; оно строится на обнищании трудящихся масс, на пролетаризации крестьянства, колониальном грабеже, беспощадной эксплоатации зарождающегося промышленного пролетариата и окончательно теряющих свою экономическую самостоятельность кустарей.

Львиная доля накопленных богатств была награблена в колониях, особенно при помощи работорговли. Одна торговля с Ост-Индией давала не меньше 600 тыс. ф. ст. годового дохода. Крупные барыши приносило промышленное производство, в котором выделка сукон попрежнему стояла на первом месте: в это время годовой вывоз сукон составлял приблизительно 2 млн. ф. ст. Большие доходы приносило и сельское хозяйство: особые хлебные законы устанавливают свободу вывоза английского хлеба и облагают пошлинами хлеб привозной. То же относилось и к мясу, и к убойному скоту. Цены на продукты сильно поднимаются, от чего жестоко страдают пролетарские группы потребителей, но наживаются землевладельцы. Их богатства растут и от дальнейших «огораживаний», и от различных ограничительных законов, направленных против сельскохозяйственных рабочих. Например, был издан особый закон об оседлости, который очень сильно ограничил свободу передвижения сельскохозяйственных рабочих и тем самым облегчал помещикам эксплоатирование этих рабочих.

Итак, капиталистические отношения продолжали развиваться, но феодальная реакция, не проникая в глубь общественной жизни, давала себя знать на ее поверхности. Ко двору приближаются реакционные феодальные деятели. Они занимают важнейшие государственные должности. Опять получает влияние католицизм. Король ведет интриги за границей, устанавливает закулисные связи с Францией. Это тем более возбуждает торгово-промышленные круги Англии, что Франция являлась в то время опаснейшей конкуренткой для английской внешней торговли.

В рядах буржуазии снова растет недовольство. Хотя королевская власть и была ограничена парламентом, который имел, например, право требовать отставки неугодных ему министров, хотя издан был особый закон[1] о личных правах английских граждан, но буржуазия добивалась более решительного ограничения королевской власти. Недовольны были возрождавшимся королевским абсолютизмом и многие землевладельцы. Между сторонниками королевской политики и ее противниками опять возникает борьба.

«Тори» и «виги». Противоположные стороны называли друг друга «тори» и «вигами». Это разделение положило начало созданию двух больших политических партий, которые впоследствии превратились в консервативную и либеральную, существующие и в наши дни. Тори выражали интересы главным образом крупного землевладения, сравнительно мало втянутого в капиталистические отношения. Они были за преобладание королевской власти. Виги были представителями банкиров, крупных купцов, обуржуазившегося крупного землевладения. Они добивались увеличения значения парламента и дальнейшего ограничения власти короля. Они все активнее выступали со своими требованиями. Начиналось и революционное брожение в массах. Однако тори, как и виги, боялись повторения революции и гражданской войны. Поэтому в решительную минуту они предпочли отказаться от поддержки Стюартов.

Переворот 1688 г. В 1688 г. обе партии пришли к соглашению. Решено было посадить на престол нового, более подходящего короля — Вильгельма (Уильяма) Оранского, который подписал «декларацию» и «билль о правах». Эти документы сводили роль короля к нулю, превращая его в ширму, за которой свободно могли хозяйничать истинные господа положения— представители крупнейшего землевладения и не менее крупной буржуазии. У короля отнималось право приостанавливать действие закона. Еще раз категорически подтверждалось исключительное право парламента устанавливать налоги. Провозглашались свобода слова для депутатов и право подачи в парламент петиций. Особым законом предоставлялась свобода религии лицам и сектам, не принадлежавшим к господствующей англиканской церкви. Такой тип государственного устройства, когда королевская власть ограничена парламентом, называют конституционной монархией.

Так события 1688 г. упрочили основание нового буржуазного парламентского строя Англии. Это был блок предпринимательского дворянства и крупной буржуазии. По словам Маркса, переворот 1688 г. «вместе с Вильгельмом поставил у власти наживал из землевладельцев и капиталистов».

---

[1] Так называемый «Габеас корпус акт» («Habeas corpus act»). Сущность его заключается в том, что каждый арестованный имеет право требовать или немедленного разбирательства своего дела в суде, или освобождения под залог и поручительство. Этот закон, несмотря на известные оговорки, суживающие его действие, все же ограничивал административный произвол. «Габеас корпус» имеет силу и в наши дни и усиленно рекламируется буржуазией как образчик гарантии неприкосновенности личности в буржуазном государстве. Но на деле оговорки к этому закону всегда дают возможность парализовать его действие, когда дело идет о «преступниках»-революционерах и в особенности в наши дни о коммунистах.

ГЛАВА XVI.

МОСКОВСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ В XVI в.

§ 43. Рост товарного хозяйства в XVI в.

Рост общественного разделения труда в России в XVI в.

Уже в предшествующие столетия русской истории началось постепенное отделение ремесла от сельского хозяйства. В XVI в. этот процесс продолжался. Правда, городское ремесло развивалось попрежнему весьма медленно. Только в немногих городах создались значительные ремесленные слободы. Но деревенские промыслы значительно двинулись вперед. Точно так же в районе Верхней Волги выделился ряд промысловых сел по обработке дерева, изделия которых находили свой сбыт на более отдаленном рынке. Развивалось и сельское хозяйство, так как начинал расти спрос на его продукты. Увеличилась общая площадь посевов за счет распашки новых земель.

В наиболее густозаселенных районах начали переходить от подсечного и переложного земледелия к трехполью. На основе развития промыслов и сельского хозяйства усиливался обмен. Развитию обмена способствовало политическое объединение русских земель под властью Москвы. Оно облегчало развитие торговли между отдельными областями.

С конца XV в. была установлена в Московском государстве единая денежная система (основной единицей стал московский рубль). Отдельные князья были лишены права «давать деньги по уделам».

Чтобы дать общую картину московского хозяйства, лучше всего обратиться к показаниям иностранцев, которые с XVI в. старались пробираться в Московию в поисках новых товаров и новых рынков.

Города и ярмарки XVI в.

В средине XVI в. одна из английских торговых компаний в поисках новых путей в Индию и Китай отправила три корабля в Северный океан, рассчитывая с севера обогнуть Азию. Два из этих кораблей погибли, затертые льдами. Третий был занесен в устье Северной Двины.

Капитан его (Ченслер) доехал до Москвы, был принят там царем и получил особую грамоту от царя (Ивана Грозного), разрешавшую англичанам свободную торговлю в Московском государстве.

Ченслер в отчете о своем путешествии писал: «Россия — страна, богатая землей и населением. Между жителями очень много рыбаков, ловящих семгу и треску; у них также много ворвани, наибольшее количество которой добывается около реки Двины. В северных частях этой страны есть место, где ловят пушных зверей: соболей, куниц, серых медведей, лисиц белых, черных и красных, выдру, горностаев, белок и оленей; там же добывают клыки от рыбы, называемой моржом. Охотники за этими зверями привозят на оленях свою добычу в Холмогоры, где в Николин день бывает большая ярмарка. К западу находится город Новгород, около которого растет прекрасный лен, конопля, много есть также воску и меду. Очень много в Новгороде и кожи, равно как и в городе Пскове, в окрестностях которого тоже великое изобилие льна, конопли, воску и меду. Находится здесь еще город Вологда, его предметы торговли: сало, воск и лен, но не в таком количестве, как в Новгороде. Холмогоры снабжают Новгород, Вологду и Москву со всеми окрестными областями солью и соленой рыбой. От Вологды до Ярославля 200 миль, и этот последний — очень большой город. Здесь находятся кожи, сало, в изобилии хлеб, есть и воск, но его не так много, как в других местах».

Рассказ Ченслера свидетельствует о значительном развитии торговли внутри страны. Выросли большие города, ведущие крупную торговлю.

Не менее значительное место в торговле занимали ярмарки. Об одной из ярмарок (в Холопьем посаде на Мологе) немецкий путешественник XVI в. говорит, что там «круглый год бывал обычно торг; на нем встречались турки, персы, армяне, бухарцы, шемаханцы, кизильбаши (персы), сибирцы, черкесы, немецкие и польские торговые люди. Из 70 городов русских торговые люди были приписаны к этой ярмарке и должны были приходить к ней».

Рост внешней торговли.

Оба приведенных выше документа говорят о развитии не только внутренней, но и внешней торговли как с Западом, так и с Востоком. Круг торговых связей Московского государства в XVI в. уже достаточно широк. Московские летописи пестрят сообщениями о приезде в Москву иностранных послов и «гостей» (заграничных купцов); то из Шемахи (на Кавказе), то из Бухары, то из Самарканда или Хивы шлют государю московскому челобития, грамоты о заключении торговых договоров. И московский государь с своей стороны шлет грамоты и послов и на восток, и на юг, и на запад, то к хивинскому хану, то в Царьград (Константинополь), то в Антверпен или в английскую землю. В самом конце XVI в. проникли в Московское государство и голландские купцы, ставшие здесь в XVII в. главными соперниками англичан.

Рост купечества.

Развитие торговли на широкий рынок вело, как и на Западе, к тому, что мелкий производитель и торговец попадали в зависимость от скупщика. В больших городах над массой ремесленников и мелких торговцев начал возвышаться слой богатого купечества («гости и гостинной сотни людишки»). В зависимость от купцов попадает и сельское ремесло.

В роли скупщиков выступали не только купцы. Не брезгали заниматься этим и феодалы как светские, так особенно духовные. Духовник Ивана Грозного, протопоп Сильвестр, был крупным скупщиком, на которого работало много всякого рода ремесленников: «иконники, книжные писцы, серебряные мастера, кузнецы, плотники, каменщики, кирпичники, стенщики и всякие рукодельники». Предприимчивый протопоп их кредитовал, а они должны были расплачиваться с ним или готовыми изделиями или своим трудом.

Влияние денежного хозяйства на деревню.

В XVI в. (особенно во второй его половине) происходят крупнейшие изменения и в сельском хозяйстве. Продукты сельского хозяйства в некоторой части становятся товарами. На них предъявляют спрос и внутренний и внешний рынки. Внутренний рынок — растущее население городов — требует все большего количества пищевых продуктов. Особенно крупным рынком являлась Москва. Англичанин Ченслер рассказывает, что по утрам можно было встретить 700—800 саней, везущих в Москву хлеб и рыбу. Внешний рынок предъявлял спрос на лен, пеньку, сало и кожи, которые являлись важнейшей частью русского вывоза.

Успехи товарного денежного хозяйства в стране обнаруживаются в переходе от натурального оброка к денежному. Все чаще попадаются

в писцовых книгах[1] записи вроде следующих: «А нелюб сыр — за сыр 2 деньги», или: «Нелюб хлеб — имать (брать) за хлеб 4 деньги»[2]. (Конечно, о полном исчезновении натурального оброка говорить не приходится.)

Еще важнее было другое изменение. Растущий спрос на продукты сельского хозяйства толкал землевладельца к увеличению собственной запашки. Обычно, как указывалось раньше, совершенно незначительная в XV в., она резко растет в XVI в. Размеры барской запашки иногда доходят до 50% всей площади пашни. Раньше других землевладельцев увеличивать барскую запашку стали монастыри. Нужную для хозяев землю отбирали у крестьян. О том, как шел этот захват крестьянской земли, можно судить, например, по жалобе крестьян одной монастырской волости. В ней крестьяне указывают, что монастырские власти «поотнимали лучшие пашенные земли и сенные покосы и привели к своим монастырским землям, а у иных крестьян деревни поотнимали с хлебом и сеном и, многие дворы разломав, развозили из тех деревень. Крестьяне от того игуменского насильства с женами и детьми между дворами скитаются».

§ 44. Новые захваты. Покорение Сибири.

Захват Среднего и Нижнего Поволжья.

Интересы землевладельцев толкали Московское государство к дальнейшим захватам и колониальному грабежу. Захваты феодалов поддерживало и нарождавшееся купечество.

Наибольших успехов Москве удалось добиться на востоке. Поволжские («подрайские», по словам одного из русских помещиков XVI в.) земли казались желанной добычей для русских помещиков. А развивавшаяся торговля с Востоком усиливала значение Волги как торгового пути.

После длительных войн была взята Казань (в 1552 г.), а через четыре года — Астрахань. Затем началась беспощадная борьба за окончательное подчинение поволжских народностей — татар, мари, чувашей. Особенно упорно с русскими боролись мари, много раз в течение 40 лет восстававшие против московского грабежа. Однако сила была на стороне московских феодалов. К тому же московским завоевателям удалось использовать раздоры между «луговыми» и «горными» мари. Поэтому сопротивление мари было сломлено при помощи отчасти подкупленных Москвой туземных старшин.

Пробив дорогу к Каспийскому морю, московские феодалы пробовали продвинуться и на запад, к Балтийскому морю, чтобы завладеть балтийскими гаванями. Но здесь они натолкнулись на упорное сопротивление со стороны польских и шведских феодалов. Пришлось отступить и ограничиться для торговли с Европой менее удобным путем через Белое море. Зато гораздо успешнее шли дела на востоке. В конце XVI в. русские захватчики перевалили даже за Урал, в Сибирь.

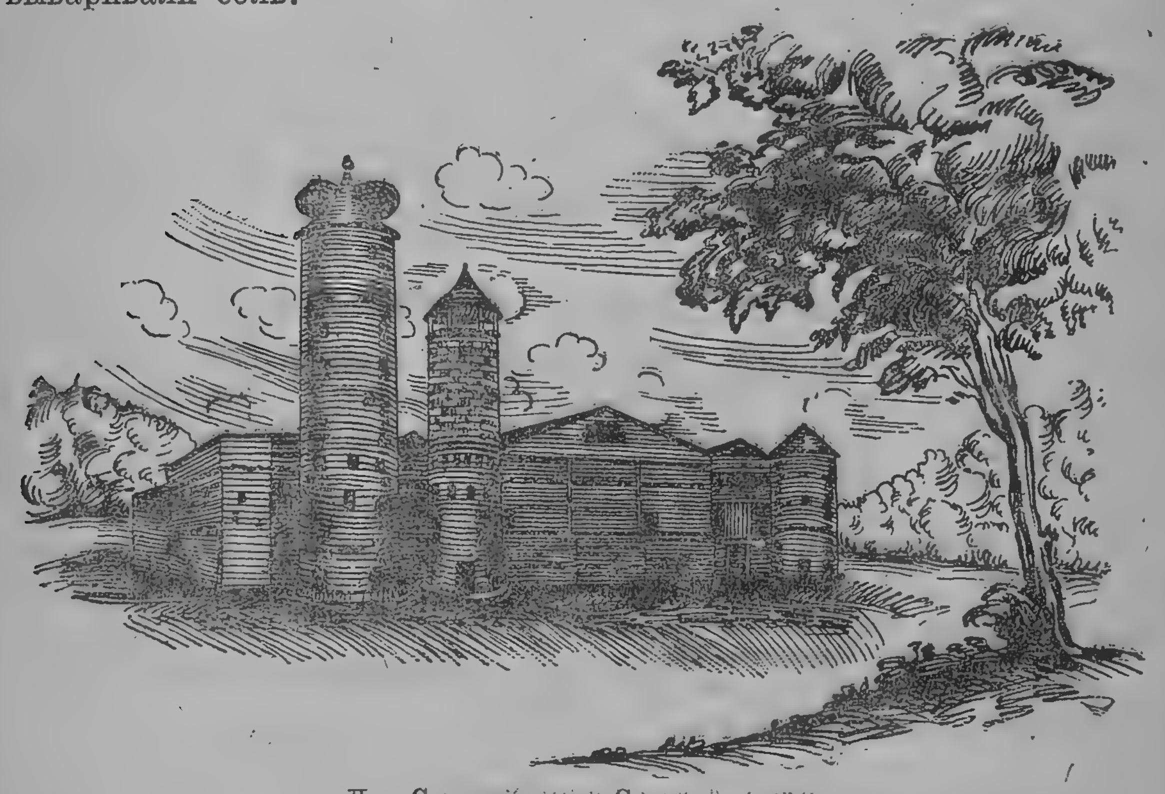
---

[1] Писцовыми книгами назывались хозяйственные описи имений, производившиеся правительством.

[2] То-есть, если землевладельцу угодно, он может заменить натуральный оброк (хлебом или сыром) денежным.

Строгановы на Урале. Пушнина, серебро и другие природные богатства манили к себе жадных до наживы московских захватчиков, а местное население не могло им дать отпора.

Крупнейшими из этих предпринимателей XVI в. были купцы Строгановы, которые на Урале завладели огромными землями. Грамота царя Ивана (Грозного) жаловала Григорию Строганову по Каме огромные слабонаселенные пространства. На этом месте Строгановы поставили городки, стали заманивать к себе поселенцев, которые должны были лес рубить, пашню пахать. А всего больше занялись они добычей соли из соляных источников. Высокими журавлями выкачивали рассол из колодцев и в больших чанах вываривали соль.



Дом Строгановых в Сольвычегодске.

Был и другой источник обогащения у Строгановых. В прикамских лесах жили охотничьи племена. У них добывали все ценные меха.

Чтобы держать угнетенные народности в повиновении, Строгановы завели у себя военные отряды, понастроили крепостей с пушками и пищалями [1].

Покорение Сибири. За мехами пробирались и за Урал. Чтобы подчинить сибирских туземцев, Строгановы в 1581 г. собрали военный отряд из казаков (под начальством Ермака), дали им пороха и свинца, несколько тяжелых пищалей да пропитания на дальний путь: муки, крупы, толокна, сухарей.

По быстрым уральским рекам перебрался отряд через Урал. Перетащились казачьи отряды волоком в притоки Оби и начали здесь борьбу с сибирским татарским царством.

[1] Огнестрельное оружие проникло в Москву в XV в.

Победа казаков (их в отряде было около 800 человек) над гораздо более многочисленными войсками сибирского хана (Кучума) объяснялась тем же, чем объяснялись легкие победы европейцев в Америке в начале XVI в. Вооруженные пищалями казаки разгоняли большие отряды татарских лучников.

Так началось покорение Сибири.

Колониальный грабеж в Сибири. За первым походом последовал ряд других. В XVI в. присланные Москвой отряды и отдельные казачьи шайки быстро овладели всей Сибирью. С местными жителями расправлялись беспощадно. Если они пробовали сопротивляться, их избивали, вешали за ноги, заставляли целовать окровавленную саблю.

Покоренных заставляли платить «ясак» (дань) мехами: соболями, куницами, лисицами черными и белыми, горностаями, бобрами. Средним окладом ясака было 10 соболей с женатого и 5 с холостого (соболя в Сибири стали деньгами). Кроме дани государю приходилось платить попу за требу (за крещение 10 или 15 белок, за женитьбу 2 соболя). Местное население так и говорило: «Мы платим два ясака: один — воеводе, другой — попу».

Проникшие вслед за завоевателями купцы вели в Сибири грабительскую торговлю. Часто грабители не только захватывали имущество, но и забирали туземцев в рабство. В Якутске образовался даже постоянный невольничий рынок. Известный завоеватель земель Сибири Хабаров (по имени его назван город Хабаровск) во время своего набега на тунгусов угнал оттуда несколько сот рабов.

Сибирь являлась для Москвы источником обогащения. Крупные состояния создавались здесь со сказочной быстротой. Один московский чиновник, отправлявшийся в служебную поездку в Сибирь, захватил в дорогу четыре бочки вина и самогонный аппарат (для спаивания населения). В Москву же он вернулся с пушниной, примерно, на 50 тыс. руб.

§ 45. Борьба за землю и за власть между дворянами и боярством.

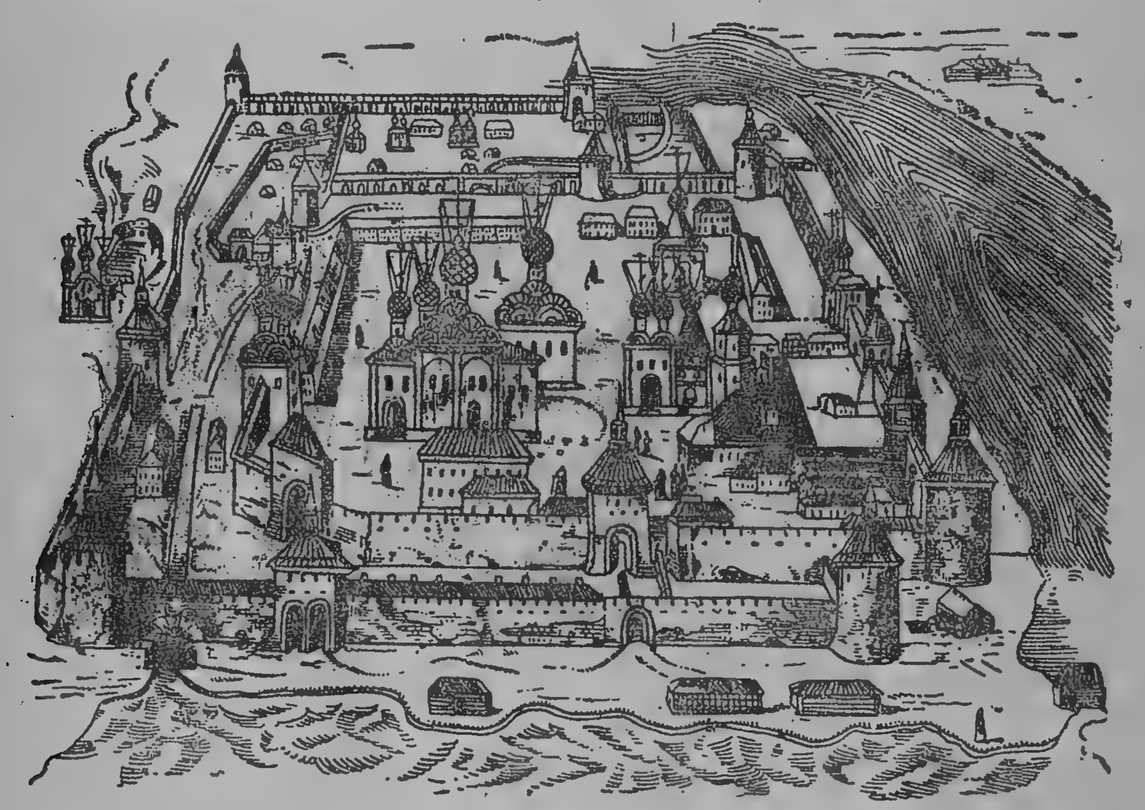
Монастырское землевладение. Развитие товарного хозяйства повлияло на положение разных групп русских феодалов. К новым условиям лучше всего приспособились монастыри. Монастыри раньше других землевладельцев начали широко применять у себя барщину. Монастыри принимали деятельное участие в торговле. По отзывам иностранцев, «монахи самые изворотливые купцы во всем государстве и торгуют всякого рода товарами». Троице-сергиев монастырь отправлял в Москву целые обозы с хлебом. Соловецкий монастырь продавал ежегодно до 130 тыс. пудов соли. Торговлей солью усиленно занимался и другой крупный монастырь — Кирилло-белоозерский. Он торговал солью «на Двине, и на Твери, и на Торжке, и на Угличе, и на Кимре, и на Ростове, и на Кинешме, и на Вологде, и на Белоозере с пригороды: где соль поценнее, тут и продают».

Наконец, монастыри стали крупнейшими «банкирами» XVI в. Они получали огромные доходы от сельского хозяйства и торговли. Очень много средств получали они от эксплоатации суеверия и темноты мирян. Разные вклады на «помин души» и другие виды

доброхотных даяний обогащали монахов. Накопленные средства монахи отдавали в рост. Среди монастырских должников мы встретим не только крестьян: старая московская знать была опутана сетью долговых обязательств перед «смиренными иноками».

Оставаясь крупнейшим феодальным землевладельцем, церковь стала в то же время крупным торговцем и ростовщиком, «сребролюбцем ненасытным», по словам современников.

«Оскудение» бояр. Боярское землевладение не так успешно приспособилось к новым условиям. Расходы на содержание большой дворни, разорительная служба при дворе, рост потребностей в связи с развитием торговли — все это требовало больших средств. Боярину нужно было много денег. А хозяйство



Кирилло-белоозерский монастырь.

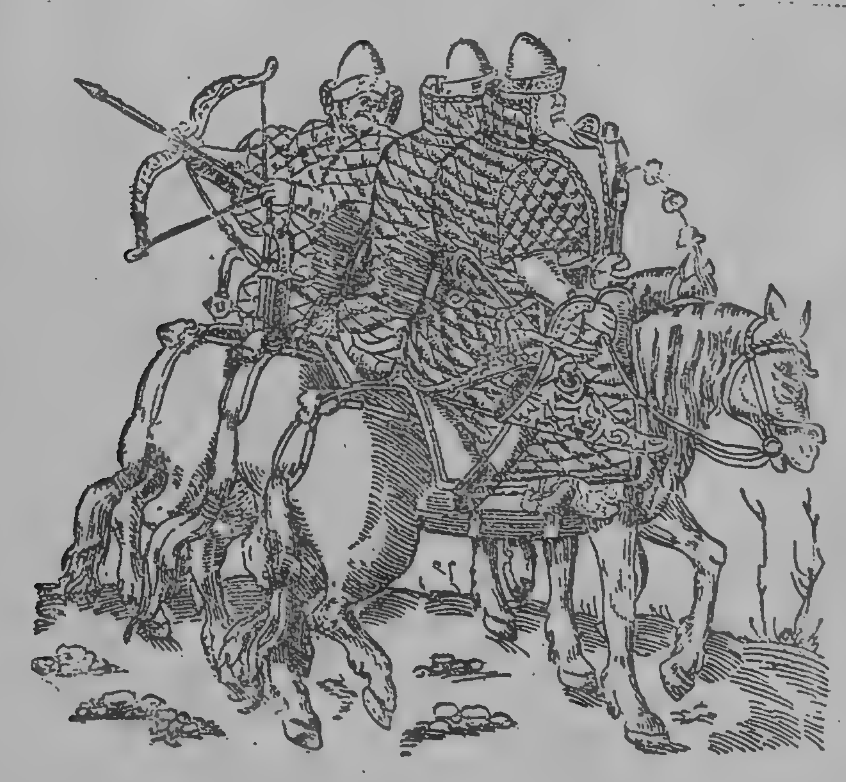
давало их мало. К тому же, связанный службой при дворе, боярин бывал редким гостем даже в своих подмосковных вотчинах, а в дальние вотчины едва ли когда и заглядывал.

Многие из бояр поэтому разорялись, должали (монастырям и другим ростовщикам).

Служилые землевладельцы. В очень трудном положении оказалось служилое и поместное землевладение, подвассальное крупным феодалам. Число помещиков в XVI в. очень выросло. Для больших войн, которые вела Москва, нужно было многочисленное войско. Главной военной силой были «служилые люди», которым за службу давали поместья и жалованье. Помещик должен был по приказу государевых властей явиться на службу с двумя-тремя людьми из своих слуг, с копем, вооружением и запасами.

В своем поместье (десятин 150—200) помещик вел хищническое хозяйство, эксплоатируя холопов и крестьян. Для расширения

хозяйства помещик постоянно нуждался в земле и в рабочих руках. Землю можно было добыть прежде всего войнами, и помещики, как мы знаем, толкали правительство к захватам новых земель. Особенно прельщали помещиков черноземный юг и юго-восток (Поволжье). Но можно было достать землю и другими способами, отобрав ее у бояр и монастырей. Помещик с завистью смотрел на огромные владения бояр, захвативших себе лучшие земли в центре страны. Вопрос о рабочих руках точно так же толкал помещиков против бояр. Боярская вотчина переманивала от помещиков крестьян. Таким образом, боярская вотчина мешала развитию помещичьего хозяйства. Начиналась борьба



Служилые люди.

за землю и крестьян между боярами и помещиками. Защитники помещичьих интересов в литературе XVI в. резко нападали на «ленивых богатин», как называли они старое боярство.

Упадок политической роли боярства.

Объединенное Московское государство представляло собой феодальную монархию. Князья и бояре объединенных областей обычно оставались на местах владельцами своих земель. Какой-нибудь князь Курбский или Шуйский был, как прежде, государем у себя на Курбице и Шуе; его положение изменилось лишь в том отношении, что он стал теперь вассалом московского князя, обязанным по его призыву служить «мечом и советом». Московский князь управлял объединенной страной при помощи бояр. В их руках находилась и местная власть, и центральная.

О феодальном характере Московского государства свидетельствует обычай «местничества». Боярские роды размещались по определенной системе: одни считались знатнее других. Каждый род внимательно следил за тем, чтобы при назначениях на ту или иную службу считались с его знатностью. «Порода» стояла по местническим взглядам выше «выслуги».

Боярство упорно держалось за «местничество». Если назначение не соответствовало знатности рода, например, если какого-нибудь боярина назначали подчиненным другого, менее знатного, он отказывался от назначения, чтобы не нанести «порухи роду».

«Местничество» сказывалось и в боярском быту. На царских пирах, как и в боярской думе, бояре рассаживались по родовитости. Если кому-нибудь отводили место, не отвечавшее его знатности, он готов был залезть под стол, только бы не сесть ниже, чем ему полагается по сложным «местническим» счетам.

Уже с XV в. московские государи начали ограничивать права феодальной знати. С бояр стали брать письменные обязательства о неотъезде. За верность боярина должны были поручиться деньгами его родственники и друзья. Так, князь Иван III, покоритель Новгорода, взял с князя Холмского подписку о неотъезде, причем за него поручились семь бояр на 8 тыс. руб. Уже при сыне Ивана III, Василии, бояре роптали на то, что государь решает важные дела без совета с ними, запершись сам с дворецким да дьяком. В центральном управлении все большее значение приобретали незнатные чиновники (дьяки). И в местном управлении роль бояр была также ограничена.

В России в XVI в. начинал складываться самодержавный порядок.

Между московским «самодержцем», который с средины XVI в. принял титул «царя» [1], и его знатными феодальными слугами отношения испортились. Для борьбы со своеволием знати цари опирались на новое дворянство и на растущее купечество (как это было и в Западной Европе), а также на ту часть крупного боярства, которая была крепко связана с рынком. С своей стороны помещик и купец были заинтересованы в укреплении самодержавия. Только крепкая власть могла обеспечить помещику господство над крестьянами и расширение его владений. Только централизованное государство могло укрепить нужный для купечества (и передовых феодалов) национальный рынок.

Опричнина. Решительное столкновение между помещиками и боярством произошло во второй половине XVI в.; непосредственной причиной его явились неудачи Москвы в войне с Ливонией. Война с Ливонией, начатая сразу после покорения Поволжья, ставила целью захват балтийских портов (Нарвы, Ревеля, Риги) и новых земель для раздачи помещикам.

Война началась успешно для Москвы. Но за первыми победами последовали неудачи. В Москве ответственность за эти неудачи возлагали на бояр. Стали говорить об измене бояр. Для этого были некоторые основания: один из крупнейших русских военачальников, князь Курбский, изменил Москве и бежал в Литву, осуществив во время войны «право отъезда».

Тогда зимою 1565 г. был произведен царем настоящий государственный переворот. Значительная часть земель была изъята из-под власти боярской думы и для управления ею был создан «двор особый», опричнина [2]. В опричнину были взяты те области, где было много боярских и княжеских вотчин, преимущественно центр страны. В опричнину были взяты и крупнейшие торговые города. Боярские феодальные дружины были распущены.

---

[1] Слово «царь» происходит от имени римского императора Цезаря. По смыслу оно равнозначно западноевропейскому императору.

[2] Опричниной называли особый удел, выделенный из государства для кого-либо, например для вдовы царя.

Из областей, взятых в опричнину, бояр выводили, а их земли раздавались служилым людям («опричникам»). Вотчинные города (т. е. города, принадлежавшие боярам) освобождались из-под власти феодалов и подчинялись непосредственно царскому управлению. Борьба дворян против боярства по существу была борьбой за преимущественное право эксплоатации крестьянства.

Таким образом, опричнина била по боярскому землевладению и власти бояр на местах. Князей выводили из их насиженных гнезд, где они были ранее государями, и наделяли землей где-либо на окраине государства.

Направленная против старых феодальных групп московского общества, опричнина встречала поддержку и со стороны крупного купечества. Купечество было заинтересовано в уничтожении обособленных феодальных владений, тормозивших образование единого национального рынка. Поэтому купечество стояло за самодержавие. На сторону опричнины перешла и часть крупного боярства, особенно те, чье хозяйство было связано с рынком (к числу этих бояр-опричников принадлежал будущий царь Борис Годунов). Зато верхи феодальной церкви дружно выступили на защиту боярства.

Боярство пыталось сопротивляться опричнине, устраивало заговоры против дворянского (помещичьего) царя. Царь беспощадно расправлялся с «изменниками-боярами» и их союзниками. От них отбирались земли и имущество, самих их казнили после жестоких пыток. Время опричнины было эпохой террора. Царь Иван IV получил от бояр за эти казни прозвище Грозного. Опричники были организованы в особый отряд для борьбы с изменой, облеченный исключительными полномочиями. Долго сохранялась память о руководителях опричнины, особенно о Малюте Скуратове.

Опричнина была установлением московского самодержавия в интересах дворянина-крепостника и крупного торговца.

Московское самодержавие являлось исполнительным комитетом крепостников-помещиков в деле порабощения крестьянских масс и классовым орудием в деле закабаления колониальных народностей.

§ 46. Новое крепостное право.

Новый нажим на крестьян.

Установление дворянской диктатуры отразилось очень резко на судьбах крестьянства.

XVI в., особенно вторая половина его, был временем резкого ухудшения положения крестьян в центральных областях страны. Для увеличения барской запашки от крестьян часто отбирали земли.

Очень хорошо можно выяснить сущность изменений, происшедших в положении крестьянства в XVI в., сравнив поместные грамоты помещикам начала и конца XVI в.

В начале XVI в. обязанности крестьян обычно излагались так: «И вы б, крестьяне, давали помещику хлеб и деньги и все пошлины по старине. А он (помещик) вас судит и ведает во всем».

В конце XVI в. в тех же грамотах обычно писали: «И вы б, крестьяне и бобыли, своего помещика чтили и слушали во всем, и пашню на него пахали, и оброк ему всякий платили, чем он вас изоброчит,

а он вас ведает и судит»[1]. Рост барщины в XVI в. отнюдь не привел к уничтожению или сокращению оброка. Наоборот, росли и оброки. Так развитие денежного хозяйства приводило к росту крестьянских повинностей (оброков и барщины).

Развитие денежного хозяйства в России привело не только к увеличению крестьянских повинностей, но и к жестокому закрепощению крестьян. В этом отношении развитие России отличается от Англии и Франции и несколько ближе подходит к истории Восточной Германии и других стран Восточной Европы, где медленно развивались городская жизнь и ремесло.

Русский землевладелец в конце XVI в. добился «прикрепления» крестьян к господину.

Закабаление вольных людей.

Чтобы привлечь к себе на землю людей, помещики пробовали увеличить число холопов, покупали их, закабаляли вольных людей. Вольному человеку давали деньги в долг под условием, что в случае неуплаты он становится рабом (такой договор назывался «кабалой»).

Иногда заставляли подписывать кабалу «силой и мукой». А то подпоят вольного человека вином, и «после трех или четырех чарочек» он спьяна подписывал подсунутую кабалу.

Своз крестьян в XVI в.

Не ограничиваясь закабалением холопов, землевладельцы всячески старались захватить к себе на землю и крестьян. Здесь они действовали то прямой силой, то старались использовать закон о крестьянском «отказе» и вывезти на законных основаниях крестьян к себе. Из-за крестьянского вывоза разгоралась жестокая борьба между разными группами землевладельцев.

Осенью около Юрьева дня крупные землевладельцы (бояре и монастыри) рассылали своих приказчиков («отказчиков») сманивать крестьян у других владельцев, уплачивали за них «пожилое» и переводили к себе. Бывшие владельцы часто не хотели выпускать крестьянина, иногда с оружием в руках встречали «отказчиков». Говоря словами одной челобитной, помещики «тех отказчиков бьют и в железо куют, а крестьян из-за себя не выпущают, да, поймав их, мучат, грабят и в железо куют».

Закрепощение крестьян ссудой.

Чтобы крепче привязать эксплоатируемого крестьянина, многие землевладельцы пользовались ссудой, деньгами или натурой. Такого рода ссуды встречались и раньше («издельное серебро»), особенно на княжеских и монастырских землях. Теперь они стали гораздо более частыми. Когда крестьянин садился на землю к какому-либо землевладельцу, он часто не имел ни скота, ни сельскохозяйственных орудий. Не на что было ему поставить себе избу и амбары. А часто и хлеба не было ни на «семена», ни на «емена» (т. е. ни на посев, ни на пропитание). За всем приходилось итти к барину—просить о «подмоге». Помещик заключал с крестьянином договор — «порядную». В этой «порядной» перечислялось, что получил крестьянин от помещика. Например: «подмога взял лошадь да корову, да свинью, да две овцы, да хлеба, ржи и овса». А затем указывались обязанности крестьянина: оброк платить и «на

[1] Из грамот новгородским помещикам XVI в.

дело» (барщину) ходить. Иногда ссуда давалась деньгами. Если бы крестьянин захотел уйти от помещика, он должен был вернуть ссуду с ростовщическими процентами. Сверх ссуды ему нужно было уплатить «пожилое». Размер «пожилого» был и по закону очень велик, а на деле оказывался еще выше, так как многие помещики «пожилое» брали сверх законного размера.

Борьба помещиков с вотчинниками.

Все эти способы борьбы за крестьянские руки — кабала, вывоз, ссуда — были по средствам и по силам крупным боярам и богатым монастырям. Они могли и приказчиков рассылать для переманивания крестьян, и деньги у них (особенно у монастырей) имелись для закрепления крестьян путем ссуд, и льготу они могли дать новым поселенцам. К тому же монастырские крестьяне до конца XVI в. были свободны от государевых податей. Поэтому в борьбе за крестьян мелкие и средние помещики оказывались в менее выгодном положении, чем крупные вотчинники.





Крестьяне XVI—XVII вв.

Во время опричнины помещики использовали свою диктатуру для захвата многочисленных боярских вотчин и сидевшего на них крестьянства. Ограничены были в конце XVI в. и монастырские преимущества. Монастырский крестьянин должен был также платить подати наравне с помещичьими. Таким образом, помещик побеждал своих соперников. В центре страны место крупного вотчинника занял новый хищный хозяин.

Переход земель к помещикам сопровождался массовым ограблением крестьянства: от крестьян новые господа отнимали землю и имущество, увеличивали поборы и барщину.

Разорение крестьян.

Немилосердный грабеж со стороны помещиков вел к разорению крестьян. Те места, где в средине XVI в., по словам Ченслера, деревушки были переполнены народом, теперь пустуют. Англичанин Флетчер в конце XVI в. по пути между Вологдой и Москвой встречал большие селения без единого жителя.

Переписные книги XVI в. пестрят такими записями: «От царевых податей безвестно бежал», «Вотчина, что была князя Оболенского, а ныне лежит в пусте», «Двор сожгли опришные» (опричники) и т. д. Местами запустело до 90% земли. В разоренной, опустевшей деревне опять стали возвращаться от трехполья к перелогу. Для лучшего хозяйства нехватало рабочих рук.



Опустелая деревня.

Заповедные годы.

Без помощи государства помещики не могли удержать у себя крестьян, разбегавшихся от них или уходивших в крупные вотчины. Чтобы прекратить вывоз крестьян от помещиков, Московское государство постепенно стало запрещать крестьянский «отказ». Сначала были изданы указы, чтобы крестьян не вывозили в известные сроки. Годы, когда крестьянский выход запрещался, назывались «заповедными».

Первым заповедным годом был 1581 год. За ним последовал ряд других заповедных лет. Крестьяне, вышедшие в заповедные годы, считались преступниками, беглыми. Их искали и силой возвращали господам.

Крестьянин потерял теперь даже право менять господина. Право отказа пока еще не было окончательно отменено, но на деле один заповедный год следовал за другим. Придет Юрьев день, а уйти от помещика нельзя. Тогда-то и сложилась пословица: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день».

Крестьянские побеги как особый вид классовой борьбы.

От хищнического хозяйничанья помещиков крестьянин и холоп могли избавиться теперь только бегством. Побеги крестьян становились в конце XVI в. все чаще. Крестьяне бежали в те края, куда не добрался еще помещик, где жизнь была трудна, часто опасна, но зато не было барщины. Особенно много беглецов тянулось на юг и восток, на Днепр, Дон, Волгу, Урал. Здесь, на окраине государства («на украинах», как тогда говорили), складывалась жизнь по-другому. В этих новых местах переселенец был окружен опасностями: ему грозил дикий зверь, еще сохранившийся в нетронутых южных степях. Еще большей опасностью были крымские

татары, делавшие набеги на степи и угонявшие оттуда пленных для продажи в рабство. Поэтому южный переселенец не расставался с оружием.

Казаки. Чем занимались эти переселенцы, «казаки», как их тогда называли? Основным занятием казачества XVI в. были: охота, рыболовство и пчеловодство. Артелями работали казаки по Нижнему Днепру и Дону, вели жизнь наполовину кочевую, наполовину оседлую. Эти вооруженные рыболовы и охотники иногда промышляли и грабежом. Захват татарских стад — одно из нередких занятий казака XVI в. Иногда казацкие отряды пробирались и дальше.



Набег казаков.

На лодках они спускались в Черное море и грабили побережье турецких владений.

Казацкая «старшина». Казачество XVI в. не представляло собой совершенно однородной массы. В нем уже наметилась верхушка — «старшина», «домовитые» казаки. Зажиточные казаки захватили в свои руки лучшие промыслы, они снабжали «голытьбу» (бедноту) рыболовными снастями. Им принадлежало обычно руководство и в военных предприятиях казачества. Зато и львиная доля добычи доставалась им. Местами «старшина» уже садилась на землю, захватывая большие луга для своих табунов. Нуждаясь в рабочих руках, «старшина» заманивала к себе беглых, их силами вела хозяйство, направляя их на свои луга для сенокоса.

В сущности говоря, это были уже помещики. Но этот окраинный помещик, в отличие от центрального, еще не пользовался крепостным трудом. Большинство беглых сосредоточилось в верховых донских городках.

Когда в Московском государстве (или соседнем — Польше) положение масс ухудшалось, движение на окраины усиливалось. В последнее

десятилетие XVI в. Украина была переполнена беглецами с севера. Весь этот недовольный люд готов был по первому приказу подняться против ненавистной ему Москвы.

§ 47. Крестьянская война начала XVII в. («смута»).

Обострение классовых противоречий в Московском государстве.

Ограбление и закрепощение крестьянства вызвало борьбу его против эксплоататоров, против феодально-крепостного строя.

Выступление низов было облегчено борьбой между самими землевладельцами-боярами и помещиками. Мы уже знаем о борьбе за землю между боярами-вотчинниками и дворянами-помещиками.

В конце XVI в. борьба между ними еще более обостряется. Кризис поместного хозяйства, запустение центра, нужда в рабочих руках объясняют нам это обострение.

Еще в конце XVI в. классовая борьба начала принимать форму гражданской войны.

Правительство в начале XVII в. продолжало дворянскую политику Грозного. Недовольное боярство пыталось вернуть утраченную власть, организуя дворцовые заговоры. Так противоречие между всеми землевладельцами и закрепощаемым крестьянством осложнялось противоречиями среди самих землевладельцев.

Большой голод (1602—1604 гг.) еще более обострил положение дел в Московском государстве. Голод этот был сложным результатом дворянских спекуляций с хлебом, запустения ближайших к столице областей и дождей, от которых погибал хлеб.

Три года подряд был неурожай. Хлеб поднялся в цене. Многие бояре и помещики выгоняли вон своих холопов и крестьян, чтобы не кормить их дорогим хлебом. Те либо пробирались на юг, либо образовывали в лесах вооруженные отряды, подступавшие временами к самой Москве.

Так началась длительная крестьянская война в Московском государстве. (Крепостники назвали эту крестьянскую войну «смутой», «смутным временем».) Первое большое движение поднялось в 1604 г. на юго-западной окраине государства. Вождь восстания использовал слух, ходивший среди казачества и крестьянства, будто в народе скитается царевич Дмитрий, законный наследник московского престола, чудесным образом спасшийся от убийц[1], подосланных Борисом Годуновым. Он объявил себя Дмитрием.

Помощь Дмитрию оказали польские и литовские помещики, которые хотели использовать движение Дмитрия для захвата верхнеднепровских земель, из-за которых они вели уже давно борьбу с Московским государством. С небольшим отрядом (в 4 тыс. человек) из поляков, казаков и мелких окраинных помещиков Дмитрий перешел московскую границу.

---

[1] После царя Федора (сына Ивана Грозного) не осталось детей. Его младший брат за 7 лет до того мальчиком погиб загадочным образом в г. Угличе: не то был зарезан, не то сам закололся в припадке болезни. Старый царский род Рюриковичей прекратился. Престол был занят крупным боярином Борисом Годуновым, выдвинувшимся в особенности во время опричнины.

История похода Дмитрия хорошо обнаружила, как много было в Московском государстве недовольных существующим строем. Жалкий отряд Дмитрия сам по себе не являлся серьезной военной силой. Московские воеводы без труда нанесли ему поражение. Но разбитого Дмитрия поддерживала подымавшаяся волна крестьянского движения. Армия Дмитрия пополнялась отрядами восставших крестьян. Казачество тысячами шло с Дона и Днепра. Дмитрия поддерживали окраинные служилые люди. Под Кромами вся московская армия изменила правительству и перешла на сторону Дмитрия. После этого поход превратился в победное шествие. В Москве еще до прихода Дмитрия низами городского населения был произведен переворот: свергли сына Бориса, Федора (сам Борис умер во время войны с Дмитрием), и отправили послов навстречу новому царю.

Новый царь, однако, только одиннадцать месяцев просидел в Москве. Его политика подняла против него боярство и купечество. Одним из законов запрещалось владельцам требовать возвращения к себе тех крестьян и холопов, которых они отпустили во время голода: «Не умел крестьянина своего кормить в голодные годы и ныне его не ищи». Эта мера, невыгодная крупному владельцу центра, отвечала интересам как восставшего крестьянства, так и мелких служилых людей с южной окраины. Беглые были нужной на юге рабочей силой. Большие раздачи земель и денег «убогим воинникам» отталкивали от Дмитрия богатый московский посад (торговые группы). Подстрекало москвичей против Дмитрия и духовенство, так как Дмитрий захватил часть монастырских имуществ. Заговорщикам удалось путем восстания захватить власть в Москве. Дмитрия убили, а царем «выкрикнули» организатора заговора, боярина Василия Шуйского (17 мая 1606 г.). Боярское правительство немедленно издало распоряжение о возвращении хозяевам всех крестьян, бежавших в 1602—1603 гг., и провело закон, направленный против кабальных людей, и о сыске беглых.

Восстание Болотникова.

Новая боярская власть сразу же вызвала усиление движения низов населения.

«Собрались боярские люди, крестьяне, к ним пристали украинские посадские (городские) люди, стрельцы и казаки и начали по городам воевод сажать по темницам, дома же бояр своих разоряли и имущество их грабили». Так описывает летописец новое движение, поднявшееся опять на Украине. Основу его составляли крестьяне и боярские холопы, и выражалось движение прежде всего в разгроме боярских усадеб. Вождем этого движения стал Иван Болотников. Холоп, бежавший от своего господина в степь к казакам, он попал в плен к татарам, работал в Турции гребцом на галерах, бежал из плена в Венецию, оттуда пробрался в Польшу, затем на Украину. Под руководством Болотникова объединились первоначально все недовольные боярско-купеческим правительством Шуйского. К Болотникову примкнули даже некоторые слои дворянства: мелкое окраинное дворянство южных областей (под начальством Пашкова), а также рязанское дворянство (больший отряд рязанских дворян был приведен с Оки братьями Ляпуновыми). Создалось положение, несколько напоминавшее то, что происходило в Германии во

время Великой крестьянской войны, когда отдельные группы нищавшего рыцарства поддерживали временами крестьянское восстание. Быстро выросшая армия Болотникова, одержав ряд побед, зимой 1606 г. подступила к Москве и осадила ее. Казалось, правительство Шуйского сейчас будет свергнуто. Шуйского из этого тяжелого положения вывел раскол среди самих восставших.

Раскол в лагере восставших.

Союз холопа, крестьянина, казака и дворянина не мог быть прочным.

Напуганные ростом крестьянской войны, дворяне постепенно начали переходить на сторону Шуйского. Раньше всего изменили крестьянам «рязанцы Григорий Сунбулов да Прокопий Ляпунов, а с ними многие рязанские дворяне и дети боярские». Скоро следом за крупным дворянством потянулось и мелкое. Через две недели в бою изменил Пашков, передавшийся царю Василию с пятью сотнями детей боярских, и разбитый Болотников должен был отступить от Москвы.

Поражение крестьян и царская расправа.

После перехода дворянства во враждебный лагерь болотниковское движение стало крестьянско-холопским. Борьба продолжалась с еще большим упорством и ожесточением. После победы над Болотниковым под Москвой Шуйскому досталось много пленных (до 6 тыс. человек).

«В Москве все тюрьмы были ими переполнены, — рассказывает современник-голландец. — Пленные недолго сидели в заключении. Каждую ночь в Москве их водили сотнями, как ягнят, на убой, ставили в ряд и убивали, как быков, ударяя дубиной по голове, а тела спускали под лед в Яузу».

Остатки болотниковского войска засели было в Калуге, затем, вытесненные оттуда царскими войсками, ушли в Тулу и там долго держались против врагов, получив новое подкрепление от казаков. Только построив плотину на реке Упе и затопив Тулу, царские войска заняли город. Болотникова сослали на Север. Там его ослепили и утопили. Пленных холопов и крестьян частью потопили, частью вернули старым хозяевам или роздали новым, кто захотел их взять.

Тушинский царь.

Однако разгром Болотникова далеко еще не был концом гражданской войны. Отступившие отряды казаков вернулись опять к Москве при поддержке поляков. Их предводителем был новый самозванец, выдававший себя за вторично спасшегося Дмитрия. Казацкие и польские отряды подошли к самой Москве и возле нее (в 17 *км*), в селе Тушине, устроили свой главный лагерь, продержавшийся около двух лет. В стране оказалось два царя: тушинский царь и московский царь. Тушинского царя (или «тушинского вора», как его звали классовые враги в Москве) поддерживали в стране крестьяне, казаки и городская «чернь». К нему перебежали некоторые бояре и дворяне. «Лучшие люди» в Москве (т. е. богатые) стояли за правительство Шуйского. В богатых торговых городах началась жестокая борьба между «большими» и «меньшими» людьми. Наиболее острый характер борьба приняла во Пскове, где «меньшие» люди осенью 1608 г. захватили власть в свои руки, побросали в тюрьмы богачей, захватили их имущество и несколько лет держали в своих руках Псков.

Напуганные выступлением общественных низов, боярство и дворянство попытались найти спасение в иностранной интервенции.

Об интервенции заговорили и в Москве, и в тушинском лагере. Шуйский обращается за помощью к Швеции, которая посылает 12-тысячный отряд. Вступление шведов в пределы Московского государства заставило выступить других интервентов — поляков, осадивших Смоленск (1609 г.). Произошло соглашение между перебежчиками боярами и дворянами тушинского лагеря с боярским правительством Москвы. Шуйского в 1610 г. свергли с престола, а на русский престол пригласили польского королевича. «Лучше польскому королю служить, чем от своих холопов потерпеть поражение и в вечной работе у них мучиться», — откровенно объяснил один из писателей той поры[1] приглашение польских военных сил в Москву. Страх перед классовым врагом заставлял русских землевладельцев забыть о старой вражде с польским королем и феодалами. Однако польские сабли не смогли восстановить «порядка». Даже в Москве, которую заняли польские отряды, они не смогли помешать народному восстанию. Мало помогло и вмешательство Швеции, занявшей Новгород.

Конец гражданской войне был положен организацией внутренних сил контрреволюции, объединением всех имущих для борьбы с казаками и крестьянством. Кроме дворянства большую роль сыграли здесь церковь и купечество больших торговых городов Севера и Поволжья. Пострадавшая от прекращения торговли, испуганная движением городских и деревенских низов, недовольная казацкими и польскими грабежами городская буржуазия организует ряд ополчений для подавления восставших низов. Одно из этих контрреволюционных ополчений, нижегородское, руководимое князем Пожарским и крупным купцом Мининым, заняло в 1612 г. Москву. Победа нижегородского ополчения была облегчена расколом среди казачества. Зажиточная часть казачества («кандидаты в помещики») перешла на сторону контрреволюции. Часть с атаманом Заруцким во главе ушла на юг и пыталась создать на Нижней Волге казацкое самоуправление.

Дворяне при поддержке богатого купечества сумели установить «во всех людях тишину», т. е. потушить последние революционные вспышки.

Новая династия.

Для организации новой власти в Москве был созван земский собор[2]. После долгих споров собор в 1613 г. остановил свой выбор на молодом боярине Михаиле Романове. Конечно, не личные заслуги глуповатого 16-летнего Романова решили вопрос. Здесь сыграла роль деятельность его отца, крупного богатого боярина, при Борисе постриженного в монахи, при Шуйском ставшего в Тушине патриархом, позднее уехавшего послом в Польшу, одного из самых ловких дельцов своего времени. Его считали своим человеком и среди вождей казачества, и в мелкопоместных дворянских кругах, и в среде богатейшего дворянства.

Новая династия, посаженная на престол в результате победы

---

[1] Келарь (казначей) Троице-сергиевой лавры Авраамий Палицын.

[2] Так назывались собрания представителей разных «чинов» Московского государства, напоминавшие французские генеральные штаты. Впервые земский собор был созван в 1550 г. и 1566 г., во время опричнины.

контрреволюции, взяла на себя задачу восстановить и укрепить расшатанный гражданской войной крепостнический строй.

Классы московского общества в первой крестьянской войне.

Таким образом, гражданская война в Московском государстве в начале XVII в. (1605—1613 гг.) была в основном движением крестьянско-холопской массы против крепостнического государства. Рядом с основным эксплоатируемым классом в борьбе приняли участие и «низы» — городское население, выступившее как союзник крестьянства.

Казачество, игравшее весьма видную роль в крестьянской войне, будучи само неоднородно по своему социальному составу, заняло промежуточное место между крестьянством и помещиками, и неслучайным явилось то обстоятельство, что большое казацкое войско, стоявшее под Москвой, раскололось при приближении нижегородцев: часть его (верхушка) дала себя подкупить обещаниями земли, часть ушла на юг, продолжая вести борьбу с крепостническим государством.

Наконец, временами на стороне боровшегося крестьянства оказывались отдельные группы дворянства, особенно мелкого. Но это были случайные попутчики; они вели борьбу не против крепостнического строя, а против боярской политики; они добивались не крестьянской воли, а увеличения поместий и жалованья. Поэтому они быстро предавали движение и легко договаривались с правящими группами. Они оказались поэтому в лагере контрреволюции вместе с теми силами, которые составляли ее основу: с крупными землевладельцами и купеческим капиталом.

ГЛАВА XVII.

РОСТ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ И БОРЬБА КРЕСТЬЯН В XVII в.

§ 48. Деревня XVII в.

Окончательное прикрепление крестьян.

Разгром крестьянского движения в начале XVII в. привел к установлению в России еще более сурового крепостного права. Победившие крепостники больше не давали крестьянам «выхода»: все годы стали «заповедными». В «порядных» крестьянин теперь обязывался жить «безысходно».

Уйти от помещика он мог, только убежав от него. Убежавшего разыскивали и, если находили в течение определенного срока, возвращали помещику. Срок розыска — «урочные года» — сначала был установлен на пять лет. Краткость срока не нравилась помещикам. Не всегда помещику удавалось найти своего беглого крестьянина за пять лет. Крупный землевладелец был в лучшем положении. Он мог иметь специальных приказчиков, которые искали беглых крестьян. Особенно образцово поставил у себя дело розыска богатейший Троице-Сергиев монастырь. Мелкому землевладельцу это было не под силу. А бегали крестьяне от мелких помещиков не меньше, чем от крупных.

Вот потому-то помещики засыпали правительство рядом ходатайств сначала об удлинении, потом об отмене «урочных лет». Им удалось,

наконец, добиться этого в 1649 г. В Соборном уложении (так назван был сборник законов, изданный земским собором в 1649 г.) было разрешено прикреплять крестьян «без урочных лет». С этих пор крепостное право можно считать окончательно сложившимся. Окончательно прикрепленный к помещику крестьянин в XVII в. нес еще бо́льшие повинности своему барину, чем в XVI в.

Барщина.

Во многих местах росла полевая барщина. Она часто достигала трех дней в неделю. Значит, половину времени крепостной работал не на себя, а на барина. Иногда барщина доходила до четырех дней в неделю. В горячую пору (во время пахоты, сева или уборки хлеба) барин иногда сгонял крестьян к себе на работу, пока она не будет вся выполнена, и только потом крестьянин мог вернуться на свой участок.

Кроме работы в поле крестьяне исполняли и другие работы на барина: пруды прудили, мельницы ставили, сады огораживали, дрова рубили, тес тесали. Особенно тяжки были повинности подводная и строительная. Сверх «столовых запасов» на барский двор приходилось возить сено, дрова и различные строительные материалы.

Не ограничиваясь барщиной на месте, барин иногда вызывал крестьян-ремесленников (например плотников, кирпичников) к себе в Москву или в какое-либо далекое имение для того, чтобы они там барское «дело» делали.

Начало вотчинной фабрики.

Еще хуже приходилось крестьянам, когда предприимчивый барин заводил у себя какие-либо промышленные предприятия. Так, Борис Морозов, большой боярин, близкий царю Алексею Михайловичу, в своих огромных владениях (у него было около 300 деревень и сел с 8 тыс. дворов) занимался выработкой поташа[1]. Этот поташ шел за границу. Работать на промысле должны были морозовские крестьяне. Их заставляли рубить и возить дрова, жечь золу, доставлять поташ в Нижний-Новгород и Вологду для отправки за границу. Рабочих за малейшую ошибку били. На работу посылали иногда до свету, а с работы отпускали ночью. Крестьяне Морозова готовы были итти на какую угодно работу, только бы не попасть на поташные заводы.

После этого становится понятным, что среди морозовских крестьян нередко были волнения. Отправляли они жалобы и к Морозову, и к царю. Но добиться ничего не удавалось. Одному из крестьян за составление грамоты вырезали язык и в Сибирь сослали. Поэтому-то, когда поднялось восстание Разина, по словам одного иностранца, «самые храбрые и неустрашимые мятежники» вышли из больших морозовских сел.

Оброки.

Крестьянские повинности не ограничивались многочисленными видами барщины. Во многих местах крестьяне платили и оброк, обычно натуральный. Тут и мясо всякое, и молочные изделия, лен и шерсть, лапти и рогожи, вожжи и хомуты, грибы и ягоды и т. п.

---

[1] Поташ добывается из золы деревьев, применяется при производстве мыла, окраске тканей и других работах.

Одно из сел «первого крепостника» — московского царя — должно было в год уплатить 1833 пуда «мяс свиных», 50 пудов свиных потрохов, 305 пудов сала свиного, 1700 гусей, 800 утят, 2444 курицы и 500 баранов. Крестьяне другого царского села уплачивали оброк деревянными изделиями: 400 досок липовых, 100 бревен липовых, 200 досок дубовых, 200 досок сосновых, 400 досок ореховых, кленовых, грушевых, 400 бревен таких же пород, 500 ушатов, 600 кадок, 1000 корыт.

Крестьяне на монастырских землях.

Светских землевладельцев еще обгоняли в деле эксплоатации крестьян монастыри. На монастырских землях неудержимо росла барщина. Чтобы увеличить свою запашку, монахи захватывали крестьянскую землю. Монастырь овладевал покосами, лесами, рыбными ловлями.

Через своих приказчиков монастырь скупал хлеб и перепродавал его по высокой цене. Монастыри усиленно занимались ростовщичеством. Они давали крестьянам в долг под большие проценты деньги и хлеб, взимая за выданные ссуды нередко более 50%.

Во многих местах монастыри держали в своих руках торговлю. Так, на Средней Волге одна из крупнейших ярмарок устраивалась под стенами Макарьевского монастыря. Из этой ярмарки монахи делали для себя источник доходов. С торговцев, приезжавших туда, они брали пошлины. Они захватили в свои руки перевоз через Волгу и получали от него большие суммы.

Захват крепостниками новых земель.

Для увеличения своих доходов крепостники не только усиливали эксплоатацию крестьянства тех районов, где уже сложилось крепостное право. Они захватывали новые земли на востоке и особенно на юге. Черноземный юг (южные части теперешней ЦЧО) сулил гораздо бóльшие доходы, чем истощенный хищническим хозяйничаньем помещиков центр.

Если захваченные земли не были еще заселены, влиятельные крепостники переманивали туда крестьян или даже силой вывозили людей от менее крепких владельцев. Так, крупный боярин И. Романов, утвердившийся в первой половине XVII в. в Лебедянском и Елецком уездах, для заселения своих новых владений силой отнимал у мелкопоместных дворян их крестьян. Временами для заселения пустошей владельцы перебрасывали своих крестьян из северных имений.

Если же на захваченных землях уже сидели крестьяне, новые хозяева превращали их в своих крепостных, отбирая у них лучшие угодья. Так расхищены были в XVII в. земли мордвы по Суре. Самое деятельное участие в крепостнической колонизации принимали и монастыри. Следовательно, крепостничество росло в XVII в. и вглубь и вширь.

Крестьянские побеги и восстания.

На усиление эксплоатации крестьянство отвечало больше всего побегами. Бежали на Дон, Яик (Урал), в казаки. Многие крестьяне бунтовали против помещиков. Особенно усилились крестьянские волнения в 50-х и 60-х годах XVII в. В царском указе 1658 г. говорилось: «Ведомо нам учинилось, что люди (холопы) и крестьяне разоряют дворян и всяких служилых людей, животы (имущество) их грабят, дома пожигают, а иных и жен их и детей до смерти побивают; разоряя помещиков своих, бегают и живут в бегах».

Несмотря на жестокую расправу, крестьянские движения не прекращались. Но они носили до 1670 г. местный характер. В 1670 г. разразилась новая крестьянская война.

§ 49. Города и городские восстания в XVII в.

Крепостничество как тормоз хозяйственного развития.

Углубление крепостной эксплоатации тормозило развитие крестьянского хозяйства. Масса крестьянства должна была весь свой прибавочный продукт (а иногда даже и часть необходимого) отдавать барину. Нищающий крестьянин если и выносил свои продукты на рынок, то делал это обычно не потому, что у него был избыток продуктов, а потому, что ему были нужны деньги для уплаты денежного оброка и податей государству. Крестьянин жил сам впроголодь, но продавал хлеб и сало.

Покупать же на рынке масса крестьянства лишена была возможности. Кроме соли и железных изделий ничего не покупали. Хозяйство оставалось натуральным.

Нищета обираемого крепостниками крестьянства тормозила развитие ремесла, не находившего внутри страны значительного рынка для своих изделий.

«Отказывая себе во всем, — писал иностранный наблюдатель о русских крестьянах конца XVI в., — они продают их (продукты своего хозяйства) соседним горожанам, а сами вместе с женами и детьми довольствуются черным хлебом, одеваются в толстейшее сукно и сами себе делают обувь из древесной коры, чтобы только не нуждаться в работе сапожников». Эта характеристика в полной мере применима и к крестьянам XVII в.

Расслоение крестьянства в XVII в.

Если масса крестьянства нищала и вела полуголодное существование, то отдельным крестьянам удавалось за счет эксплоатации бедноты поднять свое хозяйство. Расслоение крестьянства заметно в XVII в. даже в чистоземледельческих районах. Так, у одного из помещиков Центральной области мы находим среди крестьян таких, где на двор приходится: «4 лошади, жеребенок, 5 коров, 3 теленка, 12 овец, 1 свинья; или: 9 лошадей, 5 коров, 2 теленка, 20 овец и 10 свиней; а рядом с ним дворы, где животишки — 1 поросенок, а больше скота нет», или «животины никакой нет, опричь (кроме) куренков пятишести».

Еще сильнее шло расслоение в промысловых районах. Источником обогащения для крестьянской верхушки было главным образом не земледелие. Богатые крестьяне держали мельницы, речные перевозы, кабаки и в особенности вели торговлю сельскохозяйственными продуктами. В Уложении 1649 г. есть даже особая статья о запрещении крестьянам иметь в городах лавки и погреба (очевидно, такие были).

Но рост зарождающегося деревенского кулачества тормозился крепостными порядками. В лучшем положении оказывалось крестьянство тех областей, где не было дворянского землевладения (например севера России).

Рост ремесла в деревне.

Среди деревенских товаров, шедших как на внутренний, так и на внешний рынки, заметное место в XVII в. занимали изделия деревенского ремесла. На Макарьевскую ярмарку наряду с сельскохозяйственными товарами свозились: лысковское полотно, керженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы и тулупы [1]. В ряде селений Центральной области развивалось ремесло. Некоторые села приобрели характер промышленных центров, изготовлявших товары на далекий рынок. В селе Павлове (в Нижегородском крае) в начале XVII в. было 64 лавки. «Непашенных» дворов в Павлове было более половины всего числа дворов (56%).



Московские ремесленники.

В XVII в. уже сложились крупнейшие районы кустарной промышленности, сохранившие свое значение до XX в. Ткачество в Шуйском районе, сапожный промысел в Кимрах, выделка замков и ножей в Павлове, обделка дерева во Владимирском районе, изготовление икон суздальскими богомазами и ряд других отраслей кустарной промышленности приобрели большое значение в московском хозяйстве.

Ремесло в городе.

Медленнее развивалось ремесло в городе. В большинстве городов местные ремесленники работали на узкий рынок, очень часто даже прямо на заказ. Характерно, что среди городских ремесленников самую значительную по численности группу составляли ремесленники, занятые изготовлением продуктов питания (хлебники, калачники, квасовары, мясники и др.).

В городских лавках преобладали обычно продукты не городского, а деревенского производства.

Только в некоторых городах в XVII в. развернулась в значительных размерах работа и на широкий рынок. Изделия тульских кузнецов, костромских и ярославских кожевников, казанских мыловаров находили себе сбыт далеко от места производства.

---

[1] Лысково и Мурашкино — крупные села на Средней Волге. Керженец — приток Волги.

Первые шаги крупной промышленности. Кое-где начала появляться и крупная промышленность. Близ Тулы иностранцем **В и н и у с о м** в 1632 г. был построен завод «для делания из железной руды чугуна и железа, для литья пушек, ядер, котлов, для ковки досок и прутьев». В 1651 г. известный нам боярин Морозов писал: «Из-за рубежа (границы) мастер рудного дела приехал, кой па мельнице водой железо кует, и ныне у меня в Павловске на мельнице рудню заводит».

В царском селе Измайлове был устроен стекольный завод. Была построена бумажная «мельница», бархатная, суконная фабрики. Крупными предприятиями являлись также соляные варницы на далеком Севере и в предгорьях Урала и «будные» заводы.

Но эти предприятия работали большею частью не на рынок, а на государство или на царя. (Так Измайловский завод готовил посуду для царского двора.) Работали на этих предприятиях преимущественно крепостные.

Рост торговли в XVII в. Развитие промышленности приводило к специализации отдельных районов Московского государства. У с и л и л о с ь «г е о г р а ф и ч е с к о е» р а з д е л е н и е т р у д а между отдельными областями, наметившееся уже в XVI в. Теперь уже значительные массы товаров перекидывались из одного района государства в другой, иногда за тысячи километров.

В результате развития торговли укреплялся купеческий капитал. Мелкий скупщик проникал в деревню, забирал товар у кустаря, который попадал в зависимость от торговца. Но и сам мелкий скупщик зависел от крупного торговца.

Оптовая торговля находилась в руках богатых купцов — «гостей». В торговле принимали большое участие и сам царь, и близкие к нему вельможи. Царь был не только первым крепостником, но и первым купцом в своем государстве. Его агентами являлись крупнейшие «гости». В руках гостей находилась и выросшая внешняя торговля.

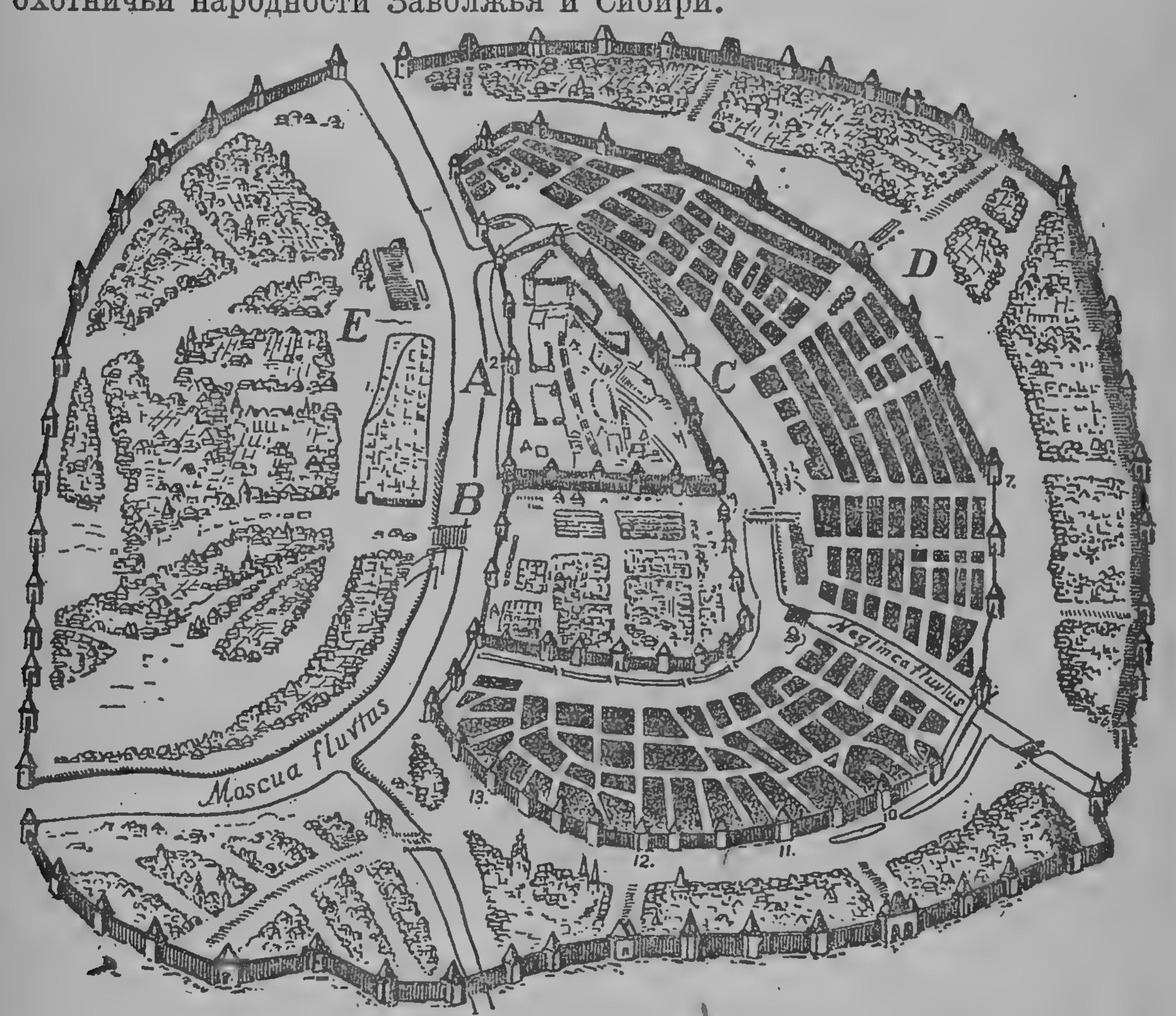
В XVII в. особенно окрепла торговля через Белое море с двумя передовыми странами Западной Европы — с Англией и Голландией. Торговля велась почти исключительно продуктами крестьянского труда. Россия вывозила юфть, сало, одно время — хлеб [1], меха, лен и полотно, лес, смолу, пеньку, рогожи, поташ. Взамен этих деревенских товаров она получала сукна, бархат, тонкие полотна, вина, колониальные товары и другие предметы роскоши (для обслуживания потребности только верхушки общества).

Торговля многими предметами была **м о н о п о л и е й** (исключительным правом) царя и его «гостей». Так, была монополизирована торговля персидским шелком. Царь, по рассказу одного иностранца, «выменивает шелк через своего купчину от персидского государства на сукна, красную медь, соболей и золото, а чтобы получить на этом еще больше прибыли, всяким купцам запрещено торговать в Персии подобными товарами». С той же целью была монополизирована торговля хлебом, икрой. Монопольная торговля была для «гостей» одним из крупнейших источников обогащения. Состояния некоторых «гостей» достигали очень крупных размеров (на наши деньги до миллиона рублей). «Гость» **Г у р ь е в** на рыбных уральских промыслах нажил такое состояние, что смог построить «каменный город» на Урале, стоивший ему более 200 тыс. серебряных рублей. За 27 лет он внес в государственную казну налогов 500 тыс. руб.

---

[1] В Западной Европе, опустошенной длительными войнами первой половины XVII в. (так называемой Тридцатилетней войной), появился спрос на хлеб.

Значение купеческого капитала. Купеческий капитал выступал в качестве прямого эксплоататора масс населения, особенно на северных и восточных окраинах государства, где не было развито дворянское землевладение. Он грабил «черное» крестьянство севера Европейской России и скотоводческие и охотничьи народности Заволжья и Сибири.



Москва XVII в. (план Олеария).
А — Кремль; *В* — Китай-город. *С* — Белый город; *Д* — Земляной город; *К* — Замоскворечье.

Роль купеческого капитала не ограничивалась, однако, грабежом в колониях; он имел большое значение и в центре. Он эксплоатировал крестьян, когда те выносили на рынок продукты своего сельского хозяйства и ремесла; он господствовал над городскими ремесленниками в том случае, если они производили на широкий рынок.

Приобретая огромное значение в хозяйстве страны, торговый капитал в Московском государстве XVII в. не создавал нового способа производства. Он ограничивался тем, что эксплоатировал мелких производителей. Купеческий капитал прекрасно уживался поэтому с крепостническими порядками. Он являлся верным союзником крепостников-помещиков в деле эксплоатации трудящихся и консервировании феодально-крепостнических отношений.

Так, наряду со старым эксплоататором-крепостником выдвигался новый — купец-монополист.

Москва в XVII в. Крупнейшим центром Московского государства была Москва, сосредоточившая у себя приблизительно треть всего оборота страны. Московские «гости» держали в своих руках торговлю важнейшими товарами по всей стране. В связи с развитием торговли и ремесла Москва выросла в большой город.

Центр города занимал Кремль, окруженный высокой каменной стеной с башнями. Кремлевские укрепления были сооружены иностранными (главным образом итальянскими) мастерами. Внутри Кремля расположены каменные здания дворцов, церквей, правительственных учреждений.

Вокруг Кремля кольцами раскинулся деревянный город.

Слободы ремесленников — кузнецов, гончаров, серебряников — чередовались с большими площадями огородов и выгонов. Боярские усадьбы с садами и многочисленными службами занимали значительную часть города.



Московские улицы XVII в. (по Олеарию).

В центре Москвы кипела торговая жизнь. Главным ее средоточием была Красная площадь, расположенная под самыми стенами Кремля. Здесь рядами тянулись лавки, для каждого товара — свой ряд.

Торговля на Красной площади велась в маленьких лавках или даже в разнос. Иностранец замечает, что «из одной амстердамской лавки выйдет 10 и более московских». А иногда в такой лавке было двое самостоятельных торговцев. Но большей частью купцы, торговавшие в этих лавках, «полулавках», «шалашах» и «скамьях», были агентами крупных оптовиков.

Они зависели от московских «гостей» или от монастырей, которые привозили на свои «подворья» различный товар из монастырских вотчин для продажи в Москве. Даже царь имел свои «шалаши» в Гостином дворе.

Обострение классовых противоречий в городе. Крупный купеческий капитал жестоко эксплоатировал мелкого производителя и мелкого торговца. Пользуясь монопольным положением, «гости» устанавливали цены на экспортные товары. Они захватывали в свои руки снабжение городов хлебом и занимались спекуляцией хлебом, поднимая цену на него. Пользуясь правом первой покупки, «гости» отбирали по дешевой цене нужные им товары и оттесняли мелких торговцев.

Поэтому в городах и посадах «гостей» ненавидели. Осведомленный иностранец писал: «Можно опасаться, что если когда-нибудь произойдет бунт, то шеи всех «гостей» будут свернуты чернью».

Налоги и поборы властей. Монопольная торговля была не единственным средством ограбления городского населения. Одной из важнейших причин обеднения посада была неимоверная тяжесть налогов как прямых, так и косвенных. Налоги распределялись верхушкой посада и всей тяжестью ложились на городские низы. Неплательщику грозил жестокий «правеж» (битье палками до выплаты недоимок).

Разорялось городское население и многочисленными кабаками. Для увеличения средств правительство торговало водкой. В «царевых кабаках» спаивался народ, и по указу предписывалось «питухов» (т. е. пьяниц) «от кабаков не отгонять». Налоги сдавались на откупа московским богачам, получавшим на откупах огромные прибыли. К налоговым тяготам присоединялся грабеж со стороны властей. «Оскудели до конца от твоих государевых воевод», — жаловались царю торговые люди. Присланного для управления воеводу надо было «кормить».

А что значило «кормить», это хорошо объяснит следующий отрывок из расходной книги старосты: «Ходил к воеводе, нес хлеб да калач в 2 алтына, да мяса зад говяжьего 26 алтын 4 деньги, да свиную тушу в рубль, да баранью тушу 13 алтын; деньгами 3 рубля; племяннику его рубль, другому племяннику 10 алтын; боярыне (жене воеводы) рубль, дворецкому 21 алтын, людям на весь двор 21 алтын, подьячему (т. е. делопроизводителю) хлеб да калач, деньгами 2 рубля с полтиною, жене его 16 алтын, двоим племянникам рубль» (дальше перечисляется вся прислуга, которой были даны деньги). Вся эта жадная свора смотрела в руку всякому, обращавшемуся к ней.

И в московских «приказах» (так назывались главные правительственные учреждения Московского царства) тоже ничего нельзя было сделать без взятки. Правда, правительство грозило суровыми наказаниями за взяточничество, но добивалось только того, что переставали брать в приказе, а брали «по задней лестнице через жену или дочерь, или через сына, брата и человека».

Городские восстания XVII в. Эксплоатируемое монополистами, угнетаемое и обираемое властями, городское население не один раз поднимало восстания. В 1648—1650 гг. прокатились волнения по ряду городов (Москва, Козлов, Воронеж, Курск, Устюг Великий, Сольвычегодск, Псков, Новгород, Томск и др.). Движение было вызвано главным образом введением тяжелой соляной пошлины, в 4 раза большей, чем раньше. Шли против бояр, приказных (чиновников) и крупных купцов. Особенно сильным движение было в Москве. Здесь восставшие убили нескольких ненавистных им чиновников. Хотели москвичи расправиться и с главой правительства, боярином Морозовым, правившим от имени молодого царя (Алексея). С трудом удалось царю спасти его, отослав из Москвы в далекий монастырь.

В Пскове в 1650 г. восставшие городские низы захватили власть в свои руки и несколько месяцев управляли городом. Псковское правительство, состоявшее главным образом из мелкой городской буржуазии, конфисковало дворянские хлебные запасы. В течение трех месяцев псковичи защищались от присланных московских войск.

Еще более крупное восстание вспыхнуло в Москве в 60-х годах XVII в. Оно было связано с затянувшейся войной с Польшей (из-за

Украины). Чтобы добыть для новой войны денег, правительство увеличило старые налоги и вводило новые. Наконец, прибегли к выпуску медных денег вместо серебряных (т. е. к порче монеты). Денег медных было выпущено столько, что цена их стала падать. За рубль серебром давали 15 руб. медных. Правительство принимало от населения только серебряные деньги, а само расплачивалось медными. Все товары вздорожали. От этого особенно страдали городские низы. Зато обогащались те, кто стоял около этого дела: царский тесть, несколько крупных бояр и «гостей», тащивших на монетный двор свою медь и превращавших там подсвечники, котлы и сковороды в монету.

Летом 1662 г. в Москве вспыхнуло восстание. В городе было прибито воззвание, призывавшее к выступлению против крупных бояр и «гостей». Толпа мелкого посадского люда повалила к царю в Коломенское (пригородное царское село, около Москвы). Сначала напуганный царь клятвенно обещал разобрать дело, и толпа направилась было назад, к Москве. На пути она встретила новую толпу, шедшую в Коломенское. Повернув назад в Коломенское, восставшие вновь вступили в переговоры с царем и на этот раз говорили с ним, по словам современника, «сердито и невежливо, с угрозами». Дальше, продолжает этот же современник, «царь, проведав, что стрельцы [1] к нему на помощь в село пришли, закричал и велел тех людей и бить, и рубить до смерти, и живых ловить». Безоружная толпа разбежалась. Зарублено и захвачено было 7 тыс. человек. В тот же день повесили 100 человек. Других ночью потопили в Москва-реке. Многих сослали в разные города.

Многочисленные городские восстания XVII в. были показателем обострения классовых противоречий в городе. Но восставшие городские низы не были в состоянии связаться с другими городами. Не были поддержаны эти движения и крестьянством. Поэтому крепостники и крупное купечество без особого труда подавляли восстания.

Гораздо более опасными для крепостнического государства были крестьянские войны.

§ 50. Крестьянская война на Украине (1648—1654 гг.).

Судьбы Украины в XIV—XV вв. После упадка Киевского княжества украинские земли находились под властью русских князей (галицких и волынских) и их подвассальных князей и бояр.

В XIV в. украинские земли попали частью под власть Польши (западные), частью под власть Литвы (восточные). Позднее Литва и Польша объединились в большое, хотя и непрочное, феодальное государство. С тех пор украинские земли все вошли в состав Польско-Литовского государства.

Развитие крепостничества на Украине. Порядки, сложившиеся в Польско-Литовском государстве в XVI в., многим напоминали Московское государство XVI в. Польско-Литовское государство было объединенной феодальной монархией. Господствующий класс жил эксплоатацией крестьян. С XVI в. и здесь начала

[1] Стрельцами назывались военные отряды, созданные из мелких посадских людей. Стрельцы занимались мелкой торговлей и ремеслами и обязаны были в то же время нести военную службу, за что получали жалованье.

развиваться торговля сельскохозяйственными продуктами. Большие гурты волов гнали на запад (в Германию). По рекам везли хлеб к портам Балтийского моря, а оттуда он шел в дальние страны, в Англию, Нидерланды, даже в Испанию. Спрос появился даже на лес: его сплавляли по рекам или жгли на поташ и в таком виде вывозили за границу.

Так же, как в Московском государстве, развитие внешней и внутренней торговли в Польше и Литве повело к росту барских запашек и к усиленному захвату помещиками крестьянских земель. Еще раньше, чем в Московском государстве, и еще быстрее начала расти барщина. Барщину местами в XV в. отбывали уже ежедневно. Зависимость «хлопа» (крестьянина) от «пана» (господина) была здесь сильнее, чем в Московском государстве XVI в. Крестьянин был уже прикован к панскому поместью. Помещик стал полным властелином жизни и имущества хлопа.

Колонизация Юго-восточной Украины.

От непомерной барщины и панской власти крестьяне бежали на юго-восток, в степные края. В XVI в. быстро начали заселяться приднепровские степи. Раньше всего здесь появились казачьи общины, занимавшиеся рыбной ловлей и охотой.

Промысловая казацкая артель являлась одновременно и войском. Это хорошо можно обнаружить на примере крупнейшего центра днепровского казачества — «Запорожья». Зародышем Запорожской сечи была крупная казацкая артель, промышлявшая на Нижнем Днепре за порогами. На одном из островов возник у казаков военный центр, лагерь, обнесенный древесными завалами, засекой (отсюда и само название «Сечь»). Сечь была снабжена кое-какой артиллерией, отобранной у татар и турок. Казаки в Сечи жили в шалашах из хвороста, покрытых лошадиными кожами. Они различались и занятиями: одни были преимущественно добычниками, жили военной добычей, другие больше промышляли рыбой и зверем, снабжая первых продовольствием.

Позднее начали пробираться сюда и земледельцы, распахивавшие землю, устраивавшие пасеки и огороды. Стали возникать на татарских дорогах новые городки и оживать старые — Киев, Львов, Луцк.

Однако следом за крестьянской колонизацией в новые края потянулись и паны, выпросившие от короля грамоты на огромные земельные владения. По обеим сторонам Днепра возникли огромные поместья князей В и ш н е в е ц к и х, П о т о ц к и х и других панов.

Польские порядки проникли туда, где еще недавно паслись дикие кони и шумел степной ковыль. Вольные владельцы хуторов, пасек, рыбных ловель получили господ. Между панами и крестьянами началась скоро упорная классовая борьба. Она осложнилась борьбой против польских панов со стороны украинского казачества и мещанства.

Украинские казаки.

Украинское казачество к началу XVII в. представляло собой большую военную силу. Беспрестанные войны с татарами и турками привели к сплочению казаков в хорошо организованное войско. Отношения между казачеством и польским правительством были сложны. Правительству казаки были часто нужны как военная сила для борьбы с Крымом и Москвой. С другой стороны, панское правительство Польши побаивалось усиления казачества. Осыпая милостями казацкую «старшину», правительство в то же время принимало меры к ограничению размеров казацкого войска.

Часть казачества была включена в особые списки (реестры) и считалась на службе у польского правительства. Зажиточные реестровые казаки составляли верхний слой казачества и держали в зависимости от себя низы казачества и крестьян. Они стали помещиками. Но эти украинские помещики смотрели на польских панов, проникающих на Украину, как на своих конкурентов в эксплоатации крестьянства.

Польские паны на Украине грабили не только крестьянские массы; они силой отбирали у зажиточных казаков пашни, луга и мельницы.

Казацкие восстания особенно участились в XVI в., после того как польское правительство построило на Днепре около Запорожья крепость и усилило польские гарнизоны на Украине (за 8 лет — с 1630 до 1638 г. — было 5 восстаний). Казаки были разгромлены, а их вожди подверглись жестокой казни. Казацкое войско было уменьшено до 6 тыс. человек. Избрание «старшины» было отменено. Высшая «старшина» была назначена из поляков. Часть казачества готова была пойти на соглашение с правительством. Наиболее непримиримые сосредоточивались около Запорожья, откуда и началось новое восстание.


Герб войска Запорожского.

Хмельничина. Руководителем восстания был Богдан Хмельницкий. Зажиточный хуторянин, казацкий сотник, он был обижен польским вельможей, отобравшим его имение, и бежал в Запорожье. В 1648 г., заключив соглашение с крымским ханом, он поднял восстание, требуя восстановления казацких вольностей. Поддержанный всем казачеством, Хмельницкий дважды разбил польские войска.

Победы Хмельницкого повели к массовому восстанию крестьян. Хлопы поднимались во всей Украине, грабили панские поместья, избивали господ. Все Заднепровье и вся Киевщина в несколько недель оказались в руках крестьянских «загонов» (отрядов).

Украинские города большей частью сами открывали ворота «загонам». Низы городского мещанства избивали спрятавшихся в городе дворян и вместе с крестьянами жгли панские замки и католические монастыри.

Среди руководителей крестьянских «загонов» особенно выдвинулся Максим Кривонос, беспощадно расправлявшийся с польскими дворянами. Крестьянские отряды пополнили армию Хмельницкого, размеры которой скоро перевалили за сотню тысяч человек.

Движение нашло поддержку и у мещанства украинских городов.

Однако размах крестьянского движения и его антикрепостнический характер начинал пугать казацкую «старшину». Цели у крестьянской массы и казацкой верхушки были разные.

В то время как крестьянство хотело освободиться от всяких хозяев, для «старшины» дело шло о том, чтобы ей, а не польским панам эксплоатировать украинских крестьян.

Поэтому вождь казацкой «старшины» Хмельницкий вместо развертывания крестьянской войны поторопился вступить в соглашение с Польшей. После новой победы над польским дворянством в 1649 г. был заключен договор (Зборовский), согласно которому казацкое войско увеличивалось до 40 тыс. человек. Казаки, включенные в реестры, не подчинялись ни помещикам, ни польским чиновникам. Казацкий гетман получил большую власть на Украине, став почти независимым государем. Но Зборовский договор не обнаруживал никакой заботы о массе крестьян. Они должны были вернуться к своим господам.



Богдан Хмельницкий.

Зборовский договор был ярко выраженным классовым соглашением казацкой «старшины» с польскими панами за счет крестьянской массы. На Украину потянулись назад в свои имения польские паны. Хмельницкий с казацкой «старшиной» обещал поддержку возвращавшимся господам. Отряды Хмельницкого даже помогали подавлению движения хлопов. Изменив крестьянскому делу, казацкая «старшина» казнила и сажала на кол продолжавших борьбу крестьян. Крестьяне все же продолжали борьбу. Одному из крестьянских вождей (*Нечаю*) удалось добиться больших успехов в Подолье.

Соглашение казацкой верхушки с Москвой.

Зборовский договор продержался недолго. Польша, согласившаяся на него только под влиянием поражений, не хотела его соблюдать.

Новая война между Хмельницким и Польшей, начавшаяся в 1651 г., заставила казацкую «старшину» вновь пойти на сближение с крестьянством. Но союз и на этот раз оказался недолгим. Во время большой битвы (под Берестечком

казацкая верхушка вместе с Хмельницким бежала с поля сражения. Польские войска после этого уничтожили много тысяч крестьян.

Новое соглашение, заключенное Хмельницким с панами после битвы под Берестечком, отменяло почти все уступки, данные Зборовским договором. Даже «старшина» была недовольна создавшимся положением. Тогда часть казацких верхов, не желавшая подчиняться до конца Польше и в то же время боявшаяся крестьянского движения, стала искать помощи у иностранных государей (в Крыму, Молдавии и Москве).

В 1654 г. казацкая «старшина» с Хмельницким во главе решила передаться Москве. Условия сделки сводились к следующему: казацкое войско увеличивается до 60 тыс. человек, Украина управляется выборными гетманами и является полусамостоятельным государством под верховенством Москвы.

Однако Украине не удалось сохранить независимость. Скоро в ней появились московские воеводы и московские войска.



Карта крестьянской войны на Украине 1648—1654 гг.

Польские паны не хотели уступить Украину Москве. Казацкая «старшина» раскололась на две основные группы: часть соглашалась остаться под властью польских панов, часть тянула к Москве. Затянувшаяся война между Москвой и Украиной окончилась переходом к Москве Левобережной Украины. Правобережная Украина кроме города Киева осталась под господством Польши.

Казацкая «старшина» постепенно стала превращаться в господствующий класс на Украине, завладевая землями и подчиняя себе украинское крестьянство. Потянулся сюда и русский помещик-крепостник, которому московское правительство жаловало земли на Украине.

Так украинское крестьянство, потерпев поражение в крестьянской войне, попало из панской кабалы постепенно в кабалу русских крепостников и казацкой «старшины».

§ 51. Крестьянская война в Поволжье в 1670—1671 гг. (разинщина).

Причины крестьянской войны в Поволжье (1670—1671 гг.). Затянувшаяся война с Польшей из-за Украины еще более обострила положение дел в стране. Непосильные налоги и обесценение рубля (из-за выпуска медных денег) разоряли городское население. Сильно упала и внешняя торговля.

Классовые противоречия московского государства обнаружились со всей силой в крупнейшем революционном движении второй половины XVII в. — в разинщине.

Разинщина охватила главным образом Среднее и Нижнее Поволжье, области, которые в XVII в. усиленно разграблялись московскими крепостниками. Грабеж поволжского крестьянства русскими помещиками и чиновниками и был основной причиной крестьянского восстания. Преобладавшие здесь финские и татарские народности находились в положении настоящих колониальных рабов. Русские колонизаторы отбирали землю у чувашей и мордвы, заставляли их нести тяжелую работу по стройке и охране городов, брали с них «бревенные деньги», «лесовые деньги», прикрепляли их к вотчинным будным заводам (поташным).

Другой причиной восстания было усиление гнета купеческого капитала в поволжских городах. Волга для московского купечества была крупнейшей дорогой, по которой велся торг с Востоком (Персией). Здесь работал крупный купеческий капитал, теснивший посадских людей и торгующих крестьян. Поэтому восстанию была обеспечена поддержка со стороны низов городского населения; наконец, на Волге было много наемных «работных» людей (грузчиков, бурлаков).

Толчком к крестьянской войне было выступление низов донского казачества. Из рядов донского казачества вышел и вождь восстания — Степан Разин.

«Домовитые» и «голутвенные» казаки на Дону. Донские казаки, как и днепровские, занимались в XVII в. преимущественно рыбной ловлей, охотой и пчеловодством. Иногда они делали набеги на турок и татар, спускаясь в ладьях на Черное море. Московские власти оказывали поддержку донским казакам в их борьбе с турками и татарами. Со своей стороны верхушка казачества старалась жить в ладу с Москвой, от которой Дон зависел экономически. Без московского свинца и пороха, в особенности без московского хлеба, прожить на Дону не могли. Сами казаки хлеба не сеяли. Поэтому «вольный Дон» посылал своих казаков даже на службу в Москву.

Но далеко не все казачество дружило с Москвой. На Дону в середине XVII в. все резче намечается деление казачества на два слоя: зажиточных — «домовитых» и неимущих — «голутвенных». Домовитые владели рыбными ловлями, снастями, лугами и скотом, «голытьба» работала на них. В набеги обычно отправлялась беднота, но для набегов нужны были лодки, оружие, провиант. Все это получалось от «домовитых». Зато при возвращении из набега значительная часть добычи попадала в руки «домовитых».

В 60-х годах XVII в. число бедноты заметно выросло. Много беглых набралось на Дону, особенно в «верховых» (по верхнему течению

Дона) городках. Это были крестьяне и посадские, бежавшие от усилившейся крепостной неволи, от выросших налогов, от помещичьих и воеводских батогов и плетей. Много бежало сюда и украинских крестьян, разбитых в борьбе с польскими помещиками. С наплывом беглого люда «голутвенные» казаки стали брать перевес над «домовитыми». Голытьба, в отличие от зажиточных, совсем не склонна была жить в ладу с Москвой, которая уже начинала свое наступление на области Верхнего Дона, выпуская вперед в качестве своих щупалец монастыри. «Голутвенные» боялись, что с захватом Дона их выдадут прежним хозяевам — феодалам. Беднота выдвигала своих вождей в противовес атаману, ставленнику «домовитых».

Крупнейшим вождем бедноты и явился казак Степан Тимофеевич Разин. Он начал собирать бедноту для похода. «Домовитые» казаки не мешали подготовке похода. Им хотелось избавиться от переполнившей Дон бедноты, которая могла бы обратиться против них.



Степан Разин.

Первый разбойный поход Разина.

Обычно донская голытьба отправлялась походами на юг. Однако с 50-х годов XVII в. эта знакомая казакам дорога была закрыта. Выстроенная турками большая крепость Азов преградила для казачьих судов путь в море. Разин избрал поэтому другой путь — на восток. Есть основание думать, что уже тогда у Разина сложился план борьбы с Москвой, но начинать прямо с похода на Москву он считал невозможным.

Разин повел сначала свой отряд в разбойный поход на Волгу, эту крупнейшую в то время торговую дорогу. Здесь разинцы начали свою деятельность тем, что напали на большой караван торговых судов, принадлежавших царю, патриарху[1] и одному из крупнейших московских «гостей» (Шорину). Казаки захватили товары. Приказчиков перебили, а судовые рабочие и стрельцы перешли к казакам. Разбив небольшие отряды, высланные против него из Астрахани, Разин спустился на море, а оттуда двинулся на Яик.

В следующем, 1668 г., разинцы продолжали свой разбойный поход. На этот раз они отправились к персидским берегам. С богатейшей добычей вернулись разинцы из набега. Астраханские власти не захотели вступить в борьбу с атаманом: и в силах своих они не были уверены, да и сокровища, которые вез с собой Разин, соблазняли. Разинцы под Астраханью открыли оживленный торг. Местные и приезжие купцы торопились раскупить по дешевой цене у казаков персидские товары.

Для дальнейшей деятельности Разина персидский поход имел большое значение. Победы Разина усилили его влияние среди казачества, а огромные захваченные средства позволяли теперь приняться за подготовку к более крупному делу.

Поход на Москву.

В Кагальник, донской городок, где устроил свою «столицу» Разин, собралось много народа, готового пойти за прославленным атаманом. «Домовитое» казачество не смело выступить против вождя бедноты. А Разин теперь

[1] Патриарх — верховный глава всей русской церкви. Он, как и царь, вел крупную торговлю.

открыто готовился к решительной борьбе с московскими крепостниками. Разинцы убили присланного на Дон московского посла и на казачьем круге[1] порешили итти на бояр.

Второй поход Разина начался весной 1670 г. Но для похода на Москву разинцы выбрали не кратчайший путь прямо на север (через Курск и Тулу): они решили двинуться кружным путем по Волге и Оке. Здесь, в хорошо знакомом им крае, они рассчитывали получить поддержку от населения Поволжья, готового по первому призыву восстать против господ. Во главе тысячного войска Разин подошел к Царицыну (теперь Сталинград). Жители Царицына отперли ворота. Только воевода с небольшим отрядом пытался оказать сопротивление, но казаки легко справились с ним. От Царицына Разин спустился к Астрахани. По дороге он встретил два отряда стрельцов. Первый отряд он без труда разбил, а второй при встрече с Разиным сам перебил своих начальников и перешел к казакам.

То же произошло и у Астрахани. Взять этот хорошо укрепленный город Разин не смог бы, если бы он не имел большого числа сторонников в Астрахани. Когда разинцы пошли на приступ, астраханские стрельцы поливали их со стен города не кипятком, а теплой водой. Так же, как и в Царицыне, сопротивление оказал только воевода с небольшим отрядом дворян да иностранные купцы. Старые власти были перебиты. Захваченная казна и имущество перебитых были поделены между казаками и беднотой. Население было по казацкому образцу поделено на тысячи, сотни и десятки с выборными атаманами, сотниками и десятниками. Во главе города был поставлен один из ближайших помощников Разина — Василий Ус.

Восстание на Волге.

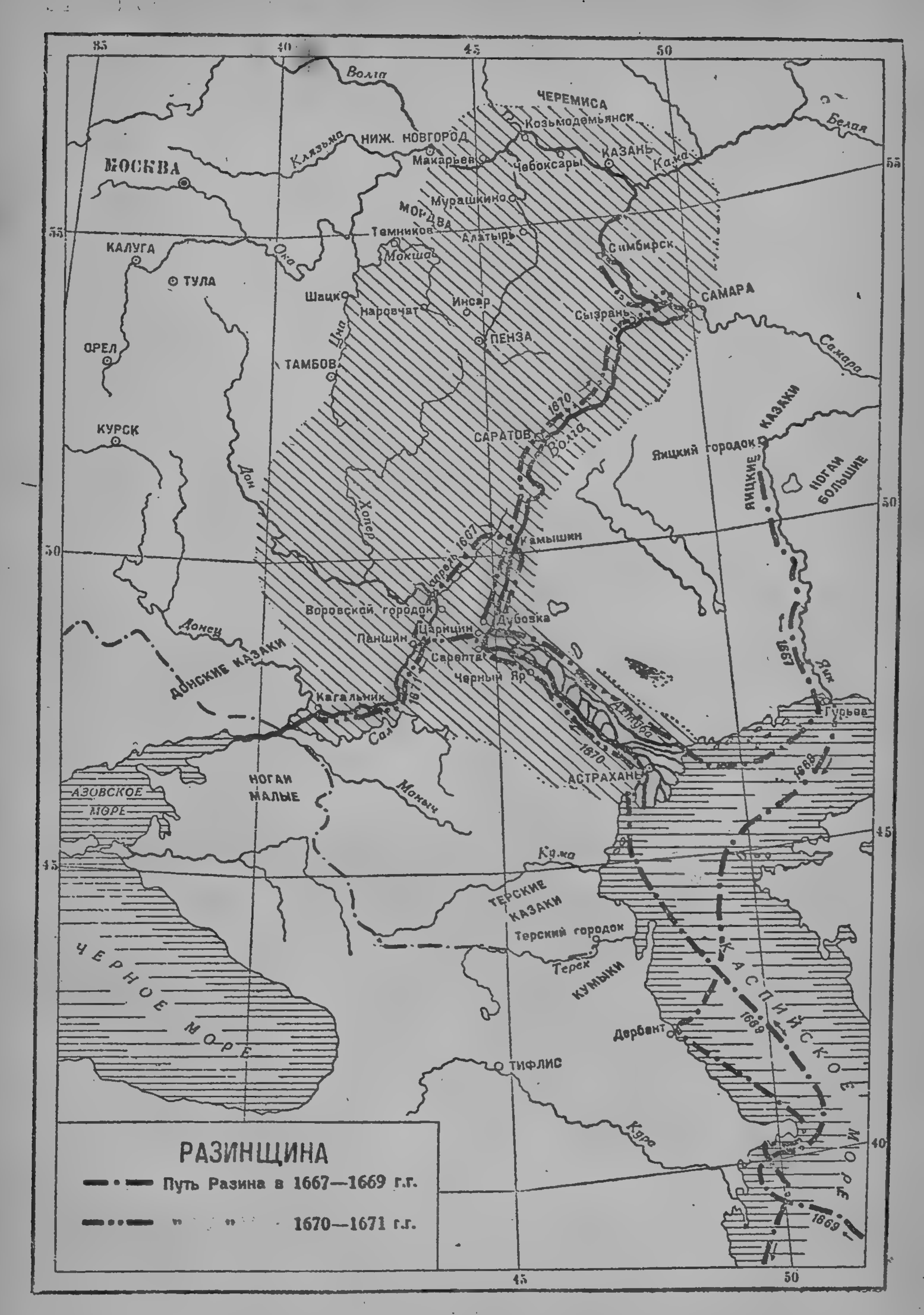
Обеспечив взятием Астрахани тыл, Разин в июле двинулся вверх по Волге. Восставшие были здесь поддержаны массами крестьянства. Посланцы Разина с «прелестными письмами» (воззваниями) подымали крестьян против бояр и воевод. Во многих местах восстание вспыхивало до прихода Разина. Крестьяне жгли усадьбы, убивали помещиков. По словам одного из иностранцев, «по дорогам только и встречались толпы холопов и крестьян, шедших к нему (т. е. к Разину). Только и речи было, что об истреблении дворян; каждый крестьянин, каждый холоп умерщвлял своего господина и приносил его голову Разину, который хвалил и награждал его с целью поощрять очищение земли от подобных чудовищ (так называл он дворян). Таким образом, многие поместья пустели. Дворяне должны были для сохранения жизни спасаться в городах в холопском платье».

Деятельнейшее участие в движении приняли и многочисленные угнетенные народности Поволжья (татары, мордва, чуваши). Временами к восстанию примыкали даже мелкие нерусские дворяне («мурзы татарские», служилые «новокрещенцы»).

Наконец, большую поддержку движение встретило среди низов городского населения. Ремесленники и мелкие торговцы, многочисленные поволжские бурлаки и грузчики и даже стрельцы восставали против своих угнетателей (купцов, ростовщиков и воевод) и вливались в ряды разинской армии.

---

[1] Круг — казачий сход.



Карта разинщины.

Успехи разинщины. Саратов и Самара сдались Разину без боя. К началу сентября Разин был уже под Симбирском, за $1\frac{1}{2}$ месяца овладев всем Нижним Поволжьем от Астрахани до Симбирска. Под Симбирском сначала произошло то же самое, что в Царицыне и Астрахани. Жители Симбирска помогли казакам захватить город и вместе с ними кинулись избивать всех сторонников правительства. Однако симбирский воевода сумел отстоять внутренний «малый городок» (кремль) и засел там. Пришлось разинцам задержаться для осады. Пока главные силы были заняты осадой Симбирска, отдельные крестьянские отряды далеко продвинулись вперед — на запад и север. Города Пензенского края один за другим были захвачены разинцами. На западе восстание начало перекидываться в Тамбовский и Приокский края.

На севере, в Нижегородском крае, большой отряд собрался около двух торговых сел (Лыскова и Мурашкина). В этом отряде наряду с мордвой и чувашами весьма большое участие принимали «будники» (крестьяне, работавшие на поташных заводах). Восставшие напали на Макарьевский монастырь. Сначала они были отброшены от стен Макарьевского монастыря, но второй отряд разинцев захватил и разграбил этот крупнейший в районе центр торговли и эксплоатации.

Отряды разинцев перевалили и за Волгу к мари. На ладьях они поднялись по северным волжским притокам — Ветлуге, Унже, брали здесь города, громили дворянские и боярские дворы. Отдельные разинские агитаторы пробирались еще дальше на север — в Вятку, Усолье, даже в Великий Устюг. Значительная часть страны оказалась к осени 1670 г. в руках восставших. Приходилось царскому правительству опасаться и за самую Москву.

Поражение разинщины. Успехи крестьянского восстания заставили крепостническое правительство напрячь все свои силы. Всем служилым предписывалось государевым приказом явиться в свои полки. Неявившимся грозили смертной казнью и конфискацией имущества. С 30 сентября царь Алексей в течение 8 дней производил смотр 60 тыс. дворян, собранных под Москвой. Были двинуты против Разина и полки «иноземного строя», лучшая часть русской армии, обученная западноевропейскими инструкторами.

Те военные силы, с которыми теперь пришлось иметь дело разинцам, были мало похожи на отряды стрельцов, легко переходивших на сторону Разина. Отправленные на выручку к Симбирску войска под командой князя Барятинского состояли главным образом из помещиков, смотревших на разинцев как на злейших классовых врагов. С боями пробив себе дорогу к Симбирску, Барятинский встретился здесь в октябре с главными силами Разина.

Царская армия была гораздо лучше обучена и вооружена, чем разинцы. У разинцев было мало ружей и пушек. Значительная часть их была вооружена кистенями, косами и вилами. В бою с Барятинским разинцы потерпели поражение. От Симбирска раненый Разин ушел с казаками назад к Дону. Здесь он тщетно пытался продолжать борьбу, набрав новые силы. Весной 1671 г. «домовитые» казаки взяли Кагальник и захватили в плен Разина. Заковав в кандалы, его повезли в Москву. После мучительной пытки вождя крестьянского восстания казнили. Разина казнили жестокой казнью. По словам одного

иностранца, место казни было окружено «тройным рядом преданнейших солдат, и только иностранцы допускались в средину огороженного места, а на перекрестках по всему городу стояли отряды войска». Это делалось, чтобы «предупредить волнения, которых царь опасался со стороны уцелевших заговорщиков».

Царская расправа.

После поражения под Симбирском крестьяне не сложили оружия; особенно крепко держались мордва и татары. Но с отдельными крестьянскими отрядами правительственные войска все же справились без труда. Неорганизованность движения и его разобщенность облегчили его разгром. Дольше других (до конца 1671 г.) держалась Астрахань.



Казнь Степана Разина (старая лубочная картина).

Карательные отряды свирепствовали по всему Поволжью. Расправа была ужасна. Крестьян жгли, вешали, били кнутами, уродовали (рубили руки, пальцы на руках и ногах, вырывали языки). Выжигали целые деревни. Отбирали имущество. Центром расправы был город Арзамас. Здесь работал главный царский палач, князь Юрий Долгорукий. «Страшно было смотреть на Арзамас, — говорит один из очевидцев-иностранцев, — его предместья казались совершенным адом. Повсюду стояли виселицы, и на каждой висело до сорока-пятидесяти трупов. Там валялись разбросанные головы и дымились свежей кровью, здесь торчали колья, на которых мучались повстанцы (восставшие) и часто были живы по три дня, испытывая невероятные страдания». Так закончилась вторая серьезная попытка русского крестьянства сбросить гнет крепостничества.

Отличительные черты разинщины как крестьянской войны.

Основой разинщины, как и первой русской крестьянской войны (1605—1613 гг.), была борьба закрепощенного и закрепощаемого крестьянства против крепостнического гнета, борьба за путь свободного производителя на свободной земле. В разинщине очень большое участие принимало крестьянство угнетенных национальностей. Руководство в разинщине принадлежало казацкой бедноте, т. е. беглым крестьянам, бездомным рыбакам,

беглым стрельцам, пленным рабам казацкой «старшины». Вместе с низами городского населения, с волжскими бурлаками, с судовыми рабочими, с бобылями и «будниками» они составили революционное ядро движения, способное придать ему широкий размах.

У руководителей движения, несмотря на его разбойный характер, был определенный план действий, была разработанная тактика. Правильно наметив направление удара, разинцы проявили большую энергию для того, чтобы поднять широкие массы населения. Большое внимание уделялось агитации как устной, так и письменной («прелестные письма»). В качестве агитаторов использовали крестьян, беглых попов, горожан, которые вели свою работу то под видом торговцев, то под видом попов. Среди агитаторов были и женщины. Так, крестьянка из Арзамаса Алена была схвачена с «воровскими письмами». Ее пытали на медленном огне, а потом сожгли.

Штаб восстания обнаружил значительное уменье и гибкость и в руководстве военными действиями. Большую заботу обнаруживали о вооружении, особенно об артиллерии. Так как огнестрельного оружия для всей восставшей армии нехватало, спешно готовили холодное оружие.

Под Симбирском, по донесению воевод, делал «Стенька бердышев[1] всяких чинов людьми день и ночь беспрестанно». Чтобы задержать наступление правительственных войск, сооружали в деревнях баррикады из телег и бревен. Высылали вперед заставы, которые несли сторожевую службу.

Причины поражения крестьянской войны 1670—1671 гг.

Поражение разинщины объясняется той основной причиной, что в России XVII в. еще не было класса, который был бы в состоянии руководить крестьянской борьбой (т. е. пролетариата).

Сорганизовать крестьянское движение казацкая голытьба не могла. Каждая деревня билась против своего угнетателя, билась стойко, но дальше своей местности борьба не шла. Поэтому правительство било восставших по частям.

Большое значение имел также технический перевес дворянской армии над крестьянскими отрядами.

Поражению способствовал ряд ошибок, допущенных руководителями разинщины и казацкой голытьбой. Важнейшей из них было то, что главные силы задержались возле Симбирска, вместо того чтобы продолжать наступление на Москву.

Наконец, в национальных районах успех движения был ослаблен недостаточно последовательной классовой политикой по отношению к местным помещикам. Беспощадно борясь с московскими крепостниками, разинцы сначала готовы были итти на соглашение с местными эксплоататорами. И только стихийный рост антикрепостнического движения среди нерусских народов заставил Разина под Симбирском выдвинуть лозунг: «Мурз и татар, за которыми крестьяне есть, рубить».

---

[1] Бердыш — оружие для рукопашной схватки; сочетание топора с копьем.

ГЛАВА XVIII.

ОБРАЗОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В XVIII в.

§ 52. Российская империя начала XVIII в.

Войны и захваты в XVIII в.

Разгром крестьянской войны в Поволжье расчищал московским крепостникам дорогу на юг и восток, к черноморским степям, в Заволжье, на Южный Урал. Были закреплены за Московским государством области донских казаков, земли калмыков, башкир.

Продолжались захваты и дальше на востоке, в Сибири. Здесь в средине века русские захватчики добрались до Амура (до самых границ Китая). Территория Московского государства за столетие более чем удвоилась.

Рост территории России в XVI—XVIII вв.

Годы	Территория в кв. милях
1590	130 132
1682	268 078
1726	282 454
1796	352 472

Успешные захваты укрепляли крепостническое государство. Они способствовали сохранению в нем крепостных порядков. В этих захватах крепостническое государство нашло выход из тяжелого кризиса второй половины XVII в. Рост территории шел главным образом путем захватов на востоке. На западе московские крепостники добились меньших успехов, хотя сюда были направлены огромные силы.

Уже с XVI в. Московское царство начало борьбу за выход к Черному морю и Балтийскому морю. Балтийское море было нужно русским дворянам и купцам, чтобы установить более легкие и самостоятельные (без посредников) связи с Западной Европой взамен неудобного Белого моря.

Борьба продолжалась в течение всего XVII в., перекидываясь то на юг, где русским оказывали сопротивление турки и поляки, то на северо-запад, где главным соперником России была Швеция. Войны с Польшей и Швецией шли в общем неудачно. Польша и Швеция стояли в начале XVII в. в экономическом и техническом отношениях несколько выше, чем Московское государство, и они били отсталую Россию. В начале XVII в., во время гражданской войны в России, польские и шведские феодалы пытались поживиться за счет ослабевшей Москвы. Поляки завладели Смоленском (одно время они занимали даже Москву). А шведы оттеснили русских от Финского залива.

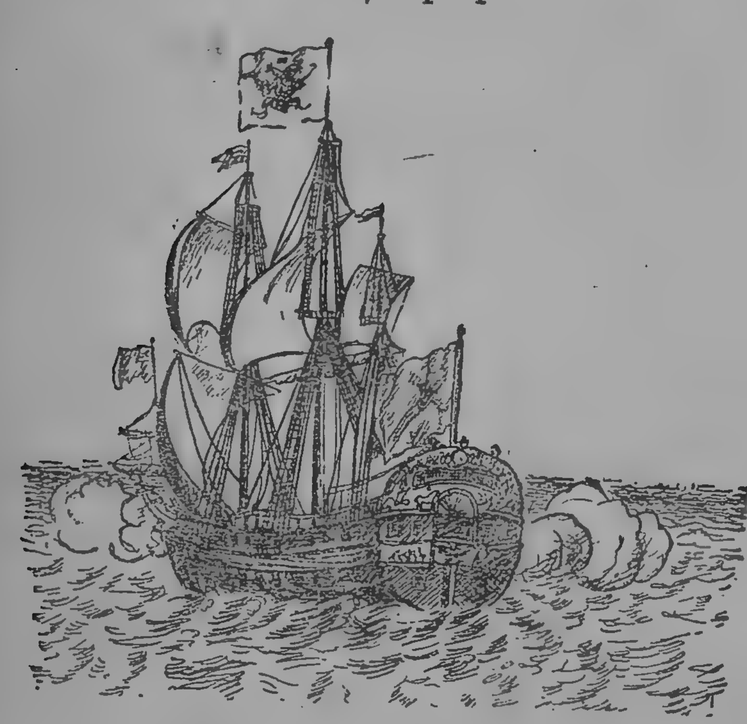
В средине XVII в. Москва переходит в обратное наступление против Польши, ослабленной крестьянской войной. Затянувшаяся война кончилась победой Москвы над Польшей.

Великая северная война.

С тех пор самым опасным соперником для Москвы являлась Швеция, которая была в то время одной из крупнейших стран по добыче железа и по военной промышленности. Швеция в XVII в. владела Норвегией и Финляндией. Она сумела в начале XVII в. оттеснить русских от Финского залива,

утвердилась в теперешней Эстонии и Латвии (до Риги) и крепкой ногой стала на южном побережье Балтийского моря (во время большой Тридцатилетней войны). Другие претенденты на Балтийское побережье (Московское царство, Польша и Дания), напуганные усилением Швеции, в конце XVII в. заключили союз и вступили в борьбу со шведами.

Война началась для русских тяжелым поражением: под Нарвой в 1700 г. небольшая, но хорошо организованная шведская армия наголову разбила неповоротливое московское войско. От полного разгрома Россия была спасена только тем, что шведы, считая дело на востоке поконченным, перебросили главные силы в Польшу. Московское правительство (во главе с царем Петром) сумело использовать предоставленную ему шведами передышку для перестройки армии. Уже в XVII в. в Москве были введены полки «иноземного строя». Теперь основную массу армии перевооружили и перестроили на иностранный лад. Быстрым темпом принялись за постройку флота.



54-пушечный корабль «Полтава» (постройка 1712 г.).

Напрягши все силы страны, путем неимоверного гнета населения петровское правительство вышло победителем из затянувшейся на 20 лет войны (особенно большую победу над шведами русские одержали под Полтавой). В 1721 г. был заключен со шведами мир, по которому русские получили от Швеции побережья Балтийского моря и его заливов от Выборга до Риги.

Победа в Северной войне имела большое значение для дальнейшей истории Российской империи (так теперь стали называть Московское государство). Оба ее старых соперника — Швеция и Польша — в XVIII в. утрачивают былую мощь. Польша в конце XVIII в., раздираемая внутренними классовыми противоречиями, становится добычей более счастливых хищников (Россия, Пруссия и Австрия), разделивших ее между собой; Швеция постепенно превращается во второстепенную державу.

Борьба за Черное и Каспийское моря. Упорно вело борьбу в XVII и начале XVIII в. русское правительство и за побережье Черного моря. Однако и походы на Крым и Азов в конце XVII в. и поход на Прут в начале XVIII в. кончились неудачей, несмотря на огромные затраты. Только значительно позднее, в последней трети XVIII в., русские завладели северным побережьем Черного моря.

Велась борьба и у Каспийского моря. Уже во второй половине XVI в. русские владения дошли до Терека, т. е. до предгорий Кавказа. Были установлены тесные сношения с феодалами Кабарды. С того же времени начались связи между Московским государством и Грузией. Грузинские феодалы, теснимые Турцией и Персией, искали в Московском государстве союзника, а Московское государство со своей стороны рассчитывало при содействии их укрепиться на Кавказе. В течение всего XVII в. Московское государство уделяло большое внимание кавказским делам, но от военных захватов пока воздерживалось, стараясь мирным путем посредничать в торговле Персии с Европой (особенно огромное значение имела в то время торговля персидским шелком).

В XVIII в. Россия перешла к политике прямых захватов. Сразу по окончании Северной войны была начата (в 1722 г.) война с Персией. Русские войска заняли Дербент, Баку и южное побережье Каспийского моря. Персия вынуждена была уступить эти земли. Но успехи русских оказались непрочными: через 10 лет эти области отошли обратно от России.

Все эти войны, выгодные русским крепостникам и растущему купеческому капиталу, оказали большое влияние на развитие русского самодержавия.

Русское самодержавие в XVII в.

Московское самодержавие начало складываться, как было сказано выше, в XVI в. Крепкая централизованная власть нужна была крепостникам для того, чтобы подавлять движения угнетенных масс и захватывать новые земли.

В XVII в. русское самодержавие усилилось, создав огромную машину для управления страной. Постоянная армия, чиновничество (бюрократия), финансы и церковь стали важнейшими орудиями русского самодержавия. Армия в XVII в. постепенно перестраивается: все меньшее место в ней стали занимать отряды, приводимые отдельными феодалами, все большее значение приобретали постоянные войска — стрельцы и полки «иноземного строя». В подавлении разинщины полки «иноземного строя» сыграли весьма важную и большую роль.

Выросла и усложнилась и бюрократическая машина московского самодержавия. Ее верхушку составляли 50 «приказов». Приказы возникали случайно, без продуманного заранее плана. Между ними не было строгого разделения обязанностей. Одни из них (посольский, поместный, стрелецкий, оружейный, купецкий, рудных дел, разбойный, холопий и др.) ведали каким-нибудь делом во всем государстве. Другие (приказ Казанского дворца, Сибирский) ведали определенными областями.

Целый ряд приказов обслуживал нужды царского двора; среди них были крупные (например приказ Большого дворца, ведавший дворцовыми имениями) и мелкие, вроде аптекарского приказа. Каждый приказ имел свои задачи.

Возглавляли приказ обычно бояре. На деле руководили им не знатные феодалы, а чиновники — дьяки и подьячие. А в одном из важнейших приказов — приказе тайных дел — сидели только дьяки.

В руки чиновников постепенно перешло и управление на местах. Старые феодальные власти и выборные местные учреждения уступили место присланным из Москвы воеводам с подьячими. Упадок политического значения старой знати сказался и в отмене «местничества», проведенной в конце XVII в.

Многочисленная рать чиновников творила суд и расправу над населением, собирала налоги, «правила» (выколачивала на правеже палками), вздергивала на дыбу в застенках и гноила в тюрьмах.

В XVII в. Московское государство стало бюрократической самодержавной монархией, имевшей в качестве опоры большую армию.

Большой опорой абсолютизма была церковь. Церковь являлась крупнейшим землевладельцем, жестоко эксплоатировавшим крепостное крестьянство. Достаточно указать, например, на то, что Троице-сергиевский монастырь первым провел закрепощение своих крестьян. Монастыри в деле порабощения и эксплоатации угнетенных народов не уступали по жестокости феодалам-помещикам. Церковь, таким образом, освящала все действия абсолютной монархии в деле эксплоатации крепостного крестьянства и угнетенных народностей. Тем самым церковь укрепляла абсолютную монархию.

Реформы крепостнического государства в начале XVIII в.

Крестьянские войны 1670—1671 гг., 1707—1708 гг. и непрекращающиеся восстания в городах, с одной стороны, непрерывные войны начала XVIII в. — с другой, заставили правительство внести в систему управления ряд крупных изменений для того, чтобы укрепить диктатуру помещиков. Реформы коснулись всех сторон управления. Во время Северной войны была проведена перестройка армии. Она была перевооружена по европейскому образцу и превращена в постоянную.

Стрелецкое войско, показавшее свою ненадежность во время разинщины и городских восстаний XVII в., при Петре I было ликвидировано.

Новая армия находилась на содержании у центральной власти, кормившей ее, одевавшей и вооружавшей на свой счет. Армию пополняли из «рекрутов», которых брали у крестьян. Попавший в армию рекрут оставался в ней до самой смерти. Офицерами в армии стало дворянство. Особое значение в армии приобрели столичные полки, пополнявшиеся главным образом дворянской молодежью (так называемая «гвардия»).

Была перестроена и система управления страной. Вместо многочисленных приказов московских времен были учреждены по шведскому образцу 10 «коллегий». Между коллегиями поделили различные стороны государственного управления. Военным делом ведали воинская и адмиралтейская коллегии, внешней политикой — иностранная. Суд и полиция перешли из многих приказов в юстиц-коллегию. Государственные доходы и расходы и контроль над ними были поручены трем коллегиям. Наконец, особая коллегия была образована для управления горными заводами («берг-коллегия»), фабриками («мануфактур-коллегия»), особая — для заведывания торговлей («коммерц-коллегия»). Особая коллегия была создана и для управления церковью («синод»). Патриаршество было уничтожено. В синод вместе с церковными властями был введен царский чиновник, наблюдавший за их деятельностью. Так церковь окончательно была поставлена на службу государству.

Высшим правительственным учреждением стал «сенат», заменивший боярскую думу. Сенат был и собранием царских «приказчиков» — чиновников, обязанных беспрекословно выполнять царские приказы. Из старого круга феодального боярства только немногие остались на высших государственных должностях. Их оттеснили более ловкие и гибкие дельцы, выбившиеся из разных слоев населения. Самым близким помощником Петра стал «Алексашка» Меньшиков, сын мелкого ремесленника, из петровского денщика ставший «светлейшим князем». Меньшиков — типичный представитель «новых знатных персон», которые правили империей в XVIII в., совмещая в своем лице крупного землевладельца, монополиста-купца и грабителя-чиновника.

Реформы начала XVIII в. упорядочили государственную машину, но классовой сущности государства они не изменили. В организованной на европейский лад армии, в новой, более стройной и гибкой системе управления самодержавие получило новые средства для подавления масс и захвата новых колоний.



Пошлина с бороды.

Дворяне превозносили реформы начала XVIII в., а царю Петру, при котором они были проведены, дали прозвание Великого.

Ограбление трудящихся масс государством.

Между тем успехи новой империи покупались ценой разорения трудящихся. В новую армию забрали около 200 тыс. крестьян; половина из них погибла в боях и от болезней. Много народу погибло и на принудительных работах, на постройке дорог, верфей, новой столицы. Беспрерывные войны требовали огромного количества денег.

«Денег как возможно собирать, понеже (потому что) деньги суть артерии войны», — приказывал царь сенату. Деньги изыскивались всякими средствами: перечеканивали монеты, примешивая к серебру больше меди (т. е. по существу подделывали монеты). Вводили новые налоги, проявив необычайную изобретательность в изыскании предметов обложения (ввели налог даже на дубовые гробы).

Когда всех этих мер оказалось недостаточно, порешили ввести по французскому образцу «подушную» подать. Произвели перепись («ревизию») всего населения, кроме дворян и попов, и с каждой «мужской души», от новорожденного младенца до дряхлых стариков стали брать подушную подать. В ревизские списки внесли и холопов, сравняв их в отношении платежа налогов с крепостными. Много попало в списки прежде «вольных гулящих» людей. Сумму всех расходов на армию поделили на число душ и определили таким образом размер подати. Налог был очень тяжел для обнищавшего крестьянства. Сборщики

налогов выколачивали недоимки самым беспощадным способом. И все же частенько сообщали правительству, что «подушных денег по окладам собирать сполна некоторым образом невозможно за всеконечной крестьянской нуждой».

Итак, русское самодержавие XVIII в. после реформ оставалось диктатурой крепостников, которые правили страной в тесном союзе с купечеством.

Новая столица. В разгаре войны со шведами, в то время когда они перебросили главные силы в Польшу, русские войска захватили побережье реки Невы. Здесь (в 1703 г.) на низменной дельте реки Невы заложили новый город. Для постройки согнали много тысяч рабочих со всех концов страны. Они рыли каналы, вбивали сваи, строили крепость, возводили большие дома для царя (Петра)



Вид на Петропавловскую крепость со стороны Летнего сада (с гравюры 1727 г.).

и его вельмож. Нездоровый климат, голод и непосильный труд сделали Петербург[1] кладбищем для многих тысяч рабочих. На место погибших гнали новых. Для постройки города не жалели ни денег, ни людей.

После победы над шведами новый город стал столицей империи. Он очень быстро превратился в крупнейший русский торговый порт. Это было «окно в Европу».

Новый быт. На европейский лад перестроились не только армия, финансы, управление. Во всем быту усилилось влияние Европы (особенно Голландии и Франции). Участились поездки русских за границу. Сам царь несколько месяцев провел в Голландии.

Иностранные купцы, военные инструктора и техники в значительном числе потянулись в Россию.

Русское дворянство, русский двор охотно перенимали дворянскую культуру западноевропейских стран: надели европейское платье, мужчины стали брить бороды и носить парики, по европейскому образцу устраивали свое жилище.

---

[1] Петербург, или Санкт-Петербург, как его звали раньше, — по-русски означает город святого Петра.

§ 53. Развитие сельского хозяйства и крепостная деревня в XVIII в.

Рост торговли в XVIII в.

В XVIII в. рос спрос на продукты сельского хозяйства как со стороны внутреннего, так и внешнего рынков. Через захваченные порты устанавливалась более живая торговля с Западной Европой, чем раньше. Теперь возможна стала торговля с Западом большими массами громоздких сельскохозяйственных продуктов, вывоз которых раньше весьма затруднялся отдаленностью Белого моря.

Особенно выдвинулся как торговый порт Петербург. Он быстро опередил Архангельск. В 1726 г. уже в нем перебывало 242 корабля, а в Архангельске — 12. Росла торговля и через другие захваченные русскими порты на Балтийском море (Нарва, Ревель, Выборг, Рига). О росте внешней торговли в течение XVIII в. можно судить по следующей таблице:

Рост внешней торговли в XVIII в.

Годы	Вывоз	Ввоз
	(В миллионах руб. [1]*)*	
1727	4,2	2,1
1762	12,8	8,2
1796	67,7	41,9

Состав русского вывоза в XVIII в.

	1749 г.	1790—1792 гг.
	(в тысячах руб.)	
Пенька	1 377	5 882
Лен	1 071	335
Сало	347	2 959
Лес	202	1 297
Железо и чугун	418	3 338
Рожь	2	413
Пшеница	—	294

Росла и внутренняя торговля хлебом, мясом и другими продуктами. Об этом свидетельствовал рост числа ярмарок (в 1744 г. в Великоруссии их было 24, а в средине 70-х годов XVIII в. — свыше 700). Оживлению внутренней торговли содействовало уничтожение внутренних пошлин (в 1753 г.).

Рост расслоения крестьянства.

Сельскохозяйственные продукты выбрасывали на рынок и барин, и крестьянин. Барин усиленно превращал продукты крестьянского труда в деньги, чтобы удовлетворить выросшие потребности в привозных товарах. Крестьянская буржуазия захватила в свои руки не только торговлю сельскохозяйственными продуктами, она подчинила себе сельские промыслы. Уже в середине XVIII в. можно подметить развитие в деревнях домашней капиталистической промышленности. Кулак-скупщик раздавал сырье и забирал товары у деревенских кустарей. Крестьянин был вынужден продавать не только излишек, а необходимый продукт «для уплаты подушных денег и прочих податей». Большую роль в торговле начинает играть верхушка крестьянства, выносившая на рынок излишки своего производства.

[1] Рубль начала XVIII в. был равен примерно 8—9 золотым рублям XX в. В течение XVIII в. рубль сильно упал, равняясь в конце века 2—3 золотым рублям XX в.

Развитие торговли вело в ряде районов к возникновению крестьянской буржуазии (кулачества), закабалявшей крестьянскую бедноту. Так, по рассказу одного из тверских помещиков, «семьянистые и домовитые крестьяне, содержа большую скотину, не только оную (ее) продают, но, скупая у других, еще переторговывают; иные по первому пути тушами возят в Петербург или купцам, торгующим мясом, из барышей продают. Таковые (зажиточные крестьяне), не имея довольного числа для скотины корму своего, нанимают луга для сенокоса или пашню для хлеба, дабы излишнее число тем прокормить».

Выделение крестьянской буржуазии, торгующей или предпринимательской, является признаком начавшегося разложения натурального крестьянского хозяйства.

Развитие отхожих промыслов.

Другим показателем разложения натурального хозяйства было развитие крестьянских отхожих промыслов. Беднейшие слои крестьянства искали себе пропитания, нанимаясь в рабочие на суда, на заводы, или шли в Москву и другие города, занимаясь там плотничьим, печным, штукатурным делом. Появляется в XVIII в. даже отход на сельскохозяйственные работы в южные малозаселенные губернии. О размерах отхода можно судить хотя бы по тому, что в Ярославской губ. в 1778 г. уходившими на заработки крестьянами было взято 53 тыс. паспортов.

Развитие отхода в значительной степени подталкивалось ростом государственных податей и помещичьего оброка. Высоким оброком помещик выгонял маломощного крестьянина на заработки.

Развитие помещичьего хозяйства в XVIII в.

Помещичье хозяйство приспособлялось к новым условиям двояким способом. Оно увеличивало крестьянские оброки, особенно денежные. Если в средине XVIII в. преобладал оброк в 1 рубль с души, то в 1770 г. он поднялся до 2 р. 50 к., а к 1780 г. — до 4 руб. В некоторых имениях оброк поднимался до 20 руб.

Однако для второй половины века, когда начали расти цены на хлеб и другие продукты сельского хозяйства, помещик чаще избирает второй путь — расширение своей барской запашки и вместе с этим увеличение барщины. Переход с оброка на барщину и захват части крестьянских земель — характерное явление для крепостного хозяйства конца XVIII в.

У Радищева [1] приведен следующий рассказ.

«В нескольких шагах от дороги увидел я пашущего крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Первого сорок минут. Я выехал в субботу. Пашущий крестьянин принадлежит, конечно, помещику, который оброку с него не берет. Крестьянин пашет с полным тщанием (старанием). Нива, конечно, не господская. «Бог в помощь, — сказал я, подошед к пахарю, который, не останавливаясь, доканчивал зачатую борозду. — Разве тебе во всю неделю некогда работать, что ты и воскресенье не спускаешь, да еще и в самый жар?» — «В неделе-то, барин, шесть дней, и мы шесть раз в неделю ходим на барщину, да под вечер возим оставшееся в лесу сено на господский двор, коли погода хороша, а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды». — «Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободный?»—«Не одни праздники,

---

[1] Радищев, революционный писатель конца XVIII в., в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» изобразил без прикрас положение крепостного крестьянина. За эту книгу он был сослан в Сибирь.

а и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает, а как эта устанет, возьмусь за другую, дело-то и споро». — «Так ли ты работаешь на своего господина?» — «Нет, барин, грешно было бы так работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две руки для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит, ни барана, ни холста, ни курицы, ни масла не уступит».

В некоторых местах помещики сделали дальнейший шаг, превратив крестьянина в сельскохозяйственного крепостного работника, оплачиваемого хозяином. «Есть и такие еще помещики, — рассказывает в 60-х годах XVIII в. оренбургский агроном, — что повседневно наряжают их (крестьян) на свои работы, а крестьянам для пропитания их дают один месячный хлеб». Такая «плантационная» [1] система в чистом виде не нашла широкого применения, так как помещику выгоднее было оставить крестьянину хотя бы видимость «своего» хозяйства. Но многие барщинные имения в конце XVIII в. приближаются к плантации.

Итти дальше по пути увеличения барщины было некуда.

Крестьянское бесправие.

Одновременно с усилением эксплоатации крестьян шел рост крестьянского бесправия. Дворянское государство XVIII в. расширило власть помещиков над их крепостными. Закон 1760 г. давал помещику право ссылать крестьянина в Сибирь на поселение и каторжные работы. Закон 1767 г. предписывал крестьянам быть в повиновении у своих помещиков и грозил кнутом и вечной каторгой тем из крестьян, которые будут жаловаться государыне на помещиков.

Крестьянин стал рабом, вещью. Крестьян проигрывали в карты, меняли на собак. На ярмарках продавали крестьян, как скот. В Петербург целыми барками привозили крестьян на продажу. Цены бывали разные: специально обученного крепостного продавали часто за несколько сот рублей. Необученные расценивались дешевле. Ребятишки шли за гроши. Так, в одной описи продаваемого за долги имения значится: «Крестьянин Леонтий Никифоров, 40 лет, — по оценке 20 руб., жена его Марина, 25 лет, — по оценке 10 руб.; у них дети: 1 год — 50 коп., 2 года — 1 р. 50 к.».

Зверства помещиков.

Главным средством, для того чтобы держать крестьян в повиновении, были розги и плеть. За малейшую провинность крестьян жестоко наказывали. Кроме розог и плетей изобретательные мучители пользовались и другими способами наказания. Так, в Саратовской губ. применялись следующие наказания: розги, палки, бритье полуголовы, полубороды, надевание кандалов, набивание деревянных колодок на шею, употребление железных ошейников с гвоздями и наказание плетьми из воловьих жил. В Рязанской губ. употребляли «щекобит» — деревянное орудие для битья девок и баб по щекам, чтобы не «марать дворянской руки о хамские рожи». Сама царица (Екатерина II) признавалась в своем дневнике: «ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки».

У некоторых помещиков были настоящие тюрьмы с усовершенствованными орудиями пытки и целым штатом палачей.

Помещица Салтыкова замучила 75 крепостных, подвергая их жесточайшим наказаниям.

---

[1] Плантация — имение, в котором работа велась главным образом посредством рабского труда.

Распространение крепостного права. Крепостное право продолжало расти и вширь: оно было установлено во многих землях, захваченных Россией.

Так, в конце XVIII в. крепостной порядок окончательно был установлен на Украине, где до этого крестьянство не было до конца закрепощено. Крепостное право проникло в заволжские края. И в самой России многие крестьяне, жившие на государственных землях (т. е. на землях, не захваченных помещиками), были превращены в помещичьих. Их дарили в награду лицам, заслужившим особую милость царя. При царице Екатерине II (1762—1796 гг.) было роздано около 800 тыс. крестьян. Значительная часть из них досталась многочисленным фаворитам (любовникам царицы).

§ 54. Развитие промышленности в XVIII в.

Рост промышленности в начале XVIII в. Уже в Московском государстве XVII в. мы отмечали развитие ремесла (особенно в деревне) и зачатки крупной промышленности. В XVIII в. развитие промышленности шло быстрым темпом. Развитие промышленности подталкивалось ростом спроса на промышленные изделия как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Внешнему рынку нужно было русское полусырье: холст для парусов, канаты для корабельных спастей, полуобработанная кожа — юфть. Большое количество промышленных изделий нужно было и государству, например, сукно для обмундирования армии. Дворянское государство покровительствовало развитию крупной промышленности (как это делали и западноевропейские правительства). Оно вводило высокие пошлины на иностранные промышленные товары, давало льготы промышленникам, само строило заводы, выписывало иностранных мастеров, привлекало иностранных капиталистов. Особенно правительство заботилось об отраслях промышленности, связанных с военным делом (изготовление пушек, пороха, канатов, парусов, грубого солдатского сукна). Строили заводы в Москве, новой столице — Петербурге, под Тулой, в Олонецком крае. Начали разрабатывать огромные богатства Урала. Старейший уральский завод (на реке Невье, возник в 1699 г., а в 1723 г. был основан г. Екатеринбург (теперь Свердловск), ставший центром уральского горного дела.

Если в XVII в. в Московии «фабрики» насчитывались единицами, то к 1725 г. их было уже 233. Среди них были, по тому времени, довольно крупные предприятия: на московской казенной парусной фабрике было 1162 рабочих, у иностранца Тамеса в Москве на полотняной фабрике работал 841 человек и т. д.

Крупная мануфактура начала XVIII в. в городе. Что же представляла собой фабрика в начале XVIII в.? Вот как описывает одну из крупнейших фабрик Петровской эпохи приезжий иностранец:

«Сев в сани, мы отправились в город на большую фабрику, которая помещается в большом каменном доме. По приезде туда мы осмотрели все по порядку, и я должен признаться, что никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики (Тамес) мог устроить здесь такое заведение и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет сто пятьдесят ткацких станков, за которыми работают почти исключительно одни русские, и производит все, чего можно только потребовать от полотняной фабрики, т. е. все сорта полотна, от грубого до самого тонкого, прекрасные материи для скатертей

и салфеток, тонкий и толстый тик, простыни как узкие, так и необыкновенно широкие, тонкие канифасы для камзолов, цветные носовые платки и множество других подобных вещей. После обеда Тамес повел нас сперва в женское отделение, где работают девушки, отданные в прядильню в наказание лет на десять и более, а некоторые — навсегда; между ними было несколько с вырезанными ноздрями. В первой комнате, где их сидело до тридцати — из самых молодых, было необыкновенно чисто. Все женщины, находившиеся там и ткавшие одна подле другой вдоль стен, были одеты одинаково.

После этого мы прошли еще в другие мастерские, где не было уже той чистоты: напротив, воняло почти нестерпимо. В заключение Тамес повел нас в комнату, где сидели человек двадцать-тридцать свободных работников, которые ткали за деньги, но заработная плата их почти не превышала того, во что обходится содержание арестанта».

Мануфактура во второй половине XVIII в. была обычно сочетанием отделочной мастерской с раздачей работы на дом и закупкой полуфабрикатов у кустарей.

Посессионные рабочие.

Рабочих для мануфактур их владельцы набирали разными способами. Их брали из числа осужденных и направленных в наказание на мануфактуру. В еще большей мере забирали для работы «больных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню». Таких «нищих», «бродяг» немало было в России XVIII в., как немало их было в Англии XVI—XVII вв. О распространенности нищенства в России говорят многочисленные указы о беглых, нищих и бродягах, изданные в XVIII в. Все же фабриканты этим не удовлетворялись. Им хотелось получить для своих предприятий крепостных. В 1721 г. правительство уступило просьбам фабрикантов и издало указ, по которому «купецким» людям разрешалось покупать к фабрикам деревни. Купленные крестьяне могли быть, по указу 1721 г., использованы только на фабричных работах и не могли быть проданы отдельно от фабрики. Следовательно, они были прикреплены к фабрике, а не к владельцу. Таких прикрепленных к фабрике крестьян стали звать посессионными. Таким образом, в крепостнической России и на купеческой фабрике установился крепостной труд.

Борьба дворянской и купеческой мануфактуры.

В средине XVIII в. купеческая мануфактура встретила сильного конкурента в лице растущей дворянской мануфактуры. Для увеличения своих доходов дворяне не только расширяли свою барскую запашку и отпускали лишних крестьян в отход. Во многих местах они заводили и фабрики. На этих фабриках обрабатывали продукты сельского хозяйства: гнали спирт из хлеба, изготовляли полотно и сукно. В качестве рабочих хозяева использовали своих крепостных. Крестьяне вместо барщины в поле должны были работать у барина на фабрике.

Если в XVII в. помещики-предприниматели были явлением редким, то теперь многие дворяне становятся фабрикантами.

Чтобы защититься от конкуренции купеческой мануфактуры, дворяне добились от правительства запрещения купцам покупать крестьян к заводам (в 1726 г.). Дворяне доказывали, что право владеть крепостными должно быть дворянской привилегией. К концу XVIII в. дворянская крепостная фабрика вытеснила купеческую.

Уральские заводы.

Посессионных фабрик (мануфактур) особенно много в XVIII в. возникло на Урале. Растущий спрос на металл (железо, медь) привлек на Урал ряд крупных предпринимателей. С начала XVIII в. здесь начали возникать заводы крупнейшего уральского заводчика Демидова. В средине XVIII в.

один за другим основывались новые заводы — и государством, и частными предпринимателями.

Рост числа заводов на Урале.

С 1701	по 1723	г.	открыто	11	частных	заводов
» 1724	» 1733	»	»	19	»	»
» 1734	» 1743	»	»	11	»	»
» 1744	» 1753	»	»	27	»	»
» 1754	» 1763	»	»	68	»	»

В начале XVIII в. средняя добыча чугуна была около 2 млн. пудов, к концу века она поднялась до 7 млн.

В течение сравнительно короткого времени весь западный склон Урала, богатый железными и медными рудами, покрылся сетью заводов. Владельцами их были иногда крупные вельможи. Так, Ижевский и Воткинский заводы принадлежали близкому ко двору графу Шувалову. Влиятельные крепостники захватывали для заводов огромные земельные площади. Чтобы обеспечить заводы рабочей силой, приписывали к ним тысячи государственных крестьян (Шувалов добился приписки к его заводам 25 тыс. крестьян).

Развитие уральской горной промышленности сделало Россию в XVIII в. одной из первых стран по добыче металла. Россия XVIII в. не ввозила, а вывозила железо. Однако расцвет уральской промышленности объясняется не высотой техники, а жестокой эксплоатацией рабочих и дешевизной производства (дешевое древесное топливо, высокого качества руда).

Горнозаводская техника XVIII в.

Наличие дешевого крепостного труда позволяло заводчикам обходиться без сложных машин. Только в редких случаях применялись «вододействующие установки».

Технические усовершенствования, сделанные талантливыми изобретателями, не находили применения. Механик Ползунов изобрел паровую машину, более совершенную, чем применявшаяся в то время в Англии для откачки воды из шахт паровая машина Ньюкомена. Однако изобретение Ползунова не было использовано. Оно оказалось ненужным для крепостной русской фабрики.

В большинстве случаев работа на заводах велась ручным способом. Для обработки руды пользовались древесным, а не каменным углем. Для этого около металлических заводов в глухих уральских лесах крепостные крестьяне-«углежоги» сваливали в кучи стволы вековых деревьев, обкладывали их дерном и зажигали их. На эту работу и на доставку угля и руды гнали главную массу крепостных крестьян.

Положение горнозаводских рабочих.

Как жилось горнозаводским рабочим? Часть из них, наиболее квалифицированные рабочие («мастеровые»), получала сравнительно высокую заработную плату: ведь обученных рабочих было мало, и их нужно было беречь. Но эти мастеровые составляли небольшую часть заводских рабочих (на Воткинском заводе из 15 474 человек было 586 мастеровых). Вся же остальная масса находилась в ужасном положении. К заводам приписывали крестьян деревень, отстоящих нередко за несколько сот километров от них. Заводская барщина вместе с дорогой требовала больше 200 дней в году. Крестьянское хозяйство разорялось.

Иногда крестьян совсем отрывали от их хозяйства и переводили на «фабрику». Условия труда на заводах были очень тяжелы. Даже в горнозаводской промышленности применяли труд женщин и детей.

Рабочих за всякую провинность жестоко наказывали. Розги, плети и кнут на крепостной фабрике применялись так же часто, как и в крепостном имении. За попытку побега с фабрики заковывали в цепи и надевали на шею железные рога, которые лишали закованного возможности спать. У одного из крупнейших фабрикантов (Демидова) были подземные тюрьмы, где он держал провинившихся. Много лет спустя в них были найдены прикованные цепями скелеты.

Борьба заводских крестьян в XVIII в.

Крестьяне боялись заводской работы, как каторги. От тягот работы и от жестокостей начальства они пробовали спасаться бегством. Иногда убегали целыми отрядами. Так, в 1763 г. 200 крестьян бежали с Вознесенского завода. Нередко происходили и восстания. Общий труд на заводе организовывал крестьян, работавших на нем, приучая их бороться сообща. В 1760 г. демидовские приписные крестьяне с двух заводов овладели заводскими укреплениями (уральские заводы в то же время были крепостями). Там они оказали упорное сопротивление присланным войскам. Осаждающие пустили в ход артиллерию и сломили сопротивление восставших. Такие случаи были не единичными. Правительству часто приходилось посылать на Урал карательные экспедиции, чтобы привести крестьян «в должное рабское послушание».

§ 55. Крестьянские восстания XVIII в. до пугачевщины.

Крестьянские побеги и восстания.

От усилившегося крепостного гнета, от тяжелой барщины, от каторжного труда на фабрике, от непомерных налогов бегство крестьян достигло огромных размеров. Крестьянство вело классовую борьбу двумя способами — побегами и восстаниями. Оно пользовалось в XVIII в. и тем и другим.

Восемнадцатый век особенно был богат крестьянскими восстаниями. На всем протяжении огромной империи, до далекой Камчатки, то там, то здесь брались за оружие крестьяне. Из этих крестьянских восстаний выделяются своими размерами большое движение крестьян и голутвенных казаков под руководством Булавина в начале XVIII в. и ряд башкирских восстаний.

В начале XVIII в. крупнейшим очагом крестьянских движений был Дон.

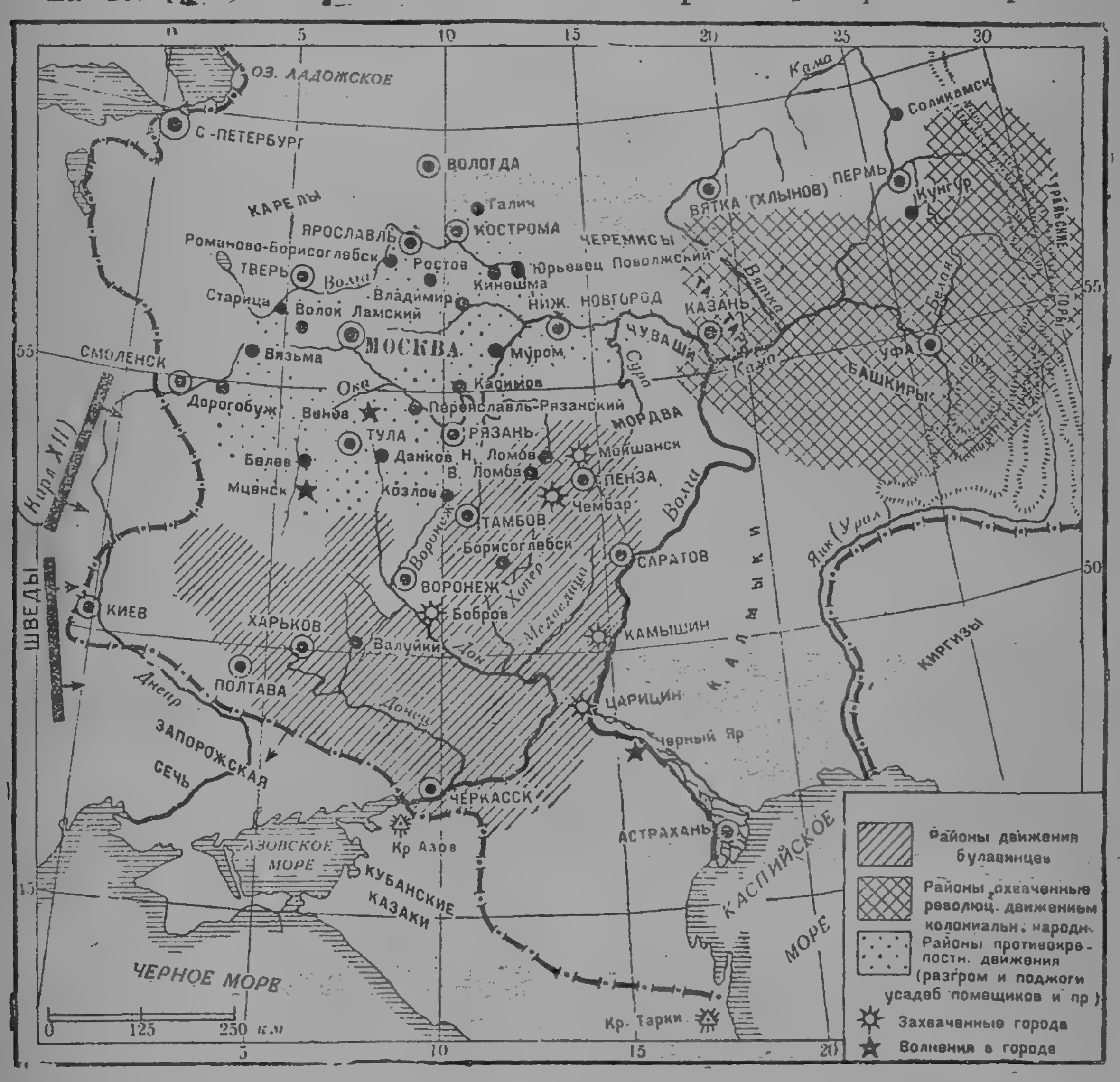
Восстание Булавина.

Движения на Дону не прекратились и после разинщины. Верховья Дона и его притоков (Хопра и Медведицы) в конце XVII в. продолжали заселяться беглецами из центральных областей. В 80-х годах XVII в. на Дону вспыхнуло несколько восстаний, подавленных московским правительством с помощью «низовых» казаков. Войны начала XVIII в., рекрутчина, налоги, дальнейший рост крепостнической эксплоатации, налогов и других повинностей еще более усилили приток беглых на Дон.

В начале XVIII в. правительство Петра I перешло в наступление против Дона, предъявив требование казачеству выселить с Дона

всех беглых крестьян. Отправленный на Дон для возвращения беглых отряд (под начальством кн. Юрия Долгорукого) приступил к жестокой расправе над казаками и беглыми. Казачьи станицы сжигались, казаков били кнутом, резали беглым губы и носы.

Зверства Юрия Долгорукого вызвали восстание беглых крестьян в верховых придонских городках под руководством бахмутского атамана Кондратия Булавина. Восставшие разбили царский отряд и



Булавинское восстание 1707—1708 гг.
(Схематическая карта.)

убили самого Юрия Долгорукого (1707 г.). Перезимовав в Запорожье, Булавин с приверженцами в феврале 1708 г. снова появляется в верховых городках. Центром восставших стал Пристанский городок, куда стекаются тысячи беглых крестьян и мелких посадских людей. Восстание развертывалось успешно. Булавин завладел центром «низового» казачества — Черкасском. Атаману и старшинам — агентам московского правительства, отрубили головы. Власть на Дону перешла к казацкой бедноте.

Против булавинцев была направлена громадная 32-тысячная армия во главе с Василием Долгоруким, братом убитого

Юрия Долгорукого. Между тем восставшие нашли поддержку у запорожских казаков, которые двинулись значительным отрядом на помощь Булавину. Кроме запорожцев булавинцы старались втянуть в борьбу с Москвой кубанских казаков и крымских татар.

Движение донской голытьбы нашло отклик среди крестьянства соседних областей. Из Тамбовского, Козловского и Борисоглебского уездов «денно и нощно» бежали на Дон вооруженные отряды крестьян. В восставших деревнях вводилось казачье самоуправление. Начались волнения и среди угнетенных народностей: башкир, татар, мордвы, вотяков и др.

Булавинцы имели связь с восставшими колониальными народностями. Булавин вел переговоры с кубанской ордой, с турецким султаном. Булавинское восстание, действительно, по словам восставших, «заколыхало всем государством». Булавинцы появились во всех уездах Украины и Придонья. Из г. Ямполя все жители присоединились к восставшим. В Придонье было занят ряд городов (Борисоглебск, Битюг и пр.).

На Волге булавинцев встречали как освободителей. Булавинцы при поддержке местного населения завладели Камышином и Царицыном.

Наступление булавинцев на Саратов кончилось неудачей. Соединиться с восставшими заволжскими народностями не удалось. Сам Булавин, продолжавший борьбу на Дону, потерпел поражение под Азовом (в июле 1708 г.) и застрелился, не желая отдаться живым в руки врагов.

Вслед за Булавиным было нанесено поражение другим атаманам — Голому и Драному[1]. Только булавинский атаман Некрасов сумел вывести часть своего отряда на Кубань.

В метрополии в большинстве уездов, особенно по Волге и Оке, наблюдалось массовое крестьянское движение (избиение помещиков, поджоги усадеб, закашивание и запахивание).

Крепостники-помещики жестоко подавили восстание. По Дону, Волге и другим рекам поплыли плоты с виселицами.

Верховые городки на Дону — центр движения — были разгромлены мобилизованными дворянами и солдатами. Дон утратил свою независимость. На Дону начали быстро развиваться крепостнические порядки. Булавинщина была мощной крестьянской войной, в которой большую роль играли плебейские элементы (работные люди, бурлаки, ярыжки [2]). После разгрома булавинского восстания центр крестьянских движений передвинулся на восток.

Грабеж нерусских народностей Заволжья и Урала в XVIII в.

В Заволжье и на Урале помещичьи и купеческие захваты резко ухудшили положение народностей, населявших эти области (киргизов, башкир, калмыков и др.). Русские чиновники грабили их различными поборами. Их облагали подушной податью, их заставляли нести тяжелую военную службу. Наконец, русские попы силой насаждали православие. Вот как рассказывает современный

---

[1] Характерные прозвища, свидетельствующие о составе участников булавинского движения.

[2] Ярыжки — батраки.

документ о деятельности русских попов в XVIII в. среди народностей Поволжья: «Они (проповедники) и их помощники не через проповеди слова божия приводили в закон, но совершенным разорением, а именно: окна и двери рубили, били плетьми без всякого милосердия и сему подобные дела делали». «Новокрещенов» попы обирали, прибегая для этого к разным мерам. Приедет поп с причтом к «новокрещену» в пост, когда «запрещено» есть мясо и молочные продукты, и высматривает, «ходя по клетям», «и если у кого найдут начатые крынки с маслом, ветчину, от прошедшего дня вареное мясо и прочее, все оное (это) и что сверх того потребно — отбирали».

Расхищение башкирских земель.

Насилия помещиков, купцов, чиновников, попов неоднократно вызывали возмущение угнетенных народностей. Особенно часто брались за оружие башкиры. Среди башкир, занимавшихся главным образом скотоводством, уже довольно далеко зашло классовое расслоение: выделилась зажиточная верхушка, владевшая большими стадами. Но настоящего крепостного строя у них еще не сложилось.

Плодороднейшие и богатые рудой земли башкир (по рекам Белой и Уфе) привлекли к себе внимание русских захватчиков. Особенно пострадали башкиры от постройки заводов. Заводовладельцы забирали башкирскую землю, хищнически вырубали леса. Земли часто захватывались открытой силой, иногда покупались за бесценок. Так Авзяно-петровский завод «заарендовал» за 20 руб. в год 180 тыс. десятин; один русский купец «купил» 200 тыс. десятин за 400 руб.

Борьба башкир в первой половине XVIII в.

Между захватчиками и башкирами часто происходили вооруженные столкновения, временами разраставшиеся в большие восстания. За сто лет (со средины XVII в. до средины XVIII в.) было 10 восстаний. Особенным упорством отличалось восстание 1735 г., вызванное усиленным расхищением башкирских земель. Пять лет башкиры вели борьбу с русскими войсками. Кочевники-башкиры были хорошими воинами. К тому же борьба против русских на время объединила башкирскую бедноту и богатых старшин. Только в 1741 г. Башкирия была «замирена».

Восстание было подавлено с исключительной жестокостью. Часть башкирских земель отняли и передали другому народу (мещерякам), чтобы иметь в лице мещеряков надежных союзников для борьбы с башкирами. В Башкирии построили ряд крепостей. Запретили башкирам плавить металл и держать огнестрельное оружие.

Восстания Башкирии в 1755 г.

Несмотря на беспощадную расправу, башкиры снова поднялись в 1755 г. Вождь восстания, мулла Б а т ы р ш а, объясняя причины восстания, указывал на три новые «болячки» на спине башкирского народа. Первая «болячка» это то, что башкир силой заставляли принимать православие. Вторая — новые тяготы и поборы: ясак (дань) увеличили, в походы забирают, заставляют возить лес для постройки городов, доставлять лошадей для гоньбы (езды по казенной надобности). Третья «болячка» — запрещение башкирам самим добывать соль и введение обязательной покупки казенной соли (по цене 25 коп. за пуд). Третья «болячка» и послужила толчком к восстанию. Это был новый тяжелый денежный налог. Восстание быстро разрослось.

Башкир сначала поддержали киргизы. Батырша хотел объединить для борьбы всех уральских магометан. В своем воззвании он писал: «Всем верным (т. е. магометанам) в согласии с неверными россиянами не быть, городов им не строить, их на подводах наших не возить, ясака (дани) и фуража не давать, крепости и заводы строить не давать и в других службах не находиться».

Оренбургский губернатор (Оренбург был главным военным центром на Урале) сумел однако расколоть восставших. Он натравил киргизов на башкир, использовав для этого старую вражду между киргизами и башкирами из-за кочевий. Когда наиболее стойкая часть башкир, не желая позорной сдачи русским, бежала за Урал, русские власти послали киргизским ханам грамоту, в которой отдавали в рабство киргизам жен и детей бежавших башкир. Киргизы, начисто обобрав башкир, пригнали их на старые места. Тогда башкиры с разрешения русских властей предприняли ответный поход против киргизов и вырезали тысячи киргизов.

Так, натравливая один народ против другого, царское правительство сумело справиться и с башкирским восстанием. Но и после восстания Батырши угнетенные массы Башкирии попрежнему были готовы взяться за оружие, как только представится удобный случай. И только богатые баи (старшины), получившие от русского правительства ряд льгот, готовы были жить с ним в ладу.

§ 56. Пугачевщина на Урале.

Общие причины пугачевщины.

Рост крестьянских восстаний в центральных губерниях (только за одно десятилетие, с 1762 по 1772 г., было около 40 открытых восстаний), упорная борьба окраинного крестьянства, башкир и других народностей, непрерывные выступления горнозаводских крестьян, участившиеся в средине века, были предвестниками новой крестьянской войны, величайшей из русских крестьянских войн. Она была естественным ответом со стороны угнетенных масс на ту политику углубления и расширения крепостной эксплоатации, которую вели русские крепостники в XVIII в.

Войны с Турцией (1769—1774 гг.) и Польшей, при помощи которых правительство старалось найти путь для дальнейшего роста крепостного хозяйства, еще более обострили классовые противоречия в империи. Последствием войн были — усиленный набор рекрутов, рост налогов, сокращение внешнего вывоза и внутренней торговли.

Яицкие казаки.

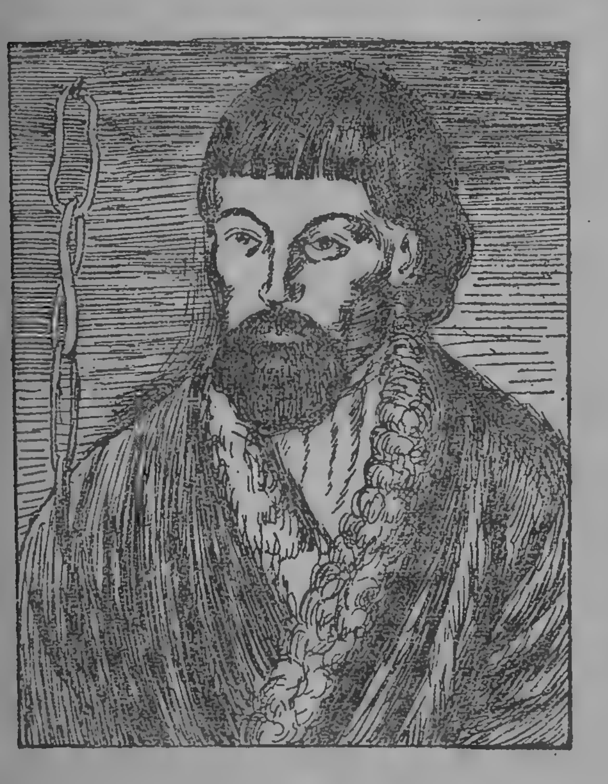
На Урале накопилось особенно много недовольных. «Процесс закрепощения, тянувшийся в земледельческой России с незапамятных времен, здесь начался и кончился на глазах у одного поколения; ко времени пугачевщины во многих местах могли быть живы люди, которые не только родились, но и выросли свободными черносошными [1] крестьянами» (Покровский). Для того чтобы огни отдельных восстаний слились в огромное пламя, нужна была сила, которая могла бы сорганизовать

[1] Государственными.

недовольных. Организаторами движения, как и во времена Разина, выступила казацкая голытьба, только не с Дона, а с Яика (Яиком тогда называли реку Урал).

Яицкие казаки жили в XVIII в. примерно так же, как донские в XVII в. Река доставляла им главные средства существования. В рабочих артелях казаков на Яике уже наметилось к XVIII в. расслоение.

Зажиточная верхушка — «старшинская сторона» — забирала в свои руки рыбные и соляные промыслы. «Старшину» всячески поддерживало правительство. Правительство хотело превратить казаков в послушную ему военную силу, которую можно использовать для борьбы с кочевниками прикаспийских степей. С этой целью оно различными подачками, чинами и жалованьем привлекало к себе «старшину».



Емельян Пугачев.

Вместо прежних выборных атаманов в средине XVIII в. на Яик стали назначать атаманов. Начальники эксплоатировали массу казаков при содействии «старшины».

Недовольная гнетом «старшины» и растущими требованиями правительства казацкая масса волновалась. Генерала, который приехал усмирять их, убили вместе с атаманом. Для подавления восстания были присланы новые войска. Зачинщики восстания были схвачены. Арестованными казаками набили все тюрьмы Оренбурга. Части казаков удалось, однако, укрыться в далеких хуторах глухой степи. Здесь и началась подготовка нового восстания.

Пугачев. Вождем восстания стал донской казак Емельян Пугачев. Это был человек малограмотный, но умный, решительный и бывалый. В течение ряда лет он много бродил по России (побывал даже на Кавказе и Польше), видел везде разорение и угнетение народа, не раз и сам сидел на цепи в тюрьме.

Чтобы легче поднять народ на восстание, Пугачев решил объявить себя чудесно спасшимся царем Петром Федоровичем. В то время Россией правила царица Екатерина II, защитница дворянских привилегий. Она вступила на престол, свергнув с него при помощи дворян-офицеров своего мужа — слабоумного Петра (1761—1762 г г.), который не угодил своей политикой дворянству.

Свергнутого Петра сослали в одно из имений возле Петербурга. Там он был убит сторонниками Екатерины. В народе, который ждал избавления от своей тяжелой жизни, скоро, однако, пошли слухи, что Петр жив. О Петре рассказывали, что он был сторонником крестьян (что было совершенно неверно), и потому его и свергли дворяне.

Эти слухи и решил использовать Пугачев, как незадолго до него это сделали солдаты Кремнев и Чернышев, засеченные за самозванство кнутом. И Пугачева, вероятно, ждала та же судьба, но он сумел бежать из казанской тюрьмы, куда его посадили за самозванство.

Начало восстания. На Яике, на одном из хуторов, где казаки готовились к восстанию, он «объявился» царем кучке казаков. По его рассказам, ему удалось спастись от государыни и господ, искавших его гибели. Он долгое время скрывался, а теперь решил открыться народу и поднять его против Екатерины. Не все казаки поверили всему этому, но охотно признали Пугачева вождем восстания.

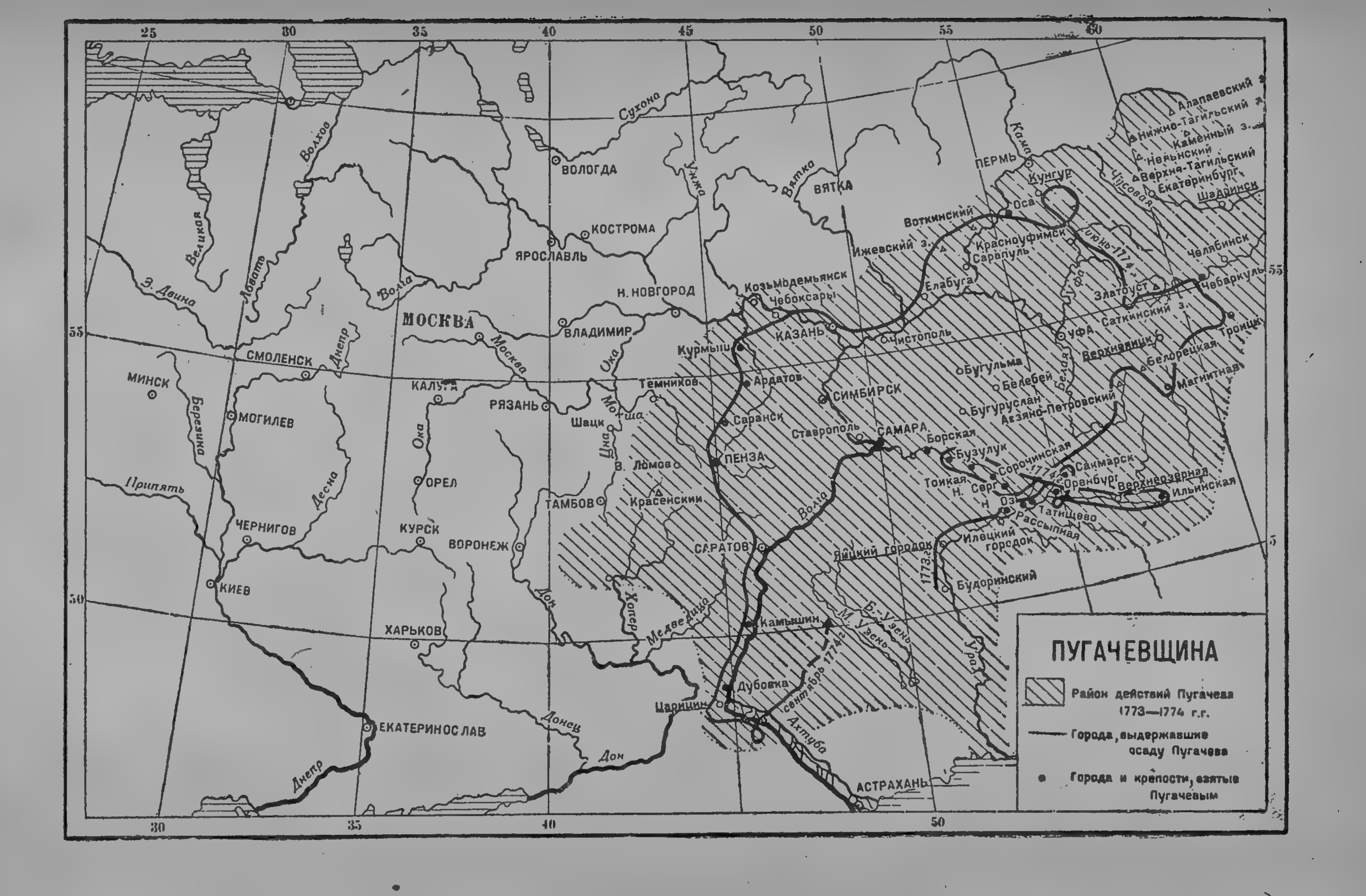
Осенью 1773 г. началось восстание. В манифесте своем от 17 сентября Пугачев писал:

«Самодержавного императора нашего, великого государя Петра Федоровича всероссийского. Как вы, други мои, прежним царям служили до капли своей до крови деды и отцы ваши, так и вы послужите за свое отечество мне, великому государю императору Петру Федоровичу. Будете мною, великим государем, жалованы — казаки, калмыки и татары. Жалую я вас рекою с вершин и до устья, и землею, и травами, и денежным жалованием, и свинцом, и порохом, и хлебным провиантом».

Силы Пугачева. Восстание необычайно быстро разрасталось и утрачивало характер узко казацкого движения. К нему присоединились киргизы и башкиры. А так как царским правительством было недовольно не только башкирское крестьянство, то вначале к восстанию примкнули и старшины башкирские и даже муллы. Присоединение башкир и киргизов в значительной степени увеличило силы Пугачева. Еще большее значение для восстания имело присоединение к нему массы горнозаводских рабочих. Крупнейшие уральские заводы восстали, не дожидаясь даже прихода Пугачева. Массы рабочих охотно присоединились к восстанию. Приписные крестьяне разбегались по деревням. Часть рабочих поступала в казаки и шла к Пугачеву. Другие помогали восстанию иным способом. В указе одному из заводов (Авзяно-петровскому) в октябре 1773 г. Пугачев писал: «Как деды и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли крови и исполните мое повеление. Исправьте вы мне, великому государю, две мортиры и с бомбами и в скором поспешении мне предоставьте». И на других заводах (например Белорецком) стали готовить пушки для восставших. В результате помощи горнозаводских крестьян артиллерия у восставших не уступала правительственной. И пользовались ею пугачевцы умело. При осаде Оренбурга они обстреливали его «наводным огнем» (что в то время еще не применялось).

Вожди движения. Восстание выдвинуло целый ряд энергичных руководителей. Кроме самого Пугачева выделялись казак Чика-Зарубин, молодой башкир Салават-Юлаев и особенно заводские рабочие Белобородов и Хлопуша. Белобородов, крепостной рабочий, самостоятельно, до прихода Пугачева, овладел рядом заводов и привел к Пугачеву большой отряд рабочих. Уральским же рабочим был и знаменитый Хлопуша. Он изведал ужасы и крепостной фабрики и каторги. За неоднократные побеги с заводов ему вырвали ноздри. В пугачевском движении он сыграл крупнейшую роль как руководитель движения рабочих. Он был «над заводскими крестьянами полковник».

Для общего руководства движением пугачевцы в самом начале восстания организовали «военную коллегию». Военная коллегия ве-


ПУГАЧЕВЩИНА
Район действий Пугачева 1773—1774 г.г.
Города, выдержавшие осаду Пугачева
Города и крепости, взятые Пугачевым
МОСКВА
ВОЛОГДА
КОСТРОМА
ЯРОСЛАВЛЬ
Н. НОВГОРОД
ВЛАДИМИР
ВЯТКА
ПЕРМЬ
Кунгур
Оса
Воткинский
Ижевский з.
Красноуфимск
Сарапуль
Елабуга
Козьмодемьянск
Чебоксары
КАЗАНЬ
Чистополь
Курмыш
Ардатов
СИМБИРСК
Темников
Саранск
ПЕНЗА
Ставрополь
САМАРА
Борская
Бузулук
Сорочинская
Тоцкая
Н. Серг
Оз
Оренбург
Сакмарск
Верхнеозерная
Ильинская
Татищево
Рассыпная
Илецкий городок
Яицкий городок
Будоринский
1773 г.
июнь 1774 г.
сентябрь 1774 г.
Бугульма
Белебей
Бугуруслан
Авзяно-Петровский
УФА
Сатнинский з.
Верхнеяицк
Белорецкая
Магнитная
Троицк
Чебаркуль
Челябинск
Златоуст
Шадринск
Екатеринбург
Верхне-Тагильский
Невьянский
Каменный з.
Нижне-Тагильский
Алапаевский з.
Чусовая
Кама
Белая
Урал
Б. Узень
М. Узень
САРАТОВ
Камышин
Дубовка
Царицын
Ахтуба
АСТРАХАНЬ
Волга
Медведица
Хопер
Красенский
В. Ломов
ТАМБОВ
Шацк
Цна
Мокша
Ока
РЯЗАНЬ
КАЛУГА
Москва
Вятка
Унжа
Сухона
ОРЕЛ
КУРСК
ВОРОНЕЖ
Дон
Донец
ХАРЬКОВ
ЕКАТЕРИНОСЛАВ
Днепр
КИЕВ
ЧЕРНИГОВ
МОГИЛЕВ
СМОЛЕНСК
МИНСК
Березина
Припять
Десна
З. Двина
Ловать
Великая
Волхов
25
30
35
40
45
50
55
60

дала и военными делами, и продовольствием, и судом, и организацией управления в захваченных областях. Это был главный штаб революционного движения. По многим сохранившимся документам времен пугачевщины видно, насколько энергично и умело действовала военная коллегия.

Программа пугачевцев. По мере того как движение разрасталось, расширялась и его программа. Манифесты и указы, выпускавшиеся один за другим пугачевским штабом, жаловали нерусские народности «землями, водами, лесами, рыбными ловлями, покосами, верою и законом их». Крестьянам они обещали вольность и освобождение от повинностей. Движение открыто направлялось против помещиков. Манифест 1 декабря предлагал «помещиков как сущих преступников закона и общего покоя, злодеев и противников против воли императорской лишать их всей жизни, т. е. казнить смертью, а дома и все их имение брать себе в награждение». Восстание принимало характер широкого массового движения против господствующего класса (дворян).

Успехи Пугачева. Сильный поддержкою масс, Пугачев вначале добился крупных успехов. Восставшие быстро захватили ряд крепостей на реке Урале. Высланный против них генерал (К а р), который легкомысленно надеялся на легкую победу и боялся только одного, как бы «враг не обратился в бег», потерпел поражение от пугачевцев и сам «обратился в бег».

Восстание широко разлилось по всему Заволжью. Оно перекинулось с реки Урала на Белую, Уфу и Каму. Главные силы под непосредственным руководством Пугачева осадили ненавистный для казаков Оренбург, где в тюрьмах сидело много участников казацкого восстания. Тем временем большой отряд восставших под командой Чики-Зарубина осадил Уфу.

Поражение пугачевцев весною 1774 г. Под Оренбургом и Уфой пугачевцы провели всю зиму. Однако им не удалось взять ни того, ни другого города. Между тем дворянское правительство использовало эти месяцы для того, чтобы перебросить на Урал значительные военные силы. Правительственные войска нанесли ряд поражений отдельным отрядам восставших.

В марте был разбит и захвачен в плен Чика-Зарубин. 22 марта под Татищевой крепостью потерпела большое поражение и главная армия Пугачева (состоявшая к тому времени из 8 тыс. человек с 36 тяжелыми орудиями). Были захвачены многие из вождей движения, в том числе и Хлопуша. Командовавший правительственными войсками считал, что мятежники окончательно разбиты, а о Пугачеве добавлял: «Надеяться надобно, что и сей изверг скоро пойман будет». Надежды эти, однако, не оправдались.

§ 57. Крестьянская война на Волге.

Взятие Казани. Разбитый на Урале, Пугачев бежал в Башкирию, оттуда двинулся к северу, где он рассчитывал получить поддержку у восставших крестьян и рабочих. Ему удалось сформировать здесь новую армию. Несмотря на ряд поражений, пугачевцы быстро продвигались по Камскому краю. Они

захватили ряд городов, взяли Воткинский и Ижевский заводы. В июле 1774 г. пугачевцы двинулись к Казани, которая была в то время крупнейшим административным центром всего Поволжья. Казанский посад был взят при поддержке городской бедноты и солдат. Небольшая кучка дворян спаслась за крепкими стенами казанского кремля.

Однако теснимый правительственными войсками, Пугачев через несколько дней должен был оставить Казань. 17 июля с 400—500 своих приверженцев он перешел через Волгу.

Пугачевщина в помещичьей России.

Край, в который вступал Пугачев, отличался от Заволжья. Здесь крепостное право уже сложилось давно. Здесь не было ни казачества, ни кочевников-башкир, ни горных заводов. Но здешние крепостные крестьяне не меньше, чем жители Заволжья, страдали от крепостных порядков. Много здесь было и угнетаемых народностей (татары, мордва, мари).

Все недовольные с жадностью прислушивались к тем призывам к борьбе, которые шли из штаба Пугачева. В манифесте к волжским крестьянам, выпущенном Пугачевым в конце июля, намечалась следующая программа борьбы:

«Божией милостью, мы, Петр III, император и самодержец всероссийский, жалуем своим именным указом, с монаршим и отеческим нашим милосердием, всем, находившимся прежде в крестьянстве и подданстве помещиков, быть верноподданными рабами собственной нашей короны и награждаем вольностью и свободою, вечно казаками, не требуя рекрутских наборов, подушных и прочих денежных податей, на владение землями, лесными, сенокосными угодьями, рыбными ловлями, соляными озерами без покупки и без оброку и освобождаем от всех прежде чинимых от злодеев-дворян, градских мздоимцев и судей крестьянам и всему народу налагаемых податей и отягощениев. Желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и потерпели от предписанных злодеев-дворян странствие и немалые бедствия.

А как ныне имя наше в России процветает, того ради повелеваем сим нашим именным указом: кои дворяне в своих поместьях и вотчинах находятся, оных противников нашей власти, возмутителей империи и разорителей крестьян, ловить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они чинили со своими крестьянами, по истреблении которых противников и злодеев-дворян всякий может восчувствовать тишину, спокойную жизнь, кои до века продолжаться будут».

Программа Пугачева отвечала в полной мере стремлениям крепостного крестьянства. Одной вести о приближении Пугачева было достаточно поэтому, чтобы крестьяне поднимались против своих помещиков, громили и жгли барские усадьбы, а самих господ убивали или везли к Пугачеву. Толпами шли крестьяне к Пугачеву. Его армия росла с неимоверной быстротой.

Через несколько дней после оставления Пугачевым Казани у него было в армии более 15 тыс. человек. Те, кому не удавалось пробиться к Пугачеву, организовывали свои отряды с своими крестьянскими вождями. В одном из них (отряде Иванова) было до 3 тыс. человек с 13 пушками.

Пугачевщина принимала особенно грозный для дворянского государства характер. Слухи о крестьянском царе быстро распространились по всей стране. Они докатились до самой Москвы. В страхе прислушивались дворяне к тем разговорам о «Петре Федоровиче», которые вели их слуги и московская «чернь».

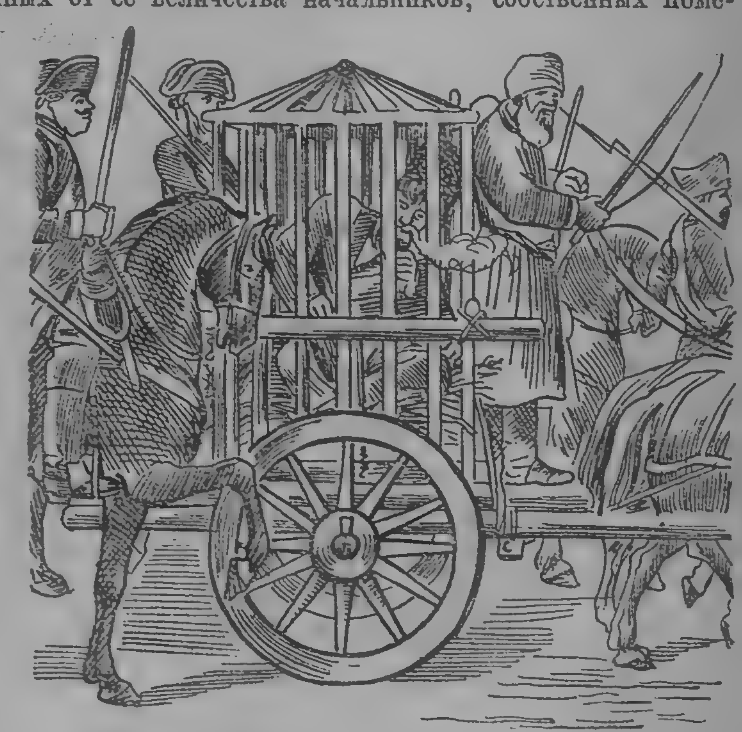
Поражение Пугачева.

Напуганное дворянское правительство напрягало все силы, чтобы справиться с пугачевщиной и не дать ей перекинуться в центр. Поспешили заключить мир с Турцией, с которой Россия вела войну в течение 4 лет. На борьбу против Пугачева были брошены огромные военные силы и лучшие генералы. Им удалось закрыть Пугачеву дорогу на Москву. Дойдя до Курмыша (по пути от Казани к Нижнему-Новгороду), он повернул на юг, преследуемый по пятам правительственными войсками. Отступая, Пугачев занимал один за другим волжские города, не встречая сопротивления. Городские низы с радостью встречали Пугачева, выходили к нему навстречу с хлебом-солью и обезоруживали городские власти. Однако у Пугачева не было времени, чтобы сорганизовать эти силы для борьбы. Правительственная армия наседала на него. 24 августа он был разбит под Черным Яром. С небольшой кучкой сторонников он бежал за Волгу. Здесь он был схвачен своими же сообщниками, рассчитывавшими путем предательства спасти себе жизнь, и выдан правительству.

Расправа с пугачевцами.

Началась жестокая расправа с участниками восстания. Карательные отряды рассыпались по всем местам, где были восстания. Руководивший усмирением граф Петр Панин давал следующие указания усмирителям:

«Во всех тех городах и селениях, в которых обыватели поднимали руки на убийство своих воевод, всяких поставленных от ее величества начальников, собственных помещиков и священников, и тех, как самих убийц, так и предателей, казнить смертию отрублением сперва руки и ноги, а потом головы и тела, класть на колеса у проезжих дорог. Всех без изъятия последователей за таковыми бунтовщиками сечь жестоко при виселице плетьми. Ради такой кары при всех тех селениях, которые бунтовали, поставить, и впредь до указу не велеть снимать, по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю для вешания за ребро».



Пугачев в клетке.

Жестоко расправились и с вождями восстания. Белобородова казнили в Москве. Салавата и его отца Юлая возили по заводам и башкирским деревням и везде били кнутом. Потом вырезали обоим ноздри.

Самого Пугачева в клетке отвезли в Москву.

Его приговорили к жестокой казни «четвертованием». 10 января 1775 г. Пугачев был казнен на Болоте (площадь в Москве). Много

дворян собралось на площадь полюбоваться казнью «страшного» Пугачева. Одна из помещиц, вспоминая о дне казни Пугачева, рассказывала: «Мы были счастливы, что карета наша стояла против самого места казни, и мы все подробно видели».

Пугачевщина как величайшая из русских крестьянских войн.

Как в разинщине, хмельничине и булавинщине, так и в пугачевщине основу движения составляла борьба закрепощенных и закрепощаемых масс против крепостничества, борьба за путь свободного производителя на свободной земле. Особенностями пугачевщины является, прежде всего, еще более широкое участие в крестьянской войне народов колоний.

Еще важнее другая черта — участие в движении заводских рабочих. Россия XVIII в. была страной с заметно выросшей, сравнительно с XVII в., крупной промышленностью. Участие заводских рабочих не только помогло пугачевцам вооружить армию, — рабочая масса выделила из своих рядов и крупнейших организаторов движения (например Белобородова).

Большая зрелость пугачевщины оказалась в ее хорошей организованности. Программа пугачевщины была яснее разработана, чем программа разинщины. Достаточно для этого сравнить «прелестные письма» разинцев с многочисленными манифестами, вышедшими из пугачевской коллегии. И в военном отношении армия восставших была организована лучше, чем в крестьянских войнах XVII в. (мобилизация, снабжение армии продовольствием и пр.).

Причины поражения пугачевщины.

Все же пугачевщина была разгромлена. В чем же причины поражения пугачевщины?

Вглядываясь в ход пугачевщины, мы должны отметить и в ней распыленность движения, присущую ранее изученным крестьянским войнам. Массы участников восстания ограничивались борьбой со своими ближайшими врагами. Казаки больше всего думали о борьбе со своими оренбургскими врагами. Башкиры хотели выгнать русских заводчиков со своей земли и о большем не думали: они не приняли, например, участия в походе на Волгу. Волжские крестьяне боролись со своими помещиками и редко шли дальше своего района.

Кроме крестьянской ограниченности были и другие причины, подтачивавшие силы пугачевщины, это — разногласия в лагере восставших между разными группами участников пугачевщины. Общая цель — разрушение крепостного порядка — забывалась, и выдвигались частные интересы отдельных групп. Башкиры, громя заводчиков, помещиков и попов, били в то же время и русских рабочих и крестьян. Поэтому союз между башкирами и горнозаводскими рабочими оказался непрочным.

Между киргизами и башкирами, между башкирами и калмыками продолжалась борьба из-за пастбищ. Да и среди самих башкир, киргизов и других народностей не могло быть единого фронта в борьбе против крепостников. Богатые казацкие старшины оказывались только временными попутчиками движения, готовыми пойти на соглашение с русскими крепостниками. Пугачевское движение раздиралось, таким образом, внутренними противоречиями.

Наконец, необходимо учесть, что, несмотря на поддержку уральских рабочих, армия Пугачева была хуже вооружена и хуже обучена, чем правительственная армия. Особенно это сказалось в последний период движения (на Волге). Волжский крестьянин ненавидел крепостной строй не менее, чем уральский крепостной рабочий или башкир, но он не так хорошо владел оружием, как башкир, и не умел лить пушек. Он дрался дубиной, цепом, топором.

Преодолеть ограниченность крестьянского движения не смогли и уральские рабочие. Нужно помнить, что рабочий XVIII в. не был настоящим пролетарием. Он не оторвался, как правило, еще от крестьянского хозяйства. Больше того: даже в том случае, когда он становился постоянным рабочим, он не был сознательным пролетарием, так как стремился снова вернуться к земле. Ограниченность крестьянского движения обнаружилась и в политической программе. Крепостническому государству оно противопоставляло идею крестьянского царя, а не лозунг уничтожения монархии.

Лишенная подлинного пролетарского руководства, пугачевщина не могла закончиться свержением крепостнических порядков. *Побеждая временно в отдельных местах, пугачевщина в целом терпела поражения.* Поражение пугачевщины еще раз подтверждает глубокую правильность мысли, не один раз подчеркнутой величайшими учителями марксизма, о невозможности для крестьянства победить без пролетарского руководства.

«Отдельные крестьянские восстания, даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. *Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели».* (*Сталин*, Беседа с немецким писателем *Эмилем Людвигом*.)

§ 58. Дворянская монархия второй половины XVIII в.

Реформы в управлении после пугачевщины.

Государственный военно-бюрократический аппарат, сложившийся в XVII и в начале XVIII в., был несколько расшатан борьбой разных групп дворянства во второй четверти XVIII в. За время с 1725 по 1762 г. на русском престоле перебывало семь государей. Из них четверо были возведены на престол прямым вмешательством гвардейских полков, а двое были ими свергнуты.

В эпоху дворянских переворотов отдельные группы дворян несколько раз пытались закрепить власть в своих руках, ограничив в пользу дворян царское самодержавие. Пугачевщина заставила дворянство отбросить мечты о дворянской конституции.

Для борьбы с «внутренним врагом» нужна была крепкая власть. Реформы Екатерины II, проведенные непосредственно после пугачевщины, и ставили себе задачей укрепить государственный аппарат для борьбы с крестьянством. Изданное в год подавления пугачевщины «Положение о губерниях» (1775 г.) делило страну вместо

прежних больших губерний (установленных при Петре I) на 50 губерний. В каждой губернии «для содержания порядка и тишины» помещался отряд пехоты и конницы. Дроблением губерний обеспечивалась быстрая помощь со стороны правительства помещику в случае крестьянских волнений. Была усилена и полиция в губерниях и уездах (губернии разделялись на уезды).

Военно-полицейский аппарат возглавлялся самодержцем всероссийским или его «временщиком» (после пугачевщины таким временщиком стал фаворит Екатерины П о т е м к и н). Перед временщиком раболепствовала даже высшая знать.

На утренний выход фаворита стекалась огромная толпа просителей и придворных всякого рода, рассчитывавших получить из его рук какую-либо подачку. «Самые знатные люди, в том числе губернаторы и наместники, в полной парадной форме и во всех орденах съезжались за сотни верст навстречу проезжавшему Потемкину, а он сплошь и рядом не удостаивал даже выйти из своего крытого возка, где спал или читал, так что собравшейся высокопоставленной публике оставалось только раскланиваться с лакеями и лошадьми князя» (П о к р о в с к и й).





Щеголиха и щеголь.

Дворянские привилегии.

Всемогущая императрица служила российскому дворянству и его союзнику — крупному купечеству. Дворянству нужна была сильная власть, и оно сплотилось вокруг престола. Дворянской сущности своей политики русские государи XVIII в. даже не скрывали. В разгар пугачевщины Екатерина объявила себя «казанской помещицей» и приняла участие в организации от казанского дворянства военных сил для подавления крестьянской войны. Ряд законов, проведенных в течение XVIII в., увеличил дворянские привилегии. Через 10 лет после пугачевщины Екатерина издала «Жалованную грамоту дворянству», в которой были перечислены все дворянские преимущества.

Вот важнейшие положения этой грамоты:

«Дворянин сообщает детям своим благородное дворянское достоинство наследственно. Без суда да не лишится благородный дворянского достоинства.

Без суда да не лишится благородный жизни.
Без суда да не лишится благородный имения.
Да не судится благородный окромя с себе равными.
Телесное наказание да не коснется благородного.
Подтверждаем на вечные времена в потомственные роды российскому благородному дворянству вольность и свободу.
Благородным подтверждается право покупать деревни.
Благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням.
Благородным дозволяется в вотчинах их заводить торги и ярмарки.
Благородным дозволяется оптом продавать или из указанных гаваней за моря отпускать товар, какой у них родится или выделан будет.
Благородный самолично изъемлется от личных податей.
Нашим верноподданным дворянам жалуем дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество».

Господствующее «благородное» сословие выделялось и в быту от прочего населения. Дворянин одевался иначе, чем другие, носил шпагу. Только дворянину разрешалось выезжать в карете. Дворянские дети учились в особых дворянских сословных учебных заведениях (кадетских корпусах и институтах «для благородных девиц»).

Дворянство, сложившееся в XVIII в. в привилегированное сословие, являлось действительным хозяином страны.

Внешняя политика дворянской монархии XVIII в.

Непосредственно продолжая внутреннюю политику предшествующей эпохи, дворянское самодержавие конца XVIII в. и в вопросах внешней политики шло по прежнему пути.

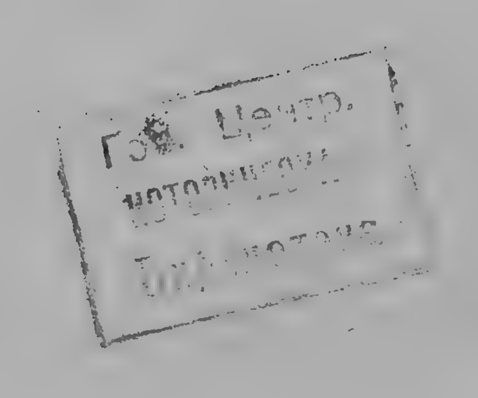
Захват новых земель и торговых путей, облегчавших вывоз товаров, оставался основной задачей этой политики. Крупнейшим успехом русских крепостников в конце XVIII в. был захват большей части Польши. Еще большее значение имел захват Черноморского побережья после ряда длительных войн с турками. Через черноморские порты открывалась дорога на иностранный рынок для русской пшеницы, которая с конца XVIII в. становится важнейшим продуктом русской экспортной торговли.

Увлеченная победами над турками, Екатерина II начала мечтать о полном захвате Турции. Константинополь уже с конца XVIII в. стал заветной мечтой русских помещиков, вывозивших пшеницу.

Неизбежность разложения крепостничества.

Успехи внешней политики, захваты на западе, юге и востоке тормозили начавшийся процесс разложения крепостного хозяйства. Тем не менее после пугачевщины он идет более быстрым темпом. В конце XVIII в. и в начале XIX в. в недрах русского крепостничества усиливаются ростки капитализма.

Разложение феодализма в России ускорилось и под влиянием крупнейших переворотов, совершившихся в Западной Европе в конце XVIII в. Во время пугачевщины в передовой Англии начался промышленный переворот. А немногим позднее во Франции разразилась величайшая буржуазная революция. В то время как русское дворянство, разгромив крестьянские движения, закрепляло свое господствующее положение, во Франции революция уже ломала королевские дворцы и уничтожала привилегии французского дворянства.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I.

Происхождение феодализма в Западной Европе.

Глава II.

Феодальный строй в Западной Европе (IX—XI вв.).

Глава III.

Феодальный город.

Глава IV.

Развитие феодальной торговли.

Глава V.

Крестьянские восстания в XIV в.

Глава VI.

Классовая борьба в городах.

Глава VII.

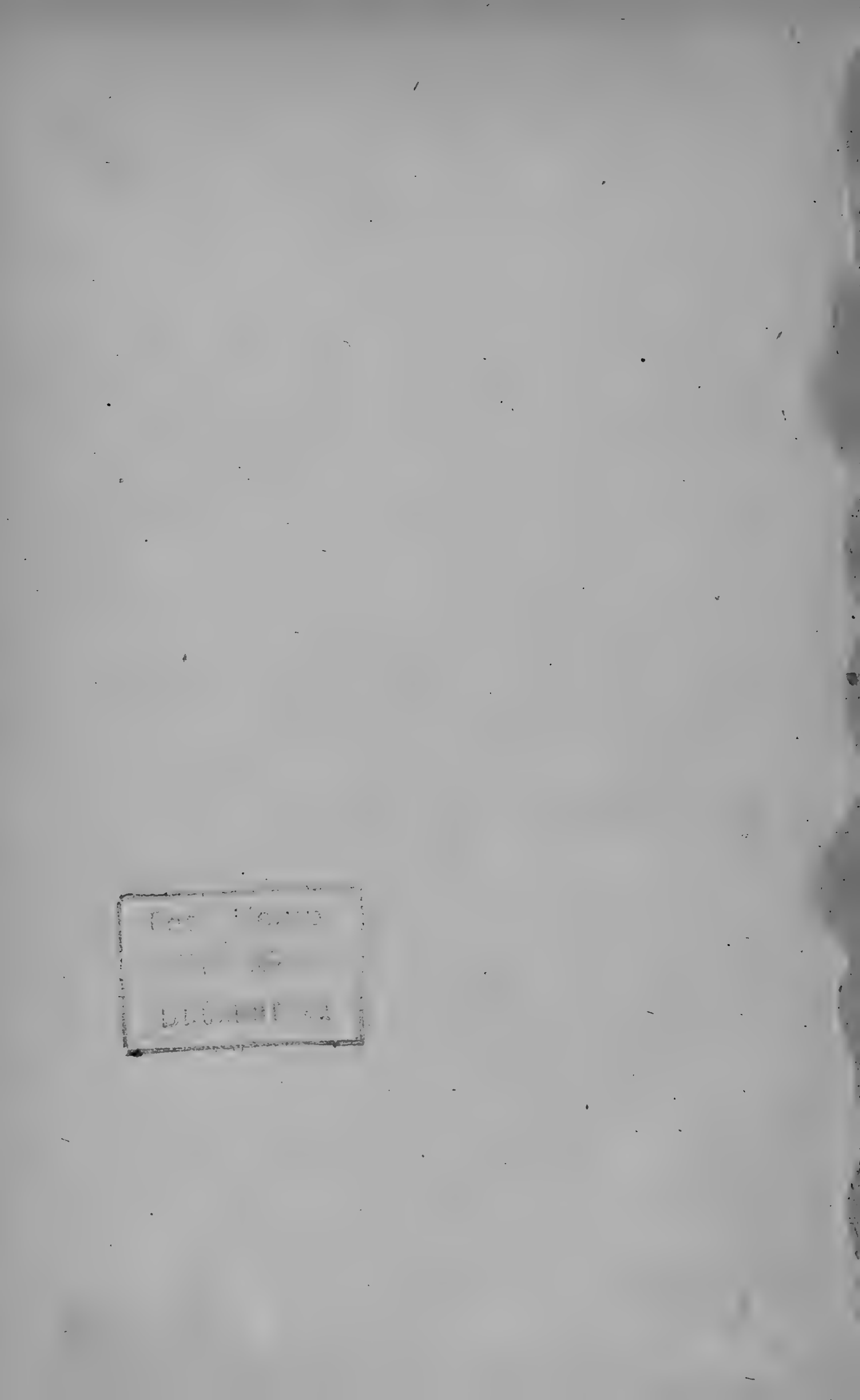
Образование сословных монархий.

Глава XVII.

Рост классовых противоречий в Московском государстве и борьба крестьян в XVII в.

Глава XVIII.

Образование Российской империи и крестьянские войны в XVIII в.



На стр. 49, 94, 171, подчеркнуто чернилами.

Н. Колосов

26/X-38 г.

Стр. все

23/VIII-48 г.

Подо[illegible]

